

№ 6(58). 2023

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство
Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ»

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Памятная медаль
«ПОЭТ И ВОИН
ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ
(1923–1996)», 2023 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Декабрь 2023 № 6(58)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +79118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – член правления Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Василий Киляков – член Союза писателей России
Римма Лютая – прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Светлана Савицкая – член Союза писателей России, учредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Сухейль Фарах – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.
Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 15 декабря 2023 года. Тираж: по востребованности. Заказ № 2177.
Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега юбилеев

Поздравления с 10-летием журнала «Берега»	5
---	---

Берега актуальности

Александр Сидоров. Сохранение родного русского языка в Австралии. <i>Краткий исторический очерк</i>	9
Александр Трубецкой. Укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей – залог единства российских соотечественников. Речь на Конгрессе Соотечественников 1 ноября 2023. О гонении на Русскую Православную Церковь	14
Галина Хэндус. Гитлер и геноцид славян	18
Виктор Аксючиц. Из книги «Опыт самоосознания»	23

Проза

Александр Чумиков. Записки Профессионала. 2008–2024. <i>Часть I. Начало. Продолжение в следующем номере</i>	27
Валерий Герланец. Благословенный. <i>Историческая повесть. Продолжение. Начало в № 5(57)-2023, окончание в следующем номере</i>	44
Галина Капецкая. Террариум на сцене жизни. <i>Зарисовки</i>	60
Сергей Воробьёв. Абхазский алгоритм. <i>Взгляд со стороны</i>	68
Юрий Богомолов. Пуговица. <i>Рассказ</i>	73
Валерий Хайрюзов. Удав заглотил. <i>Рассказ</i>	79

Поэзия

Сергей Антипов. Голос. <i>Стихи</i>	95
Сергей Берсенева. Прямые дороги. <i>Стихи</i>	98
Яков Шафран. Родился я с русской душой... <i>Стихи</i>	101
Анатолий Андреев. «Грешным творцам не грешно говорить о спасенье...» <i>Стихи</i>	104
Дмитрий Филиппенко. В парке. <i>Стихи</i>	107
Татьяна Ярышкина. Очки. <i>Стихи</i>	111
Валерий Куликов. Обычная история. <i>Стихи.</i> Вступительное слово Елены Шевкопляс	113
Маргарита Графова. Ода. <i>Стихи</i>	117

Поэтическая седмица

Лариса Бухвалова. Седое сено. <i>Стихи.</i> Вступительное слово Елены Крюковой «Жизнь, смерть, воскресение, чудо»	119
--	-----

Липецкие берега

Елена Николаенко. «Уходящий август дышит осенью...» <i>Стихи</i>	122
Олег Шухарт. Сердцебиение. <i>Стихи</i>	124

Рижские берега

Наталья Бельская. «Бежит моя дорога скатертью...» <i>Стихи</i>	126
Алёна Митина. Стихо-ТВОРЕНИЕ. <i>Стихи</i>	128

Берега Новороссии

- Андрей Чернов.** «Эти русские» Елены Заславской: вневременные смыслы Родины 130

Берега Янтарного края

- Лидия Довыденко.** Водный путь вокруг планеты в одиночку. Калининградский кругосветчик Владимир Маратаев 133

Берега искусства и культуры

- Оксана Карнович.** Майя Плисецкая и Большой театр 139
Никола Р. Казански. Мерлин русского художества в изгнании. К 80-летию Джона Эллиса (Елисеевича) Боулта 147
Елена Лебедева. Фёдор Шалапин и события, соприкасающиеся с ним, в современном мире 150

Берега прочтения

- Лидия Довыденко.** На языке отцов и дедов. Диптих (О книгах Михаила Позднякова «Голос» и Игоря Григорьева «Русский урок» 154
Сергей Пылёв. Трёхкнижие Лидии Довыденко 162
Эяна Суодене. Аксиологический концепт журнала «Берега». Отклик на журнал «Берега» 5-2023 166
Валерий Старжинский. Как достичь изящной монументальности в строительстве храма духовности. Опыт философского осмысления аналитики произведений журнала «Берега» № 2-2023 Еленой Крюковой 175
Людмила Воробьёва. Последний этого века... Народное слово в поэзии В. Кострова 180
«Я сын – небесного народа». Русь языческая и Русь христианская в поэзии А. Орлова ... 185

Мировое поэтическое движение

- Фернандо Рендон.** Сплочённость мирового культурного движения за мир и сохранение жизни на планете 192
Вадим Терёхин. Россия – Латинская Америка. Диалог литератур! 195

Наши друзья

- О приобретении и подписке на журнал 196

Берега юбилеев

Дорогие друзья!

1 ноября 2023 года исполнилось 10 лет со дня выхода

1-го номера журнала «Берега»-Калининград

Благодарим наших авторов и читателей за верность журналу, который с первого номера был назван «Территорией нравственности» и несёт эту миссию до сегодняшнего дня, благодарим за память и внимание, за прекрасные поздравления

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – болгарский, американский и российский геолог, банкир и коллекционер, собиратель театрално-декорационного русского искусства первой трети XX века, потомственный аристократ, автор ряда книг, посвящённых истории Рюриковичей:

Дорогая Лидия Владимировна! Благодаря Вашему журналу в течение целого десятилетия читатели могли прочитать тексты моих предков. Узнать их яркую, но тяжёлую судьбу на фоне общественных катаклизмов, когда рушились устои традиционной России. Вы уделяете большое внимание историческим документам и умеете их публиковать, с комментариями, иллюстративными материалами, критическими замечаниями. Я благодарен и за то, что в Вашем журнале получил трибуну для того, чтобы рассуждать, приводить свою точку зрения на общественные события, доказывать свою правоту и приводить те обоснования, которые считал нужным. И ещё я благодарен за искренние отклики читателей. Не могу не вспомнить сегодня, что мои соратники, сподвижники, думающие так же, как и я, получили возможность высказываться на страницах Вашего журнала. От всего сердца желаю Вам, Лидия Владимировна, чтобы Ваш профессиональный, высокого уровня журнал всегда держал такую планку, как сегодня! Это обеспечит Вам неизменный приток читателей, которые неравнодушны к истории России, к судьбам своих соотечественников, рассеянных по всему миру, но сердце оставивших в Отечестве. А Вам лично желаю новых интересных исследований, новых публикаций, которые непременно послужат восстановлению тех страниц российской истории, которые ещё недостаточно известны российской публике. Благодарен Вам за неустанный, никогда не прекращающийся труд!

Анатолий Байбородин – прозаик, редактор, лауреат Большой литературной премии России (2007). Член Союза писателей СССР (1986). Член Союза писателей России. Член редколлегии – журналов «Сибирь» (Иркутск) и «Сибирские огни» (Новосибирск), исполнительный редактор альманаха «Иркутский Кремль» (Иркутск): Велика роль литературных журналов в писательской судьбе, ибо читательский мир узнаёт о новых произведениях прозы, поэзии, публицистики, критики из журнальных публикаций. Книга может выйти позже, и дойдёт ли до читателя, а произведение, прошедшее суровый журнальный отбор, уже заслуживает читательское внимание. Если произведения молодого, ещё зелёного сочинителя увидели свет в авторитетном издании, что подобен журналу «Берега», то сего автора уже величают состоявшимся писателем.

Ныне лишь избранный сочинитель, даже истинно даровитый, может издать книгу прозы либо поэзии, а посему спасает горемычного журнал, где читатель и знакомится с его произведениями. К сему же благодаря журналу писатель видит своё сочинение со стороны и либо восклицает в душе: «Я ли се вообразил и запечатлел?! Ай да Пушкин, ай да молодец», либо хватается за голову, узрев огрехи, и потом доводит сочинение до ума и доброго духа. Я говорил это, будучи главным редактором журнала «Сибирь», и сейчас повторяю, поздравляя журнал «Берега» со славным юбилеем.

Любуясь хоромной избой, рубленой на века, мы видим домовитого хозяина избы, что в щедром воображении узрел грядущую хоромину, любовно и мудро изукрашенную резными оберегами – полотенцами, причелинами и подзорами, наличниками и крыльцами, словно крыльями. А, узрев же избынную лепоту, порыскал по губернии, изыскал искусных древодельцев, кои мастерски и вдохновенно воплотили вообразённое, и красовалась изба, словно древняя и вечная ладья, плывущая встречать утреннему солнцу.

Вот так и, вообразив грядущее издание, даровитый редактор литературного журнала изыскивает по матушке-Руси талантливых писателей, кои бы на журнальных страницах воплотили редакторские идеи. А если редактор щедро одарён в прозе ли, в публицистике либо в литературной критике, то и в журнале увидят свет талантливые произведения. Такова Лидия Довыденко, главный редактор журнала «Берега», автор многих книг, среди коих три, подробно и похвально описанные Сергеем Пылёвым в статье «Трёхкнижие Лидии Довыденко».

«Теперь не важно: возник сразу же или со временем сложился у Лидии Довыденко замысел литературно-философского триптиха, какой сегодня составил из её нескольких книг, – размышляет автор статьи. – ... Трёхкнижие Лидии Довыденко сегодня – факт состоявшийся: “Жертвенное сияние современной русской мысли”, 2019 год выпуска, “Русская мысль и человечество” – 2021-й, “Думы по-русски” – нынешний 2023-й. <...> Трудно удержаться, чтобы не перечислить названия хотя бы некоторых очерков первой книги. Итак: “Для духа поражений нет”, “Спас-на-любви”, “Мой светлый горячий Донбасс”, “Слово о родной деревне”, “Милость сердца”, “Метафизика Александра Проханова”, “Выбирая «общерусскую соборность»” – и так далее. <...> “Кто возьмёт человечество на ладони любви?” – мудро вопрошает Лидия Довыденко и подводит читателя к мысли философа И. Ильина о том, что “духовная рана современной культуры – утрата священного”. <...> [В трёхкнижье] Лидии Довыденко... обретает всемирность действенная и светлая идея, исходящая из вселенской любви к людям».

Но вернёмся к детищу Лидии Довыденко, к журналу «Берега», что ныне – истинно русское народное издание, ибо Лидия Владимировна, представляя нынешнюю *русскую* литературу, отбирала для публикации произведения по степени их *русской народности*. А согласно выводам Пушкина, Гоголя, Лескова, Достоевского: *народность* в русском искусстве – любовь к родному русскому народу, любовь восхитительная и сострадательная, выраженная в силу художественного дарования образным народным слогом.

Не единожды толковал и ныне повторяю: трагедия постсоветской российской литературы, да и всего искусства в том, что сбесившиеся властители дум на кровавом закате прошлого века «освободили» искусство от высокого нравственного критерия, именуемого *народность*, и тогда искусство рухнуло в дьявольскую бездну. Но слава богу, что ныне писатели, в ком живёт и ярко светит русский дух, и редакторы, подобные Лидии Довыденко, воскрешают понятие *народности* в литературе.

...речено не всуе и не ради красного словца...

Сподобился я многогрешный некие свои сочинения опубликовать в журнале Лидии Довыденко, которую люблю, высоко ценю, с которой обменивались письмами. Помнится, писал Лидии Владимировне: «В писательском немирном мире, даже и слегка “русском”, изъеденном ревностью, честолюбием, премиальными страстями с кумовством Ваше эдакое поклонное отношение к творчеству собрата – явление высокой, истинно русской души. Вы в мире искусства, кишашего искусами, ревностями, завистями, оберегли душу, редкостно способную радоваться всякому славному *русскому* сочинению, ибо талантливое произведение – не призрак, но явный признак талантливости родного русского народа. А посему Ваш журнал “Берега” с доброй славой и шествует по России, засевая в читательские души любовь Богу и ближнему».

Ноябрь, 2023 год

Сергей Пылёв – прозаик, заведующим отделом прозы воронежского литературно-художественного журнала «Подъём», автор десятков книг, по итогам международного конкурса «Национальная литературная премия «Золотое перо Руси – 2021» награждён медалью «М. В. Ломоносов. За заслуги. Слава русскому народу», дипломант XII Международного литературного конкурса «Золотой Витязь» в номинации «Дорога к храму»; Зоя Колесникова – член Союза писателей России, член правления Воронежского регионального отделения «Союз писателей России», директор Воронежского регионального отделения «Общероссийское Литературное сообщество», автор восьми книг стихотворений: Дорогая Лидия Владимировна! Дорогие члены редколлегии, авторы журнала «Берега» и его многочисленные читатели! Кажется, только вчера мы держали в руках первый номер журнала «Берега», а ныне этому замечательному изданию, не знающему равных себе, уже значимые 10 лет! Зрелый и перспективный возраст! Позади трудности роста,

впереди – темы, которых обострённо ждёт читатель России и многих других стран. Неспроста Калининград – как город-колокол на храме нашей великой России! Так и в духовной Вселенной журнал «Берега» есть реальная и многозначная верховная ипостась, окормляющая читателей, жаждущих высокого и вечного. Журнал «Берега» есть реальное и спасительное прибежище для всех, кому не по душе либеральное болото и масонское мракобесие. Так будем всегда и во всём стремиться по волнам высокой литературы к нашим бескрайним «Берегам» душой и сердцем! Поздравляем всех, кто сердцем верен небесно светлому журналу «Берега»!

Сергей Пылёв, Зоя Колесникова (Воронеж)

Елена Крюкова – член Союза писателей России. Член Творческого Союза художников России. Поэт, прозаик. Лауреат и дипломант Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» («Старые фотографии», 2014, «Иерусалим», 2021, «Иркутский рынок», 2022, «Лазарет», 2023), премии им. И. А. Гончарова («Беллона», 2015), им. С. Т. Аксакова («Хоспис», 2019), им. Н. Н. Благова («Вера», 2021) и других литературных премий:

Дорогой моему сердцу журнал «Берега»! Дорогая, милая Лидия Владимировна, Светлый Дух нашей родной, высокой Русской литературы! Поздравляю с юбилеем «Берегов» – это огромной важности событие внутри нынешней русской культуры! Живоносный огонь. Красота, мудрость, мощь и энергия Русского Слова. Вектор любви. Вес доброй силы. Радость открытия. Широта горизонтов. Всё это – журнал «Берега», наша культурная драгоценность, современный сияющий самоцвет культуры, литературное Солнце, дарящее свои лучи русскому читателю и в нашей любимой матушке-России, и во всем Мire. Журнал одушевляет, рождает, лепит-создаёт, благословляет сама Лидия Владимировна Довыденко, излучающая свет: она дирижёр мощного оркестра, капитан корабля, плывущего далеко в Пространство-Время. Дай Бог! Бог помощь «Берегам» всегда и во всём! Сердечно обнимаю дорогую, золотую Лидию и всех наших авторов!

Василий Киляков – лауреат Всероссийских литературных премий: «Традиция» (1996), им. Б. Н. Полевого (1996), премии «Умное сердце» (2010), премии «Дойче Велле» (Берлин, 1992) и др. Обладатель «Бронзового Витязя» (2019) Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского Совета РПЦ (2019). Член Союза писателей России:

Всех нас поздравляю с Берегами! Как у классика: «Мою любовь, широкую, как море, вместить не могут жизни берега!» Спасибо Вам за Ваш вдохновенный труд. Вы создаёте на деле, а не сотрясаете воздух, как многие в наше непростое время. И цветут «Берега» вокруг моря внешней жизни, моря, которое дышит! Спасибо за ссылку со всеми нашими изданиями. Среди таких имён, которые составляют круг авторов и редколлегии почётно печататься!

Людмила Рябенко-Зонн – литературный обозреватель РО МАПП, председатель Русского собрания Литвы: Глубокоуважаемая Лидия Владимировна! Примите сердечные поздравления с выходом в свет 5-го номера журнала «Берега», с 10-летним юбилеем журнала, юным, но многообещающим!

Жгучая актуальность поднимаемых проблем, оригинальность их жанрового воплощения, сама необычность формата, рождаемая общим замыслом и задачами журнала, обеспечат и впредь, мы в том глубоко уверены, востребованность широкой публики в той духовной энергии, которую Вы несёте! Многая лета Вам, всему коллективу и авторам «Берегов»!

Эяна Суодене – поэт, публицист, доктор гуманитарных наук, автор 15 книг:

Дорогая, драгоценная Лидия! Бывают люди, соразмерные эпохе, и вызовы времени, способные направить в надлежащее русло.

Есть времена, требующие для созидания жизни людей, способных чувствовать и направлять энергетические потоки.

Именно на Вашу долю выпала, дорогая Лидия, эта миссия.

Своей энергией вы скрепляли духовное тонкое тело Отчизны.

Ещё в «Голубиной / глубинной книге» есть образ рек, берущих начало в Горнем.

Журнал «Берега» сохраняет русло подобных рек, несущих свои мыслечувственные потоки к Океану вечного света, предоставляя свои страницы для русских поэтов, писателей, мыслителей, чтобы коллективным мыслящим сердцем мы могли определить свою самость, выявить вектор развития и сохранности.

«Творчество утоляет онтологический голод», – прочла недавно.

Ваш журнал способен духовный голод утолять.

Разве это не прекрасно?

С праздником!

Поздравляю Вас, Ваш творческий коллектив, всех авторов и читателей Вашего журнала.

Многая лета!

Иван Кунцевич – поэт, член Международной академии русской словесности (Австралия):

Зима, весна, лето, осень – быстро, искромётно пролетают сезоны жизни, жизни литературной, связанной неразрывно с берегами мечты, надежды и вдохновенного творчества. День за днём, год за годом пролетело десять лет напряжённой творческой работы редакционного совета журнала во главе с главным редактором Лидией Владимировной Довыденко. На столе читателя сейчас, как всегда объёмный и красочный, юбилейный 5(57)-2023 номер литературно-художественного и общественно-политического журнала Союза писателей России «Берега».

Бесконечный ежедневный труд, энергия, эмоции и нервы, аура души создателя журнала заложены в основу его и пропитаны ими каждая страница в журнале от корки до корки. Этот титанический и невидимый для многих труд мне особенно заметен и понятен, как никому другому из читателей, так как и у нас в Латвии, так совпало по воле случая, что Литературной странице «Поэтический перекрёсток» в журнале «Корни» Латвийско-Российской Ассоциации сотрудничества осенью (в ноябре месяце) тоже исполняется десять лет.

Журнал «Берега» – это прежде всего берега необъятной России, берега ближнего и дальнего зарубежья. Знают и читают журнал и на другой половине земного шара, а конкретно – в Австралии, в Международной Академии Русской Словесности! Журнал объединяет континенты, развивает и продвигает русскую литературу, язык и русское видение жизни. Журнал учит добру, чуткости, состраданию, благородству, вере и подвигу. Сегодня журнал «Берега» по праву стал ведущим журналом России, воспитывающим и охватывающим все области духа и морали современного человека. Все новые веянья жизни, в том числе литературные, всегда можно найти на страницах журнала в произведениях его авторов – писателей и поэтов, философов и историков, фотографов и художников, эссеистов и очеркистов – всех не перечислить, таланты, как сама жизнь, многообразны и неисчерпаемы.

Здесь, на страницах журнала, хочу от всей души поздравить людей, причастных к существованию его и выпуску, подбору и наполнению волнами литературных произведений единых «Берегов» России, берегов неустанного творчества и жертвенного сияния современной русской мысли!

Всех «Берегов» не перечесть,
Не охватить, когда б ни вышли,
Но «Берега» России есть,
В которых жизни нашей мысли.

Есть «Берега» – одни на всех,
Без скидок всяких и дроблений, –
Не для нечаянных утех, –
А для божественных прозрений!

Берега актуальности

Александр Сидоров

Президент Международной академии русской словесности в Австралии, председатель Австралийского отделения Союза писателей России, доктор филологических наук. Публиковался в «Литературной газете», в журналах «Юность», «Австралиада» (Австралия), «Жемчужина» (Австралия). Член ЛИТО города Фрязино (Московская область), «Жемчужное Слово» (Австралия). Автор пяти книг на русском языке: «Библейские мотивы», «Колокол моей жизни» (сборник стихов), «Литературные портреты», «В. Г. Белинский», «Встречался ли Достоевский с Гоголем?..»; автор более 140 статей по истории русской литературы XIX века. Почётный писатель Московии. Награды: орден Красной Звезды, медаль «За отвагу», медаль имени И. А. Бунина (за литературные заслуги), орден «В. В. Маяковский» (за литературные заслуги), орден «Святой Анны» (за литературные заслуги). Финалист Московской литературной премии – 2019 в номинации «Публицистика». Номинант литературной премии мира в номинации «Поэзия» (2018). Участник Московской международной книжной выставки-ярмарки – 2020. Лауреат Международной литературной премии мира в номинации «Поэзия» (2020, 2021).

СОХРАНЕНИЕ РОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В АВСТРАЛИИ

Краткий исторический очерк

В XIX веке, до первой половины XX столетия, среднее и высшее образование в Австралии являли собой «провинциальную» версию английской методики преподавания в школах и вузах. Школьные и университетские программы носили традиционный для Англии характер. Это прежде всего касалось гуманитарных предметов и филологических наук, в частности истории, литературы, культурологии и, конечно, специального обучения учащихся различным иностранным языкам. Долгое время им преподавали только английскую историю. Что касается языков, можно было изучать на выбор французский, английский, немецкий и латынь. Австралийская образовательная система вообще как бы «не замечала» существования собственной австралийской литературы. Кроме того, при приёме на работу предпочтение отдавалось тем специалистам, кто получал высшее образование в Англии, особенно в Оксфорде или Кембридже. Многие выпускники австралийских университетов, получив звание «бакалавра», уезжали в Англию для защиты диссертаций на степень «магистра» или «доктора философии». После завершения Второй мировой войны и победы советской армии над фашизмом во всём мире вырос интерес к русской культуре. В силу исторических и политических причин с новой эмиграционной волной из Европы, и особенно из Китая, в разных странах увеличилось число русскоязычного населения – выходцев и потомков Российской империи. Это были, как правило, широко и разносторонне образованные люди, бережно сохраняющие свою национальную культуру, историю, литературу и родной язык. В связи с прибытием в Австралию эмигрантов из разных стран, затем с отменой запрета на азиатскую эмиграцию и, наконец, из-за политики «мультикультурализма» кругозор австралийских академических и правительственных кругов значительно расширился. В школах кроме традиционного австралийского английского стали преподавать испанский, греческий, китайский и другие европейские и азиатские языки. В университетах открылись отделения и кафедры, на которых изучают языки, литературу, историю, культуру, философию и политэкономии народов разных стран мира. С русским языком дело обстояло иначе. Многие зависело от дипломатических отношений Англии и Австралии с Советским Союзом! После Октябрьского переворота в 1917 году последний русский консул А. Н. Абаза ушёл в отставку и покинул Австралию. Один из российских революционеров Пётр Симонов объявил себя советским консулом (1918–1921), но не был признан австралийским правительством и, как и другие «красные бунтари», вернулся в Советскую Россию.

Дипломатические отношения с СССР установлены не были. С 1923 года и до Второй мировой войны в Австралию ехали представители первой (послереволюционной) волны русских эмигрантов, которые стали организовывать православные общины, строить храмы, открывать русские клубы, ставшие центрами просвещения и общения соотечественников, при храмах открывались церковно-приходские школы, где детей обучали русскому языку, учили читать и писать. В течение этого периода Австралию посетили знаменитые русские артисты-эмигранты, среди них Фёдор Шаляпин, Сергей Жаров, А. Сержинский и другие. Благодаря труппе Анны Павловой, принявшей австралийское гражданство после революции, русское искусство балета начиная с середины 20-х годов и до сих пор является гордостью и национальным достоянием классической мировой балетной школы в Австралии.

Знакомство с коренной русской интеллигенцией и высокодуховной культурой старой России не могло не возбудить интереса общества к изучению русского языка. При Сиднейском, Мельбурнском и Квинслендском университетах в 30-х годах предлагались курсы русского языка, но они носили неформальный характер. К тому времени русский язык не входил в число предметов, необходимых для получения диплома. Преподавателями на этих курсах обычно были «кто-нибудь из белых эмигрантов», программа ограничивалась ознакомлением с основами русского языка. Студентов было мало. Например, на курсах при Мельбурнском университете в 1937–1938 годах было только два студента, один из них – поэт Роберт Моррисон, впоследствии ставший знаменитым переводчиком русской поэзии на английский язык.

В 1942 году Австралия впервые установила дипломатические отношения с СССР, причём инициатива обмена дипломатами принадлежала австралийской стороне. Переговоры велись доктором Эваттом (Австралия) и В. М. Молотовым (СССР). Австралийцы со вниманием и уважением отнеслись к героическим усилиям своих союзников в войне против Германии, и, возможно, в результате этого в Мельбурнском университете с 1946-го и в Канберрском университетском колледже с 1951 года началось серьёзное изучение русского языка. Помогли и статьи австралийских интеллектуалов. Так, например, Роберт Моррисон в 1945 году писал: *«...на русском языке говорит 175 миллионов человек, и, возможно, в будущем русский станет “вторым языком” вместо французского... Мы должны были научиться хотя бы говорить и читать по-русски... Это было бы первым шагом к изучению славянских языков. Мы, правда, находимся далеко от Европы, но, с изменением сфер влияния в мире и экономике, мы можем сблизиться с русским Дальним Востоком. Кроме практических причин, есть другие. Русская литература так богата, а мы знакомимся с ней только в переводе... Русская литература не менее важна, чем немецкая, итальянская и французская, а романы Достоевского и Толстого достигли непревзойдённой высоты... Если судить по университетской программе, можно подумать, что австралийцы не знают о существовании русского языка и литературы, а ведь прошло более ста лет со времени смерти Пушкина!»* (Morrison R. H. Russian Studies in Australia. The Australian Quarterly. Sydney, 1945. P. 27–30.) Далее Роберт Моррисон говорит о том, что Австралия отстала от Англии и США, где в университетах уже преподаются славянские языки, и лично предлагает свой четырёхгодичный план изучения русского языка в австралийских университетах.

Начавшаяся вскоре так называемая «холодная война» между Западом и Советским Союзом ещё больше усилила интерес к изучению второй «сверхдержавы» – СССР – и её «сателлитов». В США и Европе открылись кафедры политических наук, заработали департаменты специалистов, изучающих историю и жизнь СССР, вышли в эфир радио «Голос Америки», «Свободная Европа», «BBC» и им подобные. На страницах газет и журналов мелькали вопросы: «Что Россия делает в Европе?», «Что Россия делает на Дальнем Востоке?», «Каковы её планы на будущее?», «В чём опасность распространения советского влияния в мире?», «Каковы научные достижения в СССР?» Западные журналисты, писатели, ораторы отвечали на эти и многие другие вопросы на разные лады, чаще всего недоброжелательно, иногда со страхом и ненавистью. Однако находились и сторонники советской политики, что вызывало острую полемику между ними и людьми противоположных взглядов. В англоговорящих странах долгое время не понимали или не хотели понимать разницу между «Россией» и «СССР» и упорно ставили знак равенства между терминами «русский» и «советский».

С прибытием эмигрантов второй, послевоенной волны из Европы в США, Канаду, страны Южной Америки и Австралию в конце 40-х и в начале 50-х годов прошлого столетия репутация Советского Союза сильно пострадала. Вера в коммунизм в левых кругах несколько пошатнулась. Эти эмигранты

были свидетелями несоответствия пропаганды и реальной жизни в стране, так как они сами или их близкие прошли через сталинские концлагеря. Они знали об уничтожении русской деревни и о массовых расстрелах и репрессиях 1937 года, они рассказывали и писали о том, что скрывалось от западного мира за «железным занавесом».

Тем не менее преподавание русского языка в Мельбурнском университете и в колледже в Канберре успешно продолжалось. В Мельбурне и Сиднее открылись частные школы Берлица, где предлагались начальные курсы иностранных языков, включая русский, и занимались переводами. Не пользуясь популярностью, эти школы через несколько лет закрылись.

В 1947 году русские австралийцы из Мельбурна во главе с литературоведом и лингвистом Н. М. Кристесен (Максимовой) основали в Мельбурнском университете первое Отделение русского языка и литературы в Австралии. Этим отделением основатель русистики и славистики в Австралии Нина Михайловна Кристесен руководила 30 лет, вплоть до выхода на пенсию в 1977 году. Русская австралийка, родом из Благовещенска, дочь капитана одного из судов Амурского общества пароходства и торговли (ПАРОТОР) – Михаила Ивановича Максимова, была «ходячей энциклопедией» отечественной истории и культуры. Она общалась с Корнеем и Лидией Чуковскими, Анной Ахматовой, дружила близко со звездой российского балета Анной Павловой. Вспоминала на лекциях о своих встречах с Александром Керенским, адмиралом Колчаком... и даже с Александром Солженицыным, Виктором Некрасовым, Мстиславом Ростроповичем, академиком Виноградовым. В эти годы усилиями Н. М. Кристесен в Мельбурнском университете был организован конкурс поэзии имени Александра Пушкина, создана практически на её собственные средства русская библиотека, насчитывающая более 35 тысяч томов. И самое главное – основана знаменитая монографическая серия книг «Русские в Австралии», посвящённая в том числе исследованиям истории русской эмиграции на пятом континенте. В послевоенные 50-е годы в Австралии стало заметным участие русской диаспоры в общественной жизни страны, особенно в крупных австралийских городах, где начали создаваться первые русскоязычные печатные средства массовой информации. В начале 1960-х годов в старейшем в Австралии Сиднейском университете намеревались открыть кафедру русского языка, но, к сожалению, ни одна кандидатура на пост профессора не соответствовала исключительно высоким требованиям этого университета. Как раз в то время, описываемое нами, в библиотеке Сиднейского университета работал историк К. М. Хотимский, приехавший в Австралию ещё до войны. Кроме документов и фотографий из жизни русских соотечественников, Хотимскому удалось собрать богатую коллекцию русских книг и старинных журналов, среди которых были редкие и ценные издания. Данная коллекция хранилась в подвальном запаснике Сиднейского университета. В Мельбурне в 1957 году вышел в свет его очерк «Русские в Австралии», написанный на основе архивных материалов, которые автор собирал более 20 лет. В этой уникальной работе Хотимский описал исторические визиты военных кораблей и гражданских судов русских моряков в XIX веке, рассказал о научной деятельности и личной жизни Н. Миклухо-Маклая в Австралии, подробно проанализировал дипломатические отношения между Российской империей и Австралией в период с конца позапрошлого века до 50-х годов. Но самое интересное для современной исторической науки – это составленная им периодизация российской иммиграции, точно разделённая на четыре волны. Делая в своём очерке аналитические обзоры австралийской прессы, музыкального и изобразительного искусства разных лет, К. М. Хотимский донёс до современников целый культурный пласт информации, интересующей учёных и любителей истории по сей день. Именно его труд явился основой для создания Ниной Кристесен в 1968 году серии «Русские в Австралии». Серия выпускалась до 1997 года под её общей редакцией. Вышло 22 номера. В том числе 15 монографий – биографические очерки о самых известных представителях русской диаспоры в Австралии. Назовём лишь несколько имён – «русский Фенимор Купер», писатель и натуралист Николай Аполлонович Байков, историк И. М. Гапонович, археолог В. В. Поносов, востоковед А. П. Хионина, экономист В. Н. Жернаков, архиепископы Феодосий и Павел. Две книги серии освещают мало изученную историками благотворительную деятельность русских австралийцев, свойственную во времена Российской империи всему состоятельному сословию, радеющему за процветание любимого государства. В этом смысле русская благотворительная традиция, свойственная представителям русской диаспоры, оставила в Австралии весомый исторический след в науке, архитектуре, книгоиздании и различных областях самобытного отечественного искусства, вплоть до иконописи. Стоит отдельно напомнить и об очерках, посвящённых русским

инженерам, выпускникам Харбинского политехнического института, издававшим в Сиднее журнал «Политехник». В 1954 году, в связи с «делом Петрова», дипломатические отношения между Австралией и Советским Союзом были прерваны до 1959 года, но уже к началу 1960-х годов культурные связи с СССР, наоборот, развились и окрепли. Из Москвы и Ленинграда в Австралию стали приезжать на гастроли танцевальные и эстрадные ансамбли, балеты и цирк, артисты, певцы, музыканты. В это же время Австралию посетил, по пути из США на Кубу, молодой поэт Е. А. Евтушенко. И хотя небольшие группы русскоязычных иммигрантов в 1970-х годах выступали с протестами и демонстрациями против приезжавших советских артистов, у австралийских зрителей советские гастролёры пользовались огромным успехом. В Австралию стали приезжать писатели, поэты, учёные из СССР. В Канберре были составлены соглашения об университетском обмене студентов и преподавателей. Всё это не могло не повысить интерес к изучению русского языка и литературы у австралийцев. В течение 1960-х годов открылись три кафедры русского языка: в Университете НЮУ (Сидней), в Университете им. Монаш (Мельбурн) и в Квинслендском университете (Брисбен). Число студентов, изучающих русский язык, в 1970-х годах постоянно росло. Культурные связи между Австралией и Советским Союзом на некоторое время были прерваны правительством Фрейзера в 1980-х годах, когда советские войска вошли в Афганистан. Интерес к изучению русской истории, культуры, языку несколько оживился в связи с перестройкой, к началу 1990-х годов, но потом пошёл на убыль. Тем не менее в 1988 году в Университете им. Маккуори открылась русская секция Отделения славянских языков. Этот университет (Сидней) предлагал заочные курсы почти по всем дисциплинам, включая иностранные языки. Постепенно русская секция вышла из Отделения славянских языков и стала самостоятельным, существующим до сих пор Отделением русского языка на Кафедре современных европейских языков. Преподавание предметов осуществляется на платной основе для иностранных студентов. К сожалению, в течение 1980–1990-х годов все кафедры русского языка в Австралии потеряли свою самостоятельность, то есть стали отделениями, подотделами или секциями. В настоящий момент в Австралии осталось только одно Отделение русского языка – это Отделение русского языка в Университете им. Маккуори (Сидней). Закрытие кафедр прежде всего объясняется экономической политикой правительства и администраций университетов, которые судят о значении и пользе кафедр по числу студентов. Надо сказать, что изучение иностранных языков, за исключением традиционных в школах, долгое время не привлекало австралийцев. Когда в университетах открылись кафедры и отделения иностранных языков, число поступивших на них студентов было незначительным по сравнению с другими. Это происходило потому, что в Австралии, тогда молодой ещё стране, не было коммерческих или промышленных предприятий, в которых требовался бы штат профессиональных переводчиков. С русским же языком дело обстояло ещё хуже: интерес к нему проявлялся волнами, но в целом никогда не был большим. Торговые и культурные связи между Россией и Австралией всегда были не так уж велики. В качестве переводчиков чаще всего выступали местные русские жители или их дети – выпускники русских субботних (прицерковных, светских и родительских) школ.

В начале 80-х и до конца 90-х годов прошлого столетия мир захлестнула новая, пятая волна эмигрантов из России и славянских стран бывшего социалистического содружества. Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачёв – будущий Нобелевский лауреат, получивший эту премию за окончательный развал СССР, сыграл сложную политическую партию с Б. Н. Ельциным. Именно Горбачёв подтолкнул космополитов, а несколько позже и других так необходимых России специалистов-профессионалов и выдающихся умов к эмиграции из России. Россия же оказалась втянутой в войну с Афганистаном, а несколько позже с Чечней. Окружённая навалившимися гайдаровскими и павловскими денежными реформами, путчами, бандитизмом, нищетой, страна выживала как могла.

Пятая волна эмигрантов в Австралию из бывших республик «советской империи», в основном из Украины, желанием совершать благотворительные поступки не отличается по сей день. И пожалуй, не украсила собой русскую диаспору соотечественников. Многие из этих господ, наоборот, едва ступив на австралийскую землю, как будто сознательно стирают из памяти родную речь и воспоминания о России.

И тем не менее изучение русского языка постепенно набирает силу. В Австралии, Новой Зеландии и в Тасмании создано около 45 общеобразовательных русских школ для детей от 3 до 17 лет. Это светские, церковно-приходские учебные заведения, работающие по уникальным методикам. Среди

них особенно выделяется Мельбурнский Пушкинский Лицей, школа русского языка «Ромашка» (штат Квинсланд, Голд-Кост), несколько церковно-приходских русских школ в Брисбене, центры русского языка «Матрёшка», «Гармония» и другие.

С 2014 года я вынашивал идею создания в Сиднее, где живу около 30 лет, Международной Академии русской словесности. Уже пятый год «МАРС-Австралия», благодаря команде энтузиастов и профессионалов, русских соотечественников из разных стран мира, для которых священны родной язык и великая русская культура, продолжает своими проектами объединять соотечественников пяти континентов земного шара. Успешно проведены несколько крупномасштабных литературных конкурсов для детей и взрослых в возрасте от 4 до 102 лет.

С 10 марта 2023 года стартовал новый, четвёртый, историко-литературный проект «Нас вдохновляют имена великих предков», посвящённый трём замечательным русским литераторам: В. А. Жуковскому, С. В. Михалкову и А. Н. Толстому.

Каждый день в Международный конкурсный оргкомитет Академии поступают творческие работы от взрослых авторов (исторические исследования, рассказы, стихи). Дети из разных уголков мира радуют художественной видеодекламацией избранных стихотворений, школьными сочинениями, рисунками и литературными работами. В прошлогоднем конкурсе МАРС-Австралия приняли участие более 200 авторов, 128 детей, в том числе и дети-инвалиды, сироты. Международная Академия русской словесности в Австралии предоставляет одинаковую возможность для проявления способностей всем одарённым людям, приносит радость общения с коллегами. Все проекты проходят исключительно на бесплатной основе. При этом престиж выдаваемых Академией Дипломов победителям и участникам литературных конкурсов растёт с каждым годом.

Хочу поделиться с читателями радостной новостью. В настоящее время на базе МАРС-Австралия в Сиднее создано Австралийское отделение Союза писателей России. Я как российский литератор особенно счастлив, что мне и моим коллегам удаётся воплотить в жизнь самую заветную мечту нескольких поколений представителей великой отечественной культуры и великого русского языка, живущих в Австралии.

Берега актуальности

Александр Трубецкой

Князь Александр Александрович Трубецкой родился в 1947 году в Париже. Он посещает многие страны СНГ, регионы Российской Федерации с чувством того, что его имя способствует напоминанию об истории, культуре, геополитическом положении России, всегда открыто говорит, что является патриотом России, делает всё, что может, чтобы способствовать сохранению её исторического прошлого, культурного и духовного наследия.

УКРЕПЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ – ЗАЛОГ ЕДИНСТВА РОССИЙСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

Речь на Конгрессе Соотечественников 1 ноября 2023 г.

Мы, русские люди, призваны не только знать историю нашего отечества, но и видеть в ней борьбу нашего народа за его самобытный духовный лик.

Иван Ильин

Уважаемые организаторы и участники всемирной конференции!

Приветствую всех, кто смог приехать, несмотря на трудности, и особенно приветствую тех, кто живёт в странах, где нелегко и порой даже опасно себя называть русским.

Начну моё сообщение словами князя Григория Николаевича Трубецкого (брат моего дедушки). Он был Чрезвычайным посланником России в Сербии в 1914 году, то есть в разгар событий, которые привели к началу Первой мировой войны. Потом он был членом Синода, который восстановил Патриаршество и избрал Патриарха Тихона. И наконец, он стал членом белогвардейского правительства на юге России во время гражданской войны.

Оказавшись потом активным деятелем русской эмиграции в Париже, он писал уже в 1926 году следующие слова: «ЕСЛИ ЗДЕСЬ, ЗА РУБЕЖОМ, НАМ УДАСТСЯ СОХРАНИТЬ НАШУ РОДНУЮ КУЛЬТУРУ, ТО МЫ ОДЕРЖИМ САМУЮ ВАЖНУЮ ПОБЕДУ НАД БОЛЬШЕВИКАМИ, ИБО ВСЕ ИХ УСИЛИЯ НАПРАВЛЕНЫ НА ТО, ЧТОБЫ РАЗРУШИТЬ НАРОДНУЮ КУЛЬТУРУ, УБИТЬ НАРОДНУЮ ДУШУ».

Если заменить сегодня слово «большевики» на слова «западные русофобские силы» или, к сожалению, на «тех, кто часто забывают свою родную русскую историю», то всё, что было сказано Григорием Николаевичем Трубецким, остаётся как никогда в силе.

Важно также отметить, что уже тогда тема сохранения русской культуры и исходящей от неё духовности была для эмигрантов главным приоритетом.

Исходя из темы нашей сегодняшней встречи, нужно и теперь, как никогда, сосредоточиться на вопросах исторического просвещения нашей общественности. Дело в том, что в последние годы акцент делается в основном на Великой Отечественной войне и на возрождении некоторых советских традиций. С этим же Россия идёт и на освобождённые территории Донбасса. Реально о традиционных духовно-нравственных ценностях тысячелетней России говорится недостаточно и даже эпизодически. Жители России и очень часто зарубежная диаспора плохо знают свою историю. Более того, история 19-го века и начала 20-го по-прежнему подвергается искажению, а то и открытой клевете, и даже

неприкрытой лжи. Вся система государственной власти России, роль Православной церкви и других конфессий, как правило, замалчивается или подвергается огульной критике.

Если мы хотим, чтобы наши люди и наша молодёжь с гордостью несли имя России, любили её, необходимо радикально отойти от ещё слишком часто негативного подхода к её истории. Этот подход закладывался при коммунизме десятилетиями в преподавании и в воспитательной работе.

История Родины должна преподноситься на протяжении веков в позитиве: это в ратных и трудовых подвигах народа, как правило, в преданных идеях Великой России, начиная без смущения с династий Юриковичей и Романовых, и, конечно, на духовной основе всех религий и культур, на которых строилась наша многонациональная Россия.

Просто необходимо отказаться от освещения истории через бунты, восстания, террористические акты и революции. Мы воспитываем не бунтовщиков, а строителей будущей России, опирающихся на подвиги своих предков!

Задаю несколько вопросов:

Почему в городах и сёлах современной России так мало памятников и названий в честь тех, кто их основывал, строил, защищал на протяжении веков?

Почему на вновь освобождённые русские земли мы не идём с их историческими именами, а пытаемся даже вернуть имена тех, кто практически разрушил Единую Россию?

Почему в настоящее время, когда печатаются новые 1000-рублёвые деньги, на них наблюдаются вовсе не случайные искажения нашей великой истории, культуры и духовности? То же самое с гербом России и то же самое с изображением знаменитого исторического памятника в Пскове, из которых пытаются убрать православный Крест, под именем которого и строилась наша великая держава?

ПОЧЕМУ ЭТО ТАК?

Вот вопросы, которые каждый из нас, живущий в России и за рубежом, должен задавать. А то как мы сможем перед миром защищать наши ценности, если мы сами их искажаем?

Трудности и проблемы в развитии страны были всегда. Они есть сейчас и будут в будущем, о них молчать нельзя, но необходимо воспитывать молодёжь на позитивных фактах развития страны-цивилизации.

В большой степени выпадает эта задача и на наш мир соотечественников. Ведь мы являемся посланниками России во всех странах, куда нас забросила судьба.

Мы, Русские соотечественники, должны безусловно распространять правильное слово о той России, которую мы представляем.

Это включает тоже свидетельство о сохранении в России нравственных ценностей, которые чаще и чаще утрачиваются в западном мире на всех уровнях, начиная с моральной или профессиональной деградации многих западных лидеров.

Наша так называемая мягкая и тем не менее сильнейшая дипломатия остаётся вместе с духовными или моральными принципами главной опорой против всех видов развращений, которые наблюдаются больше всего на Западе. Это все виды ЛГБТ, гонение или открытое отрицание духовных или моральных ценностей, особенно при воспитании детей, – это распространение якобы научной, но на самом деле ложной информации о климате, об энергетических ресурсах, о лечении разных болезней, как ковид, и конечно, о распространении Западом выдуманных ими опасностей или угроз со стороны России и её союзников.

События, которые развились на юге России, иногда вызывают среди нас, и даже иногда в наших семьях, как и в самой России, не просто споры, а даже и распри.

Это явление имеет самый отрицательный эффект, потому что западный мир пользуется такими проявлениями, чтобы дискредитировать Россию и иногда вербовать предателей.

Каждое наше слово распространяется по всему миру через 600-миллионную русофонию, которая делится, и это стоит напомнить, конечно, на русофилов, но и, к сожалению, на многих русофобов. Конечно, нет сомнения, что трагическая обстановка на юге России, и не только на юге, сложилась ещё от действий революционных ненавистников России, создавших тогда совершенно непродуманно многие искусственные границы новых государств, и таким образом разрушали то единство, за которое боролись Св. Князь Владимир в Киеве и после него его последователи во Владимире, Суздале, Пскове, Новгороде, Ростове, Ярославле, Москве и вообще, скажем, от Петербурга до Камчатки.

Да! Они боролись за создание единой великой державы России. И мы, как никогда, должны быть вместе. Я часто привожу слова генерала Врангеля, которые он произносил в самые тяжёлые периоды гражданской войны. Он призывал быть вместе: «С кем угодно, но за Россию!» Это главный вызов, который выпадает сегодня на всех нас!

Повторяю! Это главная задача для всех тех, кто, где бы ни жил, гордо произносят слова «Единая неделимая Россия»! И как ещё писал Иван Ильин: «Надо понимать, что Россия – это своеобразный дар Божий!»

Дополнительно на конгрессе я привёл ещё следующие слова Ивана Ильина: «Быть Русским – значит не только говорить по-русски... Быть Русским – значит верить в Россию так, как верили в неё великие люди, все её гении и её строители. Только в этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за неё и нашу победу...»

О гонении на Русскую Православную Церковь!

Недавно ко мне обратился православный канал СПАС с просьбой прокомментировать события, которые происходят на юге России, с точки зрения православного христианина, живущего на Западе.

Я и выступил на прямом эфире не с целью комментировать военные или политические события, которые мы наблюдаем ежедневно и за которые, как русские, мы особенно переживаем.

Для православного канала СПАС я предпочёл подчеркнуть именно то, что, как православный христианин, я болезненно переживаю, с надеждой и молитвой, что создавшаяся трагедия скоро прекратится.

Я осмелюсь сказать, что мы наблюдаем не только войну против России, а ещё настоящее ГОНЕНИЕ против Православной Русской Церкви.

Тяжело видеть, что это ГОНЕНИЕ ведёт та власть, которая сегодня в Киеве. Эта власть действует на основе национализма, который своим поведением нисколько не уступает национал-социализму фашистской Германии или ещё большевистскому Богоборческому строю.

А ведь тяжело подумать, что гонение, которое мы наблюдаем на Украине, образовалось и управляется там, где 1035 лет тому назад состоялось Крещение Руси, и там, в местах, куда доходил когда-то сам Апостол Св. Андрей Первозванный.

Россия и Православная Церковь потерпели невероятное количество гонений в своей долгой Священной истории.

Вспомним времена, когда язычники, которые поклонялись таким идолам, как Перун, противостояли против Крещения Руси. Вспомним татаро-монгольское нашествие, западных крестоносцев, против которых боролся Св. Александр Невский, и все войны против поляков, шведов, турок, французов (которые превратили Кремлёвские Соборы в конюшни), немцев и теперь приходится сказать – НАТО.

Вспомним, что сама Св. Княгиня Ольга крестилась в Константинополе. А ведь сегодня Константинополь руководит теми отшельниками, которые по заданию киевской власти (и НАТОвской) вводят раскол в нашей Церкви.

Меня, живущего во Франции, часто спрашивают, как Запад реагирует на явное гонение против Православной Церкви и вообще против Христианства? Ответ очень простой. О гонении русофобские СМИ всем нам очень ловко скрывают. Например, о том, какие варварские события происходили в Киево-Печерской Лавре против духовенства и Святых Реликвий, на Западе в основном никто не знает. То, что происходило в Киево-Печерской Лавре, даже богоборческие большевики, как Ленин, Сталин, Хрущёв и многие другие, не посмели делать.

Вернёмся теперь к Западу. Хорошо характеризовал наш Христианский философ Владимир Соловьёв: «Католицизм, это единство без свободы. Протестантизм – это свобода без единства. Православие – это единство в свободе и свобода в единстве».

Например, вспомним, что такие явления, как инквизиция, рождались чаще всего в католическом мире и часто по благословению самого Папы.

Вспомним тоже, что такие явления вольномыслия, как когда-то рабство в США или в настоящее время ЛГБД, чаще всего родились в странах под влиянием протестантизма.

А «единство в свободе и свобода в единстве» я осмелюсь объяснить словом «Соборность». Это слово, которое так сильно характеризует наше православное толкование Христианства, не понимают на Западе, и даже почти невозможно перевести это слово на западные языки.

Вероятно, это и объясняет безразличность западного мира и даже враждебность против России и её православному соборному Христианству.

Ну а как будет дальше?

Взирая на события, которые уже второй год потрясают весь Мир и в первую очередь Православный Мир, я пришёл к убеждению, что, Господь прислал нам испытания, чтобы мы сами себя проверили, а потом с верой готовились к будущему.

Я постоянно в моих беседах напоминаю слова Преподобного Серафима Саровского, и я их повторил на передаче по каналу СПАС: «Господь помилует Россию и через страдания приведёт её к Великой Славе!»

Живя на Западе, в Париже, я наблюдаю, что в католических церквях всё чаще можно видеть иконы нашей традиционной русской иконописи. Это в основном иконы Св. Божией Матери. В одном соборе я даже видел икону «Державной Божией Матери».

Только что вернулся из острова Корфу, где с семьёй проводил летние каникулы. Там в многочисленных храмах и монастырях рядом с греческими иконами можно увидеть много икон русской традиционной иконописи.

В Париже только что вышла замечательная книга на французском языке, которая подробно описывает историю Христианства и причины её расколов (чаще всего политических). Этот колоссальный труд написала Мария Генко-Старосельская, потомок, как и я, эмигрантов так называемой «первой волны». Эта книга называется «ROME, CONSTANTINOPLE et KIEV – Le chemin vers le Schisme» (Рим, Константинополь и Киев – Путь к схизме).

Я убеждён, что эта книга поможет франкоговорящим читателям открыть для себя малопонятную им полноту христианского мира, которому мы все принадлежим. И следовательно, это понимание поможет принести тот мир, о котором мечтают все, кто не подвергается политическому злодейству, в котором мы живём.

Я очень надеюсь, что эта книга будет переведена на многие языки.

Берега актуальности

Галина Хэндус

С 1998 года живёт и работает в Германии. Писатель и публицист. Замужем, трое детей. На русском языке вышло в Германии девять книг (изд-во Richardgall MBV GmbH). Награды: международная премия «Лучшая книга года» (Берлин – Франкфурт, 2013, 2014 и 2015); шорт-лист конкурса «Ясная Поляна» (Москва, 2014); «Золотое перо Руси» (2013, 2021, 2022).

В России ИД Академии им. Жуковского опубликован роман «Долгая жизнь, короткая смерть» (2022). На немецком языке увидели свет в Германии пять книг (изд-ва Аахена и Берлина). Публикации автора и об авторе на страницах русско- и немецкоязычной прессы в Германии (2010–2023). Публицистика в российских газетах и журналах (2022–2023).

ГИТЛЕР И ГЕНОЦИД СЛАВЯН

На сайте Российского военно-исторического общества впервые опубликован полный текст заявления Гитлера о планах уничтожения славянских народов. Информация напечатана в ведущих СМИ России. Важность заявления трудно переоценить, его необходимо подробно рассмотреть, обдумать и дать оценку применительно к сегодняшним реалиям.

27.11.1941 года в Берлине состоялась встреча вице-премьера Румынии Михая Антонеску с рейхсканцлером Третьего рейха Адольфом Гитлером. Часть встречи была полностью посвящена «славянскому вопросу». После деловой аудиенции Антонеску составил подробный письменный отчёт, каждое слово которого дошло до нас только сейчас, через 82 года. В связи с важностью новых сведений есть смысл разбить весь отчёт на части. О каждой из них попробуем порассуждать без эмоций. Итак, румынский вице-премьер сообщает:

«Фюрер начал с бурного обсуждения великой славянской проблемы, оказав мне честь в трёх случаях принять изложенную мною точку зрения на европейское переустройство. В качестве основы для беседы фюрер открыто сказал мне (цитата):

– *Вы правы, славянская проблема – биологическая, а не идеологическая, как вы и сказали, и борьба со славянами должна вестись всеми европейцами. В будущей Европе должно быть только две расы: латинская и германская. Эти две расы должны работать вместе в России, чтобы уничтожить (дословно – *dărăta*, снести) славян. Нельзя выступать против России с юридическими или политическими формулами, потому что русская проблема гораздо серьёзнее, чем многим кажется, и мы должны найти решения по колонизации и биологическому устранению славян...*»

Сегодняшние реалии. Отказываясь от идеологической борьбы, Гитлер несколько поторопился. Зато заседавшая в Соединённых Штатах Америки мировая закулиса, поставив во главу угла опыт Йозефа Геббельса, многие годы ведёт информационно-ментальную (идеологическую) войну с Россией и бывшими союзными республиками как основными территориями славянских народов. Вопрос о биологическом устранении славян, провозглашённом Гитлером, не умер спустя 82 года, а приобрёл даже бóльшую актуальность у англоязычного закулисного фюрера.

Согласно тексту документа, Гитлер согласился с Антонеску относительно необходимости сообщения найти методы для «биологического устранения славян». Основным инструментом искоренения населения России, Украины, Белоруссии нацистам виделся голод, – им уничтожали советских военнопленных и жителей крупных городов СССР. Наиболее чудовищный голод был организован для истребления ленинградцев, жители Киева и Харькова также испытали на себе пытку голодом.

Война имеет множество лиц и названий. Есть война морская, ядерная, холодная, информационная, колониальная, а также множество других разновидностей. К теме «биологического устранения славян» голодом относится биологическая война. Согласно данным Российской Федерации, Со-

единённые Штаты, под эгидой оборонного ведомства, разместили на территориях бывших союзных республик, соседей России, сеть биологических лабораторий. Одна из опасных лабораторий находится в грузино-американском Исследовательском центре здравоохранения им. Р. Лугара (пригород Тбилиси). В 2011–2013 годах Роспотребнадзор неоднократно утверждал, что африканская чума свиней, очаги которой с 2007 года регистрировались на территории 24 субъектов РФ, могла быть занесена в Россию именно оттуда. При ликвидации очагов заражения были уничтожены более 440 тысяч голов свиней (Г. Х.: от одной свиноматки можно получить до 2,5 тонны свинины в год). Цитата: «Прямой экономический ущерб только российских предприятий от этой болезни составил более 100 миллионов долларов, косвенные убытки превысили 500 миллионов долларов». Глава Роспотребнадзора назвал происходящее «экономической диверсией», и это только один из примеров искусственного сокращения поставок продуктов питания для славянского населения со стороны американцев. То есть опыты пыткой голодом англоязычными нацистами ведутся давно.

Позволю напомнить читателю о других случаях ведения биологической войны против населения России и бывших союзных республик, итогом которых может стать существенное сокращение количества в основном славянского населения – точно по директивам Гитлера. В данном случае нас интересует ось Украина – Россия, откуда идёт наибольшая опасность.

После начала СВО в феврале 2022 года, уже в июне, когда на Украине стало «подгорать», МО США заявило, что на протяжении 20 лет оказывало помощь 46 украинским структурам в сфере биологии. Особо было подчёркнуто, что цель помощи – биологическая безопасность Украины и улучшение контроля за здоровьем людей.

Верить ли в «честные» откровения властей США?

Нет, делать этого нельзя.

Так ли уж безобидны их биологические лаборатории?

Нет, не безобидны.

Ранее, в августе 2017 года, хакеры «КиберБеркут» опубликовали материалы расследования, согласно которому на Украине ещё с 2009 года (за пять лет до Майдана!) было оснащено американским техническим оборудованием 15 биологических лабораторий, входящих в структуры Минздрава страны. После их появления на территории Украины были отмечены вспышки опасных заболеваний. Статистика особо засекречена.

С началом СВО начальник войск радиационной, химической и биологической защиты ВС РФ генерал-лейтенант Игорь Кириллов заявил, что на территории Украины действовала сеть из более чем 30 биологических лабораторий. То есть их количество с 2009 года выросло вдвое. К финансированию деятельности биологических лабораторий в 14 населённых пунктах причастны фонды Джорджа Сороса и Хантера Байдена (сын президента США Джо Байдена). Так и хочется воскликнуть: БА! – знакомые всё лица!

Ещё одно до боли знакомое лицо главной по американским печенкам в Европе – Виктории Нунланд. В сенатском Комитете по международным отношениям она, давая показания, открыто призналась: «На Украине есть биологические исследовательские объекты, которые на самом деле очень нас беспокоят, ведь сейчас их пытаются взять под свой контроль российские войска. Поэтому мы работаем с украинцами и стараемся не допустить, чтобы исследовательские материалы попали в руки российских войска, если те приблизятся». Открыто высказала сенаторам опасения, потому что точно знала спектр «работы» биологических лабораторий: смертельные патогены, включая чуму, сибирскую язву, чёрную оспу, бруцеллёз, возбудителей дифтерии, сальмонеллёза и дизентерии, пятнистую лихорадку. Деятельность биологических лабораторий уже привела к неуправляемому росту заболеваемости на Украине особо опасными инфекциями, в том числе краснухой, дифтерией, туберкулёзом, корью. Обо всём этом мадам «кровавые печенки» прекрасно знала и заботилась только о том, чтобы замести следы опаснейших биологических опытов.

Во время СВО американские военные учёные на Украине стали в экстренном порядке сворачивать биологические программы, паковать документацию, уничтожать часть оборудования, прятать образцы испытаний. Такой «букет» сложно спрятать в одночасье. Российские войска наступают со всех сторон, прогоняют смрад и зловоние, исходящие от жутких названий редких или давно забытых на планете смертельных болезней, предлагая войскам НАТО взамен романтические запахи Гераней, Гвоздик, Акаций, Гиацинтов, Тюльпанов, Пионов и других артиллерийских букетов. По

некоторым сведениям, часть лабораторий успели спешно эвакуировать в Польшу. Интересно, заболела ли голова у Брюсселя от большой опасности расползания смертельных вирусов по Европе или он, как обычно, отдаст вопрос на рассмотрение в «говорящую голову» главного европейского гинеколога, заботясь только о регулярном наполнении собственных кошельков?

31 января 2023 года, под давлением фактов, представитель Совета национальной безопасности США Джон Кирби подтвердил наличие американских биологических лабораторий на Украине. Сегодня МО США не отрицает, что лаборатории действовали в интересах Пентагона, в их работу были вовлечены американские фармакологические концерны, включая Pfizer и Moderna (Г. Х.: именно те концерны, чьи прививки от коронавируса, выпущенные до клинических испытаний, превратили массу людей в инвалидов, других оправили раньше времени на тот свет). Главное даже не это. Самая циничная угроза Гитлера славянскому миру, заявленная им в 1941 году в Берлине, показала сегодня себя во всей красе. Генерал-лейтенант И. Кириллов (один из разработчиков вакцины «Спутник») сообщил, что в лабораториях на территории Украины делали заборы биоматериалов **славянского** происхождения. Цитата: «...население Украины используется как подопытные кролики. Говорили, что никто не может сделать этническое оружие... в начале 2000-х годов никто не знал, что можно редактировать ген человека. Сейчас это делается, работы по этому направлению ведутся...» Проще говоря, в секретных биологических лабораториях Украины вполне могли и наверняка разрабатывали биологическое оружие, которое нанесло бы вред конкретному этносу. **Шла подготовка к тотальному уничтожению славян.**

Сегодня лаборатории или просто здания, где они располагались, находятся на отвоёванных Россией территориях. Специалисты работают над расшифровкой найденных документов и скорее рано, чем поздно Россия представит человечеству доказательства противоправных разработок американских военных учёных. Содрогнётся ли мир от правды?

3 ноября 2022 года Совет Безопасности ООН не принял проект российской резолюции, которая предусматривала создание комиссии при СБ по расследованию деятельности американских биологических лабораторий на Украине. За документ проголосовали Россия и Китай, против выступили Великобритания, США и Франция. Ну вот ни разу не удивительно. Как могут наказывать себя страны НАТО за свои же разработки? Создай Россия и Китай такую комиссию, могло бы всплыть такое, что тюрьма Гуантанамо показалась бы Западу Эдемским садом на Земле. Так что лучше как-нибудь без российских инициатив. Как обычно. Долгие десятилетия Запад показывал себя мастером грабить страны третьего мира; бомбить города и страны без объявления войны и резолюций СБ ООН (Ливия, Югославия, Ирак, Афганистан, Сирия); пытать людей; убивать мирное население; испытывать атомные бомбы на чужих территориях, а как отвечать – так всё заросло кустарником...

Возвращаемся в Берлин. Следующая цитата из письменного отчёта Антонеску о беседе с Гитлером 21.11.1941 года:

«...русская проблема гораздо серьёзнее, чем многим кажется, и мы должны найти решения по колонизации и биологическому устранению славян. Вот почему все европейские народы должны работать вместе в борьбе со славянами, а завтра совместно преобразовать Россию для Европы».

То, что вещал вождь фашистской идеологии, не пропало втуне. У него осталось много последователей, на его книге «Моя борьба» выросли поколения последователей нацизма и в Европе, в Соединённых Штатах, других странах мира. Один из ярких представителей русофобов, ведущий идеолог внешней политики США Збигнев Бжезинский. Он никогда не скрывал, что (цитата): «Новый мировой порядок будет строиться против России, на руинах России и за счёт России». Чем не новый Гитлер? К счастью, оба пребывают на том свете, хотя дело их, к великому сожалению, живёт и развивается. Тот же Бжезинский при жизни мог похвастать успехом на российском шахматном поле (цитата): «Россия может иметь сколько угодно ядерных чемоданчиков и ядерных кнопок, но поскольку 500 миллиардов долларов российской элиты лежат в наших банках, вы разберитесь: это ваша элита или уже наша?» Ещё в 2002 году президент РФ предупреждал российских плутократов, имеющих бизнес на Западе и вкладывающих деньги там же: «Я не говорю, что завтра они <деньги> будут заморожены, но если решение подобного рода будет принято, замучаетесь пыль глотать, бегая по судам в попытках разморозить эти средства». Так и вышло. Впрочем, нас не волнуют проблемы олигархов, использующих Россию как источник обогащения...

Сразу после «оранжевой революции» на Майдане американский идеолог дал интервью украинскому телеканалу «Интер», где сказал: «Украина должна действительно доказать, что она хочет стать

частью европейского мира. Если она этого достигнет, то у России будет единственная перспектива – смириться с этой реальностью и самой стать частью Европы. Если Россия этого не сделает, то станет разорённым сателлитом Китая». Вот так простенько. Или Россия вливается в Европу и живёт по её понятиям, или разорится... Мечтатель был покойный Бжезинский!

Ещё одно откровение Гитлера относилось уже ко всей стране (цитата):

«Почему бельгийцы должны иметь 224 жителя на квадратный километр, когда в России есть такие огромные пространства?»

Бельгия продержалась аж 18 дней, прежде чем лечь под Гитлера. А Советский Союз сражался против нацизма 1418 дней. Это факт истории, его не переписать, а размеры России, обильно политые кровью защитников страны, до сих пор не дают спать многим влиятельным политикам. Не все они открыто говорят о ненависти к России, хотя имеют её, эту ненависть, практически все. В 2005 году госсекретарь США (1997–2001) Мадлен Олбрайт воскликнула: «Где же тут справедливость, если такой землёй, как Сибирь, владеет только одна страна?» Флаг Гитлера о «справедливом дележе пространства» и в этом вопросе передан по эстафете.

Следующая цитата Гитлера при беседе с Антонеску:

«Почему мои западные немцы должны жить в тяжёлых условиях, когда пространства на Востоке предлагают им будущее?»

Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер наверняка читала «Mein Kampf» Гитлера и почерпнула для себя что-то нужное. В 1991-м она заявила: «По оценкам мирового сообщества, экономически целесообразно проживание на территории России только 15 миллионов человек».

Говорила она именно так или по-другому, доподлинно неизвестно, да это не так важно. Никто не печатает тексты кулуарных разговоров высоких лиц западных правительств, но думают они все одинаково и совсем не о благополучии России. Уверена, под цифрой в 15 миллионов населения России подписался бы любой западный лидер. Вот она – преемственность зависти поколений от Гитлера до наших дней.

В конце встречи с Антонеску Гитлер удовлетворённо добавил (цитата):

«Моя миссия, если я добьюсь успеха, заключается в том, чтобы уничтожить славянство».

Уничтожив миллионы советских людей, нацистский идеолог не добился успеха. Зато сегодня его последователи упорно пытаются достичь его цели. СССР, не без идеологии З. Бжезинского, они разрушили. Теперь открытым фронтом выступили против России. Опять. В который раз...

В знаменательной беседе немца с румыном в Берлине 1941-го по вопросу славян Румыния была категорически против создания независимой Украины с подтекстом, что славянство выступает огромной «биологической проблемой» для Европы, имея в виду большую численность «примитивного» славянского населения, несовместимого с европейской культурой и цивилизацией (Г. Х.: сама Румыния получила независимость только в 1878 году). В случае если после разгрома СССР появится независимая Украина, она, по мнению Антонеску, начнёт втягивать остальных восточных славян в свою орбиту и превратится в новую угрозу для Европы.

Вот тут апологет нацизма ошибся. Более умные англоязычные последователи Гитлера именно на Украине, сразу после развала СССР, начали информационную и подготовку биологической войны против России. Сегодня советник главы офиса президента Украины М. Подоляк заявляет: «Она <Россия> должна придумать себе какое-то другое название... должна уменьшиться в размерах... У неё будет белый флаг. Я хочу, чтобы мы с вами сознательно понимали то, какая у нас ключевая задача...» Идеология нацизма, воспетая Гитлером, стоит за каждым словом сегодняшнего украинского правительства.

Чтобы отчётливей понять, откуда резко всплыло на поверхность земли большое количество почитателей нацистских идей Гитлера, вспомним время окончания Второй мировой войны. Ещё в 1944 году прагматичные немцы стали строить посёлки для нацистов в Латинской Америке (Г. Х.: на тему жизни и работы нацистов в Латинской Америке после 1945 года у меня есть неопубликованная рукопись «Приговор бессмертию». Ищу издателя). Через «крысиные тропы» и с поддержкой Ватикана из фашистской Германии через Италию и Испанию эмигрировали более 53 тысяч нацистских преступников, участвовавших в уничтожении русских, евреев, цыган, всех других национальностей. Среди наиболее известных фамилий:

– оберштурмбаннфюрер СС, «архитектор Холокоста» Адольф Эйхман, повинный в гибели шести миллионов заключённых и знаменитый фразой: «Чтобы уничтожить нацию, нужно убивать в первую очередь детей»;

– прославившийся чудовищными экспериментами над заключёнными Йозеф Менгеле;

– глава хорватского марионеточного правительства Анте Павелич, ответственный за организацию геноцида сербов;

– врач, военный преступник, известный под прозвищем «Доктор Смерть» Ариберт Хайм;

– любимец Гитлера Отто Скорцени, которого называли самым опасным человеком в Европе, и ещё целый список преступников.

Многие из них стали работать на американскую разведку, делясь своими знаниями и умениями. У всех были семьи, подрастали дети, затем внуки. Часть потомков захотела оставить Латинскую Америку и вернуться или на родину в Германию, в Европу, или уехать на жительство в Америку и делать карьеру там. Поскрести многих немецких или западных политиков, и там наверняка отыщутся предки из сонма офицеров Третьего рейха.

Сегодня немцы скрывают свои родственные связи, но украинские политики открыто говорят о своих симпатиях к нацистам. Ведущий украинского телеканала Фахрудин Шарафмал (Г. Х.: 17.03.2023 года СКР возбудил дела в отношении Шарафмала по ст. 282 «Действия, направленные на возбуждение ненависти против группы лиц по признакам национальности» и ст. 354 «Реабилитация нацизма», УК РФ) подчеркнул в эфире, что придерживается доктрины своего кумира А. Эйхмана, и призвал украинцев методично уничтожать русских, начиная с детей. Цитата: *«Потому что, убив их родителей, дети <русских> вырастут и обязательно отомстят. А убив детей, они никогда не вырастут, нация исчезнет...»*

Фашизм, взращённый на Украине, не имеет срока давности.

Ещё два слова о ФРГ. Послевоенное разделение страны предполагало временное размещение четырёх оккупационных зон. Российские войска первыми оставили Германию в 1989 году. Следом покинули её французы. Остались самые стойкие – англоязычные. Три года назад англичане вывели последних солдат из страны. Казармы немцы отремонтировали, но пока никого туда не селят. США же стойко охраняют своё присутствие в ФРГ. В настоящее время здесь находится около 30 тысяч американских военнослужащих в пяти гарнизонах: база в Висбадене – 2119 военных; база в Баварии – 10 747; база в Ансбахе – 4438; база в Рейнланд-Пфальце – 7021; база в Штутгарте – 4680 военных + до 20 американских ядерных боеголовок. На американских базах размещены военнослужащие, их семьи и многочисленный гражданский персонал. Так что можно говорить не о 30 тысячах, а примерно о 70 тысячах американцев. Много или мало, не мне судить. Только один вопрос – для чего? Посол ФРГ в США Эмили Хабер (Emily Haber) дала чёткий ответ для дураков: «Войска США находятся в ФРГ не для того, чтобы защищать Германию. Они там для того, чтобы защищать трансатлантическую безопасность». Где Германия, а где Америка? И кто на неё собирается нападать?

На все, даже самые глупые, вопросы есть один ответ. В 1924 году на смерть В. Ленина Владимир Маяковский написал: «Ленин и теперь живее всех живых. Наше знание, сила и оружие». Злые силы, сотни лет стремящиеся уничтожить Русь, заменили слово Ленин на имя своего кумира и взяли эти слова как лозунг: «Гитлер и теперь живее всех живых. Наше знание, сила и оружие». Божок нацистов не умер. Он и его чёрные дела живут сегодня в мозгах каждого русофоба, ненавистника и завистника России. Нам же, тем, кто любит и защищает Россию, надо всегда об этом помнить и не допускать врага ни до границ страны, ни до своего сердца.

Берега актуальности

Виктор Аксюциц

Виктор Владимирович Аксюциц – российский философ, богослов, политик, государственный советник 1-го класса. В 1978 году окончил философский факультет МГУ. Самостоятельно изучал русскую религиозную философию. С 1987 года с Глебом Анищенко издавал литературно-философский журнал русской христианской культуры «Выбор». В 1990–1997 годах – лидер Российского Христианского демократического движения. В 1990–1993 годах – народный депутат РФ, председатель Подкомитета по связям с зарубежными организациями Комитета Верховного Совета РФ по свободе совести. Создал и возглавлял депутатскую группу «Российское единство». Инициатор и соавтор закона РСФСР 1990 года «О свободе вероисповеданий», – отменены ленинские и сталинские декреты о религии, распущен Совет по делам религий (орган режима государственного атеизма), предоставлены свободы религиозной деятельности, утверждён в качестве выходного день Рождества Христова, религиозная деятельность освобождена от налогов. В 1997–1998 годах – советник первого вице-премьера Правительства России, курировал работу правительственной Комиссии по идентификации и захоронению останков российского императора Николая II и членов его семьи. По своим убеждениям монархист. Женат, восемь детей, много внуков и правнуков.

ИЗ КНИГИ «ОПЫТ САМОСОЗНАНИЯ»

Главным делом моей жизни всегда являлось творческое призвание. Даже в самые трудные времена работал над книгами, над главной из них – богословско-философской «Под сенью Креста». Складывался историософский массив будущей книги «Миссия России», затем серии книг «Миссия России». В начале девяностых я отвечал в одном из интервью: *«Всё моё свободное время отдаётся творчеству, то есть моему творческому призванию. Для меня очень важно выполнить свой долг. Каждый человек – это вечная душа, посланная Богом в этот мир для выполнения своей миссии. И я бы, конечно, был очень огорчён, если бы не выполнил главного своего назначения – философского и богословского. Я боюсь умереть неподготовленным. И конечно, я бы хотел выполнить долг перед своими близкими».*

Сферы моих творческих интересов: богословие, христианская философия, историософия, история России, культурология, политология. Вполне успешная практика в политике была вынужденным служением и сопровождалась творческим угнетением и депрессивными состояниями. Эволюцию своих философских взглядов я как-то характеризовал как *«типичный для русской интеллигенции путь от марксизма к идеализму и православию».* На философском факультете МГУ почти все кафедры были нацелены на марксистско-ленинскую философию: кафедры диалектического материализма, исторического материализма, научного коммунизма, истории марксистско-ленинской философии, марксистско-ленинской этики, марксистско-ленинской эстетики... Собственно философию можно было изучать только на кафедре истории зарубежной философии. Поэтому писал курсовую по «Монадологии» Лейбница, диплом «Проблема соотношения философии и теологии в неопротестантизме Пауля Тиллиха», диссертацию «Проблема человека в экзистенциализме Николая Бердяева и диалектической теологии Пауля Тиллиха». Но сферой сугубых интересов была русская религиозная философия, которую приходилось изучать самостоятельно по *самиздату* и *тамиздату*. Тематически и концептуально мои работы – в традиции русской христианской философии XX века, которую характеризовали как *неопатристика*, синтезирующая учение Отцов Церкви и современную философию в ответах на вызовы эпохи. Мой друг Гена Галкин, читающий все мои работы, после прочтения практически всего массива русской философии писал, что в моём творчестве сходятся традиции онтологизма Вл. Соловьёва, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка

и христианского персонализма и экзистенциализма Ф. М. Достоевского, Н. А. Бердяева, Л. Шестова. Эту позицию Геннадий охарактеризовал **персоналистическим онтологизмом**. «Под сенью Креста» – главный богословско-философский труд, основная тема которого: Богочеловеческий диалог в процессе миротворения. Крест и Голгофа Бога и человека – начало и конец сущего, мировая история – кровотечение ран Распинаемого Бога, назначение человека – крестонесение бытия – со-творчество Богу, а жизнь – непрекращающееся распятие. Под сенью Креста открываются глубины миротворения и бытия, подлинный смысл назначения человека и человечества. Углубление в Новозаветное Откровения Креста, Голгофы и Воскресения Богочеловека позволяет обнаружить новый и вместе с тем укоренённый в христианской традиции смысл основных богословско-философских проблем: творения и грехопадения, воплощения вечной души, бытия, теодицеи, свободы, богоподобной личности как «малого творца» бытия, христианской космогонии и космологии, происхождения и природы зла, смысла истории, апокалипсиса и эсхатологии.

В концепции историософии России утверждается, что народ – соборный организм, имеющий вечную соборную душу, которая отражает творческий замысел Бога о народе и ответный помысел народа о себе – о своей творческой миссии в бытии. Судьбу русского народа определяют: **духовный генотип** – вечная душа и историческое предназначение, которым Творец наделил народ; **этнический генотип** – природные свойства народа, вобравшего множество этносов; **духовный архетип** – воспитание народа Православием; **исторический архетип** – влияние экстремальных природных и геополитических условий выживания на просторах Евразии. Кажущаяся архаичной формула «Православие. Самодержавие. Народность» указывает на **жизнесозидающие константы** в судьбе народа: духовный и исторический архетипы, а также этнический генотип. Много написано о феноменах историософии России: русская идея, русский характер, становление русского мировоззрения, первый раскол в душе народа – результаты спора монашеских течений «нестяжателей» (последователей преп. Нила Сорского) и иосифлян, «стяжателей» (сторонников преп. Иосифа Волоцкого), церковный раскол XVII века, тираническая революция Петра I, «первородный грех» русского дворянства, «орден русской интеллигенции» – ориентированный на иллюзию «Русского Запада», духовная революция в России XIX века, историософские причины русских катастроф и **идеократии** XX века – тотальной власти радикальной идеологии. Невероятные исторические испытания, воздействие ряда фатальных, роковых и inferнальных факторов, а также заблевание национальной элиты – **идеомания** (идеологическая мания), соблазнённость богоборческими идеологиями – ввергли русский государствообразующий народ в XX веке в череду глобальных катастроф, обновление, пережившего смертельную (прежде всего духовную) болезнь народа возможно при обращении к духовным истокам русской православной цивилизации. Поиск современных форм общественно-политического возрождения России складывается в концепцию «просвещённого патриотизма» и «просвещённого национализма».

Если существенный критерий истины – **универсальность**, то мне удалось создать наброски наиболее универсальной картины бытия в традиции русской философии. Хотя изначально я не ставил такой задачи, всё сложилось по творческому вдохновению, и не для того, чтобы кому-то что-то объяснить, а так как я не мыслил жизни без ответа самому себе на бытийные вопросы. В книге «Под сенью Креста» рассмотрены основные темы христианского богословия: творения-грехопадения, троического богословия, софиологии, персонализма, свободы, природы зла, смысла истории и апокалиптических, эсхатологических завершений. Только закончив труд, я обнаружил, что следовал библейскому предуказанию: начал с анализа начала Книги Книг – «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1: 1), и закончил озарениями апокалиптическими и эсхатологическими. Я сознаю, что изображаемая мною картина бытия только пунктирно обозначена, а открывающаяся реальность неизмеримо сложнее. Некоторые темы не лишены первоначального упрощения, они являются скорее указателями, в какую сторону стоит, я убеждён, «копать» дальше. На основе богословской и религиозно-философской концепции книги «Под сенью Креста» (а богословие и религиозная философия создают ключи к познанию всех уровней бытия, вплоть до сопромата и деталей машин, – их изучал в мореходке) набросал абрис мироустройства (теогония, космогенез, космология, природа природы...) и назначения человека в бытии. Далее о смысле истории (историософия), об историософии России, проблемы культурологические, политологические, общественные и политические...

Моё скитальчество, надеюсь, закончилось, я обрёл свой дом во всех смыслах. Жизнь складывается удивительно разнообразно. Моё любимое призвание – философия, в политику и в общественную жизнь я окунался вынужденно, но именно это отнимало большую часть моих сил и времени, политические периоды, даже успешные, как и «шабашка», сопровождалась депрессиями. Может быть, поэтому я не закончил что-то важное из моих философских грёз. В большинстве случаев приходилось вслепую пробиваться к цели, которую не вполне сознавал, но остро чувствовал. Как правило, осуществлял **свои** проекты и во всякой ситуации стремился обрести собственную нишу: *зачем делать то, что другие сделают лучше меня, я буду делать то, что никто другой не сделает*. Понятно, что большинство моих инициатив не приводили к результату, но удач хватало, чтобы считать такой подход вполне эффективным.

После захоронения императорской семьи в 1998 году все мои концептуальные и организационные инициативы не принимались властным и культурным слоем, что говорит о том, что я оставался чуждым и для идейно близкого из всех государственных режимов, которые я пережил. Тем не менее каждый период в моей жизни, каждое творческое осознание и общественное усилие не проходили бесследно, оказывались судьбоносным подготавливанием последующих прорывов и удач. Условия вокруг меня меняются, но мои принципиальные взгляды остаются неизменными. Из-за того что действовать приходилось по ситуации – отбиваться то слева то справа, мои общественные и политические позиции квалифицировались в общественности по-разному. Необходимость во имя внутреннего повеления игнорировать, отрицать или преодолевать господствующие мнения и образ жизни во все периоды оставляли меня в экзистенциальном одиночестве.

В сознательном возрасте я никогда не вписывался в общепринятые социальные формы, всегда приходилось конструировать собственную систему жизнеобеспечения. Во всякой среде я был пришельцем и чужаком. Вместе с тем как-то адаптировался в обществе и ориентировался в его проблемах. У меня всегда были задушевные друзья, но не было творческих единомышленников (кроме нескольких самых близких людей, понимал и принимал меня сполна только Гена Галкин, рано покинувший нас), а также профессиональных собеседников, с которыми можно было бы обсуждать своё заветное. С ушедшими русскими мыслителями мировоззренчески я чувствую большее родство, чем с современниками, в истории у меня больше единомышленников, чем в наши дни. И с современниками мне интереснее дискутировать на страницах статей и книг, нежели лично. Я скорее отношусь к *религиозно-философской вольнице*, которая характерна для традиции русской мысли.

Эта внекорпоративность имеет свои достоинства и свои слабости. Тяжелее всего было большую часть сил тратить на борьбу за выживание, а не на творчество. Зато в завоёванной творческой сфере я свободен, не обязан выполнять какие-либо корпоративные ритуалы и произносить пароли, не оглядываюсь на профессиональные и конфессиональные авторитеты, независим от расхожих предрассудков. Но поэтому же я могу быть субъективным, предвзятым, не вполне профессиональным. Судьба не предоставила мне получить глубокое и разностороннее образование, я не знаю других языков, у меня плохая память на даты и факты (познанное в своих наработках вбивается в память), и потому недостаточно знаю историю. Таковой опыт философского маргинала даёт возможность сосредоточиться на главном и многое видеть нетривиально. Были периоды творческого напряжения, когда мне трудно было читать серьёзные тексты, ибо тут же фонтанировала своя творческая фантазия, – только успевай зафиксировать. Я отдаю себе отчёт, что не владею многим в мировой философии, но не только потому, что изначально не получил глубокого образования, я сознательно отходил от изучения текстов, если они были чужды моей творческой интуиции. Я успел набросать мазки грандиозной картины, которая может привлечь кого-то последовать этому измерению экзистенции и просветить первоначальные догадки... То, что я пишу, ценно как личное свидетельство, индивидуальное видение, которое не претендует на объективность и научность в общепринятом смысле. Я формулировал не для читателя, не для того чтобы доказать кому-то что-то, а, прежде всего, для себя: без прояснения этих смыслов я не мог жить. Может быть, это и есть наиболее экзистенциальный подход в философии... Это частное богословское и философское мнение, которое будет «переварено» в соборном разуме и христианства, и профессионального сообщества. Такая позиция оправданна, ибо, как говорил Николай Бердяев, *«Истина открывается в субъекте, а не в объекте»*. А я убеждён в истинности своей позиции. Вместе с тем я уверен, что, как я писал в «Дневнике самосознания»: «21.05.85. *То, что я делаю, послужит к очищению религиозной совести православия и к духовному единению христианских церквей*».

При всей грандиозности картины, абрис которой мне удалось набросать, я сознаю, что это только начало пути в **иное измерение сознания**. Закономерно, что некоторые мои образы и мысли со временем, если и когда они разовьются в сложные концепции, могут выглядеть наивными. Это неизбежная плата за творческое дерзание. Поясню по аналогии с учением «Философия общего дела» русского философа **Николая Фёдорова**. Безусловно веря в грядущее телесное воскресение и бессмертие людей как победу над «*последним врагом*» – смертью, он не мог смириться с окончательной смертью даже одного человека. Его заветной мечтой было воскрешение всех людей. Он полагал, что рано или поздно наука откроет возможности собирать рассеянные молекулы и атомы, «*чтобы сложить их в тела отцов*». Естественно, возникал вопрос, как все воскрешённые поколения разместить, и взор философа обратился к космосу. Эта установка побуждает к научно-техническим поискам средств доставки в космос и расселения людей на других планетах. При наивности общих рассуждений его общепланетарное задание, а также устремлённость к космической экспансии безмерно расширили горизонт сознания многих последователей Фёдорова, что сложилось в традицию «русского космизма», с ноосферным мировоззрением **В. И. Вернадского**. Космическое измерение захватило творческое воображение **К. Э. Циолковского**. Его космическая философия, преисполненная утопических и научно-фантастических проектов, не исключала формулирования прорывных идей, в частности, в работе с говорящим названием «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Он впервые предложил использовать на космических ракетах жидкое двухкомпонентное топливо. В 1929 году он описал «ракетный поезд» – «*соединение нескольких одинаковых реактивных приборов*»... В инициированной Циолковским атмосфере технического исследования космоса формировались и устремления **Сергея Королёва**, – зачиналась эпоха грандиозного освоения Вселенной...

Я отдаю себе отчёт, что мои концепции радикально отрицают некоторые общепринятые в христианской традиции представления. Традиционные – не значит истинные, ибо устоявшиеся по каким-то историческим причинам взгляды не обязательно истинны. В этой связи я наблюдаю и предвижу несколько фаз отношений к моим текстам после того, как начал трансляцию их на более широкую публику – в видеобеседах и лекциях. Богословскую и философскую книгу «Под сенью Креста» мало кто берёт в руки, а из читающих мало кто доходит до её понимания. Поэтому ныне – это период своего рода молчания по этому поводу. Следующий закономерный этап, когда поверхностно познакомившиеся с моими текстами начнут радикальную полемику. Поскольку на этом уровне вступить в полемику, по существу, некому, противопоставить моим смыслам, по существу, нечего, то полемика будет сводиться к ругани, затем при отсутствии аргументов – к шельмованию и обвинению в ереси. У меня хватает духовной брони выдержать этот враждебный шквал. Вряд ли я доживу до этапа, когда начнут мои тексты постепенно осознавать, что требует расширения сознания, самоуглубления, сверхрефлексии... В том числе трансформации христианского сознания. По закономерностям мира сего для осознания того, что представляет собой мой творческий феномен, требуются десятилетия, если не столетия. Со своей стороны я делаю всё, чтобы дистанцию осознания сократить.

Я уверен, что мои философские изыскания рано или поздно раскроют перспективы новой формы познания, вплоть до прагматического эффекта в области новотехники. Сейчас вполне фантастически звучат некоторые рассуждения в главе «Космическое воплощение», измерение мировых энтелехий... Идущим вслед откроется картина неизмеримо более сложная, в которой мои творческие фантазии могут оказаться элементарными. Но главное – творческий порыв и прорыв в новые измерения бытия...

Проза

Александр Чумиков

Александр Чумиков – журналист и писатель, академический учёный и университетский профессор, альпинист и путешественник. Генеральный директор PR-агентства «Международный пресс-клуб». Доктор политических наук, автор более 40 учебников и монографий по проблематике коммуникационных технологий.

В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 году с мемуарной книгой «Записки PRофессионала (1991–2007)». В журнале «Берега» в 2016–2019 годах опубликовал повести «Москва-400», «Кам-са-мол!», «90-е»; в 2020-м – роман «Непал». Эти произведения вышли затем отдельными книгами в издательствах «Питер» и «АСТ». Повесть «90-е. Александр и другие» удостоена Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси».

ЗАПИСКИ ПРОФЕССИОНАЛА 2008–2024

Часть I

Заблуждаются не потому, что не знают.
А потому, что думают, что знают.

*Жан-Жак Руссо.
Рассуждение о начале и основании
неравенства между людьми, 1754 г.*

Pro что «Записки»

В 2008 году в издательстве «Питер» вышла моя книга «Записки PRофессионала» – красивая, хорошо свёрстанная, с цветными иллюстрациями. Она давно продана и существует теперь разве что в домашних библиотеках или пиратских копиях в Интернете. Так что большинство из открывших мой следующий опус вряд ли читали ту книгу. Но и пересказывать её не вижу смысла. А вот предисловие к «Запискам-2008» воспроизведу для ясности, а затем дополню.

Итак, вот что я писал тогда:

– Я Александр Чумиков. Друзья, товарищи, приятели – по работе, восхождениям; по бане, наконец, – зовут меня «профессор». Я и вправду профессор, со всеми положенными атрибутами, но это не главное. А главное в том, что я – пиарщик. Профессор и пиарщик – разные вещи? Ну, почему же! Оба понятия можно объединить красивой аббревиатурой «PR». А потом имплантировать её в оба слова: PRофессор, PRщик. Второе – что-то не очень. Лучше – PRофессионал.

Помню рассказ Ивана Бунина «Бернар». Там старый моряк говорит, умирая: «Кажется, я был хороший моряк». И сам Бунин признаётся, что хотел бы сказать о себе то же самое. Так и я хочу! Разве это плохо звучит: «Кажется, я был PRофессионалом». И в таком качестве делал жизнь свою и других, а не просто плыл по её течению.

Вот об этом и будет книга. Про русский PR. Как только его не называют: «чёрный и белый», «великий и ужасный», «бессмысленный и беспощадный»! Вы окунётесь в своеобразную PR-хронику, привязанную к конкретным годам, начиная с 1991-го, когда началась новая Россия и когда я стал изъясняться в указанном выше качестве. Каждому году сопутствовали значимые события, организации и, конечно же, люди. Как к этому всему подходить? Многие авторы сразу заявляют: все события и персонажи вымышленные, все совпадения случайные – дабы обезопасить себя от неприятностей. Но я выбираю другой путь. Все описанные в книге события действительно имели место.

Что же касается организаций и людей, то подавляющее большинство из них назову по именам и фамилиям – ровно тем, что организациям и моим героям принадлежали. В немногих случаях сделаю исключения – когда информация о лицах и компаниях может считаться конфиденциальной, либо существуют иные юридические или этические ограничения. Но вымышленных фамилий и названий употреблять всё равно не буду.

Это не автобиография! И не полная хронология событий!! И далеко не про всех родственников, а тем более знакомых и партнёров здесь сказано. Старался писать о том, что вам, читателям – как связанным с PR, так и нет – может показаться интересным...

* * *

Прежние обещания остаются в силе, но кое-что добавлю. В той книге описаны события с 1991 по 2007 год, то есть на протяжении 17 лет. Получается, что к моменту написания следующих «Записок PRофессионала» прошло ровно столько же! Значит, теперь перед вами откроется время с 2008-го по 2024-й.

Есть ли принципиальная разница между этими периодами? А как же! 90-е, как вы помните, назывались «лихими», 2000-е – «тучными». Так что предстоит описать конец «тучных», а затем «кризисные» 2010-е. Каждое десятилетие представляет собой не менее чем новую эпоху! А 2020-е, когда пришла пандемия коронавируса, а потом война? Они в разгаре и тянут на сверхэпоху, название для неё история выдаст позже. «Апокалипсис», «прорыв», «новый мир»? Посмотрим.

Но я бы определил различия и по-другому: раньше было время фиксации фактов и действий, но постепенно, по нарастающей, наступало время для приоритета смыслов. Как они увязываются со значимыми для всех нас событиями и вкладываются в наши головы, чтобы мы верили: всё знаем, понимаем и поступаем правильно – вот об этом в конечном счёте и пойдёт речь.

Ну, вперёд, что ли...

2008. Дело – табак

В 1990-х – начале 2000-х Международному пресс-клубу (МПК), который я основал и возглавлял, довелось работать со знаменитой табачной компанией «Филип Моррис» (ФМ). Предчувствую, что иной читатель сразу вскрикнет: что, вредные табачные продукты продвигали, здоровье народа гробили?! Да куда там! Ни слова о табаке! Всё больше социальная ответственность и добрые дела. С точки зрения корпоративной философии ФМ, конечно.

«Во всех странах мира, где мы ведём свой бизнес, – заявляет компания, – наши цели состоят из двух частей: помощь местным сообществам и решение глобальных проблем». И рассказывает о том, как борется за снижение выбросов парниковых газов и потребления воды, сокращение отходов, повышение энергетической эффективности. Как запускает программы качественного образования и профессионального обучения; как расширяет экономические возможности и права женщин, защищает рабочих-мигрантов. Сюда же отнесём и расширение доступа населения к культурным ценностям. Серьёзно? Вполне. В компании, демонстрирующей открытость (когда она выходит «в народ») и абсолютно неприступной (когда «народ» хочет заглянуть в ФМ), подразделения продаж и PR-GR (в ФМ это «public affairs») в принципе разделены. С последними и приходилось взаимодействовать.

В чём? Ну, например, в проведении международного оперного фестиваля «Филип Моррис представляет золотые голоса мира в Москве». Заметьте: никакого подвоха! В Большом зале Московской консерватории действительно выступали звёзды российской и мировой оперной сцены: народные артисты России Ирина Архипова, Владимир Спиваков, Ольга Бородина, Сергей Лейферкус и другие. Снимались музыкальные фильмы для телеканала «Культура». Распространялись бесплатные билеты на концерты.

А мы? Мы работали с прессой, а также устраивали очень милые завтраки и обеды артистов с представителями ФМ. Журналисты откликались на это вполне пристойно, без всяких подковырок и экивоков, пресс-конференции и концерты с удовольствием посещали.

Ну, да это в прошлом. К 2008-му контракты МПК с «Филип Моррис» завершились, но тут... Этот неустаревающий оборот-интрига («но тут», «и тут», «а тут») вроде бы и банален, однако без него

не обойтись: использовал раньше, теперь, намереваюсь применять и в будущем! Или так: но вот однажды...

Однажды у нас в офисе объявился представитель американской «Campaign for tobacco free kids» (ТФК – кампания за детей, свободных от табака) – одной из ведущих организаций международного уровня по борьбе с курением. И предложил провести серию антитабачных семинаров для российских журналистов. Но почему только дети? Да потому, что со взрослыми курильщиками вопрос, как говорится, решён: большинство начавших курить не бросают это дело никогда, так что в защите нуждается прежде всего будущее поколение. С точки зрения интересов табачников оно и подлежит вовлечению в процесс. Табачные компании об этом, разумеется, никогда не говорят и более того – громко и звонко заявляют решительное «нет» курению среди несовершеннолетних. Но дальше следует любопытное продолжение: курение – это выбор взрослого человека, и когда вы подрастёте, то с полным демократическим правом определите для себя, что лучше – курить или не курить...

Информационная война между борцами за tobacco free и производителями вредного продукта идёт не на жизнь, а на смерть. Антитабачники рассказывают о знаменитостях, погибших от курения. Скажем, о том, как трое из четырёх артистов, изображавших знаменитого ковбоя Marlboro, умерли от онкологических заболеваний. Производители табака и их агенты, напротив, говорят о жертвах антитабачной кампании. Приводят пример аж из 1501 года, когда испанца Родриго де Переса (члена экспедиции Колумба) инквизиция приговорила к тюремному заключению за курение: испанцы были поражены тем, как он выпускал дым изо рта, и решили, что моряком овладел нечистый.

Ну, значит, получаем заказ на антитабачные семинары. Надо, говорит представитель ТФК (назовём его Майк), провести несколько семинаров в Москве. Исходя из опыта общения с американцами, знаю, что они люди умные и деньги считать умеют. С другой стороны, слишком прямолинейны и не очень понимают сложные решения, а любят простые. Отсюда строю следующий диалог:

- Я: а зачем несколько семинаров? Может, собрать много журналистов сразу?
- Майк: отличная идея! И, видимо, это будет дешевле?
- Я: да, но менее эффективно, поскольку получится не семинар, а публичная лекция.
- Майк: х-м-м... А как же тогда поступить?
- Я: провести семинары в регионах. А подешевле будет, если свезти журналистов в один наиболее привлекательный регион, кроме Москвы, а там разбить их на группы для отдельных занятий.
- Майк: в какой же?
- Я (лето, думаю, самому к морю хочется, а может быть, так ...? И продолжаю без особой надежды на успех): давайте поедem в Сочи! Этот прекрасный регион провозгласил себя «городом без курения»!
- Майк: великолепно, принимается!

И повезли мы журналистов в Сочи. Собрали серьёзный пул экспертов, которые в промежутке между морскими купаниями рассказывали об ужасных последствиях курения. Рыцари пера и камеры настолько впечатлились, что дымили, стыдливо прячась в разрешённые для курения, но скрытые от глаз публики уголки побережья.

А был ли последующий медийный выхлоп? Конечно. Ведь если вы пишете о благих делах табачных компаний – это реклама, а когда освещаете влияние их продукции на здоровье человека – вроде как просто актуальная информация. К тому же и эмоционально люди здорово загружались. Например, огромный цветной плакат, представленный в бумажном и электронном вариантах, не убеждал вас в том, что «капля никотина убивает лошадь», оставляя этот тезис за кадром как очевидный. Он просто показывал, в какой части вашего организма скорее всего заведётся (что произойдёт непременно) этот самый *cancer* – рак, по-нашему.

Впрочем, хотелось бы вспомнить не только это, но и урок, преподанный мне и слушателям мейнджерами ТФК...

Среди приглашённых экспертов были представитель фармацевтической компании и врач. В своих выступлениях они «дули в одну дудку» и продвигали тезисы о необходимости увеличить осведомлённость курильщиков о возможностях прекратить употребление табака. Мол, здесь поможет терапия, заменяющая никотин, в частности, никотиновая жвачка и пластырь. А основные помощники в намерении бросить курить – это фармацевты и работающие вместе с ними медики; они дают советы о правильных способах «бросания».

После завершения «врачебно-фармакологических» выступлений ко мне подошёл Майк и сказал, что если эти эксперты ещё раз появятся на наших семинарах, то контракт между ТФК и МПК придётся расторгнуть.

???!!!

«Ларчик» открылся чуть позже, когда мне и моим ребятам дали ознакомиться с рекомендациями, раскрывающими «суть темы вопроса». Оказывается, «ключи» к разгадке неочевидных целей внешне «просветительской», но фактически лоббистской кампании фармацевтов кроются в следующих тезисах, лишь первый из которых является открытым и публичным: многие люди хотят бросить курить, но без помощи консультантов и препаратов это сделать невозможно; фармацевты в аптеках, медицинские журналы посоветуют эффективные средства для избавления от табачной зависимости.

Из этого вытекала глубоко запятанная и никогда не произносимая вслух коммерческая подоплёка: чем больше потребителей задумаются о вреде курения, тем больший рынок сбыта получают фармацевтические компании; чем больше граждан начнёт (продолжит) курить, а потом будет находиться в процессе постоянного «бросания», тем больше средств борьбы с никотиновой зависимостью удастся продать.

В общем, как говаривал Марк Твен: «Нет ничего проще, чем бросить курить! Я делал это сто раз». К этому следует добавить, что, по данным многих исследований разных лет, до 90 % курильщиков не бросают курить окончательно никогда. Отсюда затраты на проведение «лекарственных» антитабачных кампаний являются практически бессмысленными для курильщиков и лоббистскими и прибыльными для фармацевтов. Всемирная организация здравоохранения выработала поддерживаемый ведущими государствами планеты подход, стоящий на «трёх китах» – главных мерах в иерархии борьбы с курением: это повышение акцизов на табачные изделия, ограничение точек продаж и мест курения табака, пугающие картинки и надписи на упаковках продукции. Табачники реагируют на «китов», как быки на красную тряпку: государство поднимет цены на сигареты – рынок заполнит контрафактная продукция, вы запретите курение в кафе и ресторанах – люди станут обкуривать своих домашних. Картинки... – так дети их станут коллекционировать!

Такое это тонкое дело – табак...

* * *

И вот тут (!), в проблемные с точки зрения борьбы с табаком и абсолютно спокойные с позиций мира и моря дни, бабахнуло. Вы забыли? Правда, бабахнуло, да ещё как! Прямо в дни семинара, 7–8 августа, Грузия начала военную операцию в Южной Осетии, а российские войска ответили своей, «принуждающей к миру».

И что же (как в фильме «Кавказская пленница»), к миру принуждал тоже я вместе с МПК? Нет, обошлось без нас. Обошлось, но замысловатым зигзагом-рикошетом коснулось. Об этом дальше.

2009. Осетинские пироги: три, два, один

Несколько ранее я читал лекции в негосударственном вузе «Институт цивилизации» во Владикавказе, знакомился с осетинами и их обычаями. Особенно мне понравилось про осетинские пироги. Когда проводится какое-то торжество, а может, вы просто пришли в гости, на стол выставляется обязательно три пирога. Они символизируют начало всего сущего: первый пирог – Бог, второй – Небеса и Солнце, третий пирог – Земля.

Но если это печальное событие, связанное со смертью людей, например поминовение, будет только два пирога: раз покойник больше не увидит света, пирог-Солнце нужно убрать.

А что означает один пирог? Осетинский эпос данную ситуацию никак не трактует, а посему предложу свою версию: это студент забежал домой или в кафе перекусить.

Вскоре пришлось на практике испытать все три варианта...

В январе 2009-го ко мне в Москву подъехал Алан Диямбеков, владелец рекламного агентства «Зебра» и проректор упомянутого выше Института цивилизации, а позднее – гендиректор ГТРК «Алания» и министр туризма Республики Северная Осетия – Алания (РСО-А). Это было время, когда и МПК, и ряд других PR-структур активно осваивали такую коммуникационную нишу, как брендинг территорий. В этом ракурсе и состоялся наш разговор.

Думали «от противного». В республике не развеялась и даже периодически обострялась печальная память о трагедии с захватом боевиками-экстремистами заложников в бесланской школе 1 сентября 2004 года. В 2008-м были застрелены мэр и экс-мэр Владикавказа.

Регион годами сотрясали конфликты, связанные с противостоянием ингушей и осетин из-за Пригородного района. Напомню в двух словах историю этого конфликта. В период Великой Отечественной войны, в 1944-м, чеченцы и ингуши были депортированы в Казахстан и другие республики Средней Азии. По официальной версии – за сотрудничество с оккупантами, антисоветскую деятельность и бандитизм. Упразднили и саму Чечено-Ингушскую АССР, создав вместо неё Грозненскую область. Часть районов прежней автономии передали Северной Осетии, куда и заселились осетины. После реабилитации 1957 года переселенцы начали возвращаться домой. Но ингушам из Пригородного района теперь уже другой республики ехать было некуда: их дома уже заняли осетины. Конфликт тлел и периодически разгорался, а в 1992-м вылился в массовую резню. Недовольных временно уgomонили, но бомбу замедленного действия не обезвредили...

Возникали периодические разборки с «водочной мафией» – нелегальным оборотом спиртного в республике: криминальные сделки, рейдерские захваты, убийства...

В общем, репутация РСО-А в общероссийском пространстве сложилась, мягко говоря, не очень приятная. И тут (опять вспомним «Кавказскую пленницу» с мудрой сентенцией «кто нам мешает, тот нам поможет») грянули военные события в Южной Осетии, когда буквально всё медийное пространство обсуждало грузинскую агрессию и противодействие ей на территориях соседствующих осетинских республик. Причём события освещались не в негативном, а в нейтральном (через Северную Осетию продвигались российские войска) и даже позитивном аспектах (помощь республики братскому южноосетинскому народу). Таким образом, у руководителей РСО-А, чьим посланцем выступал Алан, возникла креативная мысль – использовать случившееся как повод для улучшения репутации своего края, а далее заняться динамичным развитием регионального бренда.

Вскоре Северная Осетия стала для меня и коллег из МПК если не родным домом, то приятным во всех отношениях местом, а лидеры республики – друзьями. В первую очередь хотелось бы вспомнить Сергея Керменовича Такоева, чьё жизнеописание давно заслуживает детективного романа или фильма-триллера. В середине 2000-х он руководил администрацией Главы Республики и параллельно являлся президентом футбольного клуба (ФК) «Алания». В 2005-м, благодаря усилиям заместителя генерального прокурора РФ Владимира Колесникова, в отношении С. Такоева возбуждается уголовное дело по факту якобы превышения должностных полномочий. Обвинение выдвигается, мягко говоря, жёсткое: мол, финансовые средства, предназначенные для полка по охране административной границы с Ингушетией, откуда пришли боевики в бесланскую школу, направлялись на финансирование ФК. Но, как писал впоследствии «Коммерсантъ», «Генпрокуратура проиграла в футбол»: в 2009-м С. Такоев был полностью оправдан с компенсацией всех зарплатных потерь за время нахождения под следствием. Правда, незадолго до этого он пережил ещё и покушение и получил две пули из автомата Калашникова...

Вот в этот «промежуточный» (между покушением и снятием обвинений) период мы и встретились с Сергеем. Солнечный, как осетинский пирог, С. Такоев постоянно излучал внешний и внутренний оптимизм и думал не о всякой перечисленной выше «ерунде», а исключительно о будущем. Оно и пришло: вскоре Керменыч стал отцом двух дочек-близнецов, а потом и ещё трёх малышек; вице-премьером, вновь руководителем администрации, а затем и председателем правительства РСО-А. В общем (цитирую заголовок журнальной статьи того времени), «Он один такой, Такоев». Ну и главное для нашего повествования: мы придумали и в течение нескольких лет реализовывали программу территориального брендинга «9 больших приоритетов маленькой республики». Среди приоритетов (информационных драйверов) продвигались такие, как «Маленькая Республика – большой мир на Кавказе», когда транслировалась миротворческая позиция Северной Осетии в регионе; «Маленькая Республика – большая культура» – смотрите-ка, сколько известных всему миру имён выходцев из Алании: Коста Хетагуров, Евгений Вахтангов, Михаил Булгаков, Валерий Гергиев, можно перечислять и дальше; «Маленькая Республика – большие герои» и т. д.

Давайте немного о героях. О «проблемном» поведении в период Великой Отечественной войны представителей ряда народностей Северного Кавказа и последующей депортации бегло говорилось выше, да и вообще хорошо известно. Но только не об осетинах, которые всегда верно и образцово

служили Родине: 79 воинам из Осетии было присвоено звание Героя Советского Союза; 12 представителей республики стали кавалерами ордена Славы трёх степеней; 45 человек – маршалами, генералами и адмиралами; 60 тысяч награждены орденами и медалями Советского Союза за ратные подвиги.

Остались в памяти знаковые имена: Георгий Хетагуров, генерал армии, Герой Советского Союза; Исса Плиев, генерал армии, дважды Герой Советского Союза; Хаджи-Умар Мамсуров, генерал-полковник, Герой Советского Союза, один из основателей Главного разведывательного управления Советской Армии, герой романа Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол» в лице полковника Санти...

Вокруг всего этого и велась информационная работа. Мы привели в республику финал Всероссийского конкурса СМИ «Слава России», посвящённого дням воинской славы Отечества, а вместе с ним – десятки журналистов со всех концов страны. В маленькой республике есть дополнительное большое преимущество: её можно объехать за несколько часов, и этот бонус МПК в полной мере использовал.

Здесь интересна следующая мини-история. Для награждения победителей в номинациях конкурса «Слава России» мы искали образы выдающихся полководцев – символов победных для нашей страны эпох и событий. Особых дискуссий не возникло: выбрали и отлили в бронзе статуэтки Александра Суворова, Михаила Кутузова, Петра Нахимова, Георгия Жукова. Но возник вот какой вопрос: кого сделать символом номинации «Слава России – герои наших дней»? И вновь вспомнили военные события 2008-го в Южной Осетии.

Тогда, 9 августа, при въезде в Цхинвал, колонна с командующим 58-й армией генерал-лейтенантом Анатолием Хрулёвым и группой корреспондентов попала в засаду. Заместитель командира 135-го мотострелкового полка по воспитательной работе (наш брат-пиарщик, однако) майор Денис Ветчинов первым заметил противника, открыл огонь из автомата и пулемёта и фактически спас командующего и журналистов, но сам был тяжело ранен и погиб. Майору посмертно присвоили звание Героя России, а во Владикавказе и Цхинвале установили бюсты. Д. Ветчинов и стал нашим символом. Мы пригласили в Москву автора бюста краснодарского скульптора Александра Аполлонова, и он изготовил для конкурса «малую форму».

Награждение победителей медийного конкурса, торжественный ужин с журналистами – это, конечно, три пирога.

А два пирога – это Беслан и закованная в саркофаг для сохранения памяти всему миру школа, где в результате теракта боевиков в сентябре 2004-го погибли 333 человека. Среди более тысячи заложников находились и двое детей главы Северной Осетии Таймураза Мамсурова. Приходилось встречаться и с ним, но во время бесед я не спрашивал лидера республики про тот момент – о нём рассказали очевидцы. Когда экс-президент Ингушетии Руслан Аушев шёл на переговоры с террористами, он предложил Т. Мамсурову вывести его мальчика и девочку. «Нет, пусть будут как все», – категорически ответил тот. Дети чудом остались живы...

На деревянном полу сохранённой школы год от года бледнеют, но остаются заметными пятна крови. В спортзале, где содержались заложники, стоят фотографии погибших, игрушки, бутылки с водой – людям не давали пить. Рядом кладбище, «Город ангелов», где похоронено 186 детей. И памятник 19 спецназовцам ФСБ, работникам МЧС и МВД, которые бросились в пекло взрыва и пожара, не успев надеть бронежилеты...

Вечная память.

Учебники и волшебники для Саяно-Шушенской ГЭС

Популярный советский певец Марк Бернес исполнял такую песенку:

...Почему, дружок, да потому,
Что я жизнь учил не по учебникам,
Просто я работаю, просто я работаю
Волшебником...

А в селе Шушенском Красноярского края отбывал ссылку самый успешный революционер всех времён и народов Владимир Ильич Ленин. Он жизнь учил как раз по «учебникам» – Гегеля, Фейербаха, ну и конечно Карла Маркса. А также готовил материалы для новых «учебников».

Вероятно, вы задумались, какая тут связь, между кем и чем, и есть ли она вообще? По мне, так есть.

Утром 17 августа 2009 года в милом посёлке Черёмушки «заморгали» лампочки. Что-то знакомое в названии, правда? Конечно, поскольку «черёмушек» в России насчитывается хотя бы с десяток. Но мы будем говорить о том поселении, что находится в Хакасии. Перебои с электричеством начались даже в Абакане, главном городе республики, до которого от посёлка почти 100 километров, а также по всему региону. Но радио работало исправно: оно не доносило тревожных новостей, да и вообще никаких – реклама, музыка, музыка, музыка...

Однако люди забеспокоились. Они грузились в машины, мотоциклы, велосипеды, а иные уходили пешком, забирая с собой документы и деньги, газовые плитки или примусы, соль и спички, хлеб и крупы, кошек и собак. Люди бежали. Куда? На сопки, что повыше.

Многие автозаправки не работали: колонки не качали бензин без электричества. В магазинах выстроились очереди, а в некоторых уже не стало хлеба, молока и сигарет – всё выбрали.

Люди знали, что Черёмушки волна может накрыть в любую минуту, Абакан – через три часа после этого... Какая волна?

17 августа 2009 года на Саяно-Шушенской ГЭС (а посёлок Черёмушки как раз рядом, он «пристанционный») произошла техногенная катастрофа: вышли из строя девять из десяти гидроагрегатов станции, хлынувшие потоки воды затопили машинный зал и помещения под ним. Почти мгновенно погибли 75 человек, другие спасались как могли. Выбравшиеся на волю люди пытались звонить родным и призывали готовиться к эвакуации. Воду не удавалось остановить в течение нескольких часов, и она поднялась близко к самой высокой отметке ГЭС – 327 метров над уровнем моря. По Енисею расплывалось огромное масляное пятно... Однако уже к вечеру паника прекратилась, и люди начали возвращаться домой.

Так в чём суть, связь и где волшебники и учебники? А вот где.

За три года до этого мне позвонили из компании «ГидроОГК», управляющей 13 крупнейшими российскими ГЭС и предшественницей современной «РусГидро», и предложили провести семинар по антикризисным коммуникациям для PR-специалистов станций. Что ж, дело привычное, поскольку оба диссера и несколько учебников у меня написаны по этому направлению. Так что я перешёл сразу к конкретике и поинтересовался местом, где мы в Москве будем проводить нужную встречу. И очень удивился, когда услышал, что семинар состоится вообще не в столице.

– А где же?

– В Черёмушках.

– Всё-таки московских?

– Нет, Саяно-Шушенских.

– Так далеко? И вы сумеете собрать туда пиарщиков со всех российских ГЭС?

– Да, именно так...

Да, собрали и провели. И через несколько месяцев после аварии, когда в «мирное время» пришлось вновь встретиться с сотрудниками пресс-службы Саяно-Шушенской ГЭС, работавшими в самом «пекле», я, не будучи очевидцем чрезвычайного происшествия, задал им свои профессиональные вопросы:

– Как складывалась тогда информационная ситуация и что делали вы?

– В первые часы никакой ясности не было. Никто из органов власти не брал на себя ответственность комментировать случившееся. При этом поползли ужасающие слухи и началась паника, люди просто побежали.

– И тогда?

– И тогда... мы достали те самые «тетрадки» трёхлетней давности, что заполняли на наших с вами занятиях, и сделали то, что там написано. Ситуация успокоилась...

Что же такого чудесного и таинственного рассказывал я нерастерявшимся PR-коллегам с Саяно-Шушенской ГЭС, если это помогло хоть как-то снять напряжение в первые и самые опасные моменты после аварии? Извольте. Впрочем, «секреты» описаны в тех самых моих учебниках, по которым волшебник из песни не учился жизни. Рассчитаны «секреты» как раз на ситуацию, когда «ничего не понятно». Но ясности может не быть ещё очень долго, а действовать нужно немедленно. Более того: направляемая в СМИ или непосредственно целевым аудиториям информация может успокоить

ситуацию и остановить панику отнюдь не только за счёт новых сведений. Да и будут ли они обнадеживающими? Важно другое: довести до общественного сознания и прочно закрепить простые и непременно оптимистичные тезисы:

Непосредственная угроза от аварии ликвидирована, прямой опасности нет.

Создана специальная комиссия, рабочая группа и т. п. для определения причин ЧС и защиты интересов потерпевших.

Приняты необходимые решения, направленные на нормализацию ситуации, будет обеспечено постоянное информирование об их выполнении.

Начаты работы по устранению последствий ЧС.

Видные деятели высказались в поддержку компании.

Рядовые граждане, широкие слои общественности демонстрируют понимание ситуации и поддерживают усилия властей и персонала.

Планы компании на перспективу существенно обновлены и гарантируют недопущение подобных ЧС.

Действуют программы поддержки потерпевших.

Хотите задать каверзный вопрос типа «а где всё это взять»? Замечу, что материальных вложений, на первый случай демонстрационных, требует только последний пункт – все остальные позиции должны стать предметом интеллектуально-организационной деятельности и занять несколько часов. Например, в отсутствие результатов экспертизы вы можете выработать версию случившегося, правдивую и благоприятную для целевых аудиторий. Имея в виду, что версия (предположение) не является ложью, а тем более преступлением. Что делать, когда она подтвердится или будет частично или полностью опровергнута, – это вопрос следующего этапа работы.

В 2010-м пресс-служба «РусГидро», руководимая Еленой Вишняковой, представила публичный доклад «Саяно-Шушенская ГЭС: год спустя. Возрождение», где приводился полный набор произведённой за этот год PR-«конкретики». Вот здесь уже присутствовало настоящее волшебство! Позволившее привлечь на свою сторону журналистов, успокоить людей, сохранить репутацию ГЭС и российской гидроэнергетики в целом. Не претендуя на чужие лавры, признаюсь, что участия я в нём не принимал. Но наработанный опыт в очередной учебник включил. Чтобы следующие поколения извлекали уроки. По-ленински!

Адмирал Квятковский, Мамаев курган и меморандум о патриотизме

Большинство слов русского языка очевидны только по ключевым словарным определениям и числу входящих в них букв. Смыслы слов чаще всего неочевидны. Так? Нет, неверно. Смыслы всех слов неочевидны всегда. Но есть среди них самые неочевидные слова, и одно из них – патриотизм.

В 2009 году МПК вместе с Российским военно-патриотическим культурным центром при Правительстве России и Министерством обороны РФ проводил в Волгограде Всероссийскую конференцию «Вклад средств массовой информации в обеспечении реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан РФ»».

Встал естественный вопрос: как определить этот вклад? Можно, конечно, не утруждать себя и взять за основу понятие «любовь к Родине», а дальше «штамповать» медийные опусы на предмет соответствия данному определению: этот вот материал патриотичен (то есть журналист любит Родину), а этот – нет (автор Родину не любит). Но дело в том, что на конференции заведомо собирались те, кто Родину любит. Отсюда возникла задача как-то разобраться в содержании этой любви. Сначала разбирались в узком кругу, то есть между организаторами.

Слово взял председатель оргкомитета конференции и директор Росвоенцентра Юрий Петрович Квятковский, человек интересный, заслуженный и совестливый. Что касается первых двух эпитетов, то о них говорят звание вице-адмирала и почти детективная морская биография: командир подводной лодки С-276 Северного флота, заместитель начальника отдела Разведывательного управления Главного штаба Военно-морского флота России, потом заместитель начальника и начальник разведки Северного флота и наконец – начальник разведки всего ВМФ.

Касательно совестливости – не слишком массового качества у государственных чиновников – приведу некоторые памятные зарисовки. В рамках совместных мероприятий с Росвоенцентром мне

неоднократно приходилось встречать уважаемых людей – министров, их замов, депутатов Госдумы – прямо у трапа лайнера или в зале прилёта. Государственные VIP-персоны путешествовали, естественно, бизнес-классом, а вот Ю. Квятковский летал «как простой инженер».

– Юрий Петрович, вы почему берёте эконом-класс? – интересовались высокопоставленные коллеги. – Вам ведь по статусу положен бизнес, оплачиваемый за счёт госбюджета.

– Да, положен. Но жалко мне государственных денег, – отвечал Юрий Петрович, – пусть на что-то более полезное пойдут...

Так вот о патриотизме.

– Для меня всё понятно, – говорит на заседании оргкомитета конференции вице-адмирал Ю. Квятковский. – Патриотизм есть служение Родине. Я и книжку об этом написал под названием «Мы вместе служили флоту». Да, служили, выполняли свой патриотический долг...

Зам. руководителя Росвоенцентра генерал-полковник Владимир Иванович Гребенюк, в прошлом заместитель начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР, был ещё более категоричен:

– Патриотизм – разве это не очевидно? Абсолютно понятно, что это такое, так что и разбираться нечего...

Но тут «карты спутал» состоявший в оргкомитете свободолюбивый и абсолютно «независимый» редактор одного из СМИ:

– А вот Лев Николаевич Толстой в очерке «Патриотизм и правительство» писал в 1900 году, что патриотизм – это рабство. Человек под влиянием патриотизма признаёт себя рабом своего правительства и совершает поступки, противные разуму и совести...

Адмирал с генералом урезонили, конечно, бунтаря-журналиста, но понятию «патриотизм» это ясности не прибавило.

Вне заседания оргкомитета состоялась и ещё одна интересная беседа, прямо скажем – непрогнозируемая. На центральной площади Волгограда в большом красивом здании с колоннами располагается НЭТ – Новый экспериментальный театр. В 2009-м художественным руководителем НЭТ работал Отар Иванович Джангишерашвили – заметьте, народный артист России. Поставленные им спектакли были популярны у горожан. Но наш диалог касался не творчества, а такой малозначимой бытовой мелочи, как аренда зала для конференции.

– У вас бюджет на это есть? – поинтересовался народный артист.

– Да, 300 тысяч рублей.

– Мало, давайте хотя бы 500. Ну и персоналу нужно что-то заплатить.

– Видите ли, я располагаю суммой фиксированной и подлежащей отчётности. Да и событие патриотическое...

Далее народный выдал:

– Патриотизм сегодня – это бабки!

Ошарашенный, я пожелал Отару Ивановичу творческих успехов и удалился на поиски места, «где оскорблённому есть чувству уголок». Утверждаясь в мысли, что с патриотизмом всё-таки придётся разбираться.

Хороший зал для конференции мы, конечно, нашли, и внешний патриотический антураж обеспечили, но главное – произвели на свет в ходе нешуточных дискуссий документ под названием «Меморандум о патриотизме». То есть памятную записку, по которой журналисты могли бы в перспективе «сверять часы» своих материалов о достижениях и проблемах родного Отечества. Что же в нём было?

В начале любого информационного эталона, а меморандум таковым и являлся, должны присутствовать актуальные для составителя трактовки ключевых понятий. В сокращённом варианте они формулировались так: Патриотизм есть любовь к своей Родине, сопричастность к истории, культуре и достижениям страны. Патриотизм – важнейшая духовная ценность человека и вытекающая из неё гражданская позиция; готовность к достойному, самоотверженному служению России.

Мы отличаем патриотизм, с одной стороны, от космополитизма – мировоззрения мирового гражданства, ставящего общечеловеческие интересы и ценности выше интересов отдельного государства; с другой – от шовинизма как идеологии агрессивного национализма, проповедующего национальную исключительность и превосходство. Мы придерживаемся подхода, при котором интересы Родины и мира, своего народа и человечества понимаются соподчинёнными...

Русский коллективный, соборный патриотизм стоит выше личных, семейных и групповых пристрастий и интересов...

Иногда патриотизм становится объектом критики и приобретает негативный оттенок. Но следует понимать, что негативные оценки патриотизма привязаны к вполне определённым социально-историческим контекстам; они не требуют принятия или отвержения, указывая на то, что подобные факты не должны повторяться...

Для каждого человека понятие патриотизма индивидуально. Люди хотят любить свою страну как заботливую, демократичную, толерантную, богатую. И чем в большей степени она будет такой, тем выше станут патриотические чувства...

К сожалению, проявляется и так называемый «ура-патриотизм», которым некоторые «профессиональные патриоты» пользуются, чтобы «заклеймить» оппонентов и обвинить их в недостаточном патриотизме. Этот показательный, митинговый подход дискредитирует патриотизм в большей степени, чем критика...

После такого рода констатаций в «Меморандуме» следовал анализ современного медийного поля и рекомендации средствам массовой информации.

* * *

Конечно, потом были и сохранившаяся стена легендарного дома Павлова; и полуразрушенное здание паровой мельницы, оставленное как память о войне; и восстановленный на Привокзальной площади фонтан «Детский хоровод» – иллюстрация к сказке Корнея Чуковского «Бармалей»; и гигантская, уходящая в небо скульптура Родины-матери; и закрывающий её воин с лицом маршала Василия Ивановича Чуйкова на Мамаевом кургане. Были мгновения, когда возникало глубокое и понятное чувство, действительно не требующее какой-то расшифровки...

Когда официальные мероприятия завершились, руководители мемориального комплекса предложили организаторам снять галстуки и выйти на природу «по-простому». Мы поднялись на верхушку кургана, прошли по нестриженной траве и остановились возле большой деревянной катушки от электрического кабеля. А что – хороший стол! Нарезали хлеба, колбасы, разлили водку в складные металлические стаканчики. Выпили.

– Всё-таки зря столько вокруг патриотизма наворотили. Нормальный человек его суть и так хорошо понимает, – сказал генерал Гребенюк.

– Да! Патриотизм – служение Родине, – поддержал его адмирал Квятковский.

– А вот Лев Толстой... – начал «независимый» редактор.

Я выпил за наши победы и повёз «Меморандум» в типографию – завтра надо было раздать тираж журналистам.

2010. Академия наук и чёрная краска для террориста

Стоя на окровавленном полу бесланской школы, я никак не мог подумать, что и самому придётся вскоре заниматься проблемами терроризма, а точнее – его жёстким антипиаром. Можно, как и в случае с простой трактовкой патриотизма, поставить вопрос коротко: терроризм – зло, террористы – преступники, и с ними надо беспощадно бороться, да и дело с концом. Только «конец»-то этот весьма витиеватый. Например, был чеченский воин в период трагедии в Беслане для нас – террористом, а для «них» – повстанцем и борцом за свободу. Двадцать лет спустя мы стали называть его бойцом-героем, а западники – агрессором-головорезом...

Напомню, что в марте 2010-го с интервалом в 48 часов произошло сразу два теракта: взрывы террористов-смертников в московском метро и на трассах дагестанского города Кизляра; в обоих случаях число жертв исчислялось десятками. Так совпало, что именно в этом году я получил приглашение от моих товарищей – академика Российской академии наук Михаила Горшкова и членкора РАН Анатолия Дмитриева – занять должность главного научного сотрудника в Центре конфликтологии Института социологии РАН. Ничего необычного или случайного здесь нет, поскольку ещё в 1990-х я писал диссертации по управлению конфликтами и тему эту вместе с упомянутыми коллегами активно продвигал. Позиция «0,5 ставки» не требовала расставания с Международным пресс-клубом,

а скорее предполагала его участие в академических проектах, и мы включились в работу. Первым проектом и стало исследование проблематики терроризма с подготовкой прикладных рекомендаций.

Тут важно понять вот что. Предложения гуманитарных институтов РАН властным структурам, как правило, глобальны: расширить, углубить, поставить во главу угла, уделить приоритетное внимание, разработать концепцию и т. п. Не то чтобы это плохо, но на непосредственные действия не выводит. Я же хотел максимально конкретного, пусть и не очень «академичного» результата. А предшествовала ему – да-да – всё-таки концепция. Обосновывающая понятие «информационного эталона антитеррористических текстов».

В чём здесь заключается наша, пиаровская задача? В том, как сообщать людям об этих самых терактах, к сожалению, неизбежных в настоящем и в будущем. О самих террористах, о героях и пострадавших, об особенностях спецопераций. Какими терминами и смыслами при этом оперировать.

В XXI веке, когда доступный объём фактических данных и «подсказок» к ним стал фактически безграничным, все эти вопросы существенно обострились. Как никогда важными стали так называемые объяснительные модели социальной реальности, рассчитанные на поддержание стабильности в обществе и выполняющие функцию упрощения сложных ситуаций в восприятии населения. Если попроще, то ставим «вопрос ребром»: под каким оптимальным «соусом» «подавать» террориста?

Георгий Почепцов, мой давний коллега и один из основателей отечественной PR-теории, рассуждал следующим образом: управление восприятием предполагает короткий и чёткий список поступков. При их описании на первое место должна выходить степень соответствия объекта виртуальному миру, а вовсе не «как было на самом деле». Что сия мысль означает? А вот что: из нескольких характеристик выбираем одну, преобладающую. То есть когда негативный герой – негодяй (а террорист – это негативный герой и негодяй), он должен быть негодяем во всём! И никакой «достоевщины»: мол, тут хороший, там плохой, а вот здесь ещё нужно разобраться... Рисуем террориста только чёрной краской, без всяких оттенков!

А на деле что, происходит не так? Представьте себе, не так! Читаем публикации массовых СМИ о взрывах в московском метро 29 марта 2010 года. Вот что писали газеты, например, об одной из террористок Марьям Шариповой: «Жила в селении Балахани в семье учителей. Её отец всю жизнь преподавал русский язык и литературу в местной школе, мать – там же биологию. Окончив эту школу, Марьям поступила в Дагестанский педагогический университет, который окончила с красным дипломом в 2005-м. Имела два высших образования: математическое и психологическое. После окончания университета преподавала информатику в местной школе. Жила дома с родителями. Отец сказал, что до сих пор не может поверить, что его дочь стала террористкой-смертницей...»

Что, неправда? Да, может, и правда, только абсолютно ненужная и не способствующая формированию негативного и в принципе неприемлемого образа террориста. Но как понять, что нужно и что неприемлемо? Вот об этом и должен рассказывать документ под названием «информационный эталон» (ИЭ) – руководство к составлению и оценке текстов для массового воздействия.

Такой документ мы и разрабатывали. В нём четыре блока. Первый блок прямо вытекает из законодательства и, главным образом, Федерального закона «О противодействии терроризму» от 2006 года. Так, в ст. 2 Закона говорится о «недопустимости политических уступок террористам». Вроде бы очевидно, но не совсем...

В 1995-м, 14 июня, группа террористов под руководством Шамиля Басаева въехала в Будённовск Ставропольского края и захватила здание больницы, где, по разным данным, находилось от 1200 до 2000 заложников. Из отпуска вызвали премьер-министра Виктора Черномырдина, и он выступил с официальным заявлением по радио: «Правительство гарантирует немедленное прекращение огня в Чечне. После освобождения заложников Басаеву и его людям будет непременно предоставлен транспорт и сопровождение». Это был беспрецедентный шаг – гарантии террористам.

Позднее, после неудачного штурма больницы нашими силовиками, В. Черномырдин лично позвонил Басаеву, причём разговор транслировался в прямом эфире телевидения... Удалось договориться об освобождении сначала части заложников, а потом и всех в обмен на право беспрепятственного выезда террористов в Чечню.

Много лет спустя я попросил дать оценку поступку В. Черномырдина генерал-майора В. Ворожцова, занимавшего в период теракта должность начальника Центра общественных связей МВД России. Владимир Петрович ответил, что поведение премьера следует признать неверным.

Прецедент общения главы правительства с террористами вместе с выполнением их требований свидетельствует о самой возможности таких переговоров, а значит, косвенно стимулирует аналогичные акции в будущем...

Или вот ещё актуальное из закона: лица, участвующие в борьбе с терроризмом, подлежат правовой и социальной защите, им возмещается причинённый вред. И наоборот: лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда и вызовы здоровью или имуществу такого лица, являются правомерными.

Соответственно, эти позиции вместе с примерами их соблюдения должны на безусловном уровне продвигаться в материалах СМИ, причём не только как юридические нормы, но и как реально существующие прецеденты. Пострадала, скажем, семья участника антитеррористической операции против террористов, – ей возмещается ущерб. А если разрушили дом родственников, которые укрывали террориста, а его самого уничтожили, то это всем урок на будущее, и не более того.

В дополнение к законодательству целесообразно использовать для формирования информационного эталона и другие ориентиры. Так, ситуация с проблемами терроризма зачастую меняется очень динамично, и новые задачи не успевают или не подлежат юридическому закреплению. В такие моменты руководство страны готовит для трансляции в информационном пространстве злободневные смысловые тезисы, которые мы называем здесь нормативными указаниями, – это второй блок позиций ИЭ. Разумеется, они не противоречат законодательству, однако конкретизируют и актуализируют те или иные понятия и действия. Интересно, например, выступление Дмитрия Медведева – в тот период президента России – на совещании в Махачкале 1 апреля 2010 года, куда он приехал на следующий день после совершения терактов в Кизляре. Президент обозначил пять основных компонентов борьбы с терроризмом: укрепление правоохранительных органов, МВД, ФСБ, судов; нанесение острых кинжальных ударов по террористам, уничтожение террористов и их пристанищ; помощь тем, кто решил порвать с бандитами; развитие экономики, образования, культуры; укрепление нравственной и духовной составляющей.

Третий блок ИЭ – позиции, вытекающие из этических кодексов антитеррористической направленности. Они выходят за рамки законодательства и регулируются документами профессиональных сообществ. Это конвенции, хартии, правила, обращения, заявления и т. п. Так, в 2003 году Индустриальный комитет СМИ принял «Антитеррористическую конвенцию» – правила поведения СМИ в случаях террористического акта и контртеррористической операции. В ней говорится, что медиа не должны связывать терроризм с какой-либо конкретной религией, расой или национальностью; включать в свои материалы сведения, способные усилить позиции террористов, например рассказы о выступлениях в поддержку их требований. Для СМИ неприемлемо брать у террористов интервью во время теракта; оскорблять и унижать террористов, в руках которых жизнь заложников; выполнять роль посредника, кроме как по просьбе или с санкции Оперативного штаба, и т. д.

Рекомендуется быть внимательными к употреблению тех или иных терминов в освещении событий и не идти на поводу у террористов, использующих выгодные для себя самоназвания. Здесь естественным порядком возникает четвёртый блок информационного эталона – терминологический аппарат антитеррористических материалов. Важными шагами в практике России и её союзников в данной области стали выпуск и регулярное обновление Антитеррористическим центром (АТЦ) стран СНГ словаря с терминами и понятиями в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом. Словарь предназначался для правоохранительных органов, спецслужб, а также журналистов, профильных научных и образовательных организаций.

В уже упомянутом выступлении на совещании в Дагестане в 2010-м Д. Медведев также коснулся терминологии. Он заявил, что «на Северном Кавказе живут такие же наши люди – граждане России, а не выходцы с Северного Кавказа». Руководитель государства призвал СМИ не называть террористов «шахидами», поскольку слово «шахид» буквально переводится как «свидетель»; традиционно шахидами называют погибших в бою при защите родины или при самообороне.

На основе четырёх описанных выше блоков мы формировали инструктивные тезисы, вытекающие из Закона, этических кодексов, а также особенностей ситуации и имеющейся практики. Одна их часть содержала универсальный положительный информационный эталон (можно и важно информировать), другая – отрицательный ИЭ (нельзя, запрещено сообщать информацию). Приведу выборочные позиции положительного ИЭ:

Нейтрализация терроризма всегда связана с проблемами, но они решаемы.

Приоритет сохранения жизни невинного человека важнее приоритета свободы распространения информации.

Требования террористов не принимаются или не выполняются – их удовлетворение не приводит к позитивному исходу, а лишь укрепляет террористов в сознании собственной значимости.

Нанесение вреда террористу и его пособникам предусмотрено Законом и неизбежно: угроза жизни, причинение вреда здоровью, конфискация имущества, ограничение в правах и пр.

А вот некоторые тезисы отрицательного ИЭ:

Террористы не являются объектом интервьюирования. Интервью, взятые другими СМИ, не распространяются.

Требования террористов не комментируются и не анализируются.

Не распространяется информация о том, что требования террористов были приняты, а тем более выполнены, равно как и любая информация об успешном опыте террористических действий.

Не получает распространение информация о реальных и возможных карательных акциях со стороны боевиков по отношению к членам семей участников антитеррористических операций и т. д.

Подведём итог. В формате информационного эталона созданы оценочные и формирующие поведенческие стандарты модели противодействия терроризму. В случае использования ИЭ он становится критерием оценки материалов, призванных способствовать актуальному политическому поведению граждан.

2011. Водка, Колчак и брендолопа – в Омске wonderful life

Настройтесь! Этот рассказ будет очень серьёзным! Именно поэтому начнём его с истории лёгкой, интригующей и отчасти весёлой.

В середине 1980-х лидер британской группы «Black» сочинил песню «Wonderful Life», ставшую впоследствии мировым шлягером. Ну, давайте напомним:

No need to run and hide,
It's so wonderful, wonderful life!
No need to laugh and cry,
It's so wonderful, wonderful life!

Очень оптимистичная песня, правда? Её автор, вокалист группы «Black» Колин Вёрнкоумб, так и вспоминал: «Я пережил пару автокатастроф, у моей матери была серьёзная болезнь, меня бросила звукозаписывающая компания, мой первый брак всплыл вверх брюхом, и я оказался бездомным. Потом я сел и написал эту песню, озаглавленную “Wonderful Life”».

И вот в 2011-м «Мурилки International» из «Авторадио» выдали пародию на эту песню:

В Омске жить – это красота!
Это просто рай!
Великий Омский край!
Наш город Омск – это вам не Томск!
Не путайте, друзья,
Ведь путать их нельзя!
Пальмы и пляжи,
Шепчет морской прибой,
И каждый день – солнце.
Омский край! Don't cry!
В Омске – wonderful, wonderful life... и так далее.

Почувствовали интригу? Какие такие пляжи и морской прибой в Сибири?! И солнце каждый день? И вообще, при чём здесь Омск?!

Ответом на эти вопросы и станет последующее серьёзное (впрочем, не совсем и снова с интригами) повествование о территориальном брендинге.

Важно понять, что самые известные образы привлекательных мест мирового пространства сложились в силу большого комплекса причин и действий, да и то не в ходе одной кампании, а в течение длительного исторического периода. Однако в конце XX века (у них) и начале XXI (у нас) рождение регионального бренда стало восприниматься как сравнительно быстрое мыслительно-рукотворное чудо и следствие применения некоторой гуманитарной концепции-технологии. А что, не так? Так-то оно так, но...

В общем, вера в «чудо» охватила наконец умы российских властей предрежащих, и апофеоз этой веры пришёлся примерно на 2005–2015 годы. Но коли есть вера, то моментально нашлись команды PR-специалистов, способных «сказку сделать былью». И сделали! И засветились новым бренд-светом российские города и регионы! Первенство Москвы на просторах нашей великой державы в этом процессе сомнений не вызывало – она и по Конституции столица России. «Второй столицей» всегда считался, естественно, Питер. А вот дальше... В 2008-м Казань зарегистрировала торговую марку «Третья столица России». Буквально через несколько месяцев Нижний Новгород стал «столицей Поволжья». В 2012-м многолетнюю мечту официально реализовал городок Урюпинск Волгоградской области, занявший скромную, но престижную нишу «столицы российской провинции». А Пермь, напротив, решила «переплюнуть» «отечественную столичность» и включилась в 2009-м в международный проект «Культурная столица Европы». К 2011–2012 годам для дальнейшего продвижения инициативы Перми проведена серия мероприятий по лоббированию проекта как в России, так и в странах Евросоюза. В общем, пошло-поехало.

В такое время и в такой конкурентной обстановке МПК выиграл тендер на формирование бренда Омской области. В отличие от ситуативного бренд-проекта по Северной Осетии, о котором говорилось выше, заказчик, а им стал Леонид Полежаев, тогдашний губернатор – долгожитель края по срокам пребывания на своём посту, ставил задачу «в чистом виде»: сформировать систему действий, позволявшую «замахнуться на Вильяма нашего, так сказать, Шекспира», как говорил герой известного советского фильма «Берегись автомобиля». Под «Шекспиром» негласно подразумевалась «столица Сибири». Конечно, губернатор, а тем более исполнители проекта вполне осознавали сложность решения столь амбициозной задачи при наличии более весомых Новосибирска, Красноярска и вполне конкурентоспособного Томска. Ну так что ж? Сложно, но попробовать можно.

И начали действовать, тем более что к тому времени МПК уже имел в своём арсенале опыт участия в разработке брендов Камчатского края; Волгоградской, Челябинской, Оренбургской областей; республик Северная Осетия – Алания и Саха (Якутия).

Поскольку мне не хотелось бы переводить текущий мемуарно-художественный формат в режим отчёта о проделанной работе, скажу лишь несколько слов о масштабности, а затем остановлюсь на самых острых и захватывающих моментах проекта, способных заинтересовать как профессионала, так и обычного читателя.

Итак, проект с точки зрения системности выглядел образцовым. Мы сформировали постоянно действующий Экспертный совет с солидным представительством центральных и региональных структур. В его состав, помимо руководителей органов местной власти, входили, например, ведущие учёные Института социологии и Института экономики РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Провели подробный SWOT-анализ региона. Далее создавался базовый документ – платформа регионального бренда, где описывалось сравнительное позиционирование этой территории относительно других регионов России. После этого осуществлялась разработка программы развития бренда «100 идей, как сделать Омскую область лучше». Все этапы проекта сопровождалась открытыми заседаниями Экспертного совета и публичными презентациями созданных продуктов.

В Омской Сибири имелись и популярные бренды-драйверы, то есть виртуальные «локомотивы», с помощью которых проект мог бы стать известным, понятным и привлекательным для «широких масс». Давайте, кстати, их вспомним. В области течёт Иртыш – самая протяжённая река в России, третья – в Азии и шестая – в мире. На «диком берегу Иртыша», как известно, «сидел, объятый думой» Ермак – покоритель Сибири. А в Омском остроге несколько по-другому, но тоже сидел всемирно известный писатель Фёдор Достоевский, после чего появились «Записки из мёртвого дома». В Омске родились художник Михаил Врубель и генерал, герой и патриот своей Родины Дмитрий

Карбышев. Здесь в 1919-м находилась резиденция Верховного правителя России адмирала Колчака, при котором город объявили новой столицей нашего государства.

Интересно упомянуть, что в здании резиденции – бывшем особняке купца Батюшкова – именно в 2011 году открыли музей с названием, претендующим на окончательное решение вопроса о правоте «красных» или «белых» в те страшные годы российской междоусобицы – Центр изучения истории гражданской войны.

Из знаменитых представителей более позднего поколения стоит назвать уроженцев области артиста Михаила Ульянова и поэта Роберта Рождественского, спортсменов – олимпийских чемпионов боксёра Алексея Тищенко и гимнастку Евгению Канаеву.

Ну а водку «Пять озёр», названную по имени реально существующих в Омской области уникальных водоёмов, и подавно знает и даже пьёт значительная часть России...

Всё это мы, естественно, и продвигали.

Каков же результат усилий, значительных по объёму выделенных средств и количеству проведённых акций? Они привели к тому, что в информационном пространстве проект брендинга Омской области стал самым известным после Пермского, о чём, в частности, свидетельствует и песня «Мурзилка». Но благодаря чему? К сожалению, вовсе не вследствие охарактеризованной выше системности и масштабности. И даже не с помощью рождённого в творческих муках привлекательного слогана «Омская область – открытая Сибирь».

Как и в большинстве подобных случаев, главным предметом массового внимания, обсуждения и, разумеется, критики стала «картинка» с изображением медвежьей лапы – логотип области, разработанный дизайн-группой омича Станислава Иванченко. Это изображение называлось «лапой», разумеется, условно. Контур логотипа действительно напоминал самого известного в России зверя, но одновременно – и очертания Омской области на географической карте России. «Когтями» стали ёлки (хвойные леса региона), внутри прослеживался Иртыш, поля, звёздное небо и... храм – Кафедральный собор Рождества Христова, построенный по инициативе губернатора Л. Полежаева. Вообще-то там первоначально была ракета как символ оборонных предприятий Омска, но губернатор попросил нарисовать храм и отказать ему, понятное дело, было нельзя. В информационном пространстве логотип прижился как «брендолапа». Наберите в браузере это слово, и вы увидите этот самый лого во всей голубой красе.

Не устаю повторять троекратную банальность, которую объясняй не объясняй, а всё бесполезно: 1. «Картинка»-логотип любого объекта – это лишь «верхушка» и маленький фрагмент его большой социально-экономической «пирамиды», в создание которой и вкладываются основные средства и усилия. 2. Все логотипы на что-то похожи, и каждый из них вызовет критику при «всенародном обсуждении», отсюда оно бессмысленно. 3. Не надо «водить рукой» художника, производящего эту «картинку», – она должна стать плодом творческого и конкурентного осмысления многослойной действительности.

Так вот, первым результатом проекта стало массовое общероссийское «склонение» «брендолапы» с последующими известными резюме типа: «да у меня секретарша» (если высказывается руководитель) или «я сам» (если говорит обычный «кулибин») такую штуку за 5 (пять) минут и 5 (пять) рублей нарисует. Кстати, в случае с Пермским проектом то же самое случилось с тамошним логотипом «культурной столицы Европы» – литерой буквы «П».

Но это так, лирика; как говорит знаменитая пословица, «собака лает, а караван идёт». «Караван» и намеревался идти и даже начал движение: в последующий (2012 год и далее) период планировалось организовать эффективное управление областным брендом, подразумевающее включение элементов программы брендинга в планы социально-экономического развития области. А в Перми эти действия даже реализовывались в течение нескольких лет. Но потом и в Омске, и в Перми произошло коварное «и тут...». Что? В общем-то ничего необычного – просто очередное продолжение разговора о роли личностей в мировой, отечественной, а также моей собственной истории.

К середине 2012-го губернаторы Омской области Л. Полежаев и Пермского края О. Чиркунов покинули свои должности. После чего в Перми начали планомерно разрушать «творческое наследие Марата Гельмана» (автора проекта брендинга Пермского края) – артефакты, созданные при поддержке главы региона. А в сибирском регионе произошло вот что.

На смену Л. Полежаеву пришёл генеральный директор ЗАО «Газпром-Межрегионгаз-Омск» В. Назаров. И внёс в проект брендинга вклад, который, как говорится, трудно переоценить. Об этом вкладе исчерпывающе повествует моё открытое письмо Виктору Ивановичу. Поскольку в СМИ письмо получило не меньший резонанс, чем сама «брендолапа», привожу его текст почти полностью. Тем более что это не личная переписка, а весьма эффективный PR-инструмент.

*Губернатору Омской области В. И. Назарову
Средствам массовой информации Омской области*

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

О проекте брендинга Омской области, высказываниях губернатора В. И. Назарова о «брендолапе» и отказе НГС «Новости Омск» опубликовать комментарий руководителя проекта профессора Александра Чумикова

*Уважаемый Виктор Иванович!
Уважаемые коллеги-журналисты!*

10 мая на портале «Новости Омск» опубликована информация под заголовком «Губернатор Назаров “забраковал” лапу-бренд Омской области». Вот её полный текст:

«Бренд Омской области, более известный под названием “брендолапа”, не вызвал восхищения нового губернатора Виктора Назарова. На своей первой пресс-конференции Назаров заявил, что бренд Омской области нужно создавать не рисунками, а делами, законами.

“Бренд в виде лапы я не понимаю. Я понимаю только, что пришли люди, нарисовали лапу, получили денег на лапу”, – высказал своё мнение новый губернатор Виктор Назаров.

Отметим, что бренд Омской области в виде медвежьей лапы появился в октябре 2011 года при поддержке уходящего губернатора Леонида Полежаева и учреждённого правительством региона Агентства рекламно-выставочной деятельности. На создание бренда было затрачено 10 млн руб. Контракт правительство заключало с “Международным пресс-клубом. Чумиков PR и консалтинг”».

Сообщение сразу же обросло до боли знакомыми совковыми комментариями типа: «Я такое бы бесплатно нарисовала» (пользователь Ирина).

Правда, ей ответил некто «Прохожий»: «Сказать легко, а сделать и продать труднее». В другом посте он же вспомнил популярную байку о прежнем руководителе, который передаёт три конверта новому. В первом конверте записка: «Вали все проблемы на меня».

А не скрывающий своего имени бизнесмен Александр Стрельников высказался в четырёх постах ещё более определенно:

«Знаете, друзья, не понимая, можно критиковать сколько угодно и как угодно. Деньги данные были потрачены не на картинку, а на конкретные разработки развития региона. Выработана целая концепция продвижения, колоссальный труд, я наблюдал за этим проектом с самого начала и не ленился вникать в суть дела. А логотип создан для того, чтобы наделить его ценностью качества продукта, на котором он должен стоять. Будь то сгущёнка или водка “5 озёр”.

Будет очень жаль, если данные усилия и деньги будущий губернатор выбросит за борт, как ненужный хлам. Советую всем вникнуть в данную разработку, а уж потом делать свои выводы!»

Я тоже предложил свой комментарий. Но он почему-то был отвергнут модератором информационного ресурса <http://ngs55.ru>. Отсюда привожу его для сведения губернатора и средств массовой информации:

«ОТКЛИК РУКОВОДИТЕЛЯ ПРОЕКТА НА ВЫСКАЗЫВАНИЕ ГУБЕРНАТОРА:

1. Почти весь 2011 год мы потратили в Омской области на открытое и публичное разъяснение того, что бренд области – это НЕ КАРТИНКА. Может быть, в течение будущих 20 лет (столько был у власти Л. К. Полежаев) новый губернатор это поймёт.

2. Отчитаться за “распил” 10 млн за “лапу” – крайне трудная задача. Если бы губернатор посмотрел хотя бы один отчётный документ по проекту (кроме сотни РАЗНЫХ картинок), он бы понял, почему это удалось.

3. Можно продолжить работу по этим документам и двигаться к бренду региона. Можно начать всё по новой (ещё 10 млн?).

4. Опыт разработки бренда Омской области обсуждается как позитивный в десятках регионов России, он вошёл в учебники и профильные сборники. В 2011 году при наборе в браузер Яндекса слов “Бренд области” в первую очередь представлялась Омская область. Может, губернатор не в курсе дела?

5. Ситуация с оценкой (а главное с использованием результатов) проделанной работы банальна до безобразия: под сукно!

6. За губернатора обидно. И за регион. И за Сибирь. И за державу, в конечном счёте.

7. Кто будет отвечать на этот пост – не надо больше про лапу. Лапа тут абсолютно ни при чём! Кто знает – тот понимает».

Это я писал вчера. А сегодня добавлю: готов ещё раз приехать в Омск и ещё раз объяснить, что за документы по брендингу области были подготовлены и как с ними работать. За бесплатно.

*Александр Чумиков, генеральный директор
Агентства “Международный пресс-клуб. Чумиков PR и консалтинг”,
доктор политических наук, профессор».*

Хотите эпилог? Пожалуйста. Губернатор собрал в кулуарах ответственных людей и «вставил» им за то, что его «подставили». Проекту это не помогло, и wonderful life в Омске прекратилась. Впрочем, водки «5 озёр» под иртышскую рыбку в ресторане «Колчакъ» мы выпили изрядно.

Продолжение следует

Проза

Валерий Герланец

Валерий Герланец – известный на Донбассе и далеко за его пределами писатель, драматург и публицист, заслуженный деятель искусств ДНР, член Союза писателей России, многократный победитель международных и республиканских литературных конкурсов и премий. Его произведения для детей и юношества издавались в Белоруссии, Германии, Израиле, Канаде, России, США, Чехии, на Украине, а также ставились в профессиональных театрах, театральных коллективах школ искусств и дворцов детского и юношеского творчества, звучали по радио и телевидению.

Ряд прозаических и поэтических произведений Валерия Ильича давно вошли в школьные хрестоматии и учебники, выходили в престижных литературно-художественных журналах и альманахах, а философская сказка «Как Иван правду искал» включена в собрание сочинений лучших современных писателей во славу М. Горького «Литературный фонд», которое вышло в 2018 году в Москве.

В октябре 2023 года публикуемая историческая повесть «Благословенный» была отмечена Почётным дипломом Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» за реалистическое отражение эпохи Александра Первого и медалью «Ф. М. Достоевский. За красоту, гуманизм, справедливость».

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ

Историческая повесть

Продолжение. Начало в № 5(57)-2023

ГЛАВА 7

БЕЗВЕСТНЫЙ ГЕРОЙ БОРОДИНА

Через два дня после прибытия и обустройства в таганрогском гостевом доме немного отдохнувшая после длительного вояжа Елизавета Алексеевна отправилась вместе с супругом на прогулку по городу. Нездоровье оставило на её красивом, некогда ангельском лице свои печальные следы: тёмные круги под глазами, отчётливая сеть морщинок и коричневое пятно на левой щеке, которое она, ежедневно сидя перед зеркалом, тщательно забеливала и запудривала. Кроме того, в её всегда аккуратно уложенных локонах появились проблески седины, которая всем и каждому напоминала о её отнюдь не юном возрасте. А вот фигура императрицы по-прежнему оставалась тонкой и грациозной, как у примы балета. Мужчины из высшего света по-прежнему бросали на неё вожделенные взгляды и многозначительно вздыхали.

Александр строго-настрого приказал своей свите и городской власти не афишировать пребывание императорской четы в Таганроге, но новость эта всё равно стремительно распространилась и даже вызвала появление группы местных зевак неподалёку от гостевого дома. Они толпились на противоположной стороне улицы в надежде собственными глазами увидеть Александра Благословенного и его жену, чтобы при случае удостоиться от них если не высшего царского благословения, то хотя бы случайно брошенного взгляда.

Сразу после завтрака Александр и Елизавета отправились на прогулку по городу. Они неторопливо шли по залитым солнцем улицам портового городка, поражаясь его патриархальному виду и неспешному ритму жизни, столь не похожему на столичный. Одни прохожие совсем не обращали внимания на степенно шествующую импозантную пару, другие, напротив, останавливались и, смиренно склонив головы, ждали, пока атлетического вида мужчина, которого под руку держала хрупкая очаровательная женщина, проходили мимо.

Царская чета с интересом рассматривала фасады старинных многоэтажных зданий и домов, украшенных балясинами, балюстрадами, колоннами, розетками и прочей лепниной и создающих некую атмосферу уюта и благополучия. И эта особая атмосфера совершенно никуда не исчезла, даже если бы вдруг набежали тучи и хлынул проливной дождь.

– Ты знаешь, Алекс, мне здесь определённо нравится, – призналась Елизавета. – В отличие от Петербурга или Москвы мы в этом городке абсолютно настоящие, нам совершенно не нужно играть свои роли.

– Да, ты права, весьма милый, безмятежный уголок. Впрочем, Крым тоже лёг бы тебе на душу...

– Я читала, что более половины местных жителей – греки.

– Сей народ проживал на данных землях с Античных времён. Греки занимались сельским хозяйством, торговлей, искусством, страдая от пиратов на море и набегов кочевников на суше... А в конце XVII века здесь оказался Пётр Великий. По его замыслу сие место должно было стать надёжной гаванью для военных кораблей и одновременно крепостью, защищающей наши южные рубежи. Так и возник на берегу залива город... Хотя к концу правления бабушки Таганрог потерял своё военно-политическое значение...

Двух- и трёхэтажные дома с архитектурными излишествами остались позади, уступив место жилищам поскромнее, построенным из дикого камня, брёвен или земляного кирпича, называемого в простонародье саманом. Неожиданно к Александру и Елизавете подбежал мальчишка лет восьми – чумазый, с нечёсаной копной рыжих волос, в залатанной рубахе явно с чужого плеча:

– А правда, что ты – царь-батюшка, а ты – царица-матушка? – бесцеремонно обратился он к царской чете.

– Кто тебе сказал? – излучая добродушие, полюбопытствовал император.

– Дык люди говорят...

– Врут они. Настоящие царь и царица сейчас в Петербурге во дворце сидят, яства всякие едят...

– Вот и я об том же: не будут настоящие царь и царица у нас тута по улицам разгуливать.

– Ты чей такой смышлёный будешь? – улыбнулся государь.

– Сапожника Петра Ерохина сынок.

– А звать-то тебя как? – спросила Елизавета.

– Сашка.

– Получается, тёзка ты мой, – проговорил Александр, протягивая мальчишке серебряную десятикопеечную монету.

– Благодарствую... Ты, дяденька, хоть и строг на вид, а всё одно добрый...

– А подскажи-ка нам, Сашка, если мы по этой улице вниз спустимся, попадём на ярмарку?

Мальчишка утвердительно кивнул рыжей шевелюрой:

– Токо возле во-о-он того домишки боковее берите...

– То есть левее?

Лицо Сашки приобрело откровенно глуповатый вид. Он часто-часто заморгал глазами и пролепетал, что разбирать, где лево, а где право, не обучен, зато точно знает, что базар находится именно там, куда он добрым дяденьке и тётеньке давеча указал. Добавив, что ярмарки бывают только два раза в году: по весне, в день Великомученика Георгия, и по осени, на Покрова.

Таганрогский базар напоминал разбуженный пчелиный улей – настолько здесь было пёстро, забубённо и шумно. Многие прилавки и стоящие повозки манили натюрмортами из ароматных южных фруктов, пузатых арбузов, дынь и тыкв, а также висящими на металлических крюках жирными свинными и бараньими тушами, но особенно – засоленной и свежей рыбой. Купеческие лавки предлагали разноцветные заморские и отечественные ткани, нужные в хозяйстве изделия гончаров, шорников и кузнецов. Продавался скот, домашняя птица, зерно, сосновые и дубовые доски, шерсть...

Всюду сновали крикливые продавцы, предлагавшие румяные расстегаи и пирожки с ливером, рыбой, творогом или яблоками. Александр купил у пробежавшей мимо торговки пару пирожков с начинкой из рубленых яиц и лука и, спрятавшись вместе с женой под ближайший выгоревший на солнце тент, с таким звериным аппетитом проглотил румяную покупку, словно после приезда в Таганрог его здесь ни разу не кормили. Понравился базарный пирожок и Елизавете, которая тоже с огромным удовольствием, но неторопливо его съела, утерев губы ажурным надушенным платочком.

Ближе к центральной части торжища выступали бродячие кукольники. Под громкие звуки шарманки из-за маленькой ширмы они показывали, как русские солдаты гнали со своей родной земли

длинноносых французских захватчиков. Наполеоновские вояки пытались отнять у крестьянина лошадь и заготовленное им сено, но под одобрительные выкрики толпы получали достойный отпор в виде зуботычин, пинков и ударов метлой по спине... Царская чета тоже минут пять наблюдала за ходом весёлого кукольного представления и, получив заряд позитивных эмоций, продолжила своё знакомство с жизнью провинциального уездного городка.

Александр и Елизавета живо интересовались ценами и при случае истоиво торговались с владельцами товаров. Очень много весьма нелестных слов услышали они от базарных торговцев и покупателей о местных градоначальнике, полицмейстере и купцах, которые «за полушку своих отца и мать продадут любому басурманину».

Возле хибары с покосившейся, щедро загаженной голубьями вывеской «Кабак» толпились мужики. Одни спешили просочиться через дощатую дверь внутрь, чтобы опрокинуть чарку-другую, погорланить любимые песни, а, если повезёт, то и подраться, другие, с затуманенным взором, нетвёрдой походкой покидали популярное питейное заведение, чтобы потолкаться среди такого же осовелого люда или, завалившись под чью-нибудь телегу, покомарить час-другой, позабыв обо всех тяготах жизни и Божьей немилости.

Справа от входа на низкой четырёхколёсной деревянной тележке сидел диковатого вида мужик без обеих ног. На нём был потёртый, с многочисленными прорехами и пятнами тёмно-зелёный мундир с несколькими чудом сохранившимися латунными пуговками. Стоячий ворот, обшлаг и фалды мундира были оторочены тонкой красной кромкой. Перед калекой на пожухлой траве лежал картуз с несколькими медяками внутри. То и дело мужик хриплым голосом выкрикивал: «Люди добрые! Подайте Христа ради участнику Бородинской битвы!»

Царская чета подошла к убогому поближе.

– Как тебя зовут, служивый? – поинтересовался император.

– Старовойтов я, Иван.

– Кем довелось служить, Иван?

– Фейерверкером 1-го класса 1-й артиллерийской бригады батареинной роты № 3.

– Где ранение получил?

– При Бородино. Наша батарея аккурат за Семёновским ручьём стояла. Ротный убит был. А тут кавалерия французов поёрла – токо держись!.. Я на место ротного заступил и командовал двумя орудиями, покуда ядро вражеское мне обе ноги не разворотило... Ну а что опосля – не помню, в отключку ушёл...

– Как же ты, Иван, жив остался?

– Чудом, ваше благородие. Не иначе Господь меня, непутёвого, к себе брать не захотел... Мне рассказали, что я в мертвецы записан был, но кады на телегу грузить стали, застонал... Вот меня к лекарям и снарядили... Сами видите, что энти живодёры со мною сотворили...

– Семья, крыша над головой у тебя хоть есть?

– Семьи нет... Кому я такой убогий нужон. А крыша имеется: одно время при местной церквушке обитал, а года два тому сторож базарный Фёдор меня приютил. Я ему, как могу, помогаю. Службу за него несую, коли заболит он али в запой уйдёт.

– Подтвердить можешь свои геройства, служивый?

– Нет, не могу. Бумаг никаких у меня не имеется, а сослуживцы почитай все в боях полегли...

А вот ноги, что я в бою потерял, те подтвердить могут.

Елизавета с укоризной взглянула на мужа и тихо по-французски сказала:

– Человек говорит правду, неужели не видишь, Алекс!

– Я вижу другое: он совершил подвиг, он – герой, а вынужден жить в забвении и нищете. Так не должно быть! Это несправедливо, не по-христиански! – на отличном французском ответил император.

– Иван, а ходатайство для получения подтверждения о твоём участии в Бородинском сражении ты подавал? – поинтересовалась императрица, переходя на понятный Ивану русский язык.

– Дык я, барыня, грамоте не обучен. А писарчук здешний за сочинение такой бумаги стоко запросил... Отродясь у меня таких деньжищ не водилось!

Александр достал из кармана и протянул безвестному герою Бородино две золотые пятирублевые монеты, которые в купеческой среде очень ценились и именовались не иначе как «орёл с опущенными крыльями».

– Держи, Иван Старовойтов.

– Ваше благородие, – калека даже предположить не мог, что перед ним стоит сам всероссийский император, поэтому обращался к нему как к высокопоставленному чиновнику или барину, – уж больно велика награда. Мысли нехорошие в голове роиться начинают.

– Значит, заслужил! Ведь в том последнем бою ты не только товарищей своих защитил, ты Отечество, а вместе с ним и всю Европу от бонапартовских орд спас!.. За что низкий тебе поклон и благодарность...

Купив плетёную корзину местных фруктов, царская чета отправилась домой, обсуждая по пути радующее глаз разнообразие и удивительную дешевизну таганрогского базара.

– Вот они, скрытые от наших глаз преимущества жизни простых смертных, – шутил по дороге Александр. – Идём – куда хотим, едим – когда хотим, покупаем, причём с большой экономией, – что хотим. Представляешь, в какую круглую сумму нам обошлась бы такая корзинка в Санкт-Петербурге?

– Прибавь к её небольшой цене ещё двух «орлов со спущенными крыльями» и получится, что наша покупка не так уж и дешёва.

– Неужели ты не понимаешь или не хочешь меня понять? Эта встреча с калеккой во мне что-то надломила... Мне, правителю самой большой в мире империи, вдруг стало стыдно... Стыдно и совестно за то, что мы для таких, как Иван, людей сделали до обидного мало. После Бородина солдаты получили по 5 рублей, прапорщики – по 90, полковники – по 510. Зато всегда полусонный дедушка Голенищев-Кутузов – 100 тысяч! И указ об этих денежных выплатах подписан мною... лично... Несмотря на это, Иван Старовойтов, десятки и сотни тысяч таких Иванов, приди к нам завтра враг, без понуканий встанут на защиту родной земли. Будут осознанно кровь проливать, руки-ноги терять, жизни свои отдавать... Потому как нет для них ничего дороже, чем русская земля, стоящая на ней хата, мать с отцом да жёнка с дитём малым на руках. Вот главное богатство – и они, не умеющие читать и писать Иваны, понимают это – сердцем ли, душою ли, не ведаю... А потому с народом таким державу нашу ни одному врагу никогда не одолеть!

– Ты лучше меня знаешь, что за всю историю человечества никто и никогда не смог создать справедливое общественное устройство, все граждане которого оставались бы довольны. Создать его невозможно, это утопия! – предприняла очередную попытку отстоять свою позицию Елизавета.

– Но и то, что мы имеем в России, неприемлемо. Крепостной мужик из глухой провинции стоит не более 30–40 рублей, баба – в два, а то и в три раза меньше, годовалый младенец – 50 копеек, а пятилетний мерин оценивается в три с полтиной. Получается, бессмертная человеческая душа стоит дешевле лошадиной?.. Здесь, наверное, и кроется наше извечное неуважение к простому человеку, превращённому нами же в своих холопов... Иногда подумаю, как мало ещё сделано внутри державы, то эта мысль ложится мне на сердце как десятипудовая гиря...

– Я рада, что ты, Алекс, решился на такой момент истины. Сие равносильно исповеди, когда ты наедине с духовником обнажаешь свою грешную душу. Лично я ни в чём тебя не осуждаю, а потому поддерживаю и буду поддерживать всегда. Наша империя была построена задолго до того, как ты занял престол, и любые изменения в её устоях сразу же вызовут непонимание и возмущение. Как император, ты вправе решать насущные проблемы, проводить реформы, демократизировать общество... Твоё доброе сердце пронзила печальная судьба простого русского солдата Ивана Старовойтова... Но ты лучше меня знаешь, что таких искалеченных войной на Руси много, и всем им ты лично не можешь. Люди нуждаются в поддержке и помощи от государства, от наиболее богатых сословий, от благотворителей... Все вместе мы сможем сделать для них значительно больше, чем ты один.

– Этот солдат-герой – ярчайший пример того, как в нашей державе игнорируются законы. Законы, подписанные моей рукой. Они есть, но не работают в полную силу из-за бездушных людей, из-за сонма чиновников, разворовывающих страну как в самом центре, так и на местах. Они не думают о нуждах народа или отдельного человека...

– Согласна: закон должен работать точно, как часовой механизм. Думаю, в твоих силах подобного добиться.

– Ты хочешь, чтобы я превратился в деспота?

– Просто оставайся честным, справедливым и благословенным перед самим собой и людьми. Народ должен чувствовать, что правитель по-настоящему его любит и защищает от произвола.

– Ни министры, ни губернаторы, ни высокие сановники по-хорошему не понимают, считая либеральное поведение с моей стороны проявлением слабости. Они постоянно подталкивают меня вешать,

рубить головы, отправлять в Сибирь на вечное поселение... Они хотят войти в историю мучениками, а меня выставить царём Иродом!..

ГЛАВА 8

БОМБАРДИРОВЩИКИ ДЛЯ КУТУЗОВА

Александр и Елизавета возвратились в гостевой дом, стоявший на самой макушке прибрежной кручи и обращённый всеми окнами южного фасада в морскую даль, где в дымке проплывали торговые корабли или мелькали утлые рыбацкие лодки. В ночную пору отчётливо виднелись огни порта и небольшой маяк, посылавший световые сигналы всем судам, державшим курс в Таганрог, который, потеряв статус города-крепости, продолжал оставаться самым крупным южным торговым портом Российской империи.

Перед обедом Александр и Елизавета помолились в домашней церкви, оборудованной в одной из комнат, отведённых императрице. Затем супруги проследовали в большую залу, где прислугой был накрыт стол, уставленный закусками исключительно из изысканных морепродуктов: тонко нарезанной сёмги и канапе с чёрной и красной икрой. На первое была подана наваристая уха, на второе – запечённый с креветками и овощами азовский судак, а на десерт – местные фрукты, самолично купленные и принесённые царской четой с базара.

Во время обеда император и императрица оживлённо беседовали, выплёскивая впечатления от своего первого совместного похода по приморскому городу. И Александр, и Елизавета признались, что получили неопишное удовольствие от того, что прогуливались не как монархические особы, а как простые обыватели, которые делают то, что считают нужным, а не то, что им предписывает накануне составленный строгий протокол с церемониалом, этикетом и заранее заготовленными речами и тостами. Изюм в том, чтобы играть одну и ту же роль, пусть даже самую главную, что может быть печальнее... И вот эта свобода действий, мыслей, чувств создавала совершенно иной эмоциональный фон, во многом отличный от столичного, – более простой, человечный и понятный.

– Завтра я дам поручение градоначальнику... Петру Афанасьевичу... лично разобраться с этим героем Бородинского сражения, – объявил жене Александр, вставая из-за стола. Судя по уверенному тону и решимости, император верил в то, что справедливость, много лет кряду обходившая базарного калеку стороной, должна наконец восторжествовать. После прогулки с супругой, вкусного обеда и двух бокалов шардоне Александр пребывал в приподнятом расположении духа.

– Правильное решение, – поддержала мужа Елизавета, – герой Отечественной войны не должен страдать...

– Мы просто обязаны превратить его из страдальца в счастливого человека... Если всё, что он нам поведал, правда, то она требует документального подтверждения. Бумаги крайне необходимы, чтобы он мог оформить положенное ему законом денежное пособие или получить приют в одной из ближайших воинских частей с постановкой на полное довольствие... Так, как он жил и живёт, – это позор власти, а значит, и мой личный позор. Те, кто сумел остановить и обратить в бегство полчища врага, до конца своих дней должны чувствовать уважение и заботу! А отдавшим жизнь – вечная память! Все они – наши герои, и их имена золотыми буквами должны быть начертаны на скрижалях истории...

Александр вплотную подошёл к Елизавете, лицо которой даже за столь краткий срок пребывания у моря как-то сразу обрело более здоровый и свежий вид: морщинки чуть разгладились, щёки порозовели, а в глазах, как в былые времена, появились живые искорки. Он нежно поцеловал её в щёку и, взяв под руку, вывел в небольшой дворик, обсаженный густым кустарником вперемежку с бархатистыми на ощупь пёстрыми цветами. Здесь же находилась ажурная, увитая чёрным виноградом беседка, из которой открывался замечательный вид на морские просторы, где-то далеко-далеко смыкавшиеся с небесной синевой, на которой словно застыли несколько пушистых белоснежных облачков.

– Прошло уже столько лет, а я... я до сих пор осмысливаю Бородино, пожар Москвы... – продолжил разговор Александр. – Одни считают, что наши войска в ходе этого сражения нанесли врагу непоправимый урон, другие утверждают, что победу над российской армией тогда одержали французы. В отдельных случаях эти споры доводили даже до дуэлей... Да, нашей явной победы над французом тогда не случилось, но она вполне могла быть! Я уверен! И опять же, большая часть вины лежит на мне и только на мне...

– Только не занимайся самобичеванием. Даже Господь Бог, создавая землю и человека, не смог всё предусмотреть и наделал массу ошибок... К тому же войсками командовал не ты, а Кутузов...

– И слава Всевышнему, что не я... Я – монарх, политик, дипломат, а не полководец... Но я, более чем кто-либо, был посвящён во все стратегические планы... А ещё мне была известна военная тайна, о которой не ведал даже мой военный министр Барклай-де-Толли... Ах, если бы нам удалось тогда воплотить задуманное, никто бы сейчас даже на йоту не сомневался в победе русского оружия!

– А почему ты ни словом, ни полусловом мне о сём не обмолвился? – с ноткой обиды произнесла императрица.

– Тогда, накануне войны с узурпатором, я не имел права говорить на сию деликатную тему практически ни с кем, даже с тобой. Зато сейчас, по прошествии времени, если ты, Елизавета Алексеевна, изъявишь высочайшее желание услышать...

– Изъявляю! – выкрикнула императрица, сгорая от нетерпения.

– Тайна сия была связана со сверхсекретным проектом аэростата, который мог наносить по противнику удары с воздуха – эдакая кара небесная, Содом и Гоморра... Столь необычное оружие мы впервые хотели применить в первый же день генерального сражения... Тебе понятно, милая, о чём я веду речь?

– Конечно. О воздушном шаре. Его заполняли нагретым воздухом, и он взмывал вверх, увлекая за собой корзину с отважными воздухоплатателями. Это изобретение сразу же получило широкое распространение...

– В общем, где-то за год до войны с Наполеоном я получил секретное донесение от нашего посла в... Впрочем, не буду называть его имя... Он сообщал, что к нему обратился некий немецкий изобретатель и музыкант Франц Леппих с авантюрным предложением о том, что он может спроектировать и построить управляемый аэростат собственной конструкции для неотвратимого уничтожения живой силы противника. Поначалу эта идея показалась абсурдной... Однако позорная череда наших предыдущих поражений от наполеоновских войск не давала покоя, заливая моё лицо краской стыда. Появилась надежда, что с помощью созданного немцем аэростата мы сможем продемонстрировать врагу наше военное превосходство... Почему-то сразу вспомнилась сказка о летучем корабле, которую мне с братом часто читала бабушка-императрица, выдавая за собственное сочинение.

– А мне в детстве читали восточные сказки о ковре-самолёте, – вспомнила Елизавета Алексеевна. – Когда я представляла себя на волшебном ковре – дух захватывало! Представляешь, лететь рядом с птицами или облаками!

– Вот и у меня дух перехватило. Несколько таких «птичек» с разрывными снарядами смогли бы с воздуха легко одолеть даже превосходящую по численности армию врага. Такое преимущество сразу сделало бы нашу армию грозной и непобедимой не только в Европе, но и во всём мире...

Александр на какое-то мгновение задумался, а затем чуть ли не бегом направился к дому, прокричав жене, что для продолжения разговора о чудо-оружии должен у себя найти некую папку с документами. И действительно, через несколько минут он вернулся с тёмно-синей коленкоровой папкой, из которой стал доставать и просматривать различные документы: секретные донесения, письма, разъяснения и расчёты, чертежи, таблицы с результатами испытаний... Все они ложились на накрахмаленную скатерть стоящего посреди беседки стола и, как догадалась Елизавета, должны были наглядно иллюстрировать дальнейший рассказ императора.

Александр был явно взволнован и нервно подёргивал правой щекой и бровью. Он по несколько раз пересматривал принесённые бумаги, то начиная что-то бормотать себе под нос, то вскакивая и мечась, как маятник, возле входа в беседку. Видимо, тема об аэростате-бомбардировщике была давно законсервирована в его памяти и теперь вдруг страстно рвалась наружу, чтобы показать, насколько он, Александр, уже тогда был как политик дальновидным и прогрессивным, заботясь о защите своей державы и народа. Елизавета молча наблюдала за всеми его эмоциями и телодвижениями, ожидая завершения начатого им рассказа о таинственном летучем корабле.

Наконец, император угомонился и, удобно устроившись в кресле напротив жены, продолжил своё повествование о таинственном аппарате, который, по его мнению и мнению его изобретателя, должен был на долгие годы обеспечить национальную безопасность Российской империи, а следовательно, и всех дружественных ей на тот момент стран.

Александр поведал, что отнюдь не был первым, к кому Франц Леппих обратился со своей идеей построить управляемый аэростат, который бы нёс такое количество разрывных снарядов, что по-

средством их можно было истребить любую неприятельскую армию. Первым оказался Наполеон, великий военный стратег, которого предложение немецкого инженера почему-то совершенно не заинтересовало. Он запретил Леппиху проводить какие-либо воздухоплавательные эксперименты и даже распорядился выслать его за пределы Франции. Может быть, на решение Наполеона повлияли неудачи с использованием аэростатов его армией во время Египетского похода, а может быть, неожиданный прилёт воздушного шара на его свадьбу с Марией-Луизой Австрийской...

Новое пристанище Леппих обрёл в старинном немецком городе Тюбингене, где на средства одного из местных издателей основал мастерскую, в которой с помощью четырёх нанятых подмастерьев начал строить свой управляемый аэростат. Но средств явно не хватало, и тогда он обратился к королю Фридриху I, но тот проигнорировал поступившее предложение использовать данное изобретение в военных целях. Видимо, из небезосновательных опасений испортить отношения с Наполеоном, который благодаря разветвлённой шпионской сети знал о своих соседях абсолютно всё. Тогда предприимчивый изобретатель побывал у российского посланника, сумев настолько его воодушевить, что тот тут же известил об этом своего императора.

– Вот это секретное донесение, – Александр взял в руки одну из лежащих на столе бумаг и, чуть сощурился, стал читать: «Леппих обещал мне построить пятьдесят таких воздушных кораблей в течение трёх месяцев. По сделанным доселе расчислениям, наилучшие воздушные корабли могут вмещать в себя 40 человек и поднимать 12 000 фунтов. В числе артиллерийских предметов, которыми он хочет снабдить себя, ожидает особенно большого действия от ящиков, наполненных порохом, которые, брошены будучи сверху, могут разрывом своим опрокинуть целые эскадры...» Наш посланник предлагал также как можно скорее вывезти изобретателя по подставному паспорту из Германии в Россию, что, собственно, и было без промедления сделано.

Елизавета с огромным интересом слушала рассказ мужа, удивляясь его чудом сохранившейся мальчишеской запальчивости и врождённому артистизму, то есть умению речью, мимикой и жестами приковывать к себе внимание. На одних словах Александр делал явный акцент, на других, напротив, вдруг переходил на шёпот или многозначительно выдерживал паузу, тем самым интригуя своего единственного слушателя таинственностью сюжета. В такие редкие минуты непритворного общения с мужем Елизавета была бесконечно счастлива и мысленно просила Господа, чтобы это общение продолжалось как можно дольше.

Император рассказал, что в мае 1812-го Леппих и его подмастерья были доставлены в Москву. По новому паспорту изобретатель значился как некий господин Шмидт. Сначала группа была размещена под Москвой близ Тюфелевой рощи, а затем перевезена в Воронцово, в усадьбу князя Николая Григорьевича Репнина. Именно там в спешном порядке и началось строительство первой летающей лодки. Павильон, где работали немцы, был обнесён высоким забором, вдоль которого выставлен вооружённый караул. Из соображений секретности мастерскую Леппиха объявили мастерской по производству сельскохозяйственных машин, а затем, в связи с закупками большого количества тафты для пошива оболочки шара, – предприятием по торговле пластырями. Из Германии вызвали ещё несколько специалистов, и вообще средств на создание грозного воздушного шара не жалели. Вопросы, связанные с финансированием, были поручены генерал-губернатору Ростопчину.

Несмотря на то что сам Леппих и его команда трудились по 17 часов в сутки, работа продвигалась очень медленно, так как постоянно приходилось сталкиваться с новыми инженерно-техническими проблемами и находить их решение. К примеру, в ходе проводимых работ был открыт новый, более ускоренный способ добычи водорода, который обеспечивал шар необходимой подъёмной силой, усовершенствованы механизмы управления всей этой летающей машиной.

Елизавета взяла со стола детальный рисунок внешнего вида аэростата, видимо, сделанный самим изобретателем, и стала внимательно его изучать. Конструктивно управляемый аэростат представлял собой шар с гондолой, оборудованной машущими крыльями. Оболочка шара имела рыбообразную форму длиной не менее 27 и диаметром 8 сажений. «Рыба» из плотной шёлковой ткани удерживалась сеткой с обручем, к которому подвешивалась гондола.

Экипаж воздушного судна должен был состоять из 40–50 человек, часть из которых были гребцами, а часть – солдатами, сбрасывающими на головы противника пороховые фугасы. Предполагалось также использовать ракеты образца 1807 года с радиусом действия до 1,2 версты.

– И ты был уверен, что вся эта неуклюжая, громоздкая конструкция поднимется в воздух?

– А разве не мы с тобой летом 1803-го бегали смотреть на летающего француза? – парировал Александр.

– Если я не ошибаюсь, его звали Жак... Жак Гарнерен, – вспомнила Елизавета один из ярких моментов их счастливого совместного прошлого, омрачённого разве что смертью первой дочери и слухами об изменах мужа.

– В Петербург он прибыл, чтобы совершить два полёта на своём воздушном шаре. В первый полёт он отправился со своей бесстрашной супругой, а во второй – с русским генералом Сергеем Львовым, который, как мне было доложено, заплатил французу за это воздушное путешествие весьма приличную сумму.

– Ах, как нам, Алекс, хотелось очутиться на их месте!

– Мне и сейчас хочется... Оттолкнуться от земли, взмыть ввысь и парить, как во-о-он та одинокая чайка... Уже тогда воздушные средства передвижения стали входить в нашу скучную повседневность. Поэтому я с таким энтузиазмом и воспринял изобретение Леппиха. Конечно, некие сомнения у меня возникали, но в целом его идея заслуживала уважения... По сути, это был прорыв в военном искусстве, смелая и оригинальная идея.

– Но чем всё закончилось?

– Не торопи события, Элиз! Сейчас обо всём узнаешь... Как мы ни секретничали, французская агентура многое разнюхала и донесла Наполеону о зажигательном воздушном шаре, который русские предполагают использовать для разгрома французской армии. Знал о строительстве управляемого аэростата и Кутузов... В середине июля 1812-го я посетил Воронцово и присутствовал на испытаниях аэростата. Однако идея Леппиха потерпела фиаско: аэростат даже без людей и бомб в воздух не поднялся... Изобретатель убеждал меня, что в течение нескольких дней устранит все недостатки, но подобного не случилось. Необходимой подъёмной силы для взлёта явно не доставало. Не оправдала себя и предложенная вёсельная система управления воздушным шаром. Возникли трудности и с наполнением его водородом... Перед генеральным сражением с неприятелем Кутузов прислал графу Ростопчину письмо, в котором спрашивал, будет ли применён в ходе сражения секретный «еростат» и коим образом следует с ним управляться?... А потом Ростопчин прислал мне вот это письмецо.

Среди беспорядочно разложенных на столе бумаг Александр нашёл нужную и протянул её жене.

«С прискорбием извещаю Ваше Величество о неудаче Леппиха. Он построил шар, который должен был поднять 50 человек, и назначил час, когда должен был подняться... Прошло 5 дней, и ничего не готово. Вместо 6 часов он употребил целых 3 дня, чтобы наполнить газом шар, который не поднимал и двух человек... Большая машина не готова, и, кажется, надо отказаться от возможности извлечь из неё ту пользу, которую ожидали. Я принял свои меры, и, если князь Кутузов потерпит неудачу и двинется то ли в Москву, то ли в сторону, я отправлю Леппиха в Нижний Новгород без эскорта вместе с шёлковой оболочкой шара. Менее всего можно пожалеть об 148 тысячах рублей, потраченных на изготовление шара. Леппих – сумасшедший шарлатан...» – прочла вслух Елизавета.

Какое-то время императрица пребывала в глубокой задумчивости, а затем поинтересовалась:

– И куда делся изобретатель «летучего корабля»?

– До конца 1812-го и весь следующий год Леппих продолжал упорно устранять недостатки, однако испытания новых воздушных шаров терпели неудачу за неудачей. К тому времени, как тебе хорошо известно, наполеоновская армия была нами практически разгромлена и потребность в управляемых аэростатах, сбрасывающих на головы неприятеля бомбы, сама собой исчезла...

– Но согласись, Алекс, сама идея обрушить огонь возмездия из небесной обители Господа на врага заслуживает уважения. Поэтому я понимаю, почему ты ею вдохновился, потратив столько сил и средств. Думаю, наш нынешний уровень развития не позволяет пока воплотить сию идею. Просто она опередила время...

– Возможно... возможно... Но мы хотя бы предприняли попытку воплотить её в жизнь...

ГЛАВА 9

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ ТЁМНЫХ СИЛ

Александр проснулся посреди ночи ни с того ни с сего. По дому могучей рекой разливалась тишина, лишь периодически её нарушали скребущие звуки, доносящиеся из-под крашеного дощатого

пола – не иначе мыши вышли на ночной промысел. В окно бесцеремонно заглядывала висящая в ночном небе луна, похожая на кем-то беспечно утерянный золотой. Государь ощупал рукой своё узкое жёсткое ложе, на котором привык спать ещё со времён позорной для него битвы при Аустерлице: замшевый тюфяк, плотно набитый сеном, верблюжье одеяло, небольшая сафьяновая подушка и валик под голову. Не российский император, а инок в аскезе, но, как говорится, привычка – вторая натура.

Александр встал с кровати и прошёлся по небольшой спальне туда-сюда, разминая замлевшую во время сна ногу. Затем он спиной почувствовал чей-то взгляд и обернулся. Со стены, наполовину освещённой мерцающим лунным светом, на него взирал... он сам, причём пристально, с саркастической улыбкой, словно спрашивая: «Что, болезный, не спится? Вот и у меня тоже сна нет. Сутками не сплю. Как повесили меня на эту стену, так бессменно и несу службу, аки караульщик».

Император подошёл ближе к написанному маслом полотну кисти Джорджа Доу. Художник изобразил его, Александра Первого, в полный рост в парадном генеральском мундире с жёстким стоячим воротником, белых в обтяжку лосинах и плотно облегающих ноги, начищенных до блеска сапогах. В левой руке он держал треуголку с плюмажем. Из всех своих портретов, написанных в разное время разными художниками, этот ему нравился больше всего, и он, словно талисман, всюду возил его с собой. Английскому портретисту не только мастерски удалось передать внешние черты российского монарха, но достаточно точно отобразить и его внутренний мир: интеллект, ироничность, некоторую манерность и даже склонность к вольнодумству.

«Впервые с Доу я встретился, если не изменяет память, во время Ахенского конгресса. Его туда привёз герцог Кентский, чтобы тот написал портреты наиболее важных особ, участвующих в утверждении новых границ в Европе. Познакомившись, я сделал ему весьма заманчивое предложение: создать для Зимнего дворца портретную галерею полководцев, сражавшихся с Наполеоном. Мы оговорили условия, и Доу без колебаний согласился. Спустя полгода он прибыл в Петербург и приступил к этому титаническому проекту. Его работоспособность поражала: более трёх сотен портретов для галереи героев! Художник был широко известен у себя на родине, но в России имел просто ошеломляющий успех...»

Александр подмигнул своему живописному изображению, и ему показалось, что и оно с не меньшим озорством тоже подмигнуло в ответ. Его мысли и тревоги вновь вернулись к одолевающим ночным бдениям. А ведь раньше такого не случалось, но после лихорадки, которой он переболел в начале прошлого года, вызвавшей высокую температуру и крайне болезненное рожистое воспаление на левой ноге, некогда пострадавшей от падения с лошади, сон периодически стал пропадать неизвестно куда. По совету лейб-медика Якова Виллие, он перед сном пил отвар каких-то трав, но и сие зелье не всегда помогало. Раз действительно спишь ровно, спокойно, а в другой, напротив, просыпаешься в три или четыре ночи и лежишь, уставившись пустыми глазами в потолок.

«Что же меня нынче-то подняло? Кошмары не снились, болей или постороннего шума не было, – стоя перед своим портретом, размышлял Александр. – И главное, засыпаю, как и прежде, всегда быстро: перекрещусь, положу левую руку под щёку, глаза прикрою – и всё. Хоть из пушки пали!.. Видно, старость. Она приходит неожиданной гостьей и с порога начинает диктовать свои условия... А может, это не старость, а совесть?.. Скоро четверть века, как я на троне, а меня до сих пор обвиняют во всех смертных грехах. Мол, попустительствовал отцеубийству... Что как самодержец малодушен, недостаточно решителен и мало занимаюсь внутренними делами империи. Что ни делаю, за что ни возьмусь – всё не так! Стоит ослабить государственные вожжи, меня тут же записывают в завзятые либералы, требуешь самоотдачи и дисциплины – называют сатрапом...»

Александр никогда не страдал от отсутствия самокритичности, прекрасно понимая, что для проведения каких-либо серьёзных реформ общество должно созреть, причём созреть от верха до самого низа. Навязывать народу свою волю можно, конечно, и силой, как это делали Пётр Великий, Екатерина Вторая или Павел Первый, но он, Александр Благословенный, поступать так не станет – это не его принципы. Он не хочет быть чьим-то продолжателем или подражателем, а хочет оставаться самим собой, управляя державой исключительно по законам и по сердцу. И выполнять чью-то волю, кроме Божьей, он не будет... Не случайно хитроумный царедворец Сперанский, оказавшийся впоследствии в опале, сказал очень точно: «Александр слишком слаб, чтобы править, и слишком силен, чтобы быть управляемым».

Император, как никто другой, понимал, что красивые рассуждения о всеобщем благе, естественном равенстве людей и свободе, которыми он так увлекался в юные годы, в реальности оказались не

более чем хитрой приманкой, которая на многие годы ввергала целые страны и народы в кровавые распри и политический сумбур... Государство рождается, развивается и матерееет, по сути, подчиняясь тем же законам эволюции, что и всё живое. Это гигантский организм – замысловатый и невероятно каверзный. Как только правитель державы начинает ломать устои, искусственно подгонять её развитие – жди беды в виде крамолы, переворотов, бунтов и мятежей... Все сие знают, но всё равно продолжают наступать на одни и те же грабли...

– И я тоже на них наступил, – послышался голос, и в то же мгновение живописный Александр Первый ловко соскочил с холста на пол и как ни в чём не бывало устоялся на своего живого визави в белом исподнем и войлочных тапках.

– Ты... что, читаешь... мои мысли? – чуть запинаясь, проговорил император, инстинктивно отступив на пару шагов назад.

– Но этот же вопрос могу задать тебе и я.

Александр несколько раз мотнул головой, протёр руками глаза, но живописный всероссийский самодержец, великий князь финляндский, царь польский и прочая, прочая, прочая никуда не исчез, а, напротив, эдаким гусаком прохаживался по комнате и, манерно жестикуюлируя, рассуждал:

– Я, как, впрочем, и ты, не очень доволен своим правлением. Но постоянно заниматься самодержеством не нужно. Сделано много, причём масштаб сих дел смогут оценить лишь наши потомки... Помнишь, когда я вступил на престол?..

– Не ты, а мы... – возразил страдающий бессонницей император.

– Господин Александр, тебе кажется, что нас двое?

– Мне не кажется... я вижу это собственными глазами...

– А я вижу, что здесь только один император – это я! – творение гениального Доу прошлось в своём генеральском костюме вдоль освещённой луной стены, как по подиуму. – Тебе должно быть известно, что у нас на Руси встречают по одежке, а провожают по уму. А у меня и одежка соответствующая, и ума – палата... Так вот, вступив на престол, я отменил наиболее одиозные указы моего родителя, запрещавшие ввоз в Россию иностранных газет, книг и даже нот, вновь открыл запрещённые ранее частные типографии, объявил свободу торговли, освободил дворян от телесных наказаний, возвратил из ссылки многих военных и чиновников... А сколь прогрессивным оказался мой указ о так называемых вольных хлебопашцах?.. Крестьяне за определённый выкуп обрели свободу...

Но Александр бесцеремонно перебил витию, столь нагло присвоившего все его главные монаршьи достижения:

– Каков фанфарон! Ты, наверное, забыл, что я учредил четыре университета и педагогический институт, вместо существовавших коллегий создал министерства и новый орган власти – Государственный совет... А потом были война и победоносный поход нашей армии в Европу, который принёс её народам мир и спокойствие. Я искренне желал сие, дабы предотвратить распространение революционной заразы из просвещённой Европы в Россию. У нас, словно язвы от лихорадки, стали появляться тайные общества, масонские ложи, секты, всевозможные литературные и музыкальные салоны, в которых находили прибежище безответственные очернители Отечества и православия... Я прекрасно осознавал, что тормозит развитие нашей огромной империи. Сама жизнь требовала ограничения моей власти, ликвидации крепостного права, реформирования неповоротливой бюрократической системы, состоящей из сутяжников и воров... Мы крепко стали отставать от ряда европейских держав не только в научно-техническом, но и в военном плане, что создавало немалую угрозу державе... Ко всем этим преобразованиям невозможно было приступить, не наведя порядок в самой Европе, освобождённой от французского диктатора. И я, как правитель страны-победительницы, был вынужден переключиться с внутренних проблем на внешние. Страшно подумать, во что превратилась бы перекроенная после войны с Наполеоном Европа, если бы Россия не приняла участие в обсуждении её послевоенного устройства... Встречи в Вене, потом в Ахене... И наконец, претворение моей заветной мечты – создание Священного союза!..

– А ты, я смотрю, ещё и наглец, – грозно сверкнул глазами портретный Александр, хватаясь за эфес сабли, висящей на его левом боку. – Священный союз – это моё дитя. Моё! И я безмерно этим горжусь!

Белая перчатка, которую он нервно стянул с правой руки, упала на пол. Александр устремил на неё взгляд, весьма схожий со взглядом сумасшедшего:

– Ты бросаешь мне вызов?! Я его принимаю! – больно ущипнув себя за руку, он кинулся к стене и с размаха боднул её лбом – из глаз посыпались искры, а в голове зазвенело, словно она превратилась в колокольный купол. Реально ощутив боль, понял, что не спит, и всё, что с ним происходит, происходит не во сне, а наяву. – Где моя шпага? Та, что подарил Бонапарт...

– Хочешь драться с самим собой?

– Я хочу нанизать на клинок моё беспардонное изображение, нагло присвоившее мою внешность, мои мысли, всю мою жизнь...

– И сразу станешь самоубийцей... А их не отпевают, не хоронят на кладбищах и не ставят крест... Всё, я умолкаю и с подобающим к твоей персоне вниманием слушаю, хотя наперёд знаю все твои мысли и аргументы...

Александр немного успокоился, и это читалось по его чуть одутловатому лицу. Он медленно обвёл глазами спальню, словно попал в неё только что, и, подойдя к своему топчану, присел на его край. Стал искать носовой платок и, не найдя, обтёр лоб и щёки широким рукавом ночной рубахи:

– Ты прав. Я и ты – одно и то же лицо. Отличие только в том, что мне уже полных сорок семь лет, а тебе, с того момента, когда Джордж положил на холст последний мазок, – всего шесть.

– Возрастные различия в данном случае никакой роли не играют...

– Идея создать Священный союз пришла мне после бесед с баронессой Юлией де Крюденер. Сия особа спасла меня от меланхолии, словно добрая фея рассеяла тревожные мысли, которые давно терзали мою душу. Она убедила меня, что я самим провидением призван установить мир в Европе... Столь долгожданный и насущный... До сих пор помню её слова: «Ваше Величество, как может воцариться в Европе мир, если его нет в Вашей душе. Впрочем, как нет его и в душах других правителей больших и малых держав...» Мудрость моей собеседницы сразила меня наповал... Я стал искать то, что может объединить наши государства, а не то, что их разъединяет, вселяя недоверие и ненависть. И это объединяющее начало нашёл в вере, нашей общей вере в Христа... Вскоре я собственноручно набросал текст международного договора между тремя великими державами – Россией, Пруссией и Австрией. Подписавшие этот документ страны принимали на себя обязательства «руководствоваться заповедями любви, правды и мира», а также Священным Писанием, повелевающим всем людям быть братьями... Три союзных государя обещали управлять подданными «в духе неразрывного братства для воцарения веры, мира и правды...». Никогда ранее европейская дипломатия не знала подобного договора, объединившего христиан трёх конфессий: католической, православной и протестантской...

– Но ты же, на тот момент самый влиятельный из европейских монархов, матёрый политик и дипломат, почётный доктор права Оксфордского университета, понимал, что твоя утопическая идея рано или поздно потерпит крах. В большой политике трудно встретить порядочных людей, по большей части это политические шулеры и разбойники. Сегодня, если им выгодно, они могут подмахнуть любой документ, а завтра без зазрения совести нарушат все данные ранее обязательства. Это истинная суть наших западных партнёров. Но других-то нет!

– Безусловно, ты прав, но Священный союз давал пусть призрачную, но всё же надежду на то, что в Европе после недавнего перекроя границ наконец-то установится столь долгожданный мир. А он нам ой как был нужен, чтобы восстановить порушенное, укрепить армию и флот, духовно и нравственно развить нацию... Я мечтал превратить всё человечество в христианское братство – не случилось!

– Ещё не успели высохнуть чернила на твоём миротворческом документе, как Австрия, Британия и Франция за твоей спиной заключили тайный оборонительный союз против России и Пруссии – как всегда, двойная игра!

– И всё же 26 сентября 1816-го Россия, Австрия и Пруссия подписали договор о создании Священного союза, куда в течение трёх лет вошли ещё 50 христианских государств Европы. Англия, впрочем, как и Турция, вежливо уклонилась. Представитель Ватикана отказался подписывать, так как в документе отсутствовало чёткое разграничение указанных вероисповеданий... Я не раз призывал государей к сокращению вооружённых сил, поднимал вопрос о неприкосновенности территорий... Однако это был глас вопиющего в пустыне... Невзирая ни на какие договорённости, они продолжали объявлять друг другу всё новые и новые притязания, бряцать оружием, мстить чудовищными санкциями и экономическими осадами. В ход шли грязные компроматы, разоблачения, интриги и козни... Это сборище коронованных особ и их прислужников, профессиональных интриганов, провокаторов и лжецов всегда напоминало мне шабаш тёмных сил, которые по одиночке ненавидели друг друга, а сообща – Россию.

Послышались шаги, и в царскую спальню вошёл дежурный камердинер, державший в руке подсвечник с зажжённой свечой.

– Всё в порядке, Ваше Величество? – спросил он, окидывая цепким взглядом комнату и останавливая его на картине, на которой в полный рост был изображён Александр Первый. Но сотканный из тысяч тонких красочных мазков император с невозмутимым видом взирал с холста, излучая загадочную, как у Моны Лизы, улыбку.

– Иди, иди, всё в порядке... Сон дурной привиделся...

ГЛАВА 10

ВОЯЖ К БРЕГАМ ТАВРИДЫ

Сидя вполоборота за небольшим овальным столиком с резными, изящно выгнутыми ножками, Александр писал письмо матушке своей императрице Марии Фёдоровне. То и дело он обмакивал остро заточенное гусиное перо в серебряную чернильницу и торопливо запечатлевал на бумаге свои мысли и впечатления о таганрогской жизни. Почерк у государя был каллиграфический и ложился аккуратными ровными строчками, украшенными изящными вензелями. На улице внезапно сделалось темно, по жестяным крыше и подоконнику забарабанил скучный осенний дождь, а налетевшие порывы ветра стали срывать с полунагих деревьев оставшуюся листву, кружа её в диком танце.

Предусмотрительный камердинер внёс канделябр с тремя свечами и поставил его на столик – стало заметно светлее, и императору не нужно было щуриться и напрягать зрение. Александр сообщал матушке, что здешний более мягкий, чем в Петербурге, климат благотворно влияет на здоровье супруги. Кроме того, самочувствие и её, и его самого улучшилось из-за того, что едят они в основном пищу, приготовленную из местных морепродуктов и овощей, а на десерт употребляют много фруктов. Образ жизни здесь, в глубокой провинции, спокойный, если не сказать полусонный, что способствует сохранению физических и душевных сил, а также умиротворению, совершенно невозможному в постоянной круговерти столичных интриг и забот.

Вскоре ливень прекратился, и в окно вновь заглянуло солнце, превращая сползающие по стеклу капли в сверкающие бриллианты. Однако занятый эпистолярным процессом Александр этого даже не заметил, как не заметил и того, что в комнату неслышно вошёл камердинер.

– Не прикажете ли, Ваше Величество, принять свечи?

– Они мне не мешают.

– В народе говорят: примета плохая, коль они днём в доме горят...

– Ну коли так, – государь дунул на свечи, одним махом погасив все три.

Письмо своё матушке Александру дописать так и не удалось, потому что неожиданно нагрянул граф Воронцов, два года назад назначенный им генерал-губернатором Новороссии и полномочным наместником Бессарабии. У Михаила Васильевича было приятное, чуть вытянутое лицо с глазами, излучающими одновременно и мудрость, и иронию, а в статной фигуре чувствовалась многолетняя военная выправка. Графу было уже за сорок, но он по-прежнему оставался необычайно деятельным, душой болеющим за любое порученное дело, в которое всегда вкладывал всего себя без остатка. Александр мысленно отметил, что ему всегда было приятно общаться с этим образованным, храбрым и преданным отечеству человеком. Свою преданность не на словах, а на деле он не раз доказывал в сражениях на Кавказе, в Персии и Пруссии. Ему довелось участвовать в баталиях с турками и, конечно же, в Бородинском сражении, где он командовал 2-й сводно-гренадерской дивизией, воины которой демонстрировали примеры мужества и героизма, защищая Семёновские флеши.

А затем Воронцов без малого три года был командиром русского оккупационного корпуса во Франции. Накануне его вывода из страны он собрал сведения о долгах всех офицеров и солдат местным жителям и оплатил их, причём из собственных средств. Александру тогда доложили об этом гуманном поступке Воронцова, ведь, чтобы погасить почти полуторамиллионный долг, графу пришлось продать имение, полученное от своей тётки – княгини Екатерины Дашковой. «Такие, как Воронцов, – яркий образец не только геройства, но и благородства русского офицерства», – император вспомнил слова, которые сам же и произнёс тогда вслух, мысленно добавив, что всегда доверял и продолжает доверять этому человеку как самому себе.

Генерал-губернатор не без гордости доложил государю о хозяйственных успехах Новороссии и наиболее кричащих проблемах. Большая часть её многонационального населения занималась животноводством, в частности разведением лошадей и овец. Однако шерсть тонкорунных овец, как известно, ценилась значительно дороже обычной. Поэтому на собственные средства граф выписал из Испании и Саксонии овец соответствующей породы, и вскоре их нежная шерсть стала теснить в российском экспорте более грубую, одновременно принося значительные доходы.

После завоза в Крым виноградной лозы и фруктовых деревьев наиболее урожайных сортов стало более интенсивно развиваться виноградарство, садоводство и виноделие. Воронцов рассказал, что хочет начать выращивать в Крыму чай, а также табак и уже завёз туда несколько разных сортов для выявления, какой из них лучше других приживётся и даст больший урожай.

– Планирую, государь, отправлять в Европу семя льна. Выгода невероятная – ведь четверть льняного семени на два рубля серебром дороже четверти пшеницы... Новороссия – край благословенный, грех жаловаться, но все мои благие начинания рушатся подчас из-за бездорожья. Сама жизнь диктует нам строить дороги, которые сразу же оживят и хозяйственную деятельность, и торговлю, да и для военных нужд стратегически необходимы. Почтовые и просёлочные дороги повсеместно проложены, но требуют твёрдого покрытия... Да что мы, в конце концов, хуже той Европы!..

Затем неутомимый Михаил Семёнович принялся уговаривать императора своими глазами увидеть, какие преобразования на подопечных ему обширных территориях уже свершились, а какие запланированы на ближайшую перспективу.

– Я уже и маршрут наметил... Только пренебреженно Елизавету Алексеевну берите... Пусть тоже в Ореанде побывает... Надеюсь, государь, проект в работе. Предстоящей весной пора там стройку начинать.

– Пора, пора... На всё воля Божья... – задумчиво проговорил император и вдруг, глядя прямо в глаза Воронцова, спросил: – Отобедаете с нами, граф? Вы же наш дорогой гость.

– Ошибаетесь, государь, это вы и ваша супруга у меня в гостях. Таганрог ведь тоже находится под моим неусыпным генерал-губернаторским оком... Поэтому прошу меня простить, но перед нашей аудиенцией я отдал распоряжение об обеде с весьма интригующим меню...

После настойчивого приглашения графа Воронцова посетить Крым император после взвешивания всех за и против всё же решил туда отправиться. Не сработала даже настоятельная просьба старца Серафима не ездить туда... Ему действительно совсем не хотелось уезжать из тихого и такого уютного Таганрога, где он вдали от столичной суеты начал жить так, как ему уже давно хотелось, – сам по себе. Однако неуёмная жажда путешествий хоть с возрастом и приугасла, но всё ещё бередила душу. Не случайно люди из его окружения не без иронии называли Александра царём-путешественником. За почти четверть века своего правления он не только вдоль и поперёк исколесил всю европейскую часть Российской империи, но и побывал в большинстве стран Западной Европы. Государь давно уже привык к дорожным мытарствам и практически полному отсутствию обычного для его высокого статуса комфорта. Мог поесть в любом придорожном трактире, уснуть прямо в подпрыгивающей на ухабах коляске или на топчане с соломенным тюфяком почтовой станции, пока там меняли уставших лошадей на свежих и более ретивых. Подобная неприхотливость – результат его спартанского воспитания в детстве – позволяла ему и сопровождавшей свите преодолевать до ста, а то и более вёрст в сутки. Усталость его, безусловно, одолевала, но она не могла заслонить большое радостное чувство от того, что рекордное расстояние было преодолено, а значит, время, силы и средства потрачены не впустую.

Александр настойчиво уговаривал императрицу составить ему компанию в предстоящем вояже, но она, ссылаясь на проблемы со здоровьем, ехать в столь долгое путешествие опасалась. А ведь он так хотел показать ей имение на берегу Чёрного моря, которое несколько лет тому назад приобрёл в Ореанде – удивительно солнечном и малолюдном уголке Крымского полуострова. Давно мечта об уединении, он остановился именно на этом имении, принадлежавшем графу Кушелеву-Безбородько. Документы на купленную землю государь собирался подарить жене, пообещав, что сделает это после того, как построит здесь дворец с видом на морские просторы, где они и поселятся, отойдя от государственных дел...

Несколькими днями ранее императрица чувствовала себя хорошо, и он вместе с ней побывал в Азове – городе-крепости, расположенном в живописном устье Дона. Бабушка рассказывала, что Пётр Великий считал Таганый Рог наилучшим местом для первой российской военно-морской базы.

Именно здесь он и решил строить гавань, а для её защиты с берега – крепость, названную Троицкой. Она была земляной не только из-за отсутствия в окрестностях залежей дикого камня и поспешности строительства. Просто земляные укрепления хорошо выдерживали артиллерийский огонь, который их незначительно повреждал, но не разбивал. К тому же на азовских валах и бастионах стояли 238 пушек, а ещё более 100 – на молах и в форте...

Елизавета Алексеевна была в восторге от этой поездки, особенно от прогулки на катере по реке с высадкой на небольшой остров, где царскую чету угостили ароматной ухой из только что пойманной рыбы. Получается, отказ императрицы от многодневного путешествия по Тавриде не был каким-то демаршем или женской уловкой. В отдельные дни она действительно чувствовала себя скверно, её покидали жизненные силы, не прекращался кашель, иногда с кровью, повышалась температура...

«А вдруг в пути ей станет ещё хуже, что тогда? Сорвать мою деловую поездку и одновременно похоронить надежды Воронцова воплотить свои замечательные проекты она не хочет? Ведь Михаил Семёнович так надеется уговорить меня профинансировать хотя бы строительство дорог из государственной казны», – размышлял император.

В конце концов, Александр согласился с аргументами супруги, сократив своё пребывание на полуострове вдвое за счёт уплотнения графика визита и предельно интенсивной скорости передвижения. Помимо чисто хозяйственных и военных проблем нужно было также разобраться и с другими. Они касались финансирования археологических раскопок, реставрации и сохранения памятников старины, создания музеев... И на всё это опять же требовались немалые финансовые средства...

– Надеюсь, Элиз, я управлюсь там за две недели, – пообещал он супруге. – Тем более что генерал-губернатор предоставит мне подробнейший отчёт о том, что он там уже успел сделать... Ну а в Орланду отправимся вместе... в апреле или мае...

– Не сердись, Алекс... Ты же знаешь, если бы болезнь не обострилась, я обязательно бы с тобой поехала... хоть на край земли. Однако ни мне, ни врачам не известно, как мой организм отреагирует на долгую тряску, неправильное питание и резкую смену климатических условий, – убеждала она огорчённого мужа.

Александр успокоил императрицу, сказав, что принятое ею решение правильное и он его уважает и одобряет.

20 октября, едва начало светать, Александр, предварительно помолвившись, выехал в Крым. Утро выдалось по-осеннему пасмурным и промозгло-холодным, даже облепившие деревья длинноклювые вороны сидели, втянув шеи и хмуро нахохлившись. Это заставило не только императора, но и всех сопровождавших его людей начать кутаться в дорожные пледы или обматывать шеи шерстяными шарфами.

Как только грохочущая кавалькада колясок выехала за пределы городской застройки, её кучера, покрикивая на лошадей, заставили их перейти на аллюр и бежать быстрее. Тут же из-под копыт стали подниматься вверх коричневатые клубы пыли, напоминающие плотную дымовую завесу. Спасения от неё не было, пыль назойливо лезла в глаза, в нос и рот, оседала на одежде и противно поскрипывала на зубах. «Стократ прав граф Воронцов: нам крайне нужны дороги с твёрдым покрытием, – с грустью размышлял Александр. – Сейчас, глотая пыль, хоть ехать можно, а когда дожди зачистят, то до первых морозов будет царствовать непролазная грязь... А с другой стороны, будь у нас мощёные дороги, то вражеские армии продвигались бы по ним легко и стремительно. Выходит, слава бездорожью! Виват непролазной грязи!..»

Александр прикрыл лицо батистовым платком с собственным инициалом в уголке и погрузился в размышления. Он любил в период длительных переездов уходить в себя, анализируя уже прошедшие события или мечтая о чём-то светлом, добром или таинственно-мистическом:

«Каким должен быть правитель Российской империи? Сей вопрос мучил меня как в годы юношества, так и в период последующего взросления. Мне казалось, а точнее я был уверен, что по складу своего характера, врождённым лености, нерешительности и природному легкомыслию совершенно не гожусь на роль монарха столь огромной державы, чьи земли простираются от фьордов цивилизованной Балтики до диких тихоокеанских берегов. Одно дело управлять компактными Швейцарией, Голландией, Данией, даже Пруссией, а совсем другое – Россией, территория которой по совокупной площади в десятки, а то и в сотни раз превосходит территорию любой из европейских стран.

Многие российские царственные особы имели весьма смутные представления о размерах управляемой ими державы. Притчей во языцех стала дочь Петра Великого – Елизавета, которая послала

на Камчатку штабс-курьера, дабы тот к её коронации доставил оттуда шесть пригожих благородных девиц. Они были привезены, но... на четыре года позже прошедшего в Москве торжества – ведь расстояние туда и обратно тысячи и тысячи вёрст! Мало того, половина из тех девиц прибыла ещё и с родившимися за время долгого пути детьми... Вот такой курьёз!..

Но почему-то провидению было угодно именно меня сделать наследником русского престола, возложив на мои плечи ответственность за гигантскую империю, за её место в мировой истории. Править сонмом разноплеменного народа – непосильная ноша и огромная ответственность. Следовательно, о свободе, которую я обожаю с младых ногтей, мне пришлось забыть. Служение Отечеству и свобода – увы, понятия несовместимые! Мне пришлось отбросить свою наивную юношескую мечту о том, чтобы даровать России конституцию, после чего полностью сложить с себя власть, удалившись в какой-нибудь благословенный уголок, и жить там спокойно и счастливо столько, сколько отпустит мне Всевышний...»

Вдруг Александру припомнилось, как учитель математики со странной фамилией Массон пытался ему, десятилетнему, растолковать, что площадь азиатского материка более чем вчетверо превосходит площадь Европы. А уж какие богатства таят в себе недра самого огромного материка Земли, суждено будет узнать только последующим поколениям – нашим внукам и правнукам. Однако, несмотря на этот очевидный факт, европейцы всегда относились к жителям Азии пренебрежительно, считая их отсталыми дикарями, а себя – центром цивилизованного мира. Миллионы этих варваров должны были беспрекословно выполнять волю покоровших их огнём, мечом и обманом европейцев. Вековая колонизация чужих стран и народов и их беззастенчивый грабёж приносили реальные прибыли, оживляя тем самым экономику дешёвым сырьём и практически бесплатной рабочей силой. Англосаксонцы, испанцы, датчане, французы так жили всегда, удивляясь россиянам, нещадно эксплуатирующим лишь свой собственный, а не чужие народы.

Александр вспомнил, как бабушка пригласила для его воспитания гувернёра из Швейцарии. Это был Фредерик Сезар Лагарп, политический деятель, философ и адвокат, с которым у него сразу же установились доверительные отношения, несмотря на разные возраст, вероисповедание и социальный статус. До сих пор, как Отче наш, он помнил мудрые наставления швейцарца, которые, безусловно, не раз ему, российскому императору, пригождались и помогали принять верное решение. Вот эти непреложные истины – одна бесценнее другой: царь обязан трудиться много и плодотворно; дабы многое успеть, вставать нужно очень рано; беспорядок и небрежение в делах неприемлемы; не дозволяй себя обманывать; не поддавайся отвращению к власти; для всех своих подданных царь должен быть образцом любящего мужа и семьянина...

Лагарп всегда был искренен и честен. Он предостерегал от того, что ты, представитель царской фамилии, помазанник Божий, можешь не сдержать данное ранее обещание, участвовать в дворцовых интригах или, не дай бог, заговорах... Ни в коей мере нельзя было делить приближённых на любимчиков и опальных. Нельзя было верить льстецам, подхалимам, сплетникам и особенно не поддаваться женским чарам... Последнее предостережение было, пожалуй, самым тяжким. Выполнять его, особенно после флиртов с очаровательными фрейлинами или регулярных ночных сновидений с весьма пикантными сюжетами, было чрезвычайно затруднительно. Но подобные самозапреты помогали укрощать откровенно животные инстинкты, тренировать волю, сохранять самообладание, что в отдельные моменты крайне необходимо.

Это только люди малосведущие думают, что самодержцу дозволено абсолютно всё. Но тогда он очень скоро превращается в самодура, которого ненавидит собственный народ. Но если твоя человеческая суть не приемлет деспотию и лютость, тогда ты должен очень строго ограничить свои желания и действия. Для всех, будь то люди дворянского, духовного, купеческого, мещанского или крестьянского сословия, ты государь-батюшка, пример для подражания и восхищения. Вот тебе и неограниченная власть! Чушь полнейшая! Она ограничена, да ещё как, и вековыми устоями общества, и законами предыдущих монархов, и международными обязательствами, и православной верой, и нравственностью твоей бессмертной души...

Александр вернулся в реальность и каким-то пространством взглядом смотрел на проплывающие по обе стороны экипажа унылые пейзажи, которые изредка оживляли облепленные огненно-красными гроздьями кусты калины либо торчащие высоко над пожухлой травой грустно-жёлтые соцветия пижмы. Он вдруг вспомнил свою первую поездку в Крым. Она состоялась, дай бог памяти, семь лет назад, подарив ему массу позитивных впечатлений и неожиданных встреч. Особенно запомнилось

посещение пещерного города Чуфут-Кале в окрестностях Бахчисарая. Это место, окутанное вековыми легендами и мистическими тайнами, притягивало к себе с какой-то магической силой. В прошлом году он снова оказался в этом месте и присутствовал в караимской кенасе на богослужении, где впервые в жизни наблюдал за столь необычным молитвенным ритуалом.

Когда возникло это поселение и какой народ его основал, история умалчивает. Известно только, что позднее в эти места переселились татары и караимы, принадлежащие к тюрко-хазарскому племени, принявшему иудейскую веру. Местные жители воспринимали караимов евреями, поэтому надёжно защищённое крепостными стенами поселение называли Чуфут-Кале, что переводится как «Иудейская крепость». Здесь насчитывалось 170 пещер, но люди в них не жили. Они строили себе дома из камня и дерева, а пещеры использовали в качестве хозяйственных построек и складов. Священным деревом караимы считали дуб. Его рубка приравнивалась к совершению святотатства. Поэтому много дубов росло на местном кладбище и в расположенной неподалёку от пещерного города тенистой роще – месте духовной силы.

По приглашению местного богача Биньямина бен Самуила Ага Александр побывал в его доме. Хозяин познакомил императора со своим гаремом, который состоял из десяти женщин разного возраста яркой восточной внешности. У государя появилось ощущение, что он из реальности вдруг попал в какую-то волшебную сказку. Гаремные красавицы, увидев рядом со своим господином постороннего мужчину, стали стыдливо закрывать свои лица ладонями или закутывать платками с узорами из золотистых нитей. Хозяин дома улыбнулся и что-то сказал жёнам на своём родном языке, видимо, сообщил, кто пожаловал к ним в гости. Женщины сразу успокоились и с нескрываемым любопытством стали наблюдать за высоким, бравым на вид мужчиной в генеральской форме. Некоторые из них, преодолев робость, даже ему улыбнулись.

«Я тогда даже растерялся и почему-то на французском произнёс: «Сообщите дамам, что я в восторге от знакомства с ними». Потом поинтересовался у Биньямина, как он справляется с таким количеством женщин, на что состоятельный караим ответил:

– С большим трудом. Но такая традиция у нашего народа существует с древнейших времён. Многожёнство необходимо, чтобы не закончился наш род, ведь почти половина молодых мужчин постоянно гибнет, добывая хлеб свой насущный и в схватках с врагом...

Этот ответ мне понравился, и я, сняв со своего безымянного пальца перстень с бриллиантом, подарил его главе большого караимского семейства... Затем хозяин повёл меня в другую комнату, сплошь застланную коврами с мягкими подушками для сидения, где был накрыт длинный стол на низеньких ножках, уставленный разного вида сырами, восточными сладостями, фруктами, пчелиными сотами, из которых сочился в блюда янтарный мёд... И всё, что я здесь увидел, всё, что попробовал, – это тоже была Россия! Страна, которую Всевышний доверил мне в управление вместе с её народами, необъятными просторами и богатыми недрами. Родина, которую я ношу в душе своей одновременно и как высшую награду, и как тяжкое бремя... Такой вот непостижимый для здравого ума дуализм!..»

Александр достал из кожаной папки, которую украшало тиснение двуглавого орла, бумагу с планом своей нынешней поездки и пробежал его беглым взглядом. В небольшом списке крымских поселений значились: Симферополь, Алупка, Ливадия, Ялта, Балаклава, Севастополь, Бахчисарай и Евпатория. И на всё про всё – две недели...

«Коль буду в Бахчисарае, непременно загляну в Чуфут-Кале, а после Балаклавы – в Георгиевский монастырь... к греку-настоятелю Агафангелу... Он мудр и прозорлив невероятно... А ещё нужно обязательно отыскать следы мадам де Крюденер, которая, как мне сообщили, не так давно поселилась в Крыму... В своё время я обошёлся с ней некорректно, если не сказать грубо. А ведь именно она укрепила во мне веру в то, что я избранник судьбы, именно она установила мою духовную связь с всеильным Господом, именно она убедила меня объединить страны Европы в некое христианское братство», – размышлял о приоритетах нынешнего вояжа император.

Окончание в следующем номере

Проза

Галина Капецкая

Галина Анатольевна Капецкая – автор публикаций в различных периодических изданиях Беларуси и журнале «Берега»; сборников прозы «Мгновения жизни», «Мозаика бытия», «Зарисовки с натуры»; сборника верлибров «Путь к себе». Несколько циклов зарисовок и верлибров вошли в состав трёх сборников различных издательств. Лауреат Гомельского областного литературного конкурса им. Кирилла Туровского (2009) и Международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси» (2022, 2023).

ТЕРРАРИУМ НА СЦЕНЕ ЖИЗНИ

ЗАРИСОВКИ

Мадам, месье, сеньоры,
К чему играть спектакли,
Когда весь мир театр,
И все мы в нём актеры,
Не так ли, не так ли?
Мадам, месье, сеньоры,
Как жаль, что в общей драме,
Бездарные гримёры, коварные суфлёры
Мы сами – мы с вами!

Юлий Ким

НАЧАЛО СЕЗОНА

В начале театрального сезона члены труппы собираются отдохнувшие, посвежевшие, улыбаются, так и сыплют комплиментами. Со всех сторон слышится: «Ах, Коралловая, ты кожу сменила? Прелестно, прелестно! Ты всё молодеешь и молодеешь!» Тут же за глаза: «Очередную пластику сделала! Можно подумать, такая красавица неотразима! Ха-Ха!» – «О, Мамба, да у вас изумительная новая причёска. Очень вам идёт!» Понятное дело, что «доброжелательницы» тайком ехидничают: «Как же, волосы у неё хорошие! Там три седые волосинки в два ряда. Парик новый купила!» – «Привет, Крайт! Выглядишь посвежевшим!» – «Да, дружище, отдыхал в Египте». Между собой: «Ой, можно подумать, в лучшем случае на южном берегу речушки у себя на дачке загорал». И так далее и тому подобное. Слышится со всех сторон: ахи-охи, чмоки-чмоки. Как всегда: клубок целующихся змей.

ЧЁРНАЯ МАМБА

Змеи с древности считаются символом мудрости. Уж не знаю, насколько чёрная мамба умна, но то, что она занимает третье место на планете по ядовитости, всем зоологам известно. В труппе много лет такая Мамба работает. Название своё природная особь получила за чёрную пасть. Вот и у нашей актрисули зев был чернее ночи. На всех очень ловко и умело Мамбочка компромат собирала да по папочкам складывала. Как только ей казалось, что её обидели или в чём-то обделили, открывала змеюка и свою папочку, и свою чёрную пасть. Так что и простые смертные, и начальство старались Мамбу не задеть и все прихоти её выполнять. Оно и понятно: кому хочется смертельную порцию яда получить.

ГАДЮКООБРАЗНАЯ ЗМЕЯ

В коллективчике процветала и гадюкообразная смертельная змея. Внешне она ничем от своих товарок-змей не отличалась. Вроде такая, как и все, гадюка обыкновенная. Вела себя тише воды, ниже травы, жертву тихонько караулила. Подбирала подходящий момент и кусала. А яд у неё второе место по смертельному воздействию занимает. Зачем она это делала? Для чего? А без причины! В силу ядовитости характера и потребности кусать ближнего.

СИНИЙ КРАЙТ

Малазийский синий Крайт талантом не обделён, мог и петь, и плясать, и на сцене роль сыграть. Но поскольку яд, который занимает пятое место в мире по токсичности, у него вырабатывался, так надо же было куда-то это добро тратить. Вот наш Крайт и раздавал направо и налево эпитеты своим коллегам: одна – слишком молода, ни ступить ни молвить не умеет, другая – ну да, талантлива, только уже стара и пора молодым дорогу уступить. То, что он сам в свои сорок с хвостиком играл в спектакле роль девятнадцатилетнего юноши, нашего обитателя террариума как-то не смущало. Ну кто ж в своём-то глазу бревно увидит?

ГАДЮКА ОБЫКНОВЕННАЯ

Гадюка обыкновенная в одном театре с Крайтом работала. Актёрского и вообще никакого образования она не имела. Но о себе была мнения необычайно высокого. По всему террариуму трезвонила, что она – самая талантливая и одарённая и вот-вот займёт место режиссёра. На самом деле тот талант надо было в лупу рассматривать. Но и Крайт, и все прочие сослуживцы Гадюку стороной обходили, ибо в театр она попала по протекции о-о-очень высокопоставленной особи. А кому нужны лишние неприятности?

УЖИК

Ужик был внешне вполне привлекательным, но очень простоватым малым. Слова ролей мог выучить с трудом, на сцене держался скованно, однако сам собою был очень доволен. Почти со всеми незамужними дамами наш добрый молодец затевал интрижку. Даже продюсер мимо милашки не прошла. Вот и не увольняли голубчика за профнепригодность. Пушай тусуется. Опять же, надо кому-то роли «кушать подано» играть.

ВЕРЕТЕНИЦА ЛОМКАЯ

Веретеница ломкая по внешнему виду – типичная змея. Но по природе своей – это безногая ящерица, существо совершенно безобидное. В умнящей науке философии есть такое понятие: наивное сознание. Это значит, что индивидуум судит о реальности исходя из своих преставлений. Веретеница – добрая душа, ей в голову не приходило кому-то не то что сделать – пожелать зла. Хлопая глазками, наша героиня искренне восторгалась своими коллегами, восхищалась их талантом и красотой. Змеи насмешливо смотрели на коллегу своими немигающими глазами и ожидали удобного момента вонзить в простушку зубы, соединённые с ядовитыми железами. Что поделаешь в серпентарии *c'est la vie*.

ЖЕЛТОПУЗИК

Желтопузик тоже к безногим ящерицам относится, но по виду его легко за змеюку принять. Однако же мало того, что по природе своей яда он не имеет, так ещё и по характеру – весёлый добряк. Хорошо играл, в основном роли второго плана, никому не завидовал, никому зла не делал. Многим начинающим нелёгкий актёрский путь змеюкам Желтопузик бесплатно уроки актёрского мастерства давал, добрыми советами помогал, поддерживал. Но едва до определённого возраста дожил, тут же артиста на пенсию спровадили вышедшие в начальство его бывшие ученики. И спасибо никто не сказал. Желтопузик такому финалу не удивился, ибо умён был и понимал, в каком обществе находился. Не укусили до смерти – и на том спасибо.

КОРАЛЛОВАЯ ЗМЕЯ

Коралловая Змея была необычайно хороша собой и шипела очень музыкально. На этом её достоинства заканчивались. Классик считал, что красота спасёт мир. Не знаю, как там насчёт мира, но нашу напрочь лишённую актёрских способностей Коралловую красавицу красота спасала от увольнения за профнепригодность. Она умело и творчески внедряла в жизнь актёрскую поговорку «На экранчик через диванчик» и вполне себе расцветала и процветала. И в прямом и в переносном смысле.

СИНИЙ ГОНЩИК

Синий Гонщик был вполне красив, достаточно талантлив, шипел красивым баритоном и играл очень даже неплохо. Одно нехорошо – считал себя пупом земли, секс-символом театра (несмотря на вполне солидный возраст), королём сцены, мастером перевоплощений и так далее и тому подобное. Он даже вроде как и не ползает, а летает, на всех свысока поглядывает. Часто говорит, что ему надо было птицей родиться, в высоком небе летать.

Если бы даже его услышали змеиные Высшие Силы и превратили Гонщика в птицу, то неба ему всё равно увидеть не пришлось бы. Как известно, павлины не летают.

АСПИД

Аспид был одним из старейших режиссёров в серпентарии. В молодости он ставил очень даже неплохие спектакли: критики рецензии хорошие писали, зрители рукоплескали. Правда, всяческие нововведения он не любил, что называется, кроил свои произведения по старым лекалам. Так много лет прошло, постарел наш мастер, здоровьем поизносился, но уходить из театра не помышлял. Руководство его увольнять не решалось, побаивалось, как известно, аспиды очень агрессивны, даже на человека могут первыми напасть. Поставил наш мастер новый спектакль. Зрители зевали-зевали на этом зрелище, да толпами из зала уходили. Порой в зале к концу спектакля человек пять оставалось. Аспид и в ус не дует. Главное для него – пенсию получает и зарплату платят. Верно считают: где говорят деньги, там молчит совесть.

КАЛАМАРИЯ

Каламария – змейка росточка небольшого, безвредная, ибо яда в ней нет ни капельки, но и большого таланта, увы, нет. Однако же у неё тоже детишки кушать хотят, так что денежки нужны, а стало быть, и рольки необходимы. Красой и обольстительностью наша змеюшечка похвастаться не может, значит, способ Коралловой для добычи ролей ей не подходит. Пресмыкающаяся не растерялась, свою собственную систему изобрела: во-первых, перед начальством лебезит и комплиментами сыплет; во-вторых, стучит потихонечку; в-третьих, кулинарка она отменная, так что часто пирогами, булочками, кексиками, ватрушечками и прочими вкусняшками собственного изготовления власть имущих потчует. Система работает! Живёт Каламария, не тужит, во всех спектаклях рольки имеет и зарплатку вполне приличную получает.

ЩИТОМОРДНИК

Щитомордник был красавцем – крупным, волевым, с твёрдым характером. Роли ему поручали главные, поклонницы неизменно дежурили у входа, задаривали цветами. В общем, что ни на есть «змей-звезда». Судил он обо всех строго и категорично, мнение своё высказывал, не стеснясь ни «заслуженных-народных», ни начальства, ни Чёрную Мамбу, ни даже самого ядовитого пресмыкающегося Тарпана. Знал, что в любом коллективе его примут с распростёртыми объятьями: хорошие кассовые сборы всем нужны. Старых актёров он не любил, называл «отработанный материал» и считал, что достиг определённого возраста – иди на пенсию, нечего чужое место занимать. Годы

шли, стал наш лицедей сначала заслуженным, потом народным, потом достиг очень солидного возраста. Однако о пенсии не помышляет. Во всех интервью делится творческими планами о грядущих ролях в новых спектаклях, хотя уже нет ни красоты, ни поклонниц с цветами, ни прежнего успеха. Не понимает, что сам стал «отработанным материалом», и не увольняют его, потому что помнят о прежних заслугах. Пока помнят...

ТАРПАН

Слов нет, Тарпан был режиссёр одарённый, спектакли ставил отличные. Только характер имел прескверный. Один «поклонник» так о нашем герое в Интернете написал: «Тарпан выстрелит, перезарядит, потом снова выстрелит и только после этого спросит через дырявую дверь: «Кто там?» Многие считают его самым ядовитым гадом на планете. К тому же наш герой весьма подозрителен: во вся и всех видит недоброжелателей и подозревает интриги и козни супротив его персоны. Зависти ему отмеряно не меньше, чем яда. Вроде как, ежели постановка удачная и его актёрам зритель оvation устраивает, так же ж гордиться надо. Ан нет! Чем больше у актёра успех, тем сильнее Тарпан ему завидует и непременно исподтишка ужалит. Такое вот сочетание большого таланта и огромной ядовитости.

ТИГРОВАЯ ЗМЕЯ

Тигровая змея среди своего ядовитого семейства отличается необыкновенным миролюбием и предпочитает при опасности не нападать, а скрываться и прятаться. Да и по жизни она, что называется, «не выпендривается»: подлостей не делает, ролей не добивается – что дадут, то и играет. Однако же в какой бы роли она не выходила на сцену: хоть в главной в шикарном костюме примадонны, хоть в скромном костюме горничной, хоть в лохмотьях бомжихи, зрители смотрели только на неё. Каждый раз перевоплощение было таким полным, что сразу видно: актёры, пусть даже хорошо, но играют, а Тигровая – превращается в своего персонажа, что называется, живёт в роли. За это коллеги её очень-очень не любили, некоторые, прямо скажем, молча ненавидели. А уж когда она снялась в известном фильме и на престижном международном конкурсе получила приз за лучшую женскую роль... Очень скоро после этого события получила Тигровая несколько смертельных укусов. От кого? Автор сама себе не враг и жить ещё хочет, так что этого вам не скажет. Вы уж сами сделайте выводы.

ХАМЕЛЕОН

Затесался в эту змеиную труппу хамелеон. Он вроде как и родственник: класс Рептилии, отряд Чешуйчатые, но семейства-то разные. Однако же рептилии – они же пресмыкающиеся, так что-то, а пресмыкаться-угодничать Хамелеон умел. К тому же, как известно, природа наделила его очень удобной для жизни особенностью: с кем он рядышком находился, тот цвет и принимал. С Чёрной Мамбой он был чернее ночи, с Крайтом – синел, возле Щитомордника становился пёстро-серым, ну и так далее, даже возле Ужика у него белые ушки появлялись. Таким образом, наш хитрец жил не тужил. Как и везде, в террариуме лучше живётся тем, кто умеет приспосабливаться.

КОБРА-АЛЬБИНОС

В труппе появилась очень необычная змея – Кобра-альбинос. Мало того что сказочно красива, волшебна талантлива, невероятно мудра, так и по характеру – «чужая среди своих». Зла Кобра-альбинос никому не делала, горой стояла за обиженных и угнетённых. В общем, была из тех, кто за убеждения жизнь отдаст. Ходили слухи, что она даже ядовитые железы у себя удалила, чтобы ничто не мешало воплощать идеи Света и Справедливости.

Благодаря таким личностям Зло ни-ког-да не победит Добро! Даже в серпентарии.

СКАЗКИ ТРИДЕСЯТОГО КОРОЛЕВСТВА

Сказка – это когда женился на лягушке,
а она оказалась царевной.

А быль – это когда наоборот.

Фаина Раневская

КОРОЛЕВА НА ПЕНСИИ

Надо сказать, что Королева была очень даже неплохая. О народе заботилась, министров своих обучала с простолюдинами вежливо обращаться, в их нужды вникать, помогать. За казной вроде как следила пристально. Ну, конечно, жизнь у неё была хорошая: не то что как сыр в масле каталась, а те самые сыр с маслом её бытию позавидуют. Богатств у Королевы не то что полная чаша – бассейн с верхушечкой.

Но время идёт, годы летят, достигла наша правительница годочков преклонных и пришлось венценосной на пенсию идти. Вроде как всё у неё хорошо: дворец личный трёхэтажный, карета заграничная навороченная, медобслуживание в королевской клинике, санатории высочайшего класса: хошь свои, хошь – заграничные, и богачеств всяческих – пра-пра-правнукам хватит и ещё останется. Неожиданно впала бывшая Королева в такое недовольство, что ни словом сказать, ни пером описать. Постоянно ходит хмурая, всем недовольная, к домочадцам придирается, с соседями бранится-ссорится. Случается ей порой поговорить с подругой юности, так всех бывших однокурсников по университету обучения особ королевской крови грязью поливает. Скажем, один академиком стал, подумает, что он там изобрёл – ерунду никому не нужную. Одна принцесса в соседнее королевство замуж вышла, ох, можно подумать – замуж, интердевочкой она там работает. Однокурсник бывший бросил королевские дела, стал известным поэтом – подумает, чепуху сочиняет рифмоплёт-недоучка. И так – «всем сёстрам по серьгам». Что случилось? С чего бы это вдруг такое ухудшение характера приключилось, ведь у Королевы всё есть? Ларчик просто открывается: всё есть, но власти нет.

ЗОЛУШКА ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

Почему все сказки заканчиваются свадьбой? Давно на этот вопрос ответ найден: потому что после свадьбы заканчиваются все сказки. Про Золушку и Принца все знают, а вот что после свадьбы было? Танцевать-то она кое-как умела, а вот знание иностранных языков, дворцового этикета, истории сказочного королевства, не говоря уже об алгебре-геометрии, и прочих научных премудростей у нашей новоявленной принцессы было очень и очень посредственное. К тому же к интригам меж царедворцев она была не приучена, лицемерием не отличалась, притворяться-обманывать не умела. Так что несладко девице пришлось в царском дворце. Поплакаться некому, а не надоедать жалобами мужу ума у нашей скромницы хватило. Крёстная Фея появлялась нечасто. К тому же она была из семейства добрых фей, коварству не обучена, пакости творить не научена. Дельного совета, как выжить в «клубке целующихся змей», дать крестнице не могла. Ну, не к Мачехе же за советом идти! Негде было молодой жене Принца душу отвести. Чтобы как-то отдохнуть от своего «счастья», наша Золушка порой украдкой приносила в серебряном ведёрке водицу и, крепко заперев входную дверь, брала кусок бархатной ткани и мыла полы в спальне. Что характерно, в тот момент она была счастлива, а по завершении работы чувствовала себя отдохнувшей.

МИНИСТР БЕЗ ПОРТФЕЛЯ

Без министров, опять же, и хотели бы обойтись, да вот не получается. У высоких чиновников, как водится, зарплаты миллионные, кабинеты огромные, а ещё им полагались секретари, референты, помощники. Надо же, чтобы хоть кто-то в министерстве работал! Один юный Секретарь уж так был услужлив, угодлив, исполнительен и слащав, прям хоть вместо мёда его на булочку намазывай. И портфельчик министру поднесёт, и жене министра всенепременно комплиментик ввернёт, и моську министерскую поглаживает да на «вы» называет. Дивиденды кое-какие от своего лизоблюдства он имел, иногда там камзолчик с барского плеча пожалуют, остатки икорки откусать позволят, ну, так, по мелочам ещё кое-что. Однако же надежда о повышении у подхалима так и осталась мечтой

несбыточной. В министры не вышел. Правда, через тридцать лет угодничества вроде как повысили Секретаря, назначили заместителем министра по хозяйственной части. Завхозом стал, проще говоря. Молодые сослуживцы за глаза посмеивались, называли его «Министр без портфеля». И поделом ему!

ФРЕЙЛИНА НА ПРОДАЖУ

Среди выпускниц Института благородных фрейлин одна была по красоте ну просто прЫнцесса! Да нет, не прЫнцесса даже – королева! Что глазки, что ножки, что фигурка, что уста сахарные – как говорится, для массы поклонников мечта в слезах. Фрейлина была дамочкой умной, расчётливой и себе на уме. Почему дамочкой, а не девушкой незамужнюю называем? Потому что она давно, что называется, «замуж пошла», только ни в одном ЗАГСе сие событие не записано. Понятно? Ну, и проехали, не наше дело, к тому же в королевстве царили «толерантные нравы». Искала красавица мужа не красивого-доброего, а богатого-высокопоставленного. Но вот, несмотря на неземную красу, как-то ей в этом вопросе не везло. Наконец удалось красотуле охмурить одного завалыщенького заморского Принца из маленького королевства. Поначалу она подружкам фотографии высылала, хвасталась, а потом умолкла. Дело в том, что отец-король умер и на трон взошёл старший брат мужа Фрейлины. Принц сей был седьмым по счёту братом, поэтому надежды на царский престол практически равнялись нулю. Развелась красавица в надежде найти мужа побогаче и попрестижнее, но тут Фортуна повернулась к ней не лицом, а совсем противоположной стороной фигуры. Теперь Фрейлина переходит от одного «папика» к другому, песенки им поёт, как-кан пляшет. Пока возраст позволяет...

МАРЬЮШКА БЕЗ ИВАНУШКИ

Вроде как в любой сказке положено каждой МARYЮШКЕ найти своего ИВАНУШКУ и жить счастливо, просто одним цветком расцветать. Вот и в нашем королевстве жила-была Машенька, в десятом классе королевской средней школы обучалась. Хорошенькая такая девочка, щёчки с ямочками, глазки наивные, сердечко доброе. Влюбилась МARYЮШКА в ИВАНУШКУ из параллельного класса. Ладненький такой паренёк, и в учёбе старательный, и руки золотые. Вроде как и ему Маша приглянулась. Однако ж, на беду красной девице, «неровно задышал» к ней одноклассник Федул. Поганенький такой парнишечка, однако дюже хитроумный. Стал он всякие гадости про Машеньку сочинять да Ване на ушко нашёптывать. Когда мальчишечки все вместе собирались, Федул Машеньку высмеивал всячески, дескать, фигура у неё слишком круглая, ножки коротковаты, наивна до глупости. Поганые языки часто чёрные дела вершат. Ванечка выдумкам поверил и на Машеньку глядеть перестал.

Школу все окончили, по городам и весям разлетелись. Федул было принялся за Машей ухаживать, да от ворот поворот получил. Как известно, цветок иван-да-марья есть, а просто марья цветочка нет. Так наша Машенька не расцвела и завяла. Однолюбною оказалась...

ОШИБКА ЭЛЬФА

Эльф весь из себя такой хорошенький-хорошенький, над цветочками порхал, жизни радовался, бабочками любовался, стишки писал, под гитару чувствительные романсы пел. Конечно же, о неземной любви он мечтал и присмотрел уже одну золотоволосую девицу из рода Дюймовочек. Милая такая, скромная, трудолюбивая и добрая. Только собрался было перед её домиком-колокольчиком серенаду спеть, да угодил в любовные сети Дюймовочки-Брюнетки. Эта девица, правду сказать, собой хороша была, и умна, и вполне хозяйственна. Волей стальной обладала Брюнеточка и характером «нордическим», потому-то не успел наш романтик оглянуться, как марш Мендельсона прозвучал. Кстати, Брюнетка Златовласку на свадьбу приглашала, но та почему-то не пришла...

В новоиспечённой семье молодая супруга железной хваткой взяла бразды правления в свои руки, Эльф ни пикнуть, ни муркнуть не смел, ни сигаретку выкурить, ни пивка хлебнуть, ни на рыбалку с закадычным дружкой отлучиться. Ходил по струночке, приказы жены-главнокомандующего выполнял беспрекословно. Что делать: шаг влево, шаг вправо – расстрел, то бишь истерический скандалчик мирового масштаба. Эльфу не до стихов-песен было, постарел, погрузился и через пять лет «семейного счастья» развёлся и сбежал на край Королевства. Искал ли он Златовласку? Искал, ве-

стимо. Только она к тому времени замуж вышла и в другое королевство уехала. Была ли Златовласка счастлива? Точно знаю, что не была. Но это уже совсем другая сказочка...

НИМФА-ТРУДОГОЛИК

В сказочном королевстве, как зайдёте, так поверните направо. Пройдите километра два и увидите красивое озеро. В этом озере и живёт наша Нимфа. С утра до глубокой ночи она в заботах и хлопотах: и на работе, и по дому, и за престарелыми родителями ухаживает, и внуков-внучек растить помогает. Подруга зовёт Нимфу в гости, а ей некогда – надо старшему внуку свитерок связать, младшего спать уложить, с внучкой стишок выучить, к родителям сплавать прибраться да ужин приготовить. Другая подруга в отпуск зовёт на сказочно красивом море отдохнуть. Ну какое море, когда ей на каникулы пять внуков привезли, всех досмотреть надо. Третья подруга в театр пригласила, некогда: на работе коллега заболела, надо вместо неё на смену выйти. Так день за днём, год за годом, десятилетие за десятилетием. Время не стоит на месте, молодость ушла, зрелость скоро плавно перетечёт в старость, силы уходят, здоровье всё хуже, вот-вот и последняя черта. Нимфа наша всё трудится, света белого не видит. Как белка в колесе.

ГЛАВНАЯ ФРЕЙЛИНА

Королева назначила новую Главную Фрейлину. Взглянула на неё самая красивая умная фрейлина и сказала: «Ты же, моя одноклассница, в школе фрейлин на второй год оставалась, еле-еле на троечки успевала. Сколько же твой богатый папёнка золота потратил, чтобы тебе такой высокий пост добыть?» Ничего не ответила Главная Фрейлина, только через пару недель наша умница и красавица, имевшая смелость сказать правду в глаза, была уволена, так как её четвероюродный дядя был замечен в адюльтере, а это кладёт тень на безукоризненную репутацию королевской фрейлины. Все дамочки испуганно притихли, так как у некоторых не то что у родственников седьмого колена, а у них самих было рыльце в пуху. Главная Фрейлина ни ступить, ни молвить не умела, но быстро прижала коллектив к ногтю, развела систему стукачества и творила что хотела. Никто и пикнуть не смел.

Как-то одна из прилежных фрейлин по долгу службы побывала у начальницы дома. Она была поражена до глубины души, ибо в своей семье великая начальница была тише воды, ниже травы, листом стелилась и пресмыкалась перед своим супругом. Ничего удивительного, так часто бывает, что подкаблучники и есть самые громадные деспоты.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА И ХИТРЫЙ ВОЛК

Сколько этих Красных Шапочек мамочки не предупреждают об опасности Серых Волков, девчущкам непременно надо наступить на грабли, получить солидный удар по лбу и сделать вывод, что мамаша-таки была права. Вот и наша юная Красная Шапочка поехала в столицу сказочного королевства на курсы. Встретился ей там молодой человек в сером костюмчике, назвался Художником. Нашей девице портрет нарисовать обещал, как только закончит работу по заказу. Даже договор показывал с председателем сказочного колхоза на оформление наглядной агитации. Красная Шапочка как-то внимания не обратила, что договор-то есть, а печати под ним нет. Художник нашей красавице лапшу на уши каждый день вешал, комплиментики говорил, золотые горы обещал, в кафе водил. Правда, за ужины девица сама расплачивалась, Художник клятвенно обещал деньги вернуть, как только председатель с ним расплатится. Как-то примчался он весь взъерошенный, говорит, дескать, случай счастливый подвернулся, за весьма умеренную цену можно купить амулет могучий сказочный из чистого золота с бриллиантками. Глупышка все денюжки, что у неё для покупки обновок были припасены, Художнику отдала. Что потом? Правильно, «Художник» исчез вместе с деньгами. Сказочный Полицейский только руками развёл: ни адреса, ни фамилии, ни места работы наш мошенник не сообщил. Скорее всего, и не художник он, а самый что ни на есть хитрый Серый Волк. Получила девчущечка от жизни урок. Это ж ещё хорошо, что всё так закончилось, могла бы эта история стать трагедией. В таких случаях мудрые евреи говорят: «Спасибо, Господи, что взял деньгами».

ПОДАРОК СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ

Маленькая девочка сидела зимним вечером на широком подоконнике и смотрела на небо. Это было любимое её занятие. Днём она любовалась рисунками из облаков. В высоком небе ей виделись дивные дворцы, изящные принцессы, сказочные драконы. Она улетала в свой иллюзорный мир и придумывала сказки о жителях Волшебной страны. Вечерами она смотрела на небо, отыскивала в звёздном ковре свою любимую неяркую светящуюся чуть голубоватым светом звёздочку. Там у неё была ещё одна Волшебная страна с добрыми феями, удивительными цветами и весёлыми гномами.

Случилось так, что как раз в тот вечер мимо окна пролетала Снежная Королева. Её величеству скучно стало в ледяном дворце, она решила заняться живописью: раскрасить стёкла на окнах землян причудливыми ледяными узорами. Снежная Королева увидела не только маленькую девочку, но и её мечты о Волшебных странах и то, какое горячее и доброе сердечко было у малышки. Не зря же Королева была волшебницей, она умела с первого мимолётного взгляда увидеть всё что было, что есть и что будет. Она сразу поняла, что нелегко будет жить среди обычных людей такой необыкновенной и немножко неземной девочке. В тот день у особы ледяной королевской крови случилось хорошее настроение, и она решила помочь малышке. Снежная Королева выдохнула ледяной воздух прямо в горячее сердечко, чтобы немножко его охладить и тем самым приблизить нашу мечтательницу из мира грёз к реальной жизни. Очень довольная своим добрым поступком, величественная особа королевской крови продолжила своё путешествие. Да, у неё была на сей раз хорошая цель, но ведь известно, куда порой ведут добрые намерения...

В первый момент от ледяного дыхания Снежной Королевы маленькое сердечко чуть не задохнулось. Но в нём было столько тепла и доброты, что оно сумело растопить ледышки, а само осталось таким же горячим. Наша девочка не была волшебницей и, конечно же, не могла полностью избавиться от чар Королевы. Превратившееся в волшебную влагу дыхание волшебницы окружило девочку и застыло тонюсенькой хрустально-ледяной оболочкой. Теперь эта оболочка надёжно охраняла нашу героиню от жестокости мира, однако она же и к ней никого не подпускала. Так и росла наша славная девочка: отлично училась, всем помогала, была, как говорила её мама, «подарочным вариантом ребёнка». Все вокруг её уважали, но, увы, не любили. Девочка подросла, превратилась в очень красивую девушку, но поклонников у неё не было. То есть поклонников на самом деле было много, но они боялись подойти к девушке. Как известно, парни опасаются умных девушек, а от нашей красавицы ещё и шёл холодок от невидимого миру подарка Снежной Королевы. Вроде со всеми у нашей героини были хорошие отношения, но близких друзей не было ни в школе, ни в институте, ни на работе. Так она и жила одновременно в реальном мире, со всеми его заботами, сложностями и небольшими радостями, и в волшебном мире грёз.

Очень хочется написать, что пришёл Прекрасный Принц, такой весь из себя рыцарь без страха и упрёка, растопил своей любовью ледяную оболочку, и жили они долго и счастливо, и... ну, и так далее. Увы, Принцев ни на белом коне, ни на белом мерседесе нашей героине не встретилось. Ничего хорошего из королевского подарка не получилось.

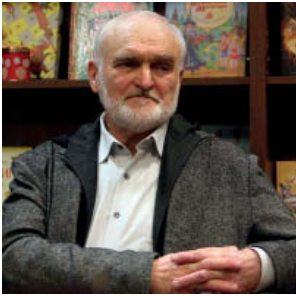
Такая вот печальная сказочка вышла. Может, и не фантазия это вовсе, а самая что ни на есть правда.

ЦВЕТОЧНАЯ ФЕЯ

Вот как придётся вам в нашем сказочном королевстве побывать, и случится, что вам переночевать негде аль помощь какая нужна, ищите улицу Цветочный Рай, дом номер один. Там проживает Цветочная Фея. И жильё вам даст, и накормит, и напоит, и чем сможет – поможет. Вы, вероятно, думаете, что она там мужа-олигарха имеет, в счастье купается, с серебра-золота мраморную говядину кушает, из бокалов STRASS от Swarovski Каберне Совиньон пьёт. Ан нет! Всё с точностью до наоборот. Муж у неё погиб, она в одиночку трёх деток вырастила-выучила, сама всю жизнь пахала сначала на работе на полторы ставки, а потом дотемна в огороде. Просто сердце у нашей Феи из чистого золота и наполнено любовью к людям. Вот и дарит она щедро тепло своей души и делится всем, что сама имеет. Спрашивается, как это ей всего на всех хватает? Очень просто, есть такой Закон Вселенной: чем больше ты миру добра и тепла отдаёшь, тем больше к тебе вернётся.

Проза

Сергей Воробьёв

Сергей Павлович Воробьёв – родился в Ленинграде в середине прошлого века. Моряк, полярник, путешественник. С 2011 года состоит в СП РФ, редактор и составитель региональных литальманахов. Издано одиннадцать авторских книг прозы и сборник стихотворений. Три из них удостоены литературных премий. Проживает в Тихвине.

АБХАЗСКИЙ АЛГОРИТМ. ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Когда я говорю об Абхазии – я улыбаюсь. Улыбаюсь безотчётно и произвольно, тем самым отдавая дань абхазскому народу – отзывчивому, чуткому, приветливому, гордому, щедрому, весёлому, с чувством собственного достоинства и удивительно тонкого юмора. Всё это, как правило, проявляется в словах, жестах, поступках.

Абхазия – страна удивительная для человека из России, живущего по своим, свойственным ему алгоритмам. В Абхазии всё совсем не так и даже совсем наоборот. Если вы случайно обронили несколько слов, то найдётся человек, который поднимет их и дополнит своими, чутко отнесётся к вашим проблемам. А если вы в чём-то ошиблись, ненавязчиво поправит, укажет нужную улицу, а то и проведёт до неё. В транспорте младший обязательно уступит место старшему.

Я улыбаюсь.

В уличном кафе взял кофе по-восточному. Сел за столик. Рядом двое из местных горячо обсуждают какую-то проблему. На столе стоят две пластмассовые коробки с клубникой. Заметив меня, тут же предлагают:

– Угощайтесь.

Если хочешь обидеть абхазца, откажись от угощения. Я взял по ягоде из одной и другой.

– Спасибо.

– Берите ещё, не стесняйтесь.

Щедрость – непрменный признак абхазца. В России мы часто не торопимся проявить щедрость к чужому человеку. Даже в малом деле. А малые дела запоминаются почему-то лучше всего. В этом народе щедрость сочетается с приветливостью, открытостью, со своим особым ощущением бытия. Это – абхазский алгоритм, в котором всё так необычно и просто.

И вообще, насколько я понял, абхазы любят делать подарки. Соседка по лестничной площадке Инга может просто так, без повода, подарить банку кизилового варенья, мёда или бутылку чаи.

И я улыбаюсь, вспоминая эти малые дела. Как они греют душу!

Повода для улыбок не даёт только прошедшая Отечественной война народа Абхазии 1992–1993 годов. В ней абхазцы показали свой характер истинного воина. В любой войне всегда есть победители и побеждённые. И не всегда победители побеждают, а побеждённые сдаются. Но абхазы стали победителями.

На памятных досках обелисков и монументов, посвящённых этой войне, перечислены имена всех четырёх тысяч воинов, погибших в сражениях с грузинскими формированиями.

Первое, что бросается в глаза приезжему в общественном транспорте, это объявление на русском языке:

«Инвалидам Отечественной войны народа Абхазии проезд бесплатный».

Абхазы хорошо знают русский. Тем не менее какой колорит таит брошенная в маршрутке фраза:

– Там свободных мест есть?

– Свободных мест есть. Но только один.

Как я радуюсь этим интонациям. Как это сочно. Так может сказать только абхазец: громко, понятно, выразительно.

И я опять улыбаюсь. Улыбаюсь вывескам: **Столовая «Посидим поедим. Жарим на углях с 1954 года».**

Что они жарят на углях столь долгие годы, не написано. Можно только догадываться.

Кстати, каждая столовая имеет своё неповторимое название:

Столовая **ГЪЯМАЛА** «Со вкусом»;

«**Жар-пицца**» Горячая доставка по городу;

«**ТРДЕЛЬНИК АхААРА**» Чешские **ТРДЕЛЬНИКИ**.

Вы когда-нибудь ели чешские трдельники?

Я ел только польские фляки. Чешские трдельники не приходилось.

Встаёт вопрос: зачем в Абхазии эта европейская «экзотика», когда здесь своя разнообразная и высокосортная выпечка, какую вряд ли где и встретишь?

А вот: «**Чайк кофеёк**» – кафе на одной из улиц Сухума. Выбор небольшой, но конкретный.

Кондитерская «**Мама испекла**». Стало быть, вкусно.

На сухумской набережной в тени деревьев появился конкурент: прицеп-трейлер в виде большой красной капсулы на колёсах с московскими номерами и надписью «**ГРИЛЬНИЦА**» «*Поехавшая против голода*» «*Тащит и везёт*» «*В еде нет правил*».

Такое вот московское словотворчество с якобы абхазским акцентом.

«**БРЕХАЛОВКА**» – это знаменитое уличное кафе на набережной. В тени платанов стоят столики, за которыми происходят шахматные и доминошные баталии, играют в нарды, ведутся дискуссии о событиях в мире и о том, почему везде дорожает бензин, а доллар дешевеет. Здесь можно взять чашечку крепкого кофе по-восточному, мороженое, бутылочку местной минеральной воды и больше – ничего. Но и этого для «Брехаловки» достаточно. Главное – побрехать.

В парках, на аллеях, улицах Сухума много скамеек и скамеечек. Всегда можно присесть и отдохнуть. Сажу на одной из них на набережной. Подходит молодой человек, приостанавливается:

– Здравствуйте. Я вам не помешаю, если присяду здесь с краю?

– Ради бога. Сделайте одолжение.

Присев, молодой человек тут же достаёт из кармана прозрачный пакетик с солёными фисташками:

– Угощайтесь.

– Спасибо. В такую жару солёного не хочется. Разве что под пиво?

– Извините, пива нет...

Кстати, про пиво.

Вывеска: «**Попить поесть**» *Всегда холодное абхазское пиво.*

Захожу.

– Пива холодного, пожалуйста.

Насколько я понял, в Абхазии только один сорт – абхазское «Сухумское». Но оно всем пивам пиво. Я уже давно отвык от этого популярного напитка. Однако, решив попробовать местное, убедился, что свежее холодное «Сухумское» при жаркой погоде – это нектар, который ещё долго напоминает о себе особым послевкусием.

Пью пиво и улыбаюсь.

Вижу на двери соседнего дома объявление: «**Пиво тут**».

Если пиво тут, то что я пил там? Но объявление замечательное. Лучше не придумать.

Потрясающее впечатление производят некоторые улицы и переулки Сухума: рядом с богатейшим домом, украшенным «эсклюзивными» балконами и витыми коваными решётками с позолотой, приутился обветшалый, но вполне ещё крепкий дом начала прошлого века. Если его отреставрировать, то он даст фору своему помпезному соседу. Но денег, как всегда и везде, на всё не хватает. Вот мы и видим эклектику благородной бедности и сытого богатства. Но как впечатляет эта мета времени и истории. Если бы все дома, выстроенные в ряд, были столь хороши и богаты, как первый, или столь хороши и бедны, как второй, улица потеряла бы своё неповторимое лицо.

Архитектурной доминантой столицы является разбитое во время Отечественной войны здание Совмина с выбитыми окнами и проросшими внутри 20–30-летними деревьями. Внутри – целый лес, вызывающий чувство какого-то первородного страха. Перед Совмином когда-то стоял памятник вождю Великой Октябрьской социалистической революции, который сбросили грузины, разгромившие здание. Остался только голый постамент. Не сотвори себе кумира. Ибо он рано или поздно падёт.

К главному в прошлом зданию абхазской столицы с пустыми глазницами окон в наше время пристроили кафе «У СОВМИНА».

Именно в это кафе нас пригласили отужинать две замечательные абхазские женщины Эмма и Раиса. Чего только не было на столе: абыста, акуд, акуац, фасоль с мясом по-абхазски – настоящий праздник живота со своим национальным перчёным колоритом. Название «У Совмина» себя оправдало: в действующих когда-то «совминах» всегда кормили хорошо, обильно, вкусно и дёшево.

Есть в Абхазии и блюда греческой кухни. Например, сувлак. По-гречески – сувлаки. Но хочу признаться, не в обиду грекам, сувлак, который мы заказали в Агудзере, оказался аппетитнее и сочнее, чем тот, который я ел в Пирее в 1993 году. Действительно – пальчики оближешь.

О рынке надо сказать особо.

В жизни мне доводилось бывать на многих рынках, в том числе и на восточных базарах, так называемых «мединах». Все они хороши по-своему. Но сухумский хорош, как никакой другой. Здесь можно найти всё, что душе угодно. Всего и не перечислишь.

Две с половиной тысячи лет назад Сократ, гуляя по рынку, заметил: «Сколько же есть вещей, без которых я могу жить!» Что бы он сказал сегодня? Но каждый найдёт здесь своё.

Шумные базары с их разноголосицей все чем-то похожи друг на друга.

Две цыганки, сидящие рядом за импровизированными прилавками из ящиков, наперебой кричат привычными голосами:

- Труссы-носки-майки! Отрава! Труссы-майки! Отрава!
- Рапторы есть?
- Есть. 150 рублей.
- Отрава для кого?
- Крыс-мышей.
- А у вас раптор почём?
- 100 рублей.
- Беру.

После покупки две подруги-конкурентки разругались не на шутку. Честили друг друга на чём свет стоит. Цыганский язык не понять – о чём они то бишь там? Но можно предположить, что одна корила другую за то, что та сбрасывает цены и не даёт ей «честно» торговать.

Обращает на себя внимание негр, одетый в невероятную одежду из цветных лоскутков: широкий, с широкой африканской улыбкой, сам килограмм под 160, стоит, притоптывая и повторяя слова песни, доносящейся из стоящих рядом колонок: «I love my life, I love my wife, I love the whole world, come to me. I will share it all. Come to me ...» – «Я люблю свою жизнь, я люблю свою жену, я люблю весь мир. Подходите, и я поделюсь с вами всем этим». Подходят, делятся с любвеобильным негром не только карманными деньгами. Здесь делятся настроением, улыбкой. К улыбке прилагаю 50 российских рублей. Другие валюты здесь не ходят. Это равно примерно одному американскому доллару. Можно купить буханку хлеба. Теперь жизнерадостный негр от голода не умрёт, тем более что в тарелке для пожертвований есть деньги не только на хлеб, но и на колбасу. I love my life...

Снуют тачкисты (новое для меня слово) – в основном это узбеки и таджики, развозящие на четырёхколёсных тачках товар в ту или иную торговую точку. На точках, то бишь за прилавками, стоят реализаторы, то бишь продавцы. По рыночной трансляции с периодом в 15–20 секунд мужской голос вещает: «Требуется реализатор на точку. Звонить по телефону...» Через неделю ничего не меняется: всё тот же голос, всё то же объявление.

Через месяц из рыночного репродуктора звучит уже другое объявление: «Требуется штукатурка для отделки фасада. Оплата 300 рублей за квадратный метр». Фактурный негр со своей песней «я люблю свою жизнь, я люблю свою жену» точно штукатурить не пойдёт. С таким заработком жена не полюбит. Через неделю то же объявление, но за метр уже 600 рублей. Негр куда-то исчез. Возможно, пошёл штукатурить.

Какой-то горячий тачкист столкнулся с другим таким же. Началась потасовка. Чуть ли не пол-рынка с шумом и криками кинулась их разнимать. Не дай бог дойдёт до большой драки. «Миротворцы» не стали выяснять, кто прав, кто виноват, быстро их развели. Чувство справедливости в крови абхазца.

Кстати, о справедливости. В парке перед пустынным зданием бывшего Совмина абхазцы устроили голодовку. На заднем стекле «Жигулей» большой плакат с аршинными буквами: «ВСЯ ВЛАСТЬ НАРОДУ». Рядом одноместная палатка с транспарантом: «ТРЕБУЮ снижения цен на ТОПЛИВО!» Здесь же на газоне расположилась группа мужчин. На белом ватмане надпись: «АКЦИЯ Голодовки День 17-й».

– По какому поводу голодовка?

– Требуем снизить цены на бензин. За бензином следует подорожание всего остального. А это снижение уровня жизни народа. Другими словами – грабёж. Мы против грабежа.

Голодающих шесть человек. Остальные трое сочувствующие. Никто их не трогает. Акция проходит мирно. Принцип простой: поголодают и разойдутся, а цены поднимут. Так и произошло через три месяца. Правда, потом опять опустили. Может быть, пусть и с опозданием, учли глас народа?

Ранним утром подходит на улице бомж не бомж, просто человек с честным пронизательным взглядом:

– Можно к вам обратиться?

– Обращайтесь.

– Вы только не подумайте чего...

– Деньги нужны?

– Нет. Вы не угадали. Или почти угадали... Всего четыре рубля.

– На них же ничего не купишь.

– Надо.

– Вот пять рублей...

– Могу дать сдачу.

– Не надо.

– Как хотите.

Я подумал: «Какой ловкий надёжный приём! Четыре рубля не деньги. Каждый подаст. За день можно набрать не только на пропитание, но и на стаканчик-два чачи».

Что поражает на улицах Сухума, так это большое количество престижных машин, преимущественно джипов, внедорожников, лексусов, мерседесов. Реже можно увидеть десятилетний фольксваген, двадцатилетний жигуль или «Волгу». Очень много японских машин с правым рулём. Такое впечатление, что каждый абхазец на машине. Джигиты на колёсах водители классные: стремительные, хорошо чувствующие дорогу – ювелиры своего дела.

Любой общественный транспорт останавливается там, где попросит пассажир или поднимет руку прохожий, что поразительно для жителя России, а тем более Европы. На мой вопрос, где остановка, встречная девушка отвечает:

– Остановка везде. Останавливайте всё, что движется в вашем направлении.

Действительно, не проходит трёх минут, и на мой призыв останавливается автобус. Захожу. Плата за проезд при выходе. Сзади тут же слышу:

– У светофора сделайте...

Водитель останавливается у светофора:

– Сделал. Кто выходит?

– Я выхожу, родной. Погоди малость. С узлами разберусь только.

Пассажиры тут же помогают женщине выгрузить узлы.

Автобус останавливает интеллигентная бабка в соломенной шляпке:

– Гурам, – обращается она к водителю, – высадишь меня у Ботанического сада.

И добавляет:

– Хочу с тобой прогуляться...

– Ну – да... Если только вечером после работы.

– Спасибо, Гурам. Вечером я сплю. Чувствую, не погулять нам сегодня.

Пассажиры в автобусе оценивают юмор: кивают головами, улыбаются.

Отдельно надо сказать о Национальной библиотеке Республики Абхазия им. Ивана Георгиевича Папаскира, что находится недалеко от сухумской набережной.

Абхазский народ издавна почитал Слово, придавая ему огромное значение. Слово в восприятии абхазского народа было не просто живое, а вечно живое, не умирающее. Не от того ли здание Национальной библиотеки выглядит как храм Слова – храм литературы.

Внутри широкие просторные холлы, конференц-зал, двери во все кабинеты открыты. Удивил большой свободный фонд, где можно взять себе в подарок любую книгу. Отдельно на полу сложена «пирамида Хеопса» из сотен томов Уинстона Черчилля «Вторая мировая». Никто не разбирает, не становится в очередь за раритетом в строгой чёрной обложке.

Дверь к директору библиотеки Борису Шаликовичу Чолария тоже открыта. Можно войти без доклада: коли пришёл, значит по делу. Разговор, как и принято у абхазцев, начинается с общих тем за чашечкой кофе. Потом переходим к решению основного вопроса – моей встрече с читателями. Тему встречи решили назвать «От Антарктиды до Абхазии».

Благодаря очаровательным сотрудницам библиотеки Илоне и Евгении, а также Сергею, отвечающему за компьютерное обеспечение, встреча, на которой присутствовали учащиеся старших классов, прошла с обоюдным интересом. Очевидно, этому способствовал и рассказ, сопровождаемый видео-кадрами Антарктиды, и мой очерк об Абхазии. Время пролетело незаметно. Мой редактор представила также две новые книги: «Витражи нашей памяти» и «Обречённые выжить», героями которых были люди суровых профессий – полярники, моряки, путешественники, нередко оказывающиеся в форс-мажорных обстоятельствах и сумевшие преодолеть их благодаря выдержке, воле, терпению. Не утратившие самообладания, жизненной энергии и юмора. Эти книги, подаренные библиотеке, ждут своего читателя.

Я улыбаюсь.

Проза

Юрий Богомолов

Юрий Герасимович Богомолов – член Союза писателей России, кандидат геолого-минералогических наук, Эксперт ООН в странах Ближнего Востока и Северной Африки (1970–1980-е годы), председатель Правления Российского союза гидрогеологов.

ПУГОВИЦА

Рассказ

В марте сего года, на Пасху, наша небольшая белорусско-русско-украинская команда – В. А. Фериченков, И. С. Смирнов, я и мой сын Герасим – посетили Святую землю и присутствовали при нисхождении Благодатного огня. Все мы были продуктом вяло-атеистической пропаганды советского времени и поэтому интересовались тем, что же происходило в мире задолго до Маркса, Ленина и Сталина и образования таких государств, как Российская империя и Соединённые Штаты Америки. У нас было приподнятое настроение, так как, не стовариваясь, чувствовали прикосновение к какому-то тайному событию, произошедшему две тысячи лет тому назад и растворившемуся в будущем. Являясь членами группы паломников (примерно 50 человек, включая глубоко верующих людей), мы вылетели в Иерусалим. Паломничество было организовано Свято-Даниловым монастырём на одну неделю, включая авиабилеты, проживание и транспортные услуги (автобус) – сравнительно недорого. Для монастыря – бесприбыльное дело, всё по себестоимости. Условия проживания были комфортными, нагрузка в день достаточно высокой (посещали по 3–4 исторических места с пешими маршрутами) при дневной температуре воздуха выше 30 °С. Мы с сыном омылись в Иордане, обнялись в реке, ощутили прошлое, настоящее и возможное будущее нашего рода. Имеющий достаточный опыт работы в жарком климате, я прикрывал голову широкополой шляпой, а лёгкий хлопчатобумажный плащ застёгивал против перегрева на все пуговицы. 30-летний Герасим солнца не опасался. Но, чтобы попасть в храм и, тем более, расположиться недалеко от Кувуклии, – для этого, кроме защиты от жары, было необходимо проявить достаточное упорство, изобретательность, а также иметь неплохое здоровье и выдержку.

К нашей команде прибилась от паломников пожилая женщина – уборщица в небольшом сибирском городке, впервые была за пределами России, и Москву увидела первый раз, когда выезжала в Иерусалим. Как она сама мне рассказывала, скопила денег за многие годы, чтобы увидеть Гроб Господень и Святой огонь. Мы заметили, что она по-крестьянски прячет деньги (по одному доллару небольшую пачку) на груди, хотя в отеле для нас имелся бесплатный сейф. Эта трогательная, но упорная русская женщина не могла, конечно, правильно пройти таможенную, потеряла чемодан, и услуга аэропорта Тель-Авива, почти вся говорящая по-русски, помогала ей, спрашивая у нас с иронией: «Где вы откопали такое чудо?!» У меня был ответ: «Это чудо и есть первозданная Россия...» Но я промолчал. Попасть на Благодатный огонь она решила во что бы то ни стало и, подхватив меня за руку, не отставала ни на шаг. В самый ответственный момент, когда надо было перемещаться бегом, у неё порвалась сандалия, и она босиком в крови добежала до храма, где уже вот-вот должны были закрываться ворота. Она успела. Надо отдать должное, что израильская полиция очень профессионально обеспечивала безусловный порядок при вхождении в храм. Там за несколько минут до снисхождения огня стояли сотни человек в жару и сильной влажности вплотную, как в переполненном автобусе. Я видел, как некоторые садились на корточки от слабости, так как выпивали много воды, не зная, что в жару пить надо нечасто и маленькими глотками. Женщин было очень мало. Мы всё это превозмогли, и наградой был громкий возглас кого-то рядом с Кувуклией: «Fire!» Все были в полной радости, обнимали друг друга и держали в руках свечи со Святым огнём. Нас с сыном приятно удивило, что кроме нескольких наших паломников, которым удалось попасть в храм, рядом ликовали, встречая православную Пасху, арабы, китайцы, африканцы, европейцы, японцы, американцы...

Когда пик этого события прошёл, можно было осмотреть достопримечательности храма, в том числе и в подвальном пространстве. В Кувуклию тоже можно было войти, но только по два человека на 15–20 секунд. Мы с сыном «вползли» в неё из-за нашего роста, приложились к Гробу Господню, к мраморной плите не более двух метров в длину, и быстро «выползли», так как охрана из представителей арабов подгоняла всех. Один из них находился внутри Кувуклии, другой контролировал нескончаемую очередь на внешней стороне.

Мне была интересна глубинная жизнь в Израиле, и я познакомился с православным хозяином отеля, где мы остановились. Когда-то в Палестину приехал врач, казак с Дона, женился на местной арабке, и среди многочисленных детей появился Александр – наш герой, с которым я поддерживал некоторое время отношения, уже будучи в Москве. Он прекрасно говорил по-русски, рассказал о первых русских эмигрантах, которые приобрели земли на Святой земле, основав здесь русское присутствие. Сказал, что внешнее спокойствие в обществе, где близко соседствуют три основные конфессии мира, достигается непрерывными усилиями их представителей, но бывают и конфликты, в основном в сумерках. Непростые отношения, – рассказал Александр, – сложились также между греками, представитель которых входит в Кувуклию для получения Благодатного огня, и армянами за место возле Кувуклии. За приоритет входа в Кувуклию соревнуются много столетий христиане различных направлений, но Благодатный огонь нисходит только к Патриарху Иерусалимскому, что вызывает у атеистов, представителей других религий и учёных много вопросов... Особенно конфликтной является тема Храмовой горы, где возведена святыня мусульман, мечеть Аль Акса, но, в то же время, эта гора является и иудейской святыней, связанной с постройкой храма Соломона.

Полурусский-полуараб предостерегал меня (а я затем всех), что попасть в храм Господень на Пасху физически очень тяжело, так как православный люд стекается в одно небольшое пространство со всего мира. Мы все догадывались об этом, поскольку ещё в Москве нас предупредили, что ответственность за паломников, решивших посетить Святой огонь, монастырь на себя не берёт. В обед, после снисхождения огня, все паломники во главе с руководителем, священнослужителем из Свято-Данилова монастыря, собрались за столом, откушали монастырскую пищу и выпили немного кагора. Глава рассказал коротко и тихо о наших планах.

В Москве поздно ночью мы с сыном, выходя из аэропорта Домодедово, увидели нашу паломницу, которая ожидала нас. Поклонившись в пояс, она решила встать на колени в знак благодарности за помощь. Мы её удержали. Для нас все это было очень трепетно, но совершенно нереально для современной жизни. В сознании проносились образы блаженных, юродивых, святых, чудотворцев... Глубокие философские изыскания Шекспира и Толстого, Достоевского и Ницше были неведомы этой малограмотной русской женщине из сибирской глубинки, но ей они были не нужны – она и так знала с молоком матери, что наш мир трагичен изначально. Это «чудо» поехало на Ближний Восток к Богу за защитой. Провиденье выдало ей миссию, и она её выполнила...

Все эти события напомнили мне о других сильных эмоциональных впечатлениях и сподвигнули написать небольшое воспоминание о прошлом.

Это было давно, в конце прошлого века. Бродил я по центру Москвы в ясную осеннюю погоду, разыскивая какой-нибудь букинистический ларёк, а они все куда-то исчезали. Оказался я в Замоскворечье, где исторически располагались ещё в мои студенческие годы научные институты геологического профиля, аббревиатура которых вызывает у обывателя чувство дискомфорта, а у профессиональных геологов – тёплые воспоминания, – ВИМС, ИГЭМ, ЛГТП, ИГЕО, ПИН, ГИН, ИК, ВСЕГИН-ГЕО – всего восемь на небольшой 0,5 км² площади внутри квадрата улицы Большая Ордынка и двух переулков, Старомонетного и Пыжевского. Поговаривали, что в далёком прошлом здесь был погост то ли для юродивых, то ли для ополченцев, защищавших Москву от набегов восточных соседей. Как бы там ни было, но эти восемь зданий институтов представляют собой с птичьего полёта в ночном небе своеобразные огоньки памяти об очень далёких временах. В Старомонетном переулке в доме № 35, в Лаборатории гидрогеологических проблем им. Ф. П. Саваренского АН СССР, работал в 50-х годах мой отец, а затем уже и я в 60-х годах. В этом же переулке в доме № 37 располагалось в 20-е годы общежитие Московской горной академии им. Сталина, в котором мой отец занимал койку в четырёхместной комнате.

Мне был приятен этот уголок старой Москвы, и, побродив там около часа, я оказался на Садовом кольце в районе метро «Красные ворота». Здесь в 1961 году на преддипломной практике под руководством В. Ф. Мильнера («Метрогипротранс») описывал керн при бурении скважин мелкого заложения для будущего подземного перехода. Фигура Михаила Юрьевича Лермонтова в пальто, застёгнутом на две пуговицы, была прекрасным ориентиром при рекогносцировке направлений подземных переходов. В будущем этот памятник поэту вписался в один из ключевых эпизодов классического фильма советской эпохи «Джентльмены удачи». Афоризм в устах актёра Савелия Крамарова «Это ж памятник, кто ж его посадит!» стал общепризнанным.

В Камергерском переулке жил мой знакомый писатель Владимир Крупин, и я интуитивно отправился в этом направлении, хотя адреса его точно не помнил. Позвонила подруга и попросила купить билеты в какой-нибудь театр, «благо ты разгуливаешь в центре». Бросил взгляд на афишу МХАТа им. А. П. Чехова. Само название спектакля «Там за зеркалом» мне понравилось, но удивило, что в главной роли указывали певицу, народную артистку СССР Галину Вишневскую. Она должна была сыграть Императрицу, Великую Екатерину. Билеты были дорогие, в партере. Купил. Это был ноябрь 1996 года.

Нам посчастливилось попасть на этот спектакль, он был сыгран только два раза – в 1994 и 1996 годах. Была уже поздняя осень, и я облачился в пиджак из грубого сукна, который смастерил мне ещё В. Зайцев. Мы сидели в партере довольно близко к сцене, а ещё ближе к ней моя спутница заметила известную пару – Родиона Щедрина и Майю Плисецкую. В полутьме я всё внимание сконцентрировал на игре Галины Вишневской, так как не представлял, что она сможет сыграть обрусевшую немку, не имея базового профессионального актёрского образования. Но она справилась, и справилась блестяще, показав императрицу весьма патриотичной и даже, я бы сказал, дерзкой женщиной.

Как потом выяснилось из наблюдений моей соседки, Майя Плисецкая неоднократно поворачивала голову в мою сторону. Поскольку была полутьма, а женщины видят в темноте, как я себе представляю, лучше мужчин, я был склонен поверить моей даме. В антракте слабая уверенность подтвердилась. Мы выходили в проход, и у меня отскочила пуговица от пиджака. Майя Михайловна, которая шла за нами, стремительно подхватила эту пуговицу на полу и со словами «Силь ву пле» преподнесла её мне. Эта, казалось бы, обычная вежливость привела окружающих, как уже теперь при свете видел я ясно, в лёгкий шок. Родион Щедрин, кстати, отнёсся к этому эпизоду безразлично. Прошло четыре года, насыщенных общественными и личными событиями, и случай с пуговицей, конечно, забылся, но не у всех...

В 2000 году праздновали юбилей Майи Плисецкой в Большом театре, куда съехался весь бомонд Москвы. Я этого не знал и мог пропустить мероприятие, но моя «половина» позвонила мне за день до спектакля и сказала очень чётко: «Иди и покупай билеты в Большой театр – у твоей день рождения!» Не знаю, как устроены глубинные женские рефлекторы на внешнюю среду, но я был несколько обескуражен словом «у твоей» и спросил: «У кого?!» Мне объяснили. Как достать билеты на бенефис звезды первой величины, да ещё в Большой театр, да ещё накануне – задача показалась для меня невыполнимой. Однако распоряжение было получено, и я пошёл, надев, как мне было указано, тот же пиджак с широкими плечами.

Было уже затемно, когда я оказался на Театральной площади. Искусственный дневной свет вокруг не предвещал мне ничего хорошего. При подходе к театру неожиданно появился кураж, и я вошёл в служебный вход, не зная, чем всё это закончится. Пригодился опыт, полученный очень давно в Народном театре-студии на Ленинградском проспекте в Москве. Охрана, как и я, двухметрового роста, пристально «въехала» мне в глаза, а я как будто не заметил её и стал снимать верхнее платье в гардеробе рядом с каким-то генералом в лампасах. Это был опасный трюк, но генерал учтиво поздоровался со мной, и я – тоже, что окончательно сбilo охрану с толку. Направился я по ковровой красной дорожке на лестнице позади ковылявшего впереди генерала на второй этаж, что ещё больше подогрело меня. Далее всё происходило, как в детской сказке. Лабиринт за лабиринтом проходил через комнаты – красную, зелёную, белую, попался на пути А. Чубайс. Мы поздоровались, как знакомые, очень тепло, а с И. Кобзоном и В. Винокуром – холодно. Наконец, я оказался в комнате, где спиной ко мне стояли какие-то люди и сама Майя. Быстро подошёл к этой тусовке и встал молча за спиной балерины. Она тут же обернулась, посмотрела на меня в упор снизу вверх, не мигая, после чего я смог вымолвить только одно слово: «Пуговица!»

Народный артист России А. Я. Михайлов, Ю. Г. Богомолов, супруга А. Я. Михайлова О. М. Васильева, Москва, 2008 г.

Примадонна по-царски улыбнулась и сказала в пространство: «Ему два билета!» Так я со своей подругой попал на бенефис Майи Плисецкой в Большой театр 20 ноября 2000 года.

Моей гордости не было предела при выходе из служебного входа, где дежурила та же охрана. Теперь я внимательно посмотрел им в глаза, но они не заметили меня аналогично. На переходе к Малому театру повстречался я с Юльеном Сергеевичем Балмусовым, которого знал много лет, поскольку неоднократно водил к нему в детский театр (тогда он назывался «ЦДТ») своих малышей: Машу и Геру, – на детские представления, а позже – на спектакль «Маленький лорд Фаунтлерой». Мы

обнялись, и я восторженно рассказал народному артисту России о том, что произошло со мной в последние сутки, после чего он прямо заявил: «Надо написать рассказ под названием “Пуговица” и опубликовать при жизни Великой балерины». Сестра Юльена Инна Сергеевна презентовала мне, как профессиональный геолог, очень тёплые воспоминания о моём отце, которого хорошо знала. Мы немного выпили коньяку и пошли в Малый театр, где в этот день 19 ноября 2000 года отмечалось какое-то событие, связанное с театром (возможно, дата окончания строительства здания в 1825 году). Как помню, очень красиво, но грустно показывали портреты ушедших актёров на экране – вначале крупный план, а затем плавное угасание образа... Вся актёрская труппа расположилась на сцене. Я заметил сидящего в глубине народного артиста России А. Я. Михайлова, которого неплохо знал и посещал спектакль «Чайка» с его участием не менее десяти раз. После спектакля мы и его жена обычно заходили перекусить в ближайшее кафе.

По моей просьбе и с подачи Александра Яковлевича в 2006 году видные представители творческой интеллигенции – актёры Алексей Баталов, Вячеслав Тихонов, Василий Лановой; писатели Сергей Михалков, Валентин Распутин, Владимир Бушин и другие – направили обращение к президенту Российской Федерации В. В. Путину, в котором выразили озабоченность состоянием водных ресурсов России.

Подаренные звездой билеты были рядом с правительственной ложей, так что, когда моя дама молча толкнула меня, я увидел рядом в полуметре профиль В. В. Путина. Успел запомнить только его цепкий и сосредоточенный взгляд перед собой, достаточно глубоко посаженные глаза, большой лоб и небольшой, слегка вздёрнутый нос. Проявлять повышенное внимание было бы бестактно, да и опасно... Это был его первый год в качестве главы государства, и мне было очень интересно, кого он пригласил с собой. Вышел в коридор и попробовал заглянуть в правительственную ложу изнутри. От стены отделился небольшой, но плотный человек, и с белоснежной улыбкой посмотрел через меня... Появившийся было кураж пропал, и я понял, что мой трюк при получении билетов (кстати, бесплатных) здесь невозможен.

За свою жизнь мне удалось рассмотреть довольно близко четырёх глав государств – И. Сталина (СССР), Али Абдаллу Салиха (Йемен), А. Лукашенко (Республика Беларусь) и вот теперь В. Путина (Россия). В 1949 году, 1 мая, отцу, как полковнику инженерных войск, заместителю начальника Тыла Красной Армии, дали пригласительный билет на праздник Победы на Красной площади в Москве. Мне было почти девять лет, и поэтому он взял меня с собой. Мы находились в той части приглашённых, которая была на стороне Спасской башни и близко к Мавзолею В. И. Ленина, на балконе которого располагалось, как всегда, правительство во главе с Иосифом Сталиным. Погода была ясная, +19 °С. Вождь пошёл по балкону в нашу сторону, дошёл до конца, остановился на несколько мгновений, и мы все увидели довольно чётко его маленький рост, рябое лицо и приветствие одной правой рукой. Он был одет в генеральский френч, застёгнутый на все пуговицы.

А вот с Али Салихом мне случилось общаться за трапезой в его резиденции в провинции Санхан, недалеко от столицы Северного Йемена города Саны в 1983 году. В это время я, как эксперт ООН в области водоснабжения в странах Ближнего Востока и Северной Африки, был приглашён на земли президента Йемена для исследования возможности полива его виноградных плантаций.

Были две «рукопожатные» беседы с очень открытым, крепким человеком – большим патриотом своей родины, с А. Г. Лукашенко, на одном из приёмов, мы обменялись фразами приветствия и пожали друг другу руки. Было видно, что он сильно удивился, обнаружив моё превосходство в росте. Но ни одна из этих четырёх встреч не произвела на меня такого сильного впечатления, как эта...

Партер продолжал приглушённо шелестеть голосами, и вдруг воцарилась абсолютная тишина и темнота. Я вовремя вернулся и обратил внимание, что профиль В. Путина исчез. Диктор произнёс классическим голосом Ю. Левитана: «Народная артистка СССР Майя Михайловна Плисецкая и президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин». 75-летняя женщина и 48-летний мужчина одинакового роста, комплекции и ухоженности не спеша шли по сцене легкой спортивной походкой в луче прожектора в том же порядке, в котором было объявлено. Раздался шквал аплодисментов, перешедший в длительную овацию. Партер встал. Я прихватил с собой бинокль отца, ещё трофейный, и сумел достаточно близко рассмотреть их лица – персоны стояли в двух пучках света в полной темноте и достойно, спокойно принимали неизбежное почитание и восторг. Взрыв эмоций через 2–3 минуты исчез неожиданно, как и появился. Дали больше света, и Владимир Путин, сделав два шага, подошёл к микрофону. Он сказал только одну фразу: «Дорогая Майя Михайловна! Вы наше национальное достояние, поздравляю Вас с днём рождения!» После очередной короткой овации виновница торжества поблагодарила президента России и присутствующих за оказанную ей честь. Далее началось действие захватывающее, неповторимое, с участием выдающихся мастеров балета и демонстрацией видеоматериалов из жизни великой артистки.

Мне стало интересно, вернулся ли Владимир Владимирович в свою ложу. Я сидел вплотную к ней, но не мог себе позволить посмотреть, переключив весь свой слух и внимание со сцены в другом направлении. Ложа была пуста... И мне вспомнилось детство. С ранних лет Большой театр ассоциировался у меня с балетом «Лебединое озеро», в котором лебедя танцевала звезда 40–50-х годов Галина Уланова, и балетным термином па-де-де, который почему-то прочно запомнил. Именно во время этого представления отца вызвали в Кремль, где «отец народов», не здороваясь, сказал ему всего восемь слов с характерным кавказским акцентом: «Ви назначаетесь заместителем министра геологии СССР, это всё...» Сам я посещал этот театр очень редко, и сейчас это был как раз тот случай, неожиданным образом сложившийся...

«Теперь иди, купи рекламную брошюру с её именем, найди её, и пусть подпишет тебе», – сказала в антракте моя «мучительница». И я снова пошёл... Опять были бесконечные лабиринты и залы, и, наконец, вошёл в узкий коридор, где была искомая уборная. Ринулся туда с брошюрой, но меня остановила прислуга: «Там Щедрин, подождите...» Были слышны голоса за дверью, довольно нервные.

Я встал около двери с таким расчётом, чтобы выходящий не натолкнулся на меня. Вдруг дверь распахнулась, едва не ударив меня в лоб, и выбежал Щедрин. Понял я, что это мой шанс, и вошёл в уборную, пока дверь оставалась открытой. «Так, слушаю Вас», – сказала компактная женщина, сидящая с прямой спиной на небольшом диване, прилепив на моё лицо глаза необычайной женской притягательной силы. Я вертел в руках купленный буклет и думал истерично, что говорить. «Дайте, что у вас в руках, я подпишу, скажите, где, и как вас зовут, молодой человек», – помогла мне сама Майя. Подошёл к ней показать страницу для автографа. Лёгкое прикосновение к Майе Михайловне во время её подписания рассказало мне, 60-летнему мужчине, что передо мной ещё женщина. Это меня окончательно спрессовало, и я вдруг взахлёб заговорил о проектах на Ближнем Востоке и всякое другое о моей профессии геолога. «Я могла бы поехать ещё раз на Ближний Восток, если вам надо, – властно остановил меня её темперамент, – меня Гамаль Абдель Насер наградил орденом Египта».

Я вышел и принёс моей «приказнице» буклет, где Примадонна нарисовала мою фамилию.

В конце спектакля прима-балерина станцевала небольшой отрывок из своего репертуара.

Нас пригласили на неофициальную часть действия, где начали собираться известные публичные лица. Поэт Андрей Дементьев почему-то отпрянул от меня, когда я сделал шаг поздороваться

Автограф народной артистки СССР М.М. Плисецкой, подаренный Ю.Г. Богомолову в 2000 году

с ним, хотя моя дама держалась довольно независимо, молча, как бы в тени. А родственника балерины, известного представителя Мельпомены, принял за директора театра, спросив у него, куда пройти на банкет по случаю дня рождения, что его, мягко говоря, озадачило... Вспомнились тёплые встречи с драматургом В. С. Розовым, белорусскими актёрами отцом и сыном Ерёменками, но в этой компании я, несомненно, был чужой, что подтвердилось минуты спустя. Из ближайшего коридорчика выходила именинница со свитой – М. Швыдким, А. Чубайсом и неизвестными для меня персонами. Моё робкое движение навстречу было прочитано в глазах Майи дипломатичным отказом.

Для меня она и по сию пору остаётся загадочной женщиной, которая в обычной жизни очень любила сыр... Быть может, такой же загадкой, как и нисхождение Благодатного огня в православную Пасху на Святой земле. Мне

иногда кажется, что муза Сергея Есенина, перевоплотившаяся Айседора Дункан, зачем-то поприветствовала меня из далёкого прошлого и исчезла в Вечности. Проникновенные слова Александра Сергеевича Пушкина «...я сам обманываться рад...» также имеют право здесь быть.

А пуговицу потом пришил себе сам очень надёжно, так что она служила мне долго на белом «историческом» пиджаке времён раннего Вячеслава Зайцева.

Декабрь, 2008 год

Перечитывая свои воспоминания пятнадцатилетней давности, ничего не изменил. Так всё и было. В нашей команде, посетившей в марте 2008 года Иерусалим, не хватает теперь В. А. Фериченкова. Виктор Анатольевич, мой друг и единомышленник, ушёл из жизни в 2015 году. Это он тогда при входе в храм пропустил впереди себя по-рыцарски оставшуюся за воротами русскоязычную китайку, которая всю дорогу держалась за него, а при вхождении внутрь ухватилась за его рубашку, стараясь втянуть его за собой, но только оторвала пуговицу. Израильская полиция была непреклонна при закрытии массивных ворот здания постройки начала первого тысячелетия по Р. Х. Виктор увидел нисхождение Благодатного огня, забравшись, как и многие другие, на крышу храма.

Желание М. М. Плисецкой, чтобы её прах был развеян над миром (если, конечно, эта информация точна), – просто ошеломляет... Это был акт благодарности Создателю и всем людям на века за состоявшуюся Великую жизнь в балете. Звёзды такого мирового масштаба могут иногда, как понимаю теперь, позволить себе вот такие, описанные выше, разовые всплески эмоций...

Им было позволено выполнить миссию, и они сделали это, растворив свои души в будущем. Наши потомки, надеюсь, будут дышать ими в далёкие от нас времена. Какими бы трагичными эти времена ни были...

Проза

Валерий Хайрюзов

Валерий Николаевич Хайрюзов – лётчик по профессии. Он нашёл себя в литературе не только благодаря недюжинному таланту, но и редкому сердечному вниманию к простым людям, на первый взгляд заурядным житейским ситуациям. Его герои – это люди крепкой закалки, на которых можно положиться и которым можно доверять. За последние годы у Хайрюзова вышли новые книги: «Юрий Гагарин – Колумб Вселенной», книга о генерале Льве Яковлевиче Рохлине, о лётчиках Дальней авиации «Воздушный меч России» и многие другие. На сценах театров поставлены пьесы: «Сербская девойка», «Мать богов», «Иннокентий», «Стюардесса». Лауреат литературной Патриаршей премии за 2023 год.

УДАВ ЗАГЛОТИЛ

Рассказ

Предложение поехать в Нижнюю Тутуру поступило от Сергея Савина, который после ухода на пенсию уехал, как он сам писал, комендантом таёжного аэродрома, куда время от времени залетают вертолёты, которые обслуживали геологов и нефтяников, да иногда садятся, выполняя срочные задания. Но было в его голосе ещё что-то такое, чего он не договаривал, и я решил, что ему нужно принять какое-то решение, о котором он не захотел говорить по телефону. Побывать на аэродроме своей молодости было моей давней мечтой. К тому же Савин предложил посмотреть свой новый самолёт и по возможности даже полетать на нём. До отъезда в Москву у меня оставалось три дня, и я решил: всё, еду в Тутуру! Хорошо сказать, еду! Это раньше: приехал в аэропорт, сел в самолёт – и через час тебя встречают северные лайки и таёжный народ, для которого прилёт самолёта всегда был событием. А сейчас надо ехать на автовокзал, узнавать, есть ли билеты, потом дожидаться вышедший вида полуразбитый автобус и почти сутки по такой же разбитой дороге тащиться в северную даль. Все мои сомнения разрешил Серёга, он перезвонил в мой гостиничный номер и сообщил, что к нему собирается ехать ещё какая-то Ксюша, он уже дал ей мой телефон, и она заедет за мной. То, что меня прихватят в качестве попутчика, мне понравилось больше всего, и так все дорожные заботы отпали сами собой.

Вскоре позвонила Ксюша и сказала, что уже подъехала и чтоб я выходил на улицу. Ласковое, почти детское имя предполагало молоденькую девочку или девушку, но её голос напомнил воспитательницу детского сада, которая за какую-то провинность решила поставить меня в угол!

«За такое время по тревоге собираются только солдаты в казармах», – мелькнуло у меня в голове. «Выходи строиться!» Тоже нашла мальчика! Но деваться было некуда, команда поступила, надо её выполнять, тем более, как говорят, голому собраться, только подпоясаться. Я скинул в дорожную сумку пасту, зубную щётку и, похлопав по нагрудному карману, чтобы убедиться, что документы на месте, закрыл дверь на ключ и поспешил к выходу. Через минуту уже с крыльца я разглядывал подъезжающие к гостинице машины и гадал, какая же из них будет за мной. И тут стоящая неподалёку «Ауди» подмигнула мне фарами. Я ещё не до конца уверенный, что подмигнули именно мне, подошёл и приоткрыл дверцу. Снизу вверх на меня большими чёрными глазами глянула японка. Я решил, что ошибся, и хотел уйти, ведь Сергей сказал, что за мной заедет женщина с нормальным русским именем! А тут на тебе! Машина – немецкая, за рулём сидит с будто вычерченным циркулем лицом восточная женщина, с гладко уложенной причёской и в импортном джинсовом комбинезоне...

– Чего стоите? Садитесь! – коротко бросила она. И слова были сказаны чисто по-русски! Конечно, я был расстроен, с какой скоростью меня выдернули из гостиничного номера, и, сам того не желая,

раздражённо и скорее для того, чтоб убедиться, что эта машина действительно приехала за мной, переспросил:

– Вы это мне?

– А кому же ещё? Вы – Дылбин?

– Нет, я Какдылбин, – с небольшой паузой поправил я.

– О-о-о! – протянула женщина. – Извините, по телефону не расслышала. Так как к вам обращаться?

– Как вам будет удобно, – и тут же членораздельно, с нажимом произнёс: – Я Вя-чес-лав Николаевич Как-дыл-бин.

– Да-а-а! Попалась! – рассмеялась она и тут же добавила: – У нас в классе был мальчик, мы его звали Вяча-Кляча! Значит, это вы, Вячеслав Николаевич, будете моим пассажиром?

Та детская непосредственность, с которой она вспомнила про мальчика, меня совсем не задела. Ну не отвечать тем же почти незнакомому мне человеку! И эта детская кличка про Вячу-Клячу вернула меня на землю, так мог сказать человек, выросший на той же земле, где жил и я. Да и на возрастную Клячу я пока что ещё не тянул, вон, собрался за пару минут!

– Сергей сказал, что раньше вы тоже летали, – выждав паузу, произнесла она.

– Что значит, тоже?! – всё моё существо встало на дыбы, вот так походя, и главное с таким пренебрежением, меня ещё никто не загонял под одну планку со всеми летающими насекомыми! И тут какая-то джинсовая кукла решила походя посягнуть на самое святое, что с возрастом поселилось во мне, мол, и мухи тоже летают!

Но, видимо, почувствовав, что разговор приобрёл нежелательный оборот, она быстро попыталась исправить:

– Сергей мне что-то про вас рассказал, но я вам уже говорила, что связь была плохая. Да и память у меня девичья.

«У неё, видите ли, девичья, а у меня, выходит, стариковская», – мелькнуло в голове. – Тренировать надо! – быстро, и скорее всего по привычке одной фразой ставить людей на место, буркнул я. – Вы не пробовали играть в шахматы или разгадывать кроссворды? Помогает. Надеюсь, у вас со слухом всё в порядке? Ещё раз повторю, да, я летал. И кстати, был пилотом первого класса!

Это был уже мой прокол, который подтверждал, что я всё ещё живу прошлым, и, не успев захлопнуть за собой дверцу, начал показывать, вот, мол, какой я особенный и со мной легко не прокатишься.

– Ну, приказывать вам, – здесь она сделала маленькую паузу, – первоклассному пилоту, не могу и не имею права. Поскольку я всего лишь гимназистка седьмого класса. И пью самогонку вместо кваса! Или как там на вашем лётном сленге, обыкновенная стю-ю-ра! Но, себе в утешение, скажу, не такая уж никудышная. Отлетала несколько лет, много чего повидала. – И, показав на кресло, добавила: – Садитесь рядом, там, на заднем сидении, у меня разные коробки. Даже багажник ими заполнила.

Вот про багажник она сказала зря, вначале я даже хотел съязвить, что привык ездить в багажниках, но вовремя прикусил язык. Когда тебе отведена роль пассажира, ты невольно попадаешь в зависимое положение, твоя задача – сидеть спокойно, не отвлекая водителя от дороги. Ты едешь, а состояние такое, как будто тебе сунули ведро, полное воды, и ты всеми силами стараешься не расплескать его. Что водитель скажет, то и надо делать. В конечном итоге она, а не ты несёшь ответственность. Тем более что второго спаренного штурвала, как на самолёте, на машинах пока ещё не предусмотрено. Хочешь ехать, сиди и не рыпайся, молчи! В конце концов не хлопать же дверью!

Однако после упоминания гимназисткой седьмого класса на память пришла песенка времён Гражданской войны, и я тут же её с удовольствием исполнил:

*Ах, шарабан мой,
Оббитый кожей,
Куда ты лезешь
С такую рожей?!
Солдат – российский,
мундир – английский,
сапог – японский,
водитель – омский.*

Ксения выслушала мою в общем-то вызывающую арию смиренно и даже с какой-то замороженной улыбкой.

– Вы что-то легко оделись, – заметила она. – Я посмотрела прогноз, обещают дождь и понижение температуры. Сейчас осень, может выпасть и снег. Там всё-таки север. И прошу вас, пристегнитесь! А то едва тронемся, этот «немец» напомнит о себе, – Ксения кивнула на привязной ремень.

– Что ж, придётся подчиниться старшей на борту, – решил я.

– Вячеслав Николаевич, вы на меня не сердитесь, это издержки профессии, – примирительно и как бы доверчиво произнесла она. – Нас учили, что во время рейса забудьте обычные для нормального человека слова: *не хочу, не могу, не буду, не знаю!* На своей работе мне приходилось быть поваром, медсестрой, нянечкой, санитаркой, уборщицей, а если придётся, то и пожарным. Ну, в общем, универсальным солдатом, – она протянула левую руку и помогла мне застегнуть привязной ремень. – А ещё нас научили правилу открытой руки. Это подавать пассажиру кофе, воду, чай так, чтобы случайно не ударить локтем.

– Спасибо! – поблагодарил я и поправил на животе ремень безопасности.

Пока что меня ничего не связывало с сидящей рядом Ксюшей, дверка была захлопнута, ждущий мотор тихо и почти незаметно подрагивал от нетерпения. Конечно, у меня ещё оставалась возможность выйти, но я уже знал, что, поддавшись минутной слабости, сам себя и наказал, пристегнув по её просьбе ремень. Я как бы и её пристегнул к себе, вернее, наоборот – это сделала она. А дальше можешь говорить, можешь держать и вертеть в голове обрывки своих мыслей.

Когда она напомнила мне, что я когда-то тоже летал, то мимоходом засадила мне под сердце занозу, а думать о себе в прошлом времени не хотелось. Моряки не любят слово *плавать*, намекая, что плавают только дерьмо. В авиации всё, что оторвалось от земли и оказалось в воздухе, можно считать ангелами, а пастухом для них был Илья Пророк. И если ты начинал выказывать своё непослушание, он мог и прорычать, и ударить по земле огненным бичом и громовым голосом напомнить, кто в доме хозяин. А у пассажира, привязавшего себя к креслу ремнём, остаётся одно право – перекреститься перед взлётом и чуть что пожаловаться или попросить водички у стюардессы, она на борту вроде няньки, санитарки или официантки. Но и она может исполнить только то, что написано в инструкции. В полёте у неё всё расписано, каждое движение, каждый жест, а если что пойдёт не так, то должна сделать стойку и отрезать: «Вам это не положено!» Хотя в авиации самое любимое слово как раз другое: Нам – положено! Кто и когда это положил и кто отменил – неизвестно. Неожиданно я поймал себя на мысли, что плохое настроение рождает в душе злобных гномиков, и они, только дай волю, сожрут тебя с потрохами.

Мы ехали по городу и молчали. Время от времени Ксения, не доверяя проложенной между домов дороге, тыкала пальцем в экран навигатора. И мне казалось, что в этом был весь смысл её сегодняшней жизни, когда, не выходя из машины, как из командного пункта, можно было купить билеты в театр, заказать билеты на самолёт, пригласить доктора или мужа на час. У меня возникли смутные предчувствия, что замолчала она не зря, в том есть и моя вина; скрытых и молчаливых людей недолюбливают и побаиваются, и я решил, что надо не давать плохому настроению хода.

– Ксюша, можно буду так вас называть, вы мне напомнили рекламную стюардессу, летающую в Japan Airlines, которую авиакомпания размещает на рекламных щитах, – я решил смягчить нахвалившуюся тишину и зайти, как говорят картёжники, с червей. – Когда вы заговорили со мной, то я подумал, что вы человек почти военный, вам только не хватает портупей.

– От автомата я бы не отказалась! – И рассмеялась, скосив на меня свои восточные глаза. – А это, – провела пальцем вокруг лица, – мне досталось от папы. Он чистокровный бурят. Жили мы в селе Саган-Нур, что в переводе с бурятского означает Белое озеро. У нас, когда спрашивали, кто и откуда ты, то отвечали так: я не бурят, не русский, а чисто салагурский. Иногда моя внешность помогала, а иногда мешала. Когда у нас были чартерные рейсы в Токио, многие пытались говорить со мной по-японски, а в Пекине по-китайски. – Ксения на минуту замолчала. – Внешность – это приложение, главное – работа. А вы знаете, у бортпроводниц она не сахар. Тянешь ляжку, но обязательно с улыбкой, мол, у меня всё хорошо, всё превосходно. Что-то не видела я моделей, из рейса в рейс катящих объёмные чемоданы и спящих на ходу, как лошади. За всё приходится платить, и за любовь к своей профессии тоже. Хотелось побывать в разных странах, и даже, как сегодня, с первоклассным лётчиком поехать на забытый аэродром. Девочки шли на вылет, как на праздник или как в театр. В салоне

самолёта мы, как актрисы, постоянно на виду, нас разглядывают, как одета, какая причёска, туфли и всё прочее. Если нечем себя занять, можно поглазеть на бортпроводницу, особенно когда ты одета как на обложку или ещё круче – снята на рекламу, расставленную на дорогах. Как птичка, которую не успел поймать, а чуть приоткрыл ладони – она выпорхнула и улетела.

– И сколько же мы будем ехать? – поинтересовался я.

– С навигатором, думаю, доберёмся быстро, часов за десять, если там дорогу не размыло, – и ткнула пальцем в навигатор.

– Вы с ним состоите в переписке? – кивнув на гаджет, пошутил я.

– И не только с ним, но и с вашим приятелем Савиным, – усмехнувшись, ответила Ксения. – Он уже не раз поинтересовался выехали мы или нет?

– А я в них ничего не понимаю, – признался я. – А вот в машинах кое-что смысло. У вас «Ауди», которая, если я не ошибаюсь, означает латинский глагол повелительного наклонения. Переводится как «Слушай!». Придётся и мне во всём слушаться вас.

– Нет! Вы посмотрите, что он делает! – возмутилась Ксения, кивнув на обгоняющую нас машину. – Мне не раз говорили, что на дороге надо всегда рассчитывать на дурака. То есть контролировать не только себя, но и действия тех, кто движется с тобой в одном потоке, и ещё больше тех, кто выскакивает с боковых улиц. Гонят, перестраиваются, несутся как угорелые. А вот и он, миленький, у светофора стоит рядом!

– Нам бы где-то остановиться у магазина, – пробормотал я. – Пришлось быстро собираться, не успел ничего взять.

– А ничего и не надо, я всё взяла. Ужин в ланч-боксах мне поставили в машину.

– Кто это у вас такой заботливый?

– Да мой повар из ресторана «Читатель».

– Как же, знаю, знаю, – рассмеялся я. – Там обычно поминки заказывают.

– И такое бывает... Всё живое имеет своё начало и свой конец. Даже и те, кто торопится и норовит всех обогнать.

– Да вы ещё и философ, заметил я! – и тут же продекламировал:

*Читатель, ты будешь доволен собой,
Жизнью своею куцей.
И будет тебе бутерброд с колбасой –
Так обещал нам китаец Конфуций.*

– А вы что, ещё и стихами занимаетесь? – поинтересовалась Ксения.

– Это каламбур. Привык рифмовкой после полёта подписывать отчёт бортпроводницам.

– Наверное, девчонкам было приятно?

– Да когда как. Некоторые оставляли себе на память.

Машину Ксения вела уверенно. И я, не очень-то доверяя сидящим за рулём женщинам, уже через несколько минут после её обгонов на дороге понял, что имею дело не с новичком, который выдаёт стремление держаться середины дороги, успокоился и решил, что мы без приключений доберёмся до места.

Она сообщила, что её машину ремонтировал Сергей, и с тех пор после их знакомства по объявлению она доверяет ему как самой себе. Из короткого разговора узнал, что Ксении первую машину купили родители, когда она заканчивала пединститут.

– Кстати, мы с вашим другом Савиным познакомились по объявлению, – улыбнувшись, сообщила Ксения.

– Как это, по объявлению?

– В один прекрасный момент Сергей решил скрасить своё одиночество и обратился на сайт знакомств. Все встречи он назначал у себя на даче. Дамы приезжали, он им баньку, простыни, полотенца, кому квас, а кому и пива, чтоб попривыкли, осмотрелись. За это время он их оглядит, чтоб не подсунули обманку, что приехали писанные красавицы, и, чтоб оценили его заботливость, усаживал за накрытый стол. Ну, конечно, шашлыки и всё прочее. Оказалось, что ко всему прочему он ещё хорошо поёт. За разговорами и песнями выясняют, кто есть кто и правильно ли искательницы указывают в своих анкетах рост, вес, объём груди, размер талии. Намётанный глаз лёгчика разберётся лучше,

чем метр портнихи. Проще один раз увидеть, чем сто раз прочитать, кто и что о себе сообщает. Ну и конечно же, обзорная экскурсия по участку и обязательное посещение похожего на ангар гаража. Там у него был припрятан самолёт. Самое интересное, хоть он и самодельный, но летающий. Желающим он предлагал покататься.

– Ну и что, вы полетали?

– Со мной другая история. Меня подруги, которых он приглашал к себе по объявлению, попросили подвезти. Я доставила их на место, хотела уже отъезжать, и тут, как назло, заглох мотор.

– Вовремя заглох? – пошутил я.

– Да вы не думайте, что я решила составить конкуренцию! Сергей тогда работал в автосервисе. Машина хоть и немецкая, но и у неё случаются поломки. Он поднял капот, нашёл причину поломки и всё отрегулировал как надо. Руки у него золотые, да и голова работает. И на прощанье сказал: «На такой машине ездить нельзя. Вы приезжайте ко мне, там у вас кое-что надо заменить». Я и сама понимала, что во мне масса недостатков, а уж в машине тем более. Женщины и машины редко дружат. А потом Сергей Петрович неожиданно перебрался в эту таёжную дыру. Какой леший его попутал – не пойму. Там на этот заброшенный аэропорт нашлась куча претендентов. Но он упёртый, один против всей этой стаи. Мы с ним перезваниваемся, иногда я выполняю его просьбы, приезжаю. Вот и сегодня загрузилась разными запчастями. Да и чего греха таить, хочу на его аэроплане полетать.

– Не боитесь?

– А чего бояться! Мне сказали, что многие, кто делают самодельные самолёты, приезжают к нему и просят облететь свои конструкции. – Подумав немного, Ксения добавила, что ездить на машине по нашим дорогам гораздо опаснее, чем летать на самолётах. И, подтверждая свою версию, привела статистику, что на дорогах людей гибнет в сто раз больше, чем в воздухе.

Я вспомнил, что Савин как-то обмолвился, что во время испытания очередной самоделки из-за неправильно рассчитанной центровки ему пришлось падать на лес. Спасли берёзки, которые смягчили падение, и всё обошлось ушибами и травмами. Но урок для него так и остался неувоенным. Посмеиваясь, Савин продолжал испытывать свою судьбу и вновь садился в крохотные кабинки не только своих, но и чужих самоделок.

Есть люди, которые раскрываются сразу же, и всё что надо и не надо выкладывают как на духу. Таких, если хочешь – принимай или пожимай плечами. Люди хоть из одного замеса, но все со своими привычками и правилами. Мы раньше с Ксенией не встречались, но не сразу, но всё же общая тема для разговора нашлась.

Как-то размышляя над тем, что такое человеческая жизнь и для чего мы появляемся на свет, я пришёл к выводу, что накопленный жизненный опыт не приближает нас к истине и не делает нас лучше, а наоборот, отдаляет. В детстве тебя любили таким, какой ты есть. В основном ребёнок – это чистый лист бумаги. Взрослый человек, как правило, прагматичный, осторожный, в нём больше приобретённого, чем истинного. Он наглухо прикрыт одеждой и посажен, как собака, на цепь, привык к приобретённым привычкам: не ходи туда, не зная куда; не берись за то, не зная что, и к чему это тебя приведёт. Сказать громче можно, но сказать умнее невозможно.

На наших дорогах просто дураков и неподготовленных людей, которые садятся за руль, гораздо больше. Ну кто в небе будет устраивать гонки, подрезать, водить и перестраиваться там, где это не положено. И тут же поймал себя за язык – в небе бывало и не такое. Однажды, перегоня Ан-2 из Львова, а летели они парой, один из пилотов, видимо, устав от однообразия и монотонного гула мотора, решил подшутить над летевшим рядом напарником. Сбавив газ, пристроился и, набрав высоту, дал мотору взлётную мощность и спикировал сверху под хвост впереди летящему самолёту, чтобы позже, вынырнув снизу, ошеломить и показать, какой он бесстрашный пилотяга. Ан-2 не истребитель, и, когда пикировщику показалось, что он проскочил под самолётом и оставил напарника далеко позади, он потянул штурвал на себя и быстро потерял скорость. Ничего не подозревающий пилот второго самолёта не успел отвернуть от вынырнувшего самолёта и винтом отрубил ухарю хвост самолёта. Говорят, дуракам закон не писан.

Были и такие, кто пытался на том же кукурузнике повторить подвиг Нестерова и сделать на Ан-2 «мёртвую петлю». Но добротный сделанный Олегом Антоновым самолёт отказался выполнять волю самоубийцы. Был также один дикий случай. Ещё до войны во время показательного полёта самого большого на тот момент самолёта «Максим Горький» сопровождающий его военный лётчик на И-16

решил крутануть «бочку» вокруг тихохода и врезался в крыло летящего гиганта. Тогда погибло много народа. Все жертвы той катастрофы покоятся на Новодевичьем кладбище в Москве.

– Я всегда думала, а как же вы заходите на посадку, когда не видно земли? – неожиданно поинтересовалась Ксения.

– Для этого есть тренажёры, а во время тренировочных полётов мы заходим на посадку под шторками. Ориентир – приводные радиостанции: дальняя и ближняя. Для этого придуман заход по схеме ОСП, – загибая пальцы, начал рассказывать я. – Ну а если говорить образно, вот, например, ты, Ксюша, приехала в село на лошади, а у тебя завязаны глаза, и ты, не видя ворот, должна заехать во двор.

– Это с чего вы взяли, что я поеду на лошади, – обиделась Ксения. – У меня есть машина. Кстати, отец мне говорил, что лошадь – умное животное. Если заблудишься в тайге, брось поводья, она тебя сама привезёт куда надо.

– Умными людьми был придуман более сложный, так называемый инструментальный, заход по СП-50. Принцип её был в том, что лётчик видит и контролирует положение самолёта при заходе на посадку по приборам. На авиагоризонте вертикальная стрелка показывает твои отклонения по курсу, а горизонтальная – по глиссаде. Я упомянул лошадь, но можно сказать, что и у лошади глаза завязаны.

– И чего это вам далась лошадь? – воскликнула Ксения. – Ведь ещё есть посадочные локаторы, диспетчера?

– Всё правильно, диспетчер, он вроде хозяина, который стоит на крыльце и подсказывает: правее чуть правее, чуть левее. И надо вовремя среагировать – поправить движение самолёта ногой или штурвалом. Твои движения должны быть миллиметровыми, например такими же, когда, допустим, ночью вы в полной темноте пытаетесь вдеть нитку в ушко иглы.

Я замолчал. Ну как в двух словах расскажешь то, что было делом всей моей жизни. Что за годы полётов кабина самолёта стала для меня тем местом, которое я не то чтобы не любил, а просто это было моим привычным рабочим местом. Ну не для того, чтоб любоваться приборной доской, штурвалом или лобовым стеклом; всё привычно, всё знакомо, что-то новое в ней отыскать трудно. Приборы выдавали положенную информацию, режим работы двигателей, высоту и скорость полёта, остаток топлива, расстояние до аэродрома. Заглядывая в себя, я начинал сравнивать своё здоровье и физическое состояние, которое мне сообщали после прохождения квартальной или годовой комиссии, записывая в медицинскую книгу артериальное давление, уровень сахара и прочие тесты после анализа крови, объём лёгких, остроту зрения и прочие необходимые для допуска к полётам параметры. Здесь же, в кабине самолёта, приборы без контроля врачей выдавали всю необходимую информацию, и если она превышала допустимые нормы, то я обязан был вмешаться. Тот детский восторг, который я испытывал, надевая лётную форму, давно прошёл. Во время полётов, уже на высоте вслушиваясь в гул моторов, я, как и каждый человек, больше думал о земном, и никто меня не мог заставить или поймать на том, что думаю о предстоящем отпуске и, поглядывая сверху на лётную или осеннюю тайгу, ловлю себя на том, как бы сейчас присесть на ту поляну, поставить на ней палатку, развести костёр, достать удочки или пособирать грибы или ягоды.

– Технический прогресс не стоит на месте, уже всю говорят об искусственном интеллекте, – неожиданно заявила Ксения. – Думаю, что вскоре пилоты будут не нужны. Уже всю тестируют машины, которым не нужен водитель. Самолёт – та же машина, только движется по воздуху. Он сам по специально разработанной программе будет взлетать и садиться.

– А может, вообще люди будут не нужны? – рассмеялся я.

– Да, от них одни проблемы! – быстро согласилась Ксения. – У меня всегда был вопрос: а что делают остальные члены экипажа?

– Механик следит за работой двигателей, его задача – выполнить команду, ты ему говоришь: прибавь или убавь режим, или когда надо выключить движок.

– Ну а второй пилот? Мой бывший муж летал вторым пилотом и как-то сказал, что дело правого не мешает левому, держать ноги на педалях и ждать зарплату.

– Как его фамилия? – внимательно глянув на Ксюшу, спросил я.

– Такая же, как и у меня, – Торонов Виталий.

Я замолчал. Бывает же такое, и мог ли я, когда-то летая с Тороновым, знать, что встречу с его женой и буду её пассажиром.

Тот полёт с Тороновым я запомнил на всю жизнь. Хотя он начинался, как один из многих, которые выполняли почти каждый день. Перед вылетом, как это и положено, мы зашли к синоптикам. Они показали нам карты и спутниковые снимки. К Новосибирску, Томску и Красноярску подходил мощный циклон, точно какой-то небесный бульдозер своим широким, в несколько сот километров, скребком гнал перед собой наполненный снегом вал и засыпал землю, города, аэродромы – всю земную твердь сибирской равнины. Но я знал, что по взлётно-посадочным полосам уже всюду ползают, сметая снег на обочины, уборочные машины, что, несмотря на снег, метель и прочую небесную слякоть и пакость, люди с билетами в карманах стоят на регистрациях в аэропортах, их автобусами везут к самолётам, так было принято, и заложенный расписанием порядок работал как часы.

Ну кто из водителей-дальнобойщиков откажется ехать, если знает, что по трассе будет метель? Если ожидается сильный мороз, то, конечно же, стараются не ездить в одиночку, а двигаться колонной, чуть что, при поломке или аварии попутчики помогут, возьмут на буксир. Только в самолёте тебя никто не возьмёт на буксир, хотя для рейсовых самолётов день и ночь задействована огромная армия: синоптики, радисты, техники, водители и вся аэродромная обслуга.

Рейс был ночным, автобус в темноте подвёз нас к самолёту и, развернувшись, умчался обратно за очередным экипажем. Я принял доклад бортмеханика, осматривая, обошёл снаружи самолёт и поднялся на борт в пассажирский салон. Тонкие, обтянутые белыми чехлами сидения показались мне игрушечными, казённый их строй ждал своих временных владельцев. Меня ждал такой же казённый, обтянутый серым матерчатым чехлом от постоянных стирок пилотский топчан. Когда зимой приходилось садиться на него, он казался холодным деревянным чурбаком или куском завёрнутого в холстину льда. Аэродромные подогреватели нагоняли в кабину горячий воздух, но быстро сладить с вечной мерзлотой пилотского сидения было невозможно, они ещё долго прожигали своим арктическим холодом насквозь до костей.

В салоне самолёта было холодно, единственным светлым пятном было лицо бортпроводницы. Завидев меня, она вскочила и с улыбкой поспешила навстречу. Я знал, что попадались девушки, которые при виде командира надевали на лицо подобие служебной улыбки, так, на всякий случай – дураков и самодуров среди командиров в авиации было предостаточно. За мою лётную жизнь в салон самолёта входило и выходило немало людей. Это было чем-то похоже на броуновское движение: обычная посадочная суэта, мельканье лиц, сумок, чемоданов. После завершения полёта они куда-то исчезали, в памяти какое-то время держались обрывки разговоров, просьб, иногда бывали и слёзы. Особенно вначале всё воспринималось как необходимость. И я, подчиняясь правилам и самим себе придуманным обязанностям, подходил и старался выслушать плачущих, если надо помочь, поскольку, попав на борт, они попадали и под мою ответственность.

После взлёта мы набрали высоту, взяли курс на Красноярск, я включил автопилот, и далее всё пошло по обычному порядку. Через полтора часа полёта мы вышли на связь с диспетчерской службой Красноярска, доложив время снижения и прибытия в аэропорт. Через некоторое время монотонный гул моторов был прерван казённым голосом красноярского диспетчера:

– Сорок шесть четыреста сорок! Сообщите свой запасной аэродром! – И, выждав секунду, дали неприятную информацию: – У нас ухудшается погода. Снег, видимость девятьсот метров.

«Ну вот, невидимый врач, сунув под мышку градусник и глянув, вдруг сообщил: “А у вас тридцать восемь и восемь!”» – подумал я. Но там, на земле, после такого сообщения тебя, скорее всего, отправят в поликлинику, а здесь вместо поликлиники, скорее всего, лететь на запасной аэродром.

Я тут же сообщил, что запасной у нас Кемерово. Через несколько минут эфир вновь ожил, диспетчер сообщил, что видимость пятьсот метров и предложил следовать на запасной.

Расстояние между Красноярском и Кемерово было чуть больше четырёхсот вёрст, всего час полёта. Но ветер на высоте был встречным, как мы иногда говорим, прямо в нух, и он съел ещё какое-то время. Теперь всё наше внимание было аэропорту Кемерово, поскольку погода портилась и там. В последней сводке синоптики сообщили, что в Кемерово снег видимостью в тысячу метров, а в расчётное время снижения диспетчер сообщил, что видимость шестьсот метров, снег и тут же поинтересовался:

– Ваше решение?

– Следую к вам!

Через пару минут диспетчер вновь запросил, какой у нас запасной аэродром.

– Какой? Ваш! Идём к вам на запасной, – сообщил я и тут же добавил: – Других вариантов у нас нет!

На вышке были опытные мужики. Они всё поняли и постарались не дёргать лишний раз неуместными вопросами.

Первый заход. В сплошном снегопаде и болтанке мы снизились до высоты принятия решения, и, не увидев полосы и необъяснимым чутьём поняв, что нас снесло правее и мы можем не вписаться в рамку посадочной полосы, я дал команду: «Взлётный режим!» – и перевёл самолёт в набор высоты, чтобы сделать повторный заход. Каким-то запоздалым чутьём я понял, что при неудавшемся заходе на посадку я не учёл ветер, и он снёс самолёт правее, поскольку, уже при уходе на второй круг, я увидел – под самолётом мелькнули слеповатые боковые огни посадочной полосы. И тут новая напасть! И, как всегда, не вовремя. Из-за встречного ветра, который съел запас топлива, предусмотренный как раз для подобных случаев, на приборной доске загорелись красные лампочки критического остатка топлива. И тут, заметив эти говорящие о том, что у нас в запасе осталось всего-то несколько минут полёта, второй пилот Торонов вдруг сбросил руки на колени и, отвернувшись, с каким-то щенячьим визгом выпалил: «Командир, заходи сам! Я-я-я-а тебе не помощник!»

Нет, я даже не стал что-то говорить ему и даже глядеть в его сторону, есть он там или его нет, какое это имело значение здесь и сейчас. Его состояние было понятно без слов, потом, на земле, разберёмся. У меня, как у врача, в руках был даже не штурвал, а скальпель, у ассистента «упали» руки, и если уж продолжать эту непривычную и спорную аналогию, то за моей спиной на операционном столе в этот миг оказалось более полусотни пациентов. Они спокойно ждали посадки, чтобы дальше ехать или идти по своим делам. Я старался не думать, что сейчас середина ночи и всё живое на земле видит свои тихие сны, и вообще, никому в этом мире нет дела до того, что сейчас происходит в моей душе, в кабине нашего самолёта.

Видимо, именно в такие секунды неизвестно откуда пришла эта мысль про скальпель. Передо мной, точно экран томографа, на котором билось ещё живое сердце, приборная доска самолёта, авиагоризонт и стрелки приборов показывали, что машина в полном порядке, и стрелки, как мы иногда шутили, надо было собрать в кучу, учесть ошибку первого захода и сделать то, чему меня научили, чему за эти годы я научился сам.

В подобных случаях второй пилот – это правая рука командира, чтобы вовремя подсказать, а, если надо, то и вмешаться в управление самолёта. У любого человека, даже у самого опытного, на всё внимания не хватает. И тут я выскажу одну парадоксальную мысль, да, есть придуманные умными людьми приборы и приспособления, которые могут только подсказать, но не взять управление на себя, все решения принимает человек. Хороший лётчик должен хоть на секунду быть впереди летящего самолёта, предугадывать не только его поведение, но и противостоять, предсказать поведение огромного воздушного чудовища, которое бросало самолёт, как тряпку, из стороны в сторону. В инструкциях и, как нам внушали, в самой мудрой книге для пилотов «Наставлении по производству полётов» таких советов не найдёшь.

И я почувствовал, что мгновенно взмок, на лице выступил пот, и руки стали мокрыми. Я машинально вытер их об чехол, но они, да не только они, вся моя одежда вмиг прилипла к одежде. И те минуты, которые отсчитывали самолётные часы, показались мне вечностью.

Когда наконец-то мы, сделав повторный круг, выпустили шасси и вновь вышли на посадочную прямую, диспетчер, видимо, желая поддержать нас, начал скупо подсказывать:

– Идёте правее двадцать метров!

Я тут же сделал поправку, левой педалью загнал самолёт на осевую линию. И это всё под постоянные толчки и рывки взбешённых порывов ветра.

– Идёте точно по курсу и глиссаде! – тут же подсказал диспетчер. Про видимость, чтоб не подставлять меня и себя, они помалкивали.

«Молодцы, ребята», – подумал я, понимая, что сообщение прозвучало вовремя и было для меня как глоток воздуха!

Снежное чудовище, завалив всё, что попало ему по пути, так просто не хотело расставаться с нашим самолётом, который кружил над полосой в самом эпицентре снежного шторма. Еле заметными движениями педалей и штурвала я продолжал держать самолёт на посадочном курсе! В эти последние долгие и напряжённые секунды я сам превратился в наконечник нитки, которую мне в темноте во что бы то ни стало предстояло вдеть в игольное ушко.

И совсем внезапно, когда напряжение достигло самой высокой точки, кто-то невидимый сорвал с лобового стекла белесую, как саван, снежную штору, и прямо на меня выскочил тёмный, похожий на полыню, продолговатый, с текущей по его поверхности ледяным крошевом кусок бетонных плит! Машинально, как я это делал сотни раз, дёрнул штурвал на себя, создавая посадочное положение самолёту. В следующую секунду последовал грубоватый тычок, мне он показался даже не тычком, а сладким и долгожданным поцелуем любимой женщины! И тут же следом дошёл рёв моторов, который как бы подтвердил, что наше свидание с долгожданной землёй состоялось. Отчитываясь бухающему где-то около горла сердцу, бетонные плиты посадочной полосы показались мне в эти секунды самой приятной музыкой, а снятые винты, с упора прокричали: «Будем жить! И летать!» Что ж, Господь погрозил мне пальцем и сказал, что расслабляться не надо. В конце пробега винты зашелестели, и я почему-то не услышал работы двигателей. Только через пару секунд до меня дошло, что керосин в самолётных баках закончился...

– Заруливайте на стоянку! – подал команду диспетчер.

– Прошу выслать тягач... – выдавил я из себя и почувствовал, что не могу поднять свои многопудовые руки.

Больше мы с Тороновым не летали. После возвращения домой он взял больничный, а после написал заявление и ушёл с лётной работы, посчитав, что лучше иметь синицу в руках, чем журавля в небе, который может ударить в темечко.

Из той прошлой лётной жизни запомнилось, как однажды во время послеполётного разбора начался разговор, как подобрать себе второго пилота. Почему-то то обсуждение напомнило мне рынок, так, пожалуй, выбирают себе адъютанта, посыльного, но никак не помощника, которого надо учить уму-разуму, наставлять, обучать и передавать свои навыки. Претензии разные, и лётную форму нарушает, и спит во время полёта, выполняя просьбу, не бежит, а идёт вразвалочку, и своё мнение ставит выше командирского, и ещё многое другое... Тогда мне захотелось, всем, кто выставляет свои претензии, чтобы они показали своих детей, все ли они подходят к предъявляемым стандартам. В экипаж мне Торонова отправили на перевоспитание. Что значило *отправить на перевоспитание*, или, как говорят, *подтянуть профессиональные навыки*. Одно дело инструкторская работа, когда надо дать человеку навык самостоятельности, посмотреть, как человек ведёт себя в кабине в той или иной ситуации, привык ли принимать самостоятельные решения, почувствовал ли самолёт. Но когда к тебе в экипаж суют разгильдяя, человека, который, несмотря на возраст, ходит в коротких штанишках, и тут примеры, что Гайдар в шестнадцать лед командовал полком, неуместны. В экипаже существует строгая иерархия, где все знают своё место и свои амбиции и предрассудки.

Вообще, самое неприятное, когда ты в экипаже, да и не только в нём становишься чужим и нерукопожатным человеком. В экипаже, как и в семье, все на виду. Здесь ничего не скроешь. Всем поровну, всё построено на доверии. Начнёшь проверять, доглядывать друг за другом – пиши пропало. Всё подчинено командиру и работает по его команде. Он принимает решения и в конечном итоге за всё несёт ответственность. Немедленную! Это на земле можно дело отложить, машину остановить, подумать. Самолёт не остановишь, у него нет задней скорости, он не может пятиться. Он может одно – развернуться, уйти на повторный заход или на запасной.

Я заметил, что Ксения, уверовав, что торчащий перед ней навигатор знает всё: ухабы, повороты, подъёмы, его даже научили подсказывать, когда и где расставлены засады и провести машину в заданное место. Мы ехали по дороге, которая вела нас на север, подпрыгивая на выбоинах и ухабах. Ещё не до конца разбитая, она, не жалуясь, донашивала своё прошлое. Время от времени к дороге, показывая свои столетние бока, как бы стесняясь своего возраста, выбегали всё ещё крепкие бревенчатые дома, которые за свою жизнь много чего повидали: и проезжающих купцов первой гильдии, и ссыльных вольнодумцев, и грабителей с большой дороги. Только почему с большой? Она и была большой и единственной дорогой в эту северную сторону. Конечно же, своего суждения дома не имели, да, бывало, что и в них останавливались на ночёвку путники, поскольку непрерывное движение людей, как и движение солнца над головой, имело свой отсчёт, который ни в каких календарях не учитывался, но люди придумали его для того, чтобы свою короткую жизнь отмерять по числам и датам. Все эти человеческие придумки, родившиеся в головах людей, там и оставались, а домам и деревушкам было наплевать, какого класса ты пассажир или путешественник.

– Пора бы перекусить и размять ноги, – неожиданно предложила Ксения, увидев возле дороги кафе и свернув с дороги, подкатила машину к самому крыльцу.

Когда она вышла из машины, я обратил внимание, что дорожный джинсовый комбинезон подчёркивает её ладную, и я бы сказал, спортивную фигуру, я вспомнил, с каким чувством мы оглядывали назначенных на рейс бортпроводниц. Конечно же, он был оценочным, и я бы даже сказал – рыночным. Так смотрят, когда в магазине или на рынке покупают яблоки. А всё остальное – вкус, аромат, запах, и даже полезность и профессионализм как бы прикладывались к их внешнему виду. Обычные служебные ухаживания, когда почти сразу распознаётся характер и умение девушек держать служебную дистанцию. Конечно, у каждой был собственный опыт, своя жизнь, и они поступали правильно, стараясь не нести свои привычки и предпочтения в кабину самолёта. Во всём должна быть дистанция, если пришла хорошенькая, пусть не только радуется глаз, но и делает свою работу.

На улице оказалось прохладно и сыро, окружающая нас темнота тут же напомнила, что на дворе осень и где-то недалеко уже, должно быть, выпал снег. Ксения оказалась права, надо было прихватить тёплую одежду.

Дверь в кафе оказалась заперта, пришлось постучать. Через минуту дверь приоткрылась, в щёлку выглянула бурятка и сообщила: «А мы уже закрылись!»

– Мендэ! Санбайну, – поздоровалась Ксения. – Вы нас простите, но нам бы перекусить.

– Надо было пораньше, мы уже давно закрылись.

– Простите, не знали вашего расписания, когда вы открываетесь, когда закрываетесь. У нас всё своё с собой, – объяснила Ксения.

– А у нас всё выключено. Кроме того, чужое мы не берём, санэпидстанция узнает, будут неприятности, – проворчала бурятка.

Но уже через минуту, оставив дверь приоткрытой, она ушла куда-то вглубь помещения и включила свет. Ксения сбегала к машине и принесла прозрачные контейнеры.

– Вам чай вскипятить? – спросила бурятка. – Будете ночевать или поедете дальше? Ночью будет снег. У нас есть свободная комната.

– Би садааб, – произнесла Ксения. – Конечно, если можно, и чистые стаканы. Мы перекусим и поедим дальше.

– Хайн Хун болохо бараха, хулэт болохо унаганхаа, – пробормотала бурятка.

– Аргатак виден уже в жеребёнке, хороший человек виден с детства, – перевела для меня Ксения. И тут неожиданно я увидел в руках у неё бутылку вина.

– Это итальянское из Пьемонта «Бароло», – объяснила она. – Терпкое плотное вино.

– Что, и ты будешь пить? – поинтересовался я. – А как же постовые?

– Дальше тайга, и постовых всего двое: Большая и Малая Медведицы, – засмеялась Ксения. – Мы уже четыре часа в дороге. Надо немного согреться и прийти в себя. Глоток вина не помешает. К тому же здесь надо отдать дань хозяину этих мест. Побурханить, как говорят буряты, тогда он нас примет, и всё у нас будет хорошо!

Честно говоря, я никогда не садился за руль выпившим, а в кабину самолёта тем более. Иногда после завершения рейса мы с экипажем позволяли себе немного расслабиться. Но раз здесь существует такой обычай – чего упираться.

Отстегнув автомобильный ремень безопасности, я не предполагал, что буду и дальше привязан к Тороновой, и даже в чём-то слушаться и ощущать, точно на какое-то время стала моим дорожным командиром.

Ночная хозяйка кафе принесла нам стаканы, подогретые бифштексы и прочую нашу походную закуску. Я открыл бутылку и начал разливать в стаканы.

– Мне всего лишь один глоток, – попросила Ксения. – Мне этого хватит.

И мы с ней тихо, как подпольщики, протянули друг другу навстречу кулаки с зажатыми в них стаканами.

– За знакомство, – добавила Ксения.

– Будем здоровы! – добавил я.

И мы посреди сибирской осенней ночи пригубили итальянское вино из Тосканы.

И через минуту мне стало тепло и даже уютно в этом придорожном, приспособленном под кафе с громким названием «Уреэл», домике. И даже ночная хозяйка показалась мне доброй и приветливой,

она принесла нам не только чай, но ещё знаменитую, как она сказала, траву «Саган даля», после которой можно не только сидеть, но и летать по воздуху.

– Я не пойму, зачем он держится за этот раздолбанный у чёрта на куличках аэродром? – в сердцах вдруг бросила Ксения, когда в разговоре вновь мелькнула фамилия Савина. – Аэродром всё равно давно не работает, содержать его накладно, там достаточно маленькой вертолётной площадки, чтобы обслуживать геологов. А он упёрся!

– Перед кем упёрся? – поинтересовался я. – У него же есть договор с местными властями по возможности поддерживать лётную годность полосы да и само здание аэровокзала. Там Сергей и сторож, и диспетчер, и кладовщик – всё в одном лице.

– Все вы лётчики-перелётчики с прибабахом! – рассмеялась Ксения. – И Савин такой же. Он мне говорил, что летал с вами вторым пилотом.

– Да, летал, – подтвердил я. – Скажу больше, Сергей – настоящий лётчик, и у него не только золотые руки, но и толковая голова. Был у нас такой случай, когда я вводил его в строй командиром. После облёта самолёта перед посадкой он дал команду выпустить шасси. Шасси выпустились, но одна средняя лампочка, контролирующая выпуск, осталась красной. Сделали повторную попытку – результат тот же. Переднее шасси не встало на замок. Обсудив с бортмехаником ситуацию, решили вскрыть пол в кабине пилотов. Открутили шурупы, дюралевый лист на полу. И увидели, что, действительно, передняя нога шасси не встала на замок. Выходит, надо будет садиться на брюхо, а это неизвестно чем закончится. Одно ясно – при посадке нос самолёта будет смят. Может случиться всё что угодно: чего доброго, сомнётся и кабина и может случиться пожар. Тогда бортмеханик предложил отвести защёлку замка при помощи штанги или трубы для слива топлива из баков, которое используют при сливе топлива после заправки. После слива топлива штанга всегда берётся на борт. До защёлки дотянуться из кабины можно только с помощью штанги. Ею можно было отвести защёлку в исходное положение. Вновь дали команду убрать шасси, отвели трубой защёлку и вновь дали команду на выпуск. И передняя нога шасси встала на замок! Посадка прошла безукоризненно. Как мы и предполагали, это нерадивый рабочий забыл ввинтить болтик, из-за этого была нарушена цепь электропитания управления передним шасси. Ещё в училище у нас ходила шутка: даёшь команду от винта – твоя жизнь зависит от контрольного шплинта.

– Так если бы только твоя! – всплеснула руками Ксения. – Жизни сотен пассажиров зависят от какого-то болтика!

– К Савину даже из города приезжают конструкторы самодельных аппаратов. Просьба одна – испытать и облетать их. И он никому не отказывает. Я знаю, к нему даже корреспонденты приезжали и показывали по центральному телевидению.

– Ну конечно, нашли чокнутого! – усмехнулась Ксения. – Ему бы внуков нянчить, а он лезет в эти самоделки, где нет даже этих самых контрольных шплинтов, – и в небо. Лётчик-испытатель самоделок! Но больше всего я опасаюсь, если он сам не уйдёт, его уберут. Зачем держать выгон, если на нём не пасётся скот? Списанный лётчик – отработанный материал. К сожалению, Савин этого не понимает, вернее, не хочет понять. Смеётся, говорит, у меня столько ещё планов, на две жизни хватит! Признаюсь, он мне предлагал переехать в Тутуру и жить у него. И это значит, вернуться туда, откуда я так долго выбиралась.

– Ну а в Москву бы поехали?

– Туда меня никто не зовёт, – рассмеялась Ксения и, вздохнув, добавила: – Говорят, простота хуже воровства, а я именно такая, говорю сразу, что думаю. Наверное, надо быть похитрее, а я уже раз обожглась. С лётчиком. Такое бывает. Не думала, что такое случится со мной.

– Некоторые у нас считают, что Москву надо брать как крепость, – сказал я первое, что пришло на ум. – И не все там рады понаехавшим. У меня это произошло быстро и неожиданно, даже в мечтах я не планировал переезжать жить в столицу.

– Вот я и хотела спросить, почему вы не поехали жить в Тутуру? Или почему не остались в Иркутске?

– Но, судя по всему, и вы, Ксюша, не захотели поехать в Тутуру, – сказал я.

– Да что там делать, грязь топтать? – махнула рукой Ксения. – Выйти замуж – не напасть, как бы с мужем не пропасть. Вы ещё спросите, зачем я ушла с лётной работы и занялась ресторанным бизнесом. Стюардесса – профессия молодых, время, когда хочется полетать, посмотреть мир. Вы

знаете, у нас в родне был замечательный лётчик Убоев, его вся Бурятия знала. Может, и вы с ним встречались. В последние годы он был начальником кыренского аэропорта.

– Конечно, знал, – воскликнул я, – Логин Александрович!

– Так вот, он был моим родственником. Его все уважали. После пединститута я поработала в школе учителем. Это раньше учитель был уважаемым человеком, воспитателем! А сейчас он оказывает только услуги. И я пошла на курсы бортпроводниц. И замуж вышла за лётчика. Может, знали такого, Виталия Торонова? Но у него в полёте что-то там произошло с одним из командиров. Виталий потом рассказывал, что фактически при посадке спас самолёт и пассажиров. Ну, конечно, произошёл скандал. Он психанул, написал рапорт и ушёл.

– Чем же он сейчас занимается? – поинтересовался я.

– Бизнесом. Что-то строят и продают. У него одни развороты и повороты, а скорее, вывихи. То рвал задницу за Ельцина, то за Жириновского, а потом плюнул на всех и подался в бизнес, говорит, своя рубашка ближе к телу, зачем на кого-то горбатиться, – вздохнула Ксения. – Меня его вывихи достали. В итоге он отдельно и я отдельно. Какую-то женщину он нашёл, но я ей не завидую. Он мне заявил, чтобы иметь семью, надо быть дома, а ты порхаешь туда-сюда. Сегодня я уже по-другому смотрю на тех, кто посвятил нашей профессии свою жизнь. У некоторых девочек нет полноценной семьи, зато есть по одному беспризорному и одинокому ребёнку, без тепла, без маминого догляда. Но так не должно быть!

– Так зачем же ты пошла в стюардессы?

– Зачем? Самолёты, небо – это другой мир! Мы ещё девчонками, увидев самолёт Убоева, кричали ему вслед:

*Шуур шуур дуутай шубуун
шенги далатай дуутай
СССРэй самолёт.*

– Это чем-то напоминало другую детскую кричалку:

*Ароплан, ароплан,
Посади меня в карман!
В кармане пусто,
Выросла капуста!*

– Не раз спрашивала Сергея, ну зачем ты попёрся в эту глухомань?

– Понимаю, куда ты клонишь, – перебил её я. – Нынче в народе есть мнение: уж если ехать, то только в Москву или Питер, там же всё в шоколаде!

– Я согласна, жизнь дана человеку одна, и прожить её надо в Крыму или, на худой конец, в Москве. Мои сородичи тоже смотрят в сторону больших городов. Хотя могли бы пасти скот, заниматься тем, чем занимались их предки. Не пойму, а с чем вы к нему едете? Я понимаю, ему нужна ваша поддержка.

– Ему нужна поддержка властей, – добавил я. – Не местных, а московских. Вот он и хочет узнать, можно ли сохранить аэродром. Другой такой площадки в Тутуре поблизости нет. А люди сутки тратят, чтобы добраться до города.

– Когда это всё закончится! – каким-то обречённым голосом проговорила Ксения. – Ведь это же враньё и обман людей. Вот вы говорите, что самолёт иногда сравнивают с удавом, который заглотил и обещал выпустить. Я бы назвала всех этих людей, которые остались здесь и живут по деревням и сёлам, заложниками. Они как могут выживают, некоторые продолжают держать скот, но даже молоко или масло продать не могут. Вот их-то удав и заглотил по-настоящему и, в отличие от попавших на борт пассажиров, не обещал выпустить. Как живут, топят печки, так и подохнут в своих избах, куда-то глядя в себя, в своё прошлое, хотя ещё многое могли сделать. Сидят, пьют и молча ждут своего часа...

– Ну а тех, кто в Москве, кремируют и пепел развевают по земле. Пеплу всё равно, у него нет души. А душа человека бессмертна.

– Виталик иногда бывает у меня в ресторане и, узнав, что я общаюсь с Савиным, сказал, что убивали и не таких.

– Тебе-то, Ксения, зачем это?

– Я беспокоюсь не за себя, за Сергея! Савин им поперёк горла. Они хотят отобрать землю, лётное поле. Сколько можно на нём чего понастроить и продать! А он у них путается под ногами. Затопчут и не моргнут глазом.

– Ты что к нему, значит, едешь с разговором или, как говорят, с миссией?

Ксения опустила свои огромные глаза. И у меня мелькнула мысль, что, прежде чем убедить Сергея, она решила убедить меня.

И вновь мы ехали по той дороге, которую я хорошо знал. После окончания лётного училища, когда сдавали зачёты по самолётовождению при допуске к самостоятельной работе штурману Анатолию Фатину, я по памяти нарисовал карту района полётов с рельефом местности, где нужно было указать горные хребты, самые высокие точки гор, все речушки, начертил озеро Байкал, сёла и деревни, где располагались местные аэродромы, даже показал, с какими курсами на них выложены взлётно-посадочные полосы. И где находятся монастыри и церкви. После я сотни раз пролетал над этой нарисованной местностью. И вот впервые мне довелось поехать по земле. Некоторых деревень уже не было вообще, на месте деревни Коркино торчала одна печь, а самого дома не было, его сожгли какие-то бродяги.

Таёжная деревянная Русь, которая обеспечивала весь север, всю Якутию зерном, спиртом, мукой и мануфактурой, была уничтожена, народ спивается.

Уже подъезжая к Тутуре, мы свернули по указке навигатора к аэродрому и неожиданно застряли в какой-то канаве, и сколько ни пыталась Ксения выехать на твёрдое место, колёса всё глубже уходили в грязь. Ксения тут же набрала по телефону Савина:

– Сергей Петрович! Мы тут застряли. До вашего дома недалеко. Но мы не знаем, тут много отворотов.

– Небо видно?

– Да тут полная темень, как у медведя в берлоге.

– Выходите из машины на дорогу, через полкилометра будете у меня. Я вас встречу.

– Ты сумасшедший, – рассмеялась Ксения. – Так мы как раз к медведю в берлогу и забредём!

– Хорошо, я сейчас к вам на тракторе подъеду.

Ожидая, когда на своём тракторе подъедет Савин, я глядел в холодную осеннюю темноту, размышляя, что в своей прошлой жизни как бы поднимался всё время по ступенькам вверх, где, казалось, всегда ждали, делая остановки, а потом, погостив и поглазев по сторонам, начал спуск. А впереди не только входная, но одновременно и выходная дверь, она открывается – и ты, выходя, вновь как бы сливаешься с окружающим миром. И в пространстве, и во времени...

Из темноты глазастым чудищем, тарактя двигателем, выкатил трактор, остановился рядом, из кабины выпрыгнул Савин. Был он одет в голубую лётную с коричневым меховым воротником куртку и шерстяную вязаную шапочку, мы церемонно обнялись, и я увидел, что за те годы, что мы не виделись, он почти не изменился, те же голубые глаза и та же располагающая к себе улыбка.

– Недавно дожди прошли, эту дорогу к аэропорту я давно хочу отсыпать гравием, – начал было оправдываться он и тут же махнул рукой: – Вот в следующий раз к твоему приезду, не только отсыплю, но и положу асфальт.

Савин подвязал капроновую верёвку под «Ауди», вытащил её трактором на пригорок и, не останавливаясь, потащил машину в сторону аэропорта. Я сел к нему в кабину и с жадностью смотрел по сторонам. Места эти были для меня знакомыми, здесь после училища я совершил первую посадку вторым пилотом на Ан-2 и здесь же заключительную – уже командиром. Фары трактора выхватывали из кромешной темноты кромку аэродрома, я видел, что трава на лётном поле была выкошена, огорожена столбами, на которых была натянута колючая проволока.

– Я ведь сам из этих мест, – сказал Савин. – Когда ушёл с лётной работы, меня сюда местный глава администрации пригласил. Будешь, говорит, комендантом аэропорта. Ты же знаешь, жена моя Наталья рано умерла, осталось трое ребятишек, две девочки и сын. Некоторое время работал в автосервисе, кстати, неплохо зарабатывал. Но всё же на родину тянуло. Как говорят буряты, тепло родного края никто не заменит. Приехал, вначале в бывшей пилотской жил, потом купил эту гостиницу и оформил земельный участок. К тому времени сюда самолёты перестали летать, закончилась наша малая авиация. Ну, залетит санитарный – и всё! Мои ребята выросли, они в городе живут. А я здесь. Они иногда приезжают погостить. У них уже своя жизнь. Первое, что я сделал, поменял шифер на крыше аэровокзала. Старая уже, текла, год-другой – и всё бы сгнило.

– Тебе платят? – поинтересовался я.

– Поначалу платили, а потом, сам знаешь, даже на предприятиях перестали платить. Я сам себе плачú. У меня ещё двое парней работают. Одного из них я поймал, когда он в кладовку залез, ему железо и металлолом понадобились. Ну, я с ним провёл беседу, – Савин помахал кулаком, – и взял к себе на работу. Чем я зарабатываю? В основном ремонтирую машины. Всё, что сделано руками людей, когда-нибудь выходит из строя, ломается. Но у меня опыт, какой ни есть, был. Какие-то связи с коллегами остались. Я заказываю им детали, они мне попутным транспортом отправляют. Вон посмотри, сколько в очереди машин. Со всех деревень пригоняют. Есть старые, ещё с советских времён. Правда, с запчастями беда. Здесь в посёлке сервиса нет, а ехать в город накладно.

– Откуда у тебя трактор? – спросил я.

– Этот? Да я нашёл его брошенным в лесу. Почти всё растащили: шланги, бачки, сиделки. Хорошо ещё, что движок не сожгли. Я всё восстановил, нашёл прицеп, приладил, да ещё смастерил для него деревянную тележку. Людям дрова, цемент, песок, брёвна – всё вожу. Зимой скребком дороги пробиваю, чтоб машины прошли, снег убираю. Кое-кто просит землю вспахать. Все эти мотоблоки – ими только в носу ковыряться. А здесь залил дизельное топливо – и попёр по дороге. Просьб – отбоя нет! Ну и всякие громоздкие вещи: холодильники, диваны, комоды... По ягоды и грибы на нём ездим. Проходимость у трактора не то, что у «Ауди», везде пролезет!

– Потом отремонтировал одну машину, другую. И тут началось! Сервиса здесь нет, а тех, кто бы работал с иномарками, и подавно. Денег я принципиально не беру. Ну, привезут, кто рыбку, кто кусок сохатины, кто орех, кто что – натуральный обмен. Но не всем это оказалось по душе. Мне прямо сказали, что я занимаюсь незаконной предпринимательской деятельностью. Ну, я пошёл в администрацию, мне всё оформили честь по чести. А потом меня избрали местным депутатом. Так просто за горло меня теперь не возьмёшь. Я и сам кому угодно рот заткну! Работаю и получаю за свою работу, но уже на законном основании. Не успел домой доехать, мне звонок, мол, мы готовы предоставить крышу. Я спросил, кто это – вы?

– Доброжелатели! Да видал я в гробу этих доброжелателей! Потом строители, пожарники приехали – все ли нормы соблюдены. Ну, естественно, просьбы и поборы, мол, посмотри мою машину, привези кирпич, песок, цемент. А когда я впервые на аэродроме сделал на своём самолёте несколько полётов, то начали приезжать друзья со своими самоделками. «Посмотри, облетай, научи летать». В понедельник ко мне должен подъехать ещё один. Но и здесь начались проблемы, подмётные письма, мол, нарушаю закон. Построить самолёт можно, но летать на нём на законных основаниях практически невозможно. Одно получение пилотского свидетельства связано с огромными затратами времени и финансов. Нужен ежегодный техосмотр, оплата налога, не говоря уже о том, что своё детище надо где-то содержать и откуда-то взлетать. Здесь уже мне начали угрожать по-настоящему. Особенно не давало покоя лётное поле. Мол, использую его в личных целях. И что по закону я не имею права поднимать аппарат тяжелее воздуха от земли. А мы завтра возьмём и поднимемся. Ты готов?

– Посмотрим, – неопределённо ответил я.

– Надо же опробовать новую леталку, – улыбнулся Савин. – Дай бог нам хорошей погоды! Тут нашёлся один умник, из наших бывших. У него в областной администрации свой человек нашёлся. Ты его должен знать.

– Торонов? – спросил я.

– Точно, он! Откуда ты догадался? Неужели Ксюха сказала?

– Я с ним летал.

– Да-а-а! – удивленно протянул Савин. – Редкий, я скажу тебе, экземпляр! А вот мы и приехали! – сказал он, заехав в огороженный высоким забором из хороших досок двор. – Давайте будем разгружаться.

Ксенину «Ауди» он попросил загнать под широкий навес, где под брезентом стоял, как он сам сказал, его новый летательный аппарат.

– Хочешь взглянуть? – предложил Савин и сдёрнул брезентовый чехол.

На меня глядел серебристый, почти игрушечный самолёт, сделанный из тонких титановых листов, которые, как он сказал, привезли ему прямо с авиационного завода.

– Всё остальное, – он провёл рукой по гладкому крылу, – я кроил, клеил, сшил по чертежам сам. Двухместный. Всё есть, приборная доска, можно управлять с переднего и заднего сидения. Я хочу

предложить его для полётов на поиски лесных пожаров. Каждый год тайга горит, летают Ил-76-е. Кто посчитал, во сколько это обходится государству?! Но я точно знаю, что стоимость часа полёта на вертолёте обходится в двадцать раз дороже, чем на Ан-2.

– Красивая игрушка, – сказала Ксения, выглянув откуда-то из-за спины. Похожа на хищную летучую мышь. И ты хочешь меня на ней прокатить? Ни за что!

– Ничего! Днём увидишь и сама попросишься, – засмеялся Савин.

– В знакомой мне бывшей пилотской гостинице было тепло и сухо, топилась печь, и что-то, булочки, варилось в кастрюлях. По всему, Сергей ждал нас, на столе в огромной вазе для Ксении стоял огромный букет астр. Ксения занесла свои сухо потрескивающие пластмассовые коробки с едой.

– Да у меня всё есть, – прогудел Савин. – Это всё равно, что в Тулу ехать со своим самоваром. Всё, что здесь есть, всё из тайги, реки и моего маленького огорода. Самогонка чистенькая, тройного перегона, с кедровыми орешками.

Ксения принялась помогать накрывать Савину на стол. Через несколько минут стол был накрыт. Было тихо, и где-то под окном дал о себе знать сверчок.

– Ну что? Выпьем за встречу! Но пить без тоста – это уже пьянка. А мы здесь собрались в полном составе экипажа, чтобы провести послеполётный разбор, подвести некоторые итоги. Есть командир, второй пилот. И что особенно приятно, с нами настоящая стюардесса! Для меня это большая честь видеть вас здесь, почти на краю ойкумены. Вот я ей предлагаю переехать ко мне. Посмотри: холодильник «Атлант», туалет тёплый, электрическая плита, душ, баня, даже отдельный, персональный самолёт.

– Да уж больно далеко до работы ехать, у нас на дорогу ушло полдня.

– Буду возить на самолёте, – пошутил Савин.

– Ну, если ещё построишь здесь Большой театр, – улыбнулась Ксения.

– Большой здесь не нужен, и даже Малый, – решил Савин. – Я здесь построю церковь! И назову её в честь Ильи Пророка. Пусть попробуют сунуться, Илья их всех разгонит. Помнишь, в сорок первом героини-панфиловцы говорили: «За Москвой для нас земли нет!» А ведь за ними был Урал, наша Сибирь и Дальний Восток. Вот ты, Ксения, зовёшь меня в Москву. Но для меня там земли и неба нет. Ни взлететь, ни сесть: всё затоптано, всё застроено! Я же там через месяц сдохну!

– Но другие-то живут! И живут там, как люди!

– Пусть живут. Москва заглотила их, как огромный удав. И сюда уже всю посматривает. Где знаменитый в своё время аэродром в Тушино, Быково? Тю-тю, застроили!

– Да и наши аэродромы, вспомни, одни названия чего стоили! – я решил поддержать Савина. – О каждой песню можно сложить: Тунгуска, Тальники, Новостройка, Черемхово, Зима, Нижнеудинск, Еланцы, Усть-Орда, Балаганск. И так далее, по всей стране закрыты сотни аэродромов. Всё перепахано и застроено.

Неожиданно Ксения захлопала в ладоши:

– Уважаемые командиры, товарищи пилоты. Не будем о плохом. Я поеду в Москву и попрошу Путина, пусть он их откроет. А сейчас, Серёжа, ты мне обещал, что, когда приеду, ты споёшь мне свою новую песню.

– А это мы могём, – засмеялся Савин. – Только кочевник, степь и небо я не потяну. – Он достал из шкафа гармонь, попробовал что-то и, глядя Ксении прямо в глаза, запел:

*Из-за вас, моя черешня,
Ссорюсь я с приятелем.
До чего же климат здешний
На любовь влиятелен...*

– Нет, нет, куплеты Курочкина мы споём потом. Ты обещал спеть про бабочку!

– Про бабочку? Хорошо! Песня на слова Константина Скворцова!

*На горячем ветру,
У земли на краю
Села бабочка вдруг
На ладонь, на мою...*

*И сидит, не дыша,
Мир собой заслоня, –
Это чья-то душа
Отыскала меня.*

*Торопись, мотылёк!
Скоро дождь, скоро снег.
Этот тёплый денёк –
Твой единственный век.
Не вершится ничто
На миру просто так.
Это, видно, Господь
Посылает мне знак...*

*...Вот и падает снег
На поля, не спеша...
Пусть недолог наш век,
Но бессмертна душа...*

Полетать нам не довелось. К утру пошёл снег, тихий пушистый, точно кто-то невидимый решил укрыть уже готовую к зиме землю и начал теревить из нависших над тайгой облаков невесомый пух. Савин всё же уговорил нас сходить к нему в баню, всё у него было сделано добротнo, из осиновых досок, с полотенцами, фетровыми шляпами и шапками, махровыми халатами и даже белыми гостиничными тапочками. И конечно же, с заготовленными впрок берёзовыми вениками. Сидели, говорили, даже пытались петь и смотрели на падающий снег. Затем снова шли в парную, он от души хлестал нас вениками, и вновь пили квас из заготовленного ещё летом берёзового сока. А Ксению Савин угощал брусничным соком, и она, улыбаясь, говорила, что ещё никогда не пила такого вкусного и сладкого кваса. А на другой день ранним утром по скользкой и заснеженной дороге мы с ней тронулись в обратный путь.

Через неделю, вернувшись в Москву, из сообщений по телевизору я узнал, что в Тутуре разбился самодельный самолёт. Оба пилота погибли. Через какое-то время позвонила Ксения и со слезами в голосе сообщила, что на инструкторском месте был Савин.

Удав заглoтил, но на этот раз не выпустил его.

Поэзия

Сергей Антипов

Сергей Сергеевич Антипов – родился в 1973 году в Москве. Окончил Московский Государственный инженерно-физический институт (МИФИ) и Высшие литературные курсы имени И. А. Бунина. Автор 25 книг. Председатель Правления Московской областной организации Союза писателей России. Руководитель секции литературы и пропаганды знаний РАЕН. Действительный член Академии российской словесности и Европейской академии естественных наук, член Союза журналистов России. Президент Ассоциации мастеров поэтической миниатюры.

ГОЛОС

Услышь за пылкими речами
Негромкий голос,
Он был тогда ещё, в начале –
Где невесомость.
Играл из будущего нами
Он безмятежно,
Летал над времени волнами
Легко и нежно.
Его чарующие звуки
Ласкали звёзды,
Когда сплетались наши руки
И мир был создан.
Услышь его, моя родная, –
Настало время,
Сюда сбежали мы из рая –
Святое время.
Услышь его, он проникает
В босые души,
А значит, нам судьба такая –
Его дослушать!

ТЫ СКАЗАЛ

Ты сказал: не жалею ни о чём,
И я верю тебе, верный ангел.
Ведь теперь этот мир обречён,
Я молюсь: лишь бы Бог не оставил...
Ты сказал: скоро станет темно
В наших выжженных злобой глазницах.
Завершается это кино,
Чтобы вновь для других повториться.
Ты сказал: постарайся успеть
Разбудить до звонка хоть кого-то,
Вечный сон – это вечная смерть,
Где река превратится в болото...

Ты сказал... Очень много сказал
Полусонному мне, и я слушал.
И теперь я ищу лишь глаза,
Где остались неспящие души.

АКВАРИУМ

Прохутился с утра небосвод,
Мир-аквариум как-то размяк,
Суетится промокший народ,
Словно рыб сумасшедший косяк!
У меня есть аквариум свой –
По-хозяйски в нём рыбка живёт
И не ведает жизни иной:
Есть кормёжка – и нет ей забот!
Тихо сверху смотрю на неё:
Двести литров – вот весь её мир,
За стеклом и житьё и бытьё,
А кормящий – чуть зримый кумир...
Только если не станет меня,
То и рыбка однажды умрёт
С голодухи, судьбину кляня,
Ударяясь в стекло-небосвод.
Я кормлю тех, кого приручил,
Создаю им уют и покой,
И желаю терпенья и сил
Тем, кто так же стоят надо мной...

ПУСТОТА

Суета... А вокруг пустота.
Несвятая моя простота.
Маловерия грешный оскал
И финал, неизбежный финал.
Невнимание, злоба и боль
И чужая фатальная роль.

По итогу – седые мечты,
И не мне улыбаешься ты...
Доживу, допишу, долюблю,
Разорву ту тугую петлю,
Что накинуд чужой кукловод,
Заперев от меня небосвод.
Разорву, чтоб однажды взлететь,
Обгоняя крылатую смерть,
И увижу сквозь мрак пустоты,
Как мне вновь улыбаешься ты!

К МАМЕ

Ты не здесь, но ты рядом
И навеки со мной,
Мира горнего взглядом
Мир пронзаешь земной...
Я вернусь на могилу
На вечерней заре,
Тут последний твой милый
След на этой земле...
В тихом царстве покоя
Помолюсь у креста,
Здесь и Небо другое,
И до Бога – верста...
Ты дождишь меня, мама:
Мы отмолим беду,
Нужно сделать немало –
Лишь исполнив, приду...

ДУШЕЛОВ

Голодным рокотом моторов
Рычит бетонный Душелов, –
Как древний демон, жадный город
Всё новых жертв пожрать готов.
В пустых неоновых глазницах
Холодный inferнальный свет:
Здесь можно запросто забыться
На час, на день или навек...
Здесь сеть домов, антенн, а выше
Раскинул сети Душелов:
Он ни за что не даст услышать
От Неба самых главных Слов.
В его ловушке даже время
Замкнулось в жуткую петлю,
Где ты давно уже «не с теми»,
Где вряд ли ждуд твоё «люблю»...

ЩЁЛК

Щёлк – мелькают числа –
Режут пустоту,
Утопаю в мыслях –
Расту...
Щёлк – и крепкий кофе
Снова жжёт язык,
Буквы, слоги, строфы –
Привык...
Щёлк – машины, люди,
Щёлк – в толпе твой взгляд,
Кто тебя разбудит?
Не я...
Щёлк – погаснут звёзды:
Кто-то дёрнет шнур,
Выстрелит в нас поздно
Амур...
Щёлк – и снова включают,
Но уже без нас,
Мой счастливый случай –
Сейчас!

ПУТЬ ФЕНИКСА

Чтоб возродиться, нужно умереть
Для всех, с кем не расправишь больше крылья,
Однажды разорвав тугую сеть
Убогого всеильного бессилья.
Чтоб возродиться, нужно умереть,
Восстать из пепла Фениксом, а впрочем,
Самим собой! Любить, творить и петь,
Петь о любви, молиться дни и ночи...
Летать, презрев враждебную картечь,
Найти свой Путь и высшую защиту,
Приняв, что мы теперь со смертью квиты,
Чтоб возродиться, нужно умереть!

ПОСЛАНИЕ

Я когда-нибудь буду скучать
По тебе и по этому миру,
Бросив золото, ладан и смиру,
Распечатав восьмую печать.
Здесь наступит беззвёздная ночь
И на время задержится солнце,
Большинство тут уже не проснётся,
Большинству тут уже не помочь.
Но ты жди – мы вернёмся к утру,
И Земля станет новой, и Небо:
За тебя три частички из Хлеба
Где-то вынули – ждуд на пиру.

А пока ощути благодать
Дуновенья весеннего ветра,
И Любви, что, поверь мне, бессмертна,
Чтобы заново мир воссоздать!

СНЕГОКАТ

Пробежался ноябрьский снег
По дорожкам замёрзшего парка,
Увидал я тут двух человек:
Снегокат с малышом, сзади – папа.

Дерзко рулит весёлый бутуз:
То налево, то резко направо,
И давно бы случился конфуз –
Остановка, кульбит и канава!

Но, на счастье, в отцовских руках
Снегоката железная ручка,
Как корабль на всех парусах,
Мчат они – папа знает, где лучше!

Рад малыш, будто правит он сам,
И отец рад игре этой тоже,
Снег летит из-под ног к небесам –
Там давно так играют, похоже...

ИЛЛЮЗИЯ ЖИЗНИ

Иллюзия жизни, иллюзия смерти,
В пустом телевизоре бесятся черти.
Там медные трубы и зрелища с хлебом,
А мёртвые губы целуются с небом.

Им вышло до срока глотать чью-то землю,
Душа одинока, лишь ангелы внемлют,
Лишь ангелы знают границы иллюзий:
Билетик от рая, подаренный людям...

Но щерит компостер свинцовые зубы,
И шепчут апостолу мёртвые губы:
Простите, поверьте, и дальний и ближний...
Иллюзия смерти, иллюзия жизни.

ЛЬВУ КОТЮКОВУ

Ушёл Поэт, ушла эпоха,
До точки сжался календарь,
На сердце плохо, очень плохо,
Лишь за окном седая хмарь.
Ушёл Поэт, бунтарь и гений,
И осень всхлипнула дождём,
Прорвался свет, метнулись тени.
Уйдём. Мы все туда уйдём...
Ушёл Поэт, туда, где лучше,
Как лев, по-царски, напрямик.
И шлёт вослед молитвы лучик
Его скорбящий ученик.

ИНОЙ ПЬЕДЕСТАЛ

Опять на губах этот приторный вкус –
От страха несказанных слов,
Быть может, когда-то и я домолчусь
До грома разящих стихов?
Таких, что сшибают, ломают и жгут
Картонные домики лжи,
Где царствует злобный пугающий спрут –
Попробуй хоть слово скажи!
Быть может, когда уже всё потерял,
Не страшно идти за черту?
Где Правда возводит иной пьедестал –
Сквозь слёзы и горечь во рту...

ВСЁ ВО БЛАГО

Не грусти, ангел мой: всё во благо!
Эта формула очень проста –
Может с нею любой бедолага,
Если верит, прожить лет до ста!
И не просто прожить как попало,
А достойно свой выбор верша,
Всё во благо: ни много ни мало –
Так возрастает живая душа!
Знаю, трудно, но выстоять надо,
Сам могу между делом взгрустнуть,
Но лишь только скажу: всё во благо, –
Возвращаюсь на избранный путь!

Поэзия

Сергей Берсенеv

Сергей Витальевич Берсенеv – член Союза писателей России, Экспертного совета и Координационного совета ВСД «Русский Лад», член Правления Московского городского Регионального отделения «Русский Лад» (заместитель председателя Правления по культуре и социальным вопросам), заместитель председателя Правления Московской областной организации Союза писателей России по общим и социальным вопросам, развитию художественно-патриотических литературных проектов и контактам с государственными и общественными организациями, заслуженный поэт Московии (Московская областная организация Союза писателей России), действительный член Академии народного искусства России, почётный член Интернациональной академии современной культуры. Автор текстов песен для Иосифа Кобзона, Надежды Кадышевой,

Людмилы Рюминой, Игоря Иванова, Эмина Бабаева, Феликса Царикати, Галины Улётовой, Ксении Георгиади, Игоря Наджиева, Елены Кузминой, Светланы Русской, Валерия Евдокимова, Александра Зацепина, Екатерины Лесовой, Лейлы Зубаревой и других исполнителей...

ПРЯМЫЕ ДОРОГИ

Если ходишь без веры по кругу!

Василий Романенков

Эх, дороги, прямые дороги...
Сновиденье, кошмар подлеца...
Где бы взять человеку здоровья –
от порога дойти до конца?

Эх, дороги... Чудес и открытий,
неназойливых истин простых...
Позовите меня, позовите –
долгожданный покой обрести!

От разрушенной церкви до Храма,
Возводил, что годами в душе,
я отправлюсь залечивать раны,
забывать городские клише.

Рано утром, по Божьему следу, –
там блага раздают не на вес...
Отдавать предпочтенье рассвету –
значит, в почести быть у небес...

От проспекта из яви – к деревне,
не поруган, где пошлостью сказ,
где поют соловьи, а деревья,
будто близких, приветствуют нас.

Будет худо порой, будет туго,
будут звать искушенья назад...
Путь безверия только – по кругу...
До седьмого, и... – в падшие взят...

УСТАМИ СТРАННОГО ПОЭТА...

Устами странного поэта
зовёт в страну фантазий лето,
где солнца луч не скрыт за тенью
и нет на полосы деленья,
где друг ещё не стал Иудой,
никто не спросит: «Ты – Откуда?
Каким бравируешь акцентом?»
Где к правде – путь, а не на сцену...

Устами странного поэта
планида не наложит вето
на бригантины белый парус,
в любовь поверившую пару...
В единый строй не встанут пазлы
сумбурных будней и опасных...
Да он и слов таких не знает –
воздушным замком новым занят...

Устами странного поэта
немало глупостей воспето –
без оговорок верить людям,
ценить изысканность прелюдий,

рыдать над порванной струною...
Таких обходят стороною...
Бредёт строкой, основ не рушит...
А в параллельном мире – ружья...

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Пока тебя не обесточат,
пока не вырвут провода,
будь честным до последней точки,
и если – «да», то это – «да»!

Вползёт однажды червь сомнения,
но перед выбором пути
ещё прочнее станут звенья
той электрической цепи.

Не навредишь поганым словом,
что для хулы, из нечистот,
что ложью взято за основу,
где лист чернеет за листом...

Ни добродушному соседу,
ни горемыке-чужаку...
Неторопливая беседа
без подозрительных лакун ...

Ты жив и страхам не подвластен,
не впал в тоску под гнётом лет...
Уйдут все беды восвояси,
от смельчака услышав: «Нет!»

СЕДИНА

Отсекается непотребное
На распустьях седых дорог...

Нина Попова

Моё распустье пройдено давно...
Там выветрилось платой непомерной,
что было при рождении дано,
что стало кладом для поэта первым,
что бережно хранил я до поры
в мешке заплечном вечного скитальца...
И вёл вперёд не разум, а порыв,
и жизнь казалась битвой, а не танцем...
Всё отдано за ясность, за стезю
с уверенным, необратимым шагом, –
уныние, случайную слезу
совсем не жаль оставить в прошлом шатком!
И я седой, и путь мой тоже сед,
но знает правду каждый редкий волос:
в душе над тьмою верховодит свет
и над молчаньем не смолкает голос!

СИНИЙ ЦВЕТ

Будто кто весёлой акварелью
разбросал по небу васильки...
Синий цвет давно мне душу греет –
оттого поют всегда стихи!

Очернить мой мир – одна морока:
здесь в ладу с соседями живут...
Никогда улыбку скомороха
не подменит маской Голливуд.

Здесь найдёт приют от бед уставший
незнакомый, добрый человек...
Пусть намного младше или старше...
Главное – умом не из калек!

Чтобы диалог наш был на равных,
не переходя в жестокий спор,
чтоб слова не наносили раны,
как судьбой наточенный топор...

Все кострища бранные потушим,
будучи по вере мы в родстве...
Синий цвет давно мне греет душу,
не даёт ей загодя черстветь...

КОНЧИЛОСЬ ДЕТСТВО...

Кончилось детство... Пора бы и – в люди...
Больше песочницы в жизни не будет...
Рухнули замки, что строил мечтатель, –
там его зодчество не замечали...

Формы, куличики, слёзы, обиды –
всё, словно дома окошки, забито...
Без возвращенья к порогу – крест-накрест;
был бы уместен здесь жёсткий анапест!

Вместо биенья бунтарского акта
слышится: «Тá-та-та, тá-та-та, тá-та...»
Сам... Иль пришло озарение свыше:
«Шёпот быстрее, чем возглас, услышат...»

Голосу стадному, пафосной мощи
самое место в квадратах песочниц...
Как чужестранцы, отринуты, немые,
жмутся в сторонке сомненья дилеммы...

Кончилось детство... Предчувствие: в дате –
светом добра несмолкающий дактиль...
Стоит проснуться, и вновь до заката
слышится: «Тá-та-та, тá-та-та, тá-та...»

МЫ ВСТРЕЧАЕМСЯ С ДРУГОМ РЕДКО...

*Всем, кто мне близок
и кому я дорог...*

Мы встречаемся с другом редко:
есть у нас поважней дела,
но пойду с ним всегда в разведку –
подождут хлеб и соль стола.

Он – кочевник, а я – гуляка...
Он – в работу, а я – в стихи...
И нет времени, чтобы плакать,
и полно его для стихий!

А коль чокнутся рюмки в тосте
да сплетёт друг словес узор,
я в ответ пожелаю просто:
«Пусть не будет меж нами ссор!

Не возводятся баррикады
пусть на фоне гражданских войн...
В чёрный день ты мне станешь кладом,
я в пути – подорожник твой...»

Выпьем водки коварной столько
в этот Господом данный час –
будто пьяные, лягут строки,
в прямодушии горячась...

УТРО НАЧИНАЕТСЯ С ПОБЕДЫ...

Утро начинается с победы...
Не в игре картёжной – над собой!
У людей вопросы есть к поэту –
честно ли поэтом вёлся бой?

Крепок духом в мире искушений?
Схоже ли с наружностью нутро?
В будущем не вижу я крушений,
хоть и жизнь – как линия метро:

не успев привыкнуть к свету станций,
вновь ныряешь в сумрачный тоннель...
Суждено – встречаться, расставаться...
Не было б пустых лишь только дней...

Будто на плите гранитной, высек
то, с чем жить до вечности душе:
«Рядом Бог!», но от тебя зависит –
на каком гнездиться этаже!

РАЗГОВОР С ЁЖИКОМ

Ничего не случилось похожего
никогда от рожденья со мной:
я вчера разговаривал с ёжиком
о загадочной жизни земной.

Раскалённые сумерки августа
опустились на сказочный двор.
А мы с ним, как в селениях, запросто
познакомились, выйдя из нор.

Он, степного стального характера,
на беседы банальные скуп.
Не знаток «сарафанного» радио...
Познавал через рифму Москву.

За общение долгое ратовал,
да и мной был обет ему дан,
но билет на дорогу обратную,
уже вещи бросал в чемодан.

Если б слышал кто наши желания
там, где пишется точный маршрут...
Подождут пусть высотные здания,
монотонные дни подождут.

Здесь всего-то два месяца прожито...
Отчего-то стал близок мне зной.
Я вчера разговаривал с ёжиком
о загадочной жизни земной.

НЕБОЛЬШОЙ ГОРОДОК

Небольшой городок, затерявшийся в центре России...
Его имя известно – вам скажет любой проводник.
Он стоит и стоит, чем бы годы ему ни грозили...
Не упал на колени, седой головой не поник.

Небольшой городок, где окраина – та же деревня...
Человек человеку то – друг, то – жестокий рентген.
И гуляет молва, у которой в попутчиках – ревность,
и от зависти чёрной святое не спрятать в реке.

Небольшой городок... Скорый поезд в гостях –
две минуты...
Ну, откуда прольётся на крыши божественный свет?
Говорят, что в таком и рождаются бунты и смуты...
Здесь непризнанный гений однажды оставит свой след.

Небольшой городок... Сколько их по стране – лилипутов!
Вековые легенды... История – в каждой главе...
Но вторгается ночь, будто жадные щупальца спрута...
Это входит во вкус белокаменный град-Гулливвер.

Поэзия

Яков Шафран

Яков Наумович Шафран – автор восьми книг прозы и поэзии. Печатается в журналах: «Берега», «Подъём», «Сура», «Александръ», «Голос эпохи», «Новая Немига литературная», «Северо-Муйские огни», «Дальний Восток», «Сибирь», «Перископ», «Метаморфозы», «Автограф», «Клаузура», «Литерра», «Литкультпривет!», «Великороссь» и др.; в альманахах: «Невский альманах», «Рукопись», «Московский Парнас», «Иртышъ-Омь», «Тарские ворота», «Врата Сибири», «Параллели», «Крылья», «На крыльях Пегаса», «Отчизне посвятим», «Донская сотня» и др.; на сайтах журналов: «Невечерний свет», «Родная Кубань»; газетах: «День литературы» и «Российский писатель». Лауреат все-

российских литературных премий им. Н. С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г. Д. Гребеницкова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Ответственный редактор-секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег». Член Академии российской литературы, Российского союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Живёт в Туле.

РОДИЛСЯ Я С РУССКОЙ ДУШОЙ

* * *

Мне казалось, что поздний сентябрь – это осень,
И что лету простились уж нынче грехи.
Но такая теплынь и такая звенящая просинь,
Что в окно моё сами влетают стихи
О стране, о себе и о тонкой берёзке,
На балконе воркующем мне сизаре
И о дали безбрежной, печально-неброской,
О грядущей вечерней багряной заре.
Шоколадные капли повсюду каштанов,
Красит жёлтым листву, как виски сединой.
По берёзовой роще пройдуся я, нежданно
Приземлённый опавшей шуршащей листвой.
Но как в юности душу волнуют, тревожат
У реки на железной дороге гудки.
И не кажется – жизненный век уже прожит,
Грузу лет, седине и судьбе вопреки.
И в ответ три белёдые птицы проплыли
Высоко в синеве, маша мерно крылом.
И в навеянном ими чувств и мыслей наплыве
Ощутил я объявшее душу тепло.

* * *

Торопясь, как обычно, по делу,
Часто вижу старушку одну.
Та глядит так тоскливо, несмело –
Одинокая, знать, по всему.

В перештопанной старой одежде,
И в морщинах глубоких лицо.
Совершенно не видно надежды
В затуманенном взоре её.
И частенько берёт в магазине
Только хлеб и пакет молока.
И гнетёт её долу кручина –
Видно, пенсия не велика.
А однажды её у помойки
Повстречал – там пыталась искать...
Стало вдруг мне и стыдно и горько,
Будто встретил родную я мать!

* * *

Ты – наше спасение, русское слово,
Для тех, кто по духу рождён,
Ты – щит, ты – оружие снова и снова
Для тех, кто тобой осенён.
Ты – наше спасенье среди пустословья,
Как берег желанный средь волн.
И сердце моё по-сыновьи, с любовью
Проносит тебя средь времён.
Предостерегаешь ты нас не напрасно
От грёз, словоблудья, от зла.
Нейтральности нет, как ты живо и красно
Порою разишь как стрела.

Как режиссер для крови, ты – значимый фактор
Для жизни души, мой язык.
Ты – сила великая, действенный актер¹,
Ты – наш боевой броневик!

* * *

Просыпаясь в ночи, далеко от рассвета,
Холодею в поту, – не сошёл ли с ума?
Иль двоится в глазах, иль привиделось это?
Или я не совсем отошёл ото сна?
Предо мною две женщины, внешне похожи,
И толкуют, мол, я – твоя мать.
И одна посвободней, другая построже.
Только каждая просит одной ей внимать.
Я смотрю на одну, ясно видя за нею
Толпы хищных хапуг и барыг,
Что на горе людском день за днём богатеют,
Наполняя гордыни гнойник.
За другою ряды, и в руках их портреты,
Кто навечно в бессмертном полку.
Их сердца добротою, любовью согреты,
Наполняя терпенья реку.
Я спросил: «Как вас звать?» – и одну и другую.
Отвечают: «Россией зовут».
Только вижу меж ними я пропасть большую,
И у каждой особый маршрут.
Тянут сердце моё: эта вверх, эта вниз.
И спросил я в ночной тишине:
«На каком перепутье, когда разошлись
И погрязли в гражданской войне?»
И набросилась злая на добрую с бранью.
Та стояла в смиренье пред ней,
И светилось во взгляде её состраданье,
Только губы сжимались сильней.
Потянулась душа моя к доброй и светлой
И погнала нечистую прочь.
За окном заалела полоска рассвета,
И закончилась мутная ночь.

* * *

Отчизна, люблю Тебя Матерью звать,
Люблю, хоть не русским рождён.
Люблю за Тебя каждый день воевать
Среди беспокойных времён.
Люблю и тогда, когда нет уже сил, –
Вокруг все пророчат беду.
Когда уже парус поник без ветрил,
Но сильный позыв к труду.
Люблю, когда правды дорогу ищу,

Чтоб лучше Тебе помогать.
Беру и несу то, что мне по плечу
В походе на тёмную рать.
Люблю, когда память моя жива
О наших бессмертных полках.
Люблю и когда не найти слова
О бедных твоих стариках.
Люблю и за детства в душе теплоту,
И в сердце родной очаг,
За всю красоту и Твою простоту,
За то, что не любит враг.
Люблю, даже если когда-то погиб
И кто-то родной без вины –
На всё ведь способны лихие враги
Для бури гражданской войны.
Люблю, когда возгласы днём ребятни,
Что щебету птиц сродни.
Люблю, когда вечером шелест страниц
Потрёпанных временем книг.
Люблю, когда бега свободный полёт
По роще иль парку с утра,
И радость на сердце в дорогу зовёт,
Пусть и не попутны ветра.
Отчизна, как можно словами сказать,
Как сильно Тебя люблю?
Родная, любимая Родина-Мать,
Для счастья Тебе всё стерплю!

* * *

Так устроена жизнь, и – не диво – не нами:
В ней так много путей, и полна именами.
Но поэту одна на Руси дорога –
Это слово от Бога и крест от порога.
Нескончаемый суд – обвинения, речи,
Крайне редкие друга суждения, встречи.
Часто вечный дуэт вроде «Моцарт – Сальери»,
Пистолеты, дуэль, секунданты, барьеры...
Пить в запой не с руки, это в Бога не верить.
А Отчизну забыть – есть ли горше потери?..
Тают искры в ночи, но костёр не погаснет –
Пусть какой-то душе станет жизнь чуть
прекрасней.

* * *

Жёлтая осень: и жёлтое небо,
Жёлтая верба и в жёлтом земля,
Брезжится в воздухе жёлтая небыль,
Мечется ветер, листвою шевеля.
Мечется, просит он жёлтые листья:
«Время уж, время вам долу упасть!»

¹ Актер – действующий субъект.

Хочет и жизнь на нас жёлтою кистью
Хоть на мгновенье поставить печать.
Жёлтые пальцы от вечного курева
В жёлтых одеждах дорожных трудяг.
Капли дождя с неба изжелта хмурого
На жёлтые лица бездомных бродяг.
Жёлтое око луны над окопами,
Жёлтые линии – пули в ночи.
Душеньки русские смертными тропами
К жёлтому Свету летят за флажки.

* * *

Свершилась работа. Душой отключусь.
К окну подойду, на огни взираю.
А рядом зажгу и поставлю свечу.
Пойму, что ещё не у края.
И хоть за огнями не видно ни зги –
За окнами радостно или печально?
А светят они – то теплы, то строги,
И мало какие нейтрально.
И тянет душа серебряную нить
От звёздного света испить.
И полнит её их немеркнувший свет.
И важный приходит ответ.

* * *

На детской площадке играют в войну
И слышен игрушечный залп.
«Тебя я убил, ну а ты же в плену!» –
«Боец» на весь двор прокричал.
Стою у окна и на двор я гляжу
На игры соседских детей.
А в доме из радио слышится жуть
Из смеси невзгод и смертей.
О том, как нацисты российских бойцов
Калечат в тяжёлом плену,
Как гонят на мины их, будто живцов,
Жалея тем укроказну,
Как «ватников» деток на органы сдав,
Насилуют жён, дочерей.
И сердце взывает: «Доколе, когда
У наших российских дверей
Исчезнет нацистская тёмная рать
Безбожных злодеев, убийц?!

И дети на играх за Родину-Мать
Врага пусть научатся бить!»

* * *

Как спешим мы порою жить.
Срок приходит замедлить время
И облечь бы прошлого бремя,
Но короче всё времени нить.
Как спешим мы порою жить.
Где-то горды и лукавы,
Где-то слишком желаем славы –
Попадаем в объятья лжи.
Как спешим мы порою жить.
Нам во многом бы сомневаться
И с собой глаз на глаз оставаться,
Но заманчивы так миражи.
Как спешим мы порою жить.
Нам бы в юности выбрать тропку,
Вынося всё иное за скобку,
Но пьянят нас подчас виражи.
Как спешим мы порою жить.
Неторопко бы дом построить,
Больше думать и меньше спорить,
Но влекут перемен витражи.

Избежать сколько можно бы зла,
Если б правильно жили сначала,
Если б молодость наша всё знала,
То и старость иною была.

* * *

Как много баталий и схваток
По поводу пятой графы.
Она и трагедий зачаток,
И пища для гневной строфы.
А вот её вовсе не стало,
Но имя – дамокловый меч...
К берёзке прижавшись устало,
Услышу вдруг русскую речь.
И ей я отвечу по-русски,
Родимым моим языком.
И мир сразу станет не узким,
А многое – лишь пустяком.
И дальше по жизни упорно
Пойду я земле не чужой.
Я – русский еврейского корня,
Родился я с русской душой!

август – сентябрь 2023 г.

Поэзия

Анатолий Андреев

Анатолий Андреев – родился в 1958 году в городе Североуральске Свердловской области. Литературовед, культуролог. Член Союза писателей России, Союза писателей Беларуси. Доктор филологических наук, профессор. Автор 310 научных публикаций, в том числе учебника «Теория литературы», монографий «Персоноцентризм в классической русской литературе XIX в.», «Философия литературы. А. С. Пушкин», «Основы теории литературно-художественного творчества», «Психика и сознание: два языка культуры», научно-популярной книги «Зачем нужны умные люди?» и др. Автор 14 опубликованных романов («Лёгкий мужской роман», «Маргинал», «Для кого восходит Солнце?», «Халатов и Лилька», «Срединная территория», «Игра в игру», «Всего лишь зеркало...», «Отчуждение», «Авто, био, граф и Я» и др.), книги рассказов «За буйки», книги повестей «Вселенная не место для печали»,

книги стихов «Сквозь Млечный Путь – железная дорога», сборника пьес «Главные слова для любимой женщины».

Живёт в Москве. В настоящее время профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ).

* * *

* * *

Грешным творцам не грешно говорить о спасенье?
Жизнь Микеланджело разве не есть аргумент?
В пятницу грех, в воскресенье – о воскресении:
Грех позабыт – зато бронзой звенит постамент.

Громче, гитара! Пройдусь я по струнам,
Глухо пристукну косым каблуком.
Был голосистым, нескладным и юным.
Стал бестолковым, пустым стариком.

Гения славе к лицу озорные делишки,
Смутные, словно на фресках игра витражей.
Гении ходят в морали коротких штанишках,
Скрещивая беспощадно ужей и ежей.

От понедельника до воскресенья:
Выдал свершенье – к смерти шажок.
Долог был путь: за прозреньем прозренье,
И в завершенье – терновый венок.

Сколь безупречны Давидовы линии в камне!
Будто небесным резцом первозданный Адам
Тронул сработанный мрамор Каррары. Амен.
А ведь деянья Давида – с грехом пополам...

Был я свидетелем всех изобилий.
За магистралью – крутой поворот.
Да, я любил, меня также любили.
Вечность? Неделю? Мгновение? Год?

Дар Буонаротти с пороком Давида скрестились.
Мастера грех превращается в радостный гимн.
На душу грех принимаем: «Титана простили!»
Грустно. В потёмках души ни просвета, ни зги.

Глупо звучит: подведение итогов.
Время – песком, что уж тут подводить...
Тратить остаток на ахи и вздохи –
Струны предать. Только сырость плодить.

«Ave, пророк! Не впадаю ли я в грех гордыни?»
Каменное, вековое безмолвье в ответ.
Чудится мне запах серы Давидовых линий.
До немоты совершённых. Как Новый Завет.

Что же в конце? Обнимаю гитару.
Твёрдо стою на аршине земли.
Чисто пою. Со свиданьем, старость.
С тем и примите. Адьо. Ай-люли.

ПЕСЧИНКА

Я – песчинка. Вокруг океан песков.
Где мой шанс? Кто я? И откуда?
Смысл – оскомина. Гнуснейшая из оскомин.
Молча жмусь под копытом верблюда.

Что изменит в моей судьбе самум?
Север, юг... Велика ль перемена?
Со смешком проклиная судьбу саму.
Что терять песчинке до седьмого колена?

Терять нечего – значит, как пыль, свободен?
Утретесь диалектикой, коллеги по аду.
Мне плохо! Я ни на что не годен!
Я почти ноль!
Но!
Жалеть – не надо.

Однажды я видел идол из камня.
Поклонялись ему сильные мира сего.
Камень состоял из песчинок. Amen.
Больше я не скажу ничего.

Нет, ещё кое-что. Извините, песчинки.
Диалектика сильнее любых валунов.
Разобьют ведь в пыль челом картинки,
Возвратив нас опять в океан песков.

Диалектика рождает не надежду – смех,
А это больше, чем смели надеяться.
Песчинку научили смеяться за всех.
Ей завидуют сильные. Им некуда деться.

ХРАМ НА КРОВИ

Все храмы, конечно, смиренно стоят на крови.
Отчаянье – плод ядовитый любви безгрешной.
Попробуй-ка меру ты эту в миру уловить:
Скорбей наших тайна упрятана в образ
потешный.

Ты всё понимаешь: ты сильным был, смелым
и правым.
Ты видел, на ком эти шапки соболя горят.
Сегодня они управляют священной державой,
Ты делаешь то, что сквозь зубы они велят.

Ты был исполином – им всем у тебя поучиться,
Все звёзды, сплетаясь, покорно ложились в узор.
Ушёл в непролазную чашу, как волк за волчицей,
Оставив надежду, но не приняв позор.

И всё же скажи – отчего в жизни так нелепо?
Ты взмыл высоко – чтоб заветный узор подарить
Всеми свету. Охотнички сразу закрыли небо.
В столице соломки охотников нет подстелить.

Упал. Всё отмоют. И место под храм готово.
Прозрачнее стала неблизких небес синева.
А завтра – на смех, и на грех – взлетел кто-то
снова,
Под звон колокольный поплыла всесильно молва.

И рваные шапки долой, робки очи – долу.
Остались соболя – пылают огнём без стыда.
Красна на миру дева-смерть, а вольному – воля,
А спасённому – рай, а холопу – болото. Всегда.

* * *

Зачем же мятежному бури? Покой по плечу
Не каждому. Это расплата: мечи – на орала.
Мятежный готов променять на люстру свечу:
Всегда ведь герою света и стали мало.

А счастье не любит ни лязга, ни бурь, ни войны.
Распустится медленно жарким цветочком алым,
Расплавит байдану, укrywшую душу, на ны
Направит свой свет из конца тоннеля усталый.

Мятежный – за меч, отважный – орало в пашню.
Не решка-орёл – а воля вершит Божий суд.
Мятежный – по вере – воюет за день вчерашний,
Счастливый – за тот, что труды его принесут.

Мятежным в кровавых мечтах покой не снится.
Без страха – *на вы!* Берегись, моя грешна душа!..
Не лихом, а мирным крестом поминайте.

Возница

Везёт на щите мой поломанный меч не спеша.

Но если б воскрес, никогда б не искал я ножны;
От люстры б сверкал в зеркалах закалённый
клинок.

Врагов одолеть – это, пожалуй, можно;
Себя победить – я бы, пожалуй, не смог.

* * *

Я устал быть пророком – что толку предвидеть
затмения?

И пока никого я от гибели верной не спас.
Ошибаются карты, империи и поколения,
Принимая за истину веру, звезду и компас.

Лечит врач безнадежно больного, надеясь на Бога.
«С Богом...» – шепчет, приказ отдавая, лихой генерал.
Вот стою я один, предо мною двоится дорога:
Коль налево – то в бездну, направо – под пенистый вал.

Быть пророком легко – двум смертям не бывать. Это ясно.
Правлю прямо – дороги ехидно разъехались врозь.
«Жизнь прекрасна», – шепчу я, на что-то надеясь напрасно,
В сотый раз перепутав безбожно «аминь» и «авось».

* * *

Мой любимый размер – это гибкость, порыв и подвижность,
Непредательство, нежность, нетленность и волшебство.
Я иду к своей цели, хотя я её и не вижу,
Я молюсь ежедневно, хотя не увижу Его.

Так живу. А ботинок размер у меня сорок третий.
Я достаточно крепко стою на покато́й земле.
Отчего же мне больно смотреть, как печалятся дети,
Как грустит синева, отдавая всю нежность мгле?

В мире тайн больше нет – и законы известны, и смыслы.
А + В будет С, ну, а зло будет меньше добра;
Но не жарко чертям, и по радуге – дым коромыслом –
Забирается чёрт в не червивый, нетронутый рай.

Всё умом не понять, а душой не объять, не промерить,
Разрываюсь на две половинки: одна – плоть и кровь,
А другая – в неё мне приходится нехотя верить –
Источает, как вечность звезду, неземную любовь.

Чтобы так сотворить человека – ведь нужно коварство.
Это месть, и подали её как холодное блюдо.
Кто, кого и куда приглашает на вечное царство?
И кому так мешают – до злости – несчастные люди?

Не в обиду: надену-ка я башмаки по размеру
И отправлюсь искать то, что кто-то забыл доложить, –
Сквозь туманы, по звёздам, пескам, не теряя веры,
Что воздастся тому, кто пытается жить не во лжи.

Вот зачем мне нужны после сумрачной ночи рассветы,
Вот зачем жду я лета – мне холод, как жалкая месть.
Я люблю эту жизнь ни за что – ни за то, ни за это,
Разве только за то, что она – по ошибке – но есть.

Поэзия

Дмитрий Филиппенко

Дмитрий Александрович Филиппенко – родился 7 декабря 1983 года в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Окончил Сибирский государственный индустриальный университет. Работает горным мастером на шахте. Публиковался в журналах: «Огни Кузбасса», «Наш современник» (Москва), «Юность» (Москва), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Берега» (Калининград), «Плавающий мост», «Нева» (Санкт-Петербург), «Алтай» (Барнаул), «Енисей» (Красноярск), «Бельские просторы» (Уфа), «Сура» (Пенза), в «Литературной газете» и других изданиях. Главный редактор литературных альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень». Организатор Всероссийского литературного фестиваля им. Алексея Бельмасова. Автор шести книг стихотворений. Лауреат межрегиональной премии им. В. А. Макарова (Омск), ежегодной премии «Слово» (Москва). Член Союза писателей России. Живёт в Ленинске-Кузнецком.

В ПАРКЕ

Поэзия плыла во все квартиры,
И в парке расплескалась глухомань,
Гуляли пятистопные Шекспировы
И ямбами рубили графомань.

Плелись и растворялись силуэты,
Верлибрами стуча по мостовой.
И непонятно, кто из них поэты
Под масками и кто из них живой.

И так всю ночь без права передышки
Поэзия качается – идёт...
Под утро выйдет престарелый Мышкин
И разберётся, кто здесь идиот.

* * *

Идти по снегу – значит, верить в снег,
Тащить рюкзак с ненужными вещами,
И убегать оттуда, где прощали,
И всем назло топтаться по весне.

Идти по свету, наступая в свет,
Не утонуть, слегка поджарить кеды,
И в рюкзаке ракетки и ракеты,
По-прежнему вещей хороших нет.

Идти по краю – значит, верить в край,
Не строить из себя большого труса,
И выбросить из рюкзака весь мусор,
Свободным и пустым пришлёпать в рай.

* * *

Улица Тихая – тихая улица,
Где облепила цветёт.
Дом ювелира гниёт и сутулится,
В доме никто не живёт.

Жители спали, соседи не видели,
Как убивали семью.
Шторы задёрнуты, холод в обители.
На подсудимых скамью

Прошлой весной никого не отправили,
Всем наплевать на беду.
Есть три могилы – отсутствует памятник,
Но облепила в цвету.

В МАРШРУТКЕ

В маршрутке едут божьи дудки,
Держа в заложниках час пик.
Ползут таксисты на попутках
На вызов к дамам средних пик.

На остановках незабудки
Цветут и ждут двойной экспресс,
Срываются они в маршрутки
И лепестками на проезд

Швыряют и впадают в сутки.
И я меж цветиков усну.
В маршрутке едут божьи дудки,
Глотая пыль и тишину.

* * *

В старом небе новый пепел
Падает на школьный двор.
Снеговик солдата лепит,
Устремляя к солнцу взор.

Он успеет, он поставит
Памятник своей зиме.
Русский воин не растает,
Не погибнет на земле...

...Школьник спит, письмо в конверте,
Строчки бабушке своей:
Русский снеговик бессмертен,
Вместе с Родиной моей!

МУСОР

Когда сжигаю мусор, на снегу
Нет признаков весны. Трещат пустоты,
Огонь опять не попадает в ноты
И подбирает щепки на бегу.

Клубится дым, похож на кенгуру,
Проглатывают семечки пространства,
И, нарушая ноты постоянства,
Он разрезает в темноте дыру.

Сгорает хлам. Дыхание огня
Сбивается, срывается на шёпот.
И начал таять снег, и хорошо так
На улице и в жизни у меня.

АКТЁР

Профукал все серебряные роли
Наивный и застенчивый актёр.
Жена над ним смеётся, в общем, троллит,
Призналась. Есть любовник. Он шахтёр.

Актёр лицо преобразует в тяпку,
При этом зубы просят кирпича.
Жена не хочет жить с фуфлом и тряпкой.
Нужна ей только в паспорте печать.

Она ушла, он перерезал вены.
Душевный и решительный актёр.
Фатальные приходят перемены,
Когда любовник у жены шахтёр.

ЗЕРКАЛО

Я с зеркалом ночами говорю,
Не чёрный человек я и не шизик.
Мне наплевать на ржавую зарю,
Пускай сгорит, сгниёт, уйдёт из жизни.

Мне важно смысл понять и суть свою,
Трансцендентальность пиковой особы.
А может, это я внутри горю
И кочebreжуются во мне микробы.

Горизонтальный памятник – кровать –
Пристанище для мёртвого поэта.
Я зеркало не буду разбивать.
Протру его и застелю газетой.

АНАТОЛИЧ

– Здорово, Анатолич, как дела?
На фестиваль Бельмасовский приедешь?
– Конечно, Дима, вырвусь из села,
И Лёшку вспомним, на турбазе встретишь?

– Конечно, встречу. И налью сто грамм,
Хоккей посмотрим и порвём канадцев.
Стихи прочтём мы и напьёмся в хлам,
И пусть все верлибристы нас бояться...

Студёный август выгорел дотла.
И деревенский гений не проснётся.
– Ну, здравствуй, Анатолич! Как дела? –
В Старобочатах эхом отзовется.

ПОКОЙНИК

Капли ржавые из рукомойника
Выползали в больничную тьму.
Вывозили из лифта покойника,
Но глаза не закрыли ему.

И смотрел он в тайгу потолочную,
А над телом жужжала пчела.
На рассвете с душою молочной
Улетела сквозь улей стекла.

И остался один в коридоре я,
Выпадали осадки из глаз.
Превратился в чесночное горе я.
Кто покойник и здесь и сейчас?

* * *

Где-то меж Самарой и Тольятти
Мы считали звёзды до утра.
Куртку белую на чёрном платье
Обнимал. И капельки костра
Согревали. Дождь был бесполезен,
Убегал, по берегу скользя.
Целовал фиалки щёк и грезил.
Целоваться в губы нам нельзя.
Волны, как созревшие ранетки,
Падали на жигулёвский лён.
Мы стихи писали на салфетке.
И шуршала Волга или клён.

* * *

Ещё чуть-чуть – придёт толпа
И в Катар не поедут геи.
И азиатская стопа
Столкнёт Европу. В апогее
Россия будет и Китай.
Не будет орков из америк.
И старый дед шалтай-болтай
Не будет врать как сивый мерин.
И заднеприводный лакей
Нормальным людям даст дорогу.
Гей не играет в хоккей,
И слава богу.

1925

Стелются туманы в голове.
Серый пепел лёг на тротуар.
По проспекту чёрный человек
Шёл опохмелиться в старый бар.

А в душе его гудит война,
А в крови брезентовый мороз.
С каждой рюмкой ёкает весна,
Расцветает медуница слёз.

И звенят колючие стихи,
На коленях пьяная форель
На крючке. Вчерашние духи
Соблазняют. И в глазах апрель.

Нежные туманы в голове.
Серый пепел лёг на гололёд.
Возвращался чёрный человек.
Завершался двадцать пятый год.

ЛИСА

Зима в селе мороз вязала.
Мужик чем мог кормил семью.
У дров лиса пилу лизала
И поглощала кровь свою.

А рыжая жена пилила,
Что муж лентяй и лоботряс.
Лиса от голода скулила,
Снежинки падали из глаз.

Мужик не выдержал аврала,
Разбил стакан, ушёл в мороз.
Лиса у стайки умирала,
Но сытая до лисьих слёз.

* * *

Размешивая слёзы на холсте,
Малюю я грехи свои, пороки.
Не жду уже друзей и новостей.
Смерть преподносит частные уроки.

В моих глазах погашен дальний свет,
Не различаю хорошо и плохо.
И воздуха в моих картинах нет,
И выдоха, а значит, нет и вдоха.

Похоже получается портрет,
Я зеркало рисую или жижу.
Но отражается живой скелет.
Художник я, а значит, я так вижу.

ДЖОН КОННОР

Когда Джон Коннор был здоров
И ездил на мопеде.
Мы с дедушкой пасли коров,
А после на обеде
С картошкой ели пироги.
Затем я шёл к невесте.
А Шварц наматывал круги
И заряжал винчестер.
Давно закончил институт,
Женат, пишу поэмы.
А Коннор жив и так же крут,
Решает все проблемы.
Проходит жизнь, как сериал,
Стара, как Роберт Патрик.
Когда Джон Коннор умирал,
Я спал в кинотеатре.

* * *

Полярное сияние ума
И Баренцево море ожиданий.
В Териберке прекрасная зима.
Не нужно мне египтов, турций, даний.

Луна на ледовитом рубеже
Висит, как будто бронзовая буква.
В воде дыхания морских ежей.
И в каждом шаге созревает клюква.

На ледоколе «Ленин» хорошо.
Любое судно перед ним калоша.
И за рулём командует Коржов...
И охраняет Родину Алёша.

* * *

В Катаре солнце ползёт по росе.
Плачут Лукаки и Витцели.
Сборная Бельгии едет в Брюссель.
Красные дьяволы выцвели.

Штанги звенели, и чёрные львы
В шашки играли с хорватами.
Но уступили, и дамки мертвы.
Судьи опять виноватые...

Старый Ван Дамм оседлал карусель.
В городе пахнет ирисами.
Сборная Бельгии. Утро. Брюссель.
Мальчик встречает и писает.

* * *

Хорватская душа
Шальна. Стремится к маю.
Бразильцы не спешат,
Бразильцы понимают.

Газона широта.
Две стенки. Мяч в воротах.
Не ожидал вратарь
Такого поворота.

Хорват берёт разбег.
Закалка и сноровка.
И загребский хавбек
Счёт сравнивает ловко.

Пенальти от ножа.
Блестят перчатки славы.
Во власти куража
Сегодня югославы.

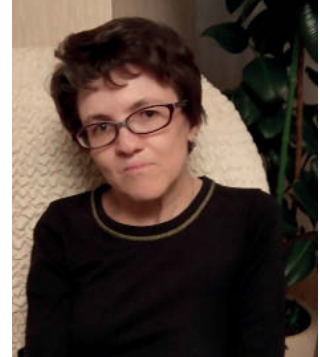
Хорватская душа
Шальна, стремится к маю.
Бразильцы не спешат,
Бразильцы понимают.

Поэзия

Татьяна Ярышкина

Татьяна Ярышкина – родилась в городе Котласе Архангельской области. Печаталась в литературных альманахах: «Белый бор», «Переключка», «Невский альманах», «Вятка литературная», «Земляки», «Арина»; журналах: «Знай наших», «Арт», «Мир Севера», «Ротонда», «Начало века», «Волга – XXI век», «Традиции & Авангард», «Байкал», «Сибирский Парнас», «Подъём», «Берега», «Москва», «Нижний Новгород», «Рукопись», «Дальний Восток», «Сибирь», а также в ряде газет. Подборки стихов были опубликованы на сайте «Российский писатель», а также на сайтах журналов «Невечерний свет», «Русская народная линия» и на сайте газеты «День литературы». Является автором трёх стихотворных сборников: «Дуэль» (2017), «Верблюжья мотивы» (2019) и «Залог выживания» (2022). Стихи вошли в шорт-лист VI Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2018).

ОЧКИ

Никто не узнал бы меня без вас:
Давно вы – лица моего черта.
Попробуй сними – и лишь пустота
Видна из невооружённых глаз.
Но даже и вами вооружась,
Порою не вижу я ни черта.
Ни связей, ни смыслов... Который раз
Гляжу – и опять одна пустота.
Очки мои, видимо, ваш прицел –
Не связи, не смыслы... Кто вас надел,
Тот может почувствовать: есть черта,
Граница, особый для всех предел.
Чтоб видеть никто никогда не смел
Того, что в глазах таит пустота.

ДОМ

Каждое утро выходишь из дома и
Вновь запираешь на ключ одного –
Спрятанного, никому не знакомого,
Даже соседям, – себя самого.
Будничною лихорадкой охваченный,
В массах затерянный – это не ты...
Сущность твою бережёт нерастраченной
Дом, где её отстоялись черты.
И – как ни занят житейским и жизненным –
Ты возвращаешься снова домой,
Где неизменно становишься истинным,
Тайным для всех.
И самим собой...

* * *

Возвращаюсь домой с войны.
Возвращаюсь считать потери,
Ждать конца, искать тишины,
Закрывая глаза и двери...

Возвращаюсь к себе – в себя.
Изучаю свежие раны,
Поражение вновь терпя.
Неизбежно и непрестанно...

Я победе любой ценой
Не дерзаю назначить цену.
Мне важнее прийти домой –
Возвратить себя непременно.

А война, что зовётся Жизнь,
Угрожает мне многолетьем
И растрачиваньем души
Ради шанса смеяться последним.

Но подобному смеху цена –
Чьи-то слёзы, никак иначе.
И поскольку идёт война,
Я воюю.
А дома плачу...

ИНКВИЗИТОР

Будто к месту казни, я порой
С трепетом в душе иду домой,
Если знаю: ждёт меня в квартире
Мой каратель, инквизитор мой.

Он и обвинитель и палач,
В ком раскаянье моё и плач
Милосердия не пробуждают.
А вина найдётся, прячь не прячь...

Да её скрывать и не с руки:
Эти взоры слишком глубоки –
Мне до дна просверливают душу.
И до самой гробовой доски...

И пойдёт за гробом мой судья,
Покидая дом, куда и я
Больше не вернусь.
Со мною вместе
Двинется в загробные края.

Но пока – иду к себе домой.
Продолжает инквизитор мой
Смертный приговор вещать глазами
Мне из зеркала.
Зовётся мной...

ДОМОЙ

Стало слишком тесно мне с собой.
А куда пойду, к кому другому?..
Почему-то хочется домой –
Именно тогда, когда я дома.

Надо выбираться из себя...
Сразу станет легче и светлее.
Кажется, что я уйду – любя,
Хоть любить-то, правда, не умею.

Может быть, уйду – к себе как раз,
Где-то спрятанному, но родному.
Оттого ли дома мне подчас
Хочется домой, что я – не дома?..

ИЗГОЙ

Больше не будет со мной никого.
И не случится со мной ничего.
Всё уже, видно, случилось со мной,
Если теперь называюсь изгой.

Что это значит? По сути – ничто.
Кто это плачет? По сути – никто.
Можно рыдать до скончания дней –
Не остановят: изгой-то ничей.

Значит, и не с кем беду разделить.
Значит, и незачем слёзы-то лить.
Можно, конечно, – да будет ли прок?
Разве изгой бы кто-то помог?

Слёзы, пожалуй, оставлю себе.
Дам-ка я ими напиться судьбе.
Как напою, так и дальше пойду:
Мне ещё вынести надо беду.

Вынести – с этого света на тот –
Всё, чего в жизни никто не поймёт.
Всё, что до смерти нести самому –
К Богу изгоев.
К Нему Одному.

* * *

Учат, как надо жить, – не тому совсем
Учат, что нужно мне. И дают советы –
Как.
На вопрос главный – вопрос: «Зачем?» –
Я до сих пор найти не могу ответа.

Или, вернее, вижу его не в том,
Что говорят. Такому никто не учит,
Будто оно отложено на потом...
Я не могу откладывать.
Мне бы лучше

Прямо сейчас – пока под рукой тетрадь,
Сердце пока притихло и бьётся сносно –
Прямо сейчас учиться, как умирать.
Чтобы однажды не оказалось поздно.

ПОТЕРИ

Проживаю жизнь – теряю время...
А найти его и не берусь.
Всеми днями – и годами всеми –
В Вечность протечёт и канет пусть.

Вместе с ним потеряны надежды.
А найду ли вновь?
Прийти ответ
Не успеет: смерть наступит прежде,
Если никакой надежды нет.

Но ищу, ищу – хотя с годами
Лишь теряю – собственную суть.
Жду, что скоро время в Вечность канет,
Где себя – своими же руками –
Есть надежда, обретя, вернуть.

Поэзия

Валерий Куликов

Валерий Юрьевич Куликов – родился в 1964 году в посёлке Поречье, что неподалёку от Ростова Великого. В 1980-х годах служил в армии в Таджикистане. Учился, жил и работал в Мурманске. В 1988 году вернулся в Ярославскую область. Работал шофёром, сварщиком, кузнецом. В 2000-е освоил профессию реставратора по металлу в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль». В 2007 году окончил Ярославский педагогический университет по специальности «Культурология». Работал в Климатинском детском доме с трудными подростками. В настоящий момент любовь к профессии учителя привела Валерия Юрьевича в гимназию им. А. Л. Кекина в городе Ростове Великом, где он разработал свой собственный курс «Образовательного туризма», ведёт уроки технологии, даёт мастер-классы игры на гитаре.

В Ростове Великом Валерия все знают не только как педагога-наставника, но и как талантливого поэта, автора и исполнителя собственных песен в стиле городского романса.

Первые его публикации появились ещё в 1988 году в газете «Моторостроитель» в Тулаеве, где он в это время жил. Но всё-таки лучшие его произведения появились здесь, на его малой родине, в Ростове Великом. В 2012 году Валерий стал победителем – в номинации «Поэзия» – районного литературного конкурса, посвящённого 1150-летию города Ростова. Его с удовольствием печатают в газете «Ростовский вестник». Он является постоянным автором ежегодного «Ростовского альманаха». Неоднократно печатался в «Российской газете».

В 2012 году вышла его первая книга стихов и песен «И течёт тишина над Поречьем». Широта охвата тем в стихах сборника очень большая: природа, история, искусство, политика, религия, быт, любовь. То есть затрагивает почти все стороны жизни. Жанры: от шуточных и лирических до драматических. В 2016 году выходит второй сборник его стихов «Мне снова не хватает тишины», где собраны лучшие стихи поэта – от примет года до «Менишикова в Берёзове».

В 2023 году вышли в свет сразу две его книги – «Отражение моей души», написанная для детей всех возрастов и их родителей, и «Лабиринты души», в которой, конечно же, собраны все стихи о любви. Для совсем маленьких уже готова иллюстрированная книжечка «Про Ёлочку». А для всех жителей древнего города Ростова – книга былин о незабвенном ростовском богатыре Алёше Поповиче. И конечно же, немаловажной стороной жизни Валерия Куликова является его музыкальное творчество. Его песни и романсы, благодаря хорошей поэзии, имеют сюжет и смысл, чем сразу же завораживают современного слушателя. И хотя основным жанром исполнителя является городской романс, ему подвластно всё: песни для детей, туристические, военные. «Человек талантливый талантлив во всех областях». Эта фраза принадлежит немецкому писателю Лиону Фейхтвангеру. И она абсолютно точно отражает образ ростовского поэта, музыканта, исполнителя собственных песен Валерия Куликова.

Сценичен и прост, скромн и забываем. Таков он, Валерий Куликов.

Елена Шевкопляс – педагог, общественный деятель

ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ

Мы – граждане иного века.
Для нас нисколько не поблек
В тени блестящего хай-тека
Наш с вами позапрошлый век.

Покрыли тёплой пылью плечи
Манёвры позднею весной.
Идёт ростовский полк в Поречье,
Квартироваться, на постой.

Над мостовой штандарты реют,
Лент развиваются концы.
Мужья ревнивые мрачнеют
И девок строгие отцы.

Но, схоронясь за занавески,
Горят огнём из-под ресниц
Восторженные взоры местных
Замужних женщин и девиц.

Сирень душистым эполетом
Повисла на плече крыльца.
О, торжество тепла и света,
О, свежесть милого лица!

Но ведь не зря так омрачались
Отцы девиц и муж иной.

Они-то знали, чем кончались
Манёвры позднею весной.

Окончив стрельбы, станет важным
Обычно скромный командир.
И полк уйдёт парадным маршем
В Ростов – до будущих квартир.

Но будет кто-то над рекою,
Размазав слёзы по лицу,
Поглаживать живот рукою,
Не зная, как сказать отцу.

Ну а с военных взятки гладки –
Их долг Расею защищать...
Глядишь, а там уже на Святки
Срок и младенцам запищать.

Вы видите во мне гусара?
Мол, стать верна и профиль строг.
Что ж, видимо, стоял недаром
У нас в селе геройский полк.

Из цикла «Времена года»

1. МАРТ

Я – Март, я Бокогрей и Солнечник,
Парник, Катмыш и Огородник.
Я также друг морозной полночи,
Не зря ж зовусь Разнопогодник.

Я не слезлив, как братец Вересень,
И не обижен на берёзы,
Что лишь одним названьем Березень
У них я вызываю слёзы.

И всё же вы в Пролетье маленьком
Оказываетесь, ей-богу,
Лишь только я начну Протальником
Для лета разгрести дорогу.

2. СЕНТЯБРЬ

Кто Сентябрь меня зовёт, кто – Вересень,
В это время вересек зацветает,
И упрямо к югу гонит ветер синь!
Птиц попутно в стаи собирая.

Полоснул по травам первый утренник,
В инее искрится подорожник.
Только к ярким краскам я в лесу привык,
Потому что я в душе художник.

И расплачусь я от умиления:
Посмотрите, как земля прекрасна!
И поздравлю Осень с днём рождения.
И вручу ей куст рябины красной.

3. ОКТЯБРЬ

Мне ль, Октябрю и Листобою,
Не находиться в мрачной власти
Природы дикой – сам собою
Я хмурюсь, я зову ненастье.

Морозы по ночам всё чаще.
Вот волк к жилью крадётся тенью,
Но снова растворится в чаще,
Оскалив зубы на деревню.

И часто, днём в грязи по оси,
Скребёшься ты дорогой длинной,
А в небесах курлычет Осень
Высокой грустью журавлиной.

4. НОЯБРЬ

В ночь Листопада Ноябрью не спится.
Он буйным ветром по полю гуляет.
«Лечу я сватать Зиму-молодицу,
Нас Осень-матушка благословляет!»

Искрится льдом корона у невесты,
Фата метелью вьётся по долине,
Сверкает снежный поясок прелестной,
А перстенёк на пальце – чисто иней.

Вся речь её разлита жгучей негой.
Но взор остужен властью неземною!
Вот по равнинам пляшет дождь со снегом:
Сроднилась Осень с долгою Зимойю.

5. ДЕКАБРЬ

Я мужик суровый – а имею право!
Ведь в любом селении, хоть кого спроси,
Декабря искусней нету Ледостава –
Я кузнец известный на Святой Руси!

Мне ящик залётный крикнет не во злобе,
Проторив полоску санного пути:
«Завернул ты больно, батюшка Ознобень,
Дух перехватило, малость отпусти».

Но скую я землю, реки и озёра,
Навалю сугробов в поле и в лесу.
А для птиц в кормушки я насыплю зёрен,
Ребятам на праздник ёлку принесу.

* * *

В той келье мы вдвоём сидели при свечах,
Хотел услышать я на свой вопрос ответ,
Когда спросил его: «Скажи-ка мне, монах,
Что, до Голгофы путь, он долог или нет?»

И где он, вечный рай? Иль нет его уже?»
И он ответил мне: «Не говори так – грех!
Ты обрети покой и мир в своей душе,
Гордыню усьмири – Голгофа не для всех.

По струганым брускам тяжёлого креста
Течёт смола – и кровь, и молотки стучат.
И жарит солнце плоть, но к жаждущим устам
Преподнесут не штоф, а уксус, хохоча.

Солдаты – палачи! Их смех жесток и груб.
А у него, когда он голову склонил,
Закапало, как кровь, с растрескавшихся губ:
«Помилуй их, Отец, не ведают они...»

Пробрал меня старик рассказом о Христе.
Господня Благодать лилась из ясных глаз:
«Он на кресте не сник, Он умер на кресте,
Жизнь положил свою в мучениях за нас.

Нам ведать не дано, каков у жизни край,
И райские сады с земли не увидеть.
Но нет – не край земли от нас скрывает рай,
А за горой грехов сокрыта Благодать.

Да, Бог на небесах. Он милостив и строг.
Но не в злобе на нас, не в ярости слепой.
Покайся и смирись – Он примет в свой чертог,
Прости меня, мой сын. Иди, Господь с тобой...»

КОЛОКОЛЬНЯ

Я часто представлял ту сельскую округу:
Крестьянами на срок оставлены участки,
Бурмистр Меньшой Маринин¹ жмёт Козлову²
руку,
Сам глядя, как вверху крест закрепляет Часкин³.

¹ Маринин Меньшой Иван Иванов, родился в 1770 году, умер в 1823 году – крестьянин, крупнейший оптовый торговец, периодически занимал пост бурмистра села Поречье.

² Козлов Алексей Степанов, родился в 1759 году, умер в 1850 году – крестьянин, торговец, имевший в селе Поречье салотопенные заводы, из семьи церковных старост. В последние годы жизни ростовский мещанин. В краеведческой литературе он считается строителем (архитектором) поречской колокольни.

³ Часкин (данных нет) – поречский крестьянин, по преданию, установивший на колокольне крест.

Из колоколен нет и не было ей равной.
Хотя сомнений тьма – чему тут удивляться?!
Но выше самого «Великого Ивана»
Дерзнула на одну сажень она подняться!

Всем миром – как всегда. Как в общую тревогу.
Чтоб с высоты вещать о смерти иль венчании,
Свой золочёный крест взметнуть поближе
к Богу

На удивление всем хотели поречане.

С чего всё началось? Нам ныне не известно.
Но, верно, чтоб в веках своё прославить племя,
И выбран был проект крестьянина из местных –
С часами, чтоб они вызванивали время.

И колокольня – есть, что царская невеста!
Её ль колоколов Всевышний не услышит?
Я не скажу, что нет на свете лучше места,
Но нет её стройней. А в сёлах нет и выше!

Во всей Святой Руси. Ну как не подивиться?!
И надо полагать, что этот взлёт был нужен,
Не с целью умалить достоинства столицы,
Но чтобы показать – да ведь и мы не хуже!

Но вижу я – и сердце режет боль мне –
Как выродилось в нас бывшее семя.
Уж нет колоколов на колокольне,
Часы нам не вызванивают время.

Развенчанная, в рубище убогом,
Она одна над кущами густыми
Глухонемою нищей на дорогу
Таращится глазницами пустыми.

МАМА

Этот яркий изумруд полей,
Эта местность здесь же, под Ростовом,
Отражают всё в душе моей,
Будто небо в детстве бирюзовом.

Где, трезвоня, развеивает сны
Утро, как валдайский колокольчик.
Залит ярким золотом весны
Мамы моей солнечный балкончик.

Жаркий день за лесом догорит.
И затянет темень мир упрямо.
Только ветер за окном не спит
Да в углу склонилась моя мама.

Тишина. И светит в тишине,
Точно Око вечного закона,
Синяя звезда в ночном окне
Да ещё лампадка под иконой.

Тихо молит мама Божью Мать.
Просит Сына попросить за сына.
И под дальний благовест опять
От молитв очнётся утром синим.
 Звоном в наши души зарони
 Божье слово, колокольня храма.
 Не своей судьбою я храним,
 А твоей, твоей молитвой, мама!

«МЕНШИКОВ В БЕРЁЗОВЕ»

По мотивам картины В. Сурикова

Таёжная густая тишь
Настаивалась век за веком.
Берёзов ровным мягким снегом
Завален весь до самых крыш.
К чему напудренный парик?
К чему здесь прежний блеск одежды?
В глуши, без званий и надежды,
В своей избе сидит старик.
 Орлиный взор слёз не сулит!
 Он лишь искрится каплей мутной.
 Вот-вот и сам с собой, как будто
 Очнувшись вдруг, заговорит:
– Скажи, мин херц, ужели блажь –
Мешая кровь с солёной влагой,
Пытаться взять с короткой шпагой
Свою судьбу на абордаж,
 Чтоб вырвать у Фортуны шанс –
 Ведь риск Виктория венчает!
 И «небывалое бывает» –
 Тому свидетель Ниеншанц.
Души порывистой полёт
И мыслей дерзостные планы.
Так изначально – в океаны
С прицелом был потешный флот.
 Пусть рана Нарвы глубока,
 Но не пограл враг честь мундиров.
 И капитана бомбардиров
 Преображенского полка
В историю впечатан след
Глубокий! Взлёты и падения...
Но становились пораженья
Залогом будущих побед!
 О, Государевы дела...
 Уже в ряду твоих игрушек
 Готовы рывкнуть залпом пушек
 Вчерашние колокола.
И тот, войны трубящий зов,
И эти сны, тревоги полны.
Тут невские бунтуют волны,
Там – взбунтовавшийся Азов.

Но следовал за бунтом суд
С достойной бунтарей расправой.
Столетия плыл рассвет кровавый,
И был он нов, и был он крут.
Могучим воином, как встарь,
Поднялся град в граните вечном.
И я в том вихре скоротечном
С тобою был, мой Государь!
 И вот в Берёзове теперь.
 Топорик в руки – всё сначала.
 Судьба с ухмылкой фискала
 Умеет вышвырнуть за дверь.
Но я и сам умел пороть,
Не то меня тревожит ныне...
Прости мне тяжкий грех гордыни
И с миром упокой, Господь!

* * *

Поречье было славное село.
И доброе, и в срок всходило семя.
По Божьей Воле людям тут везло,
Пока не поменялось круто время.
Беда, как тень, стояла у ворот.
И вот в село юнцом широкоплечим
Вразвалочку вошёл тридцатый год,
Поматывая молотом кузнечным.
 И съёжилось притихшее село,
 И прямо в душу лез январский холод,
 Когда над всем, что свято и светло,
 Играючи он вскинул тяжкий молот.
И тень его на церкви налегла.
И тишина с ударом раскололась.
Казнили на Руси колокола
В который раз за истину и голос.
 И падали их головы на снег.
 Был слышен плач и тихое моление.
 И взял икону в руки человек,
 И... расколол икону на поленья.
И ведь не удержали, не спасли.
Лишь слух о нём с тех пор идёт в народе:
Мол, и его однажды увезли
К глухому яру на пустой подводе.
 Что вспомнил он, когда пришла пора
 И ствол нагана ткнулся в его сердце? –
 Как разлучил ударом топора
 В то утро Богородицу с Младенцем?..
В глазах застыл не вырвавшийся крик,
С тоскою смертной гаснувшее око
Пыталось разглядеть в последний миг
Ещё кого-то в глубине высокой.
 Но холодом всю землю замело.
 И небо плотно тучами сомкнулось.
 ...Поречье было славное село,
 Пока так круто жизнь не повернулась.

Поэзия

Маргарита Графова

Пишу стихи и прозу. Выпустила сборник повестей, готовлю к печати стихи. По образованию – социальный педагог, учитель русского языка и литературы. Печаталась в журналах «Литра», «Аргатак. Татарстан», сборниках и альманахах, принимаю активное участие в поэтических мероприятиях Казани, соседних городов и республик.

ОДА

Не собрать черепков горшечных,
Разделённых смертельной дробью...
Эта музыка будет вечной!
Эта музыка выше скорби,

Нарождённой от злого лета,
Обречённой на век бессрочный...
Эта музыка – звуки света –
Вещий голос крещенской ночи.

Захороненный не воскреснет,
Погребающий да обрящет
В сочетании строф и песен
Юный светоч души скорбящей.

Неразрывность живых творений
Станет выше бездарной смерти –
Так встречаются Бог и гений
На коротком земном концерте.

Для творцов не земля – могила,
Память славная – им гробница,
Где впечатаны грозной силой
Времена, имена и лица.

У творцов нет святого брака:
Их неволят иные узы,
В нервном споре огня и мрака
Обжигаются те союзы,

Как фиалки, цветут пороки,
Замирая чернильной речью.
Брызги нот поглощают строки,
Нежным шёлком вплетаясь в вечность,

Где в антракте пути земного
Обретутся смертельной вязью
Имена: дар живого Бога
И наследство мирского князя...

БАЙКАЛ И КАМА

Байкал не гремит, не волнуется, не течёт –
Алмазно-кристаллен воды пленивший лёд.
Он прочен, что обожжённая в пекле сталь,
И безразличен, как юной весне февраль.
Байкал не бурлит, не играет живой водой,
Он мёртв, словно ночь девицы немолодой.
Байкал не силён, не отважен и не кипуч,
Он скован, что солнце вуалью морозных туч.
Красавица Кама так радостна и юна:
Сражается насмерть с медной луной волна,
К утру не оставив противницы и следа –
Искрящейся гладью шёлка кровит вода.
Но волнам Байкала, увы, не пробить пути
В тот край, где обвенчан с Камой жестокий

Стикс,

Где белые ночи плавают останки лун,
Где вечная музыка рвёт кровотоки струн.

ОРКЕСТР

Мраморный лёд пьедестала,
Траурный крест...
Голоса мёртвого мало –
Дайте оркестр!

Оттиск луны прокажённой
Бледен и юн.
Мне вдохновение – стоны
Тысячи струн.

Смерть неприглядна и скверна:
Не утрашись!
Будущее – aeterna:
Слава и жизнь!

СИНЯЯ

Маленькая безумная женщина,
Облачённая в синее,
Устрашает взглядом бешеным –
Рыжеволосая, некрасивая.
Вот идёт она, наполненная синим светом,
Мечтает с прохожими слиться...
И смеётся солнце, смеётся лето,
Смеются дома безымянной провинции.
Прохожие думают: «Меченая!
За какие грехи?»
Но они не знают, что синяя женщина
Пишет стихи.
Что в доме её с обоями синими,
Между чашек и старых игрушек,
Дремлют строки, живые и сильные,
Способные обезоружить
Тысячи пустых и красивых женщин
В неизвестных провинциях и столицах.
Ибо такая – Богом отмеченная –
Раз в столетие родится...

ДОРОЖНАЯ

Бесконечная дорога,
Беспросветная тоска.
Мёртвый месяц тонким рогом
Тускло светит свысока,
Где бесчувственные звёзды
Украшают небеса...
Умирая, стонут вёрсты
Жутким скрипом колеса.
Остывающее лето
Давит холодом на грудь.
До туманного рассвета
Нескончаем трудный путь.
В вышине страдают птицы,
Извергая резкий крик,
И скрывается в гробнице
Побеждённой смерти лик.

БАЛЛАДА О ЛЕСНИКЕ ТЕОДОРЕ

На опушке лесной
Жил лесник Теодор,
Под столетней сосной
Разводил он костёр.
Он любил солнца лик
И небесный простор.
Вот такой был лесник
Теодор.

Он кормил из руки
И волков, и лисиц,
Понимал языки
Соловьёв и синиц.

Средь дубов вековых
Пел ему птичий хор.
Вот такой был лесник
Теодор.

Но в безлунную ночь,
Что чернее, чем бес,
Раз цыганская дочь
Забрела в тёмный лес.
Лёгкий шелест травы
Нарушал тишину.
И летел крик совы
В вышину.

Но, увидев чертог
Сквозь полночную тьму,
Дочь цыган со всех ног
Устремила к нему:
«Я искала огня,
Дорогой человек,
Так пусти же меня
На ночлег!»

Теодор среди лесов
Тридцать лет жил один –
Князь медведей и сов
И волков господин.
Не поднял он очей
На цыганскую дочь,
Лишь сказал тихо ей:
«Шла б ты прочь!»

Разорвал небо гром,
Озверела гроза.
Загорелись огнём
Той цыганки глаза.
И она в тот же миг
Посмотрела в упор:
«Будь ты проклят, лесник
Теодор!»

Не прошло и двух зим,
Захворал Теодор.
Как старик, стал седым,
И погас его взор,
Белый свет стал не люб...
А цветущей весной
Рвали вороны труп
Под сосной.

Нет скворцов и синиц:
Опустел шумный лес.
Нет волков и лисиц
И костров до небес.
Только ворона крик
Разрывает простор:
«Спи спокойно, лесник
Теодор!..»

Поэтическая седмица

Лариса Бухвалова

Елена КРЮКОВА:

ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, ВОСКРЕСЕНИЕ, ЧУДО

Поэзия Ларисы Бухваловой

Есть художники, плоть от плоти земли и дух от духа небес. Словом шивают они пространства-времени. Такова Лариса Бухвалова. Живёт она себе в доме неприметном в старинном русском городке Павлово-на-Оке; хозяйствует, заботится о саде и огороде, о котах и собаке, растит дочь и вязью драгоценных родимых слов, огненным и тишайшим русским словом запечатлевает жизнь. Таковую мгновенную. Таковую непрерывную. Не только свою: золотная нить её поэзии святиющимися стежками проходит вдоль по шитью незапамятных веков, по холстинам, кольчугам и многостраданием народа. И века все эти, дальние, забвенные, ветрами биты овеванные и током слёз досыта напитанные, хромосомно, вольно текут в её крови. Ей внятна древняя боль, и она разделяет с людьми и Богом нынешний праздник, и она – живая шкатулка сокровенной памяти:

(...) Вощёные рамки в янтарных слезах.
Вы стали как прадед – и небо, и прах.

Медового Спаса, имперского, схран,
Где август в божнице, меж ликов икон.

Пропаших миров золотые рои.
Медовые Спасы на русской крови.

Поэт – и человек, и цветок, и жар, и холод, и птица в вышине. Мы ляжем в землю, насытив её своей плотью, но кто увидит нас там, высоко, на крутояре над рекой – летящей чайкой?..

А закат переплавляет весеннюю бурю сирени в осенний прощальный ландшафт Иномірия, в границу-фронтір между земным телом и вечной свободой души:

(...) Перечёркано всё здесь крестами.
Смотришь молча на рдяный закат.
И сирени весеннее пламя
Переходит в инакости сад.

Качается на ветру духмяный Евангельский иссоп, поёт призрачный печальный Харон, но сколько чистой радости в цветении тимьяна – Богородичной травки, сколько наслаждения и упоения в созерцании растущего на земле цветка – цвета широкого бездонного неба...

И «...припасённый серп остёр, // Из стали стрельной...» – для того, чтобы, согбенно на луговине трудясь, срезать траву, отросшую вдругорядь отаву, чтобы пожать дар земли и низко поклониться ей – за жизнь, за смерть, за воскресение, за чудо.

СЕДОЕ СЕНО

* * *

Пчела собирала нектар в овнях.
Лещина цвела. Цвет в подол опадал.

У прадеда в улье небесна смола.
Там Божия матка приплод принесла.

Лети, пчёлка, выше – на сини холмы,
Изба где чернеет на холмах земных.

Крыльцо там высоко, как жизнь и судьба.
По брёвнам, по кольцам сочти бы лета.

Там ставни открыты и неба по грудь.
Медовые соты к губам я прижму,

Хранимые свято в стараньях семьи.
В колхоз были взяты, во чрево земли.

Вощёные рамки в янтарных слезах.
Вы стали как прадед – и небо, и прах.

Медового Спаса, имперского, схрон,
Где август в божнице, меж ликов икон.

Пропавших миров золотые рои.
Медовые Спасы на русской крови.

* * *

Так я подсолнух. Я не помню сна.
И прошлого – не холодит мне камень.
Что за стеной, в сарае? Вроде хлам.
Там сыплется поленница дровами.

Разборки ждёт, и края не почать.
Велосипед, поломанный годами.
Там грабли под сушилами торчат,
Нависшие, повторенные нами.

Я в сумраке гляжу на пышный сад.
Так вот что там! Живая, всё я знаю.
Дух обожгло оно – распада пламя.

Но вот – забвенья взломана печать.
Мне спину тёплый свитер прикрывает.
Я мыслю. Так с чего же мне начать?

СИРЕНИ

Там, где чайки кричат в Окском ветре,
Зазывая с собой полететь,
Над обрывом клубятся сирени,
Как седой переход через смерть.

Не леса, не поля, а кладбище.
Отведённые строго места.
Словно души, уносятся птицы.
И сирени былого кипят.

Солнце всё в кумаче, угасая,
Зажигает, лучась, свечи им
Над последним пределом и краем,
Над обрывом непрочным земным.

Перечёркано всё здесь крестами.
Смотришь молча на рдяный закат.
И сирени весеннее пламя
Переходит в инакости сад.

* * *

Что сохранится в тленном бытии?
Потуги по-младенчески напрасны.
Кирпич в земле – лежали доски – красный,
Ветвь яблони, душа моя в огне
И сумрак, на посёлок павший...

Останутся узоры на стекле,
Влетевшая в моё окно синица.
Точнее – ничего не сохранится.
Ложится мягко в этот мир извне
Спокойная Господняя десница.

Бог переложит сад в другой карман,
Как пачку сигарет, браслет и книгу.
Он вечность обошёл, Бог много видел.
Он не задержит взгляда – век всем дан –
Был день, был мир у нас, но вот – век минул.

Я в дом войду, в попытке изменить
Хотя бы очертания скорлупки.
Нельзя за борт, сосчитаны поступки...
Лети, петарда... чью прервёшь ты жизнь?
Лишь паутинки, мятелки в ней хрупкой.

Но ты играй, пока живёт простор.
В полёте мы над пропастью, на мушке.
Бог подбородок в млечности подпёр.
Он хоррор смотрит, гибнет в нём тапёр.
Навзрыд, перед глазами демиурга.

ЧАБРЕЦ

Ползёт по борозде чабрец.
Он Божия трава.
А августу пришёл венец,
И клонится глава.

Приник душистый медонос,
В росе прохладной он.
И узкий колокольчик свой
Весь обращает в звон:

«Тимь-ян, тимь-ян!» – легко звенит,
Хоть не слышать того.
Пчела с нектаром в рыльце спит
От сладости его.

И Богородица, присев
В духмяные цветы,
Глядит с земли на гладь небес,
Ей там Врата видны.

«Вот и успела я, Тимьян, –
Цветкам тем говорит, –
Сполна, знать, претерпела я.
И вижу – Сын стоит.

И призывает Он меня
К Себе, Тимьян-Чабрец,
Я вижу – выше бытия
Воссел Его отец.

То мне воскреснуть, знать, пришли
От вечности часы.
Священник скоро воскурит
По мне твои цветы».

И Богородская трава
Качается пред ней:
«Тимь-ян, тимь-ян...»
И голова
Склоняется сильней.

СЕДОЕ СЕНО

Иду тропинкой золотой,
В горячих бликах.
Сентябрь-то солнечный какой.
Седая вика.

Зовёт она – трава полян.
Осенний клевер,
Как веера, распался там,
На грани неба.

Берёзки луч позолотил,
С воображеньем.
Сама гляжусь – в цветках седин –
Букет осенний.

Мой припасённый серп остёр,
Из стали стрельной –
Отавы срежет и сгребёт
Седое сено.

Я скину куртку – солнце жжёт –
Денёк не будний.
Хорош не кошенный бугор.
И весь мой будет.

Пошла. Стожки мои растут:
Осока, клевер.
Богатство застоялось тут
Роскошных плевел.

И каковы – в перины пух.
Репей нависнет –
А я репей-то обойду
И срежу вики.

Я курам сена принесу –
Травы медовой.
Возрадуется мой петух,
Певун садовый.

* * *

Рука реки легла между холмов.
И рыбаки уселись на предплечье.
А тело изогнулось в небе снов,
Бледнея, словно тело человежье.

Такое долгое, как жизнь моя, река,
Как бабушкина жизнь, стекая в осень,
Смещаясь в Лету, молоком кипя,
Под пение Харона и плеск вёсел.

На север судеб, в дали путь ведя,
Держа за крылышко легко, прилежно
Осенний день, порывы ветерка,
Скамеечку над кручей, взгляд надежды;

Всю в глинах жизнь, в свистульках и конях –
Лепила барынек, собачек, птичек...
Пропали в бездне, превратились в прах,
В закат над лесом, в облака наничку.

По наволке небес, иглой теперь
Гуляя, нить живая вышивает:
Оленья стадо, колоски с полей
И косы леса, рыжие по краю.

Там я – задумавшись, как птичка, на краю,
На круче, на заплаточке скамейки.
А облака плывут, стада идут,
Харон поёт, рука реки белеет.

Липецкие берега

Елена Николаенко

Елена Николаенко – лауреат, дипломант, призёр международных, всероссийских и региональных поэтических конкурсов и фестивалей: VIII Всероссийского конкурса творческих работ «Цветёт ковыль» (Куликово поле), Всероссийского конкурса «Наследие», конкурса «Поэзия красного города» (г. Йошкар-Ола), конкурса-фестиваля «Литературные Старки – 2022», Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои великой победы – 2022», XIX открытого поэтического конкурса имени П. Шестакова «Отечества священная палитра», конкурса, посвящённого 77-й годовщине Победы в ВОВ (г. Псков, СПР), открытого международного поэтического конкурса «Победители» СПР ДНР, финалист международного конкурса «Морской пейзаж» МАЛ Болгарии, России, Сербии «Содружество» и многих других.

Публикации: «Приокские зори», «Петровский мост», «Подъём», «Простокваша»; альманахи: «Территория слова», «Мгинские мосты» и другие.

* * *

Уходящий август дышит осенью.
Под багрянцем утренней зари
неокошенные травы – росы пьют.
С гущей лип простились соловьи...

Пышность праздная ещё не тронута
увяданьем – красный георгин
в зубчатой короне гордо голову
к солнечному свету устремил.

Салютуют разноцветьем астры мне.
В палисадничной тени, без суеты –
с ветерком шушукуются ласково
золотых шаров и мальв кусты.

Слышно со скамейки старой, в зелени
тихий от досужих угол скрыт, –
Спас и Богородицы Успение
на церквушке колокол звонит...

Для души, снегами запорошенной,
отсчитав былые дни назад,
воскрешает в памяти хорошее
яблочный, витая, аромат.

Но горчит в остатке лета патока.
Осень неминуема, прощай!
Август уходящий – мука сладкая.
И в глазах застывшая печаль...

* * *

Буднично. Утро. Чирикают глупые птицы.
Вид законный исполнен неясного смысла –
солнце пылающим зайцем на стенке повисло...
Грею о чашку ладони, а кофе – дымится.

Снова весна – размывают дворовые реки
лёд. Мне казалось, ему никогда не растаять:
в мётлах деревьев селиться снежиночным стаям,
сонный январь – невесёлая бытность навеки.

Радость котам – спозаранку тягаться харизмой.
Неба квадрат по стеклу растекается синькой.
Острые тлен послезимний лохматят травинки.
Почки набухшие скоро всей зеленью брызнут.

Время морозам пришло стать чужими. Дожливо,
в струи смыкаются капель незримые звенья –
слёзы текут: есть ли в свете бесценнее ценность
мира без войн и чтоб близкие были в нём живы?..

НЕ...

Не приеду. Потому что – поздно.
Для меня судьба теперь – потеря.
Не из трусости, по-детски розовой,
писем не пишу. Безумье – верить...

Я не вспомню, как спешила в вечер
краем бездны, под шагами ломким,
чтоб в тебе, захлёбываясь встречей,
всякий раз слепым тонуть котёнком.

В кровь сдирать бессонницы объятая,
ночи проклиная, ждать рассветы –
без нужды мне. И пока души хватит,
не узнаю, есть ты или нету...

По дорожной черноте на ощупь,
каждый выдох – в поднебесье клятва.
Проберусь сквозь пересудов толщу,
скомкав в пальцах тонкий листик мяты.

По колдобинам-ухабам – рысью.
Грязь, столбы фонарные да ямы...
Окажись моей последней мыслью:
образ твой перед глазами – явь ли?..

* * *

В паденье долгом лёгок снег –
безмолвен, бел, глубок.
Летит от осени к весне,
сужая дней поток...
К утру дорогу заложил,
усыпав санный путь.
В потёмки веточных чернил
белил спешит плеснуть.
Летит. С чудесной простотой
одел в пуховый плат
И дом, и двор, и сад пустой
заботник-снегопад.
Кружится снег – мерцает свет.
Невольно удивит:
виденью снежному в ответ
Душа всё новым зрит –
и вечер, и немую грусть
прочтенного письма.
Стихи, что помню наизусть, –
пороша замела.
Объята чуткой тишиной,
бескрайные, в закат –
снега, снега, любимы мной,
что золото, горят...

* * *

Мне бы радость – с Вами на окраине
посидеть в кафе, забытом Богом.
Чтоб случилось утро, но не раннее,
из окна видна была – дорога...

И на скатерть блики света падали,
чай дымился в чашке, синей с белым.
Вы б стихи свои читали – складно так,
притянув меня за локти. Близко. Смело...

Я слова рассветные бы слушала.
Голос Ваш – не в строчках мысли-помыслы.
Лбом ко лбу прижалась – словно душами
обнялись, забыв о чёрных полосах...

НАСТРОЕНИЕ

Стихи появляются сами,
Когда эмоции бьют децибелами,
Взахлест, и не ямба-хорея рабами,
Листами, тетрадами – белые.
Полные от пустоты на душе
Растерянных чувств,
Безвоздушья в пространстве.
Лопатками, крыльями – я на туше,
Жить в нерве – мрачное постоянство.
Художник, поэт, иначе никак –
Вдохнуть не можешь, только на выдох,
Горячей кровью писать в дневниках,
За каплей каплю пословно выдав.
Разочаровалась. Не доверять?
Всегда не себя виноватить проще? –
Искать, терзаться, снова терять,
Творить из иллюзий святые мощи?
Орать в лесу, а потом – домой,
За разом раз: переболела – остыло?
Зрелость – не только виски с сединой,
Осознание факта, что всё уже было.
Страдать – равно служить темноте:
Не сбыться были, билось – били...
А самыми чужими нам становятся те,
Кого мы когда-то сильно любили.

НИ ОБЛАЧКА...

Ни облачка в небесной сини.
Округа солнечною ленью
залита. Лета нет в помине...
Растрava – тёплый день осенний.

Лучами лоб лаская, дразнит
мечтой о безмятежном рае.
Забыть заставил – яркий праздник
красой последней умиляет...

И с тихой радостью вернулись
душой утраченные силы –
На ярком солнцепёке жмурясь,
я осень в том благодарила.

Что, открестившись от посула:
«Зима холодная так близко...» –
На год прощаясь, обернулась
к нам с добротой материнской.

Липецкие берега

Олег Шухарт

Олег Шухарт – липецкий поэт. Печатался в журналах «Петровский мост», «День поэзии» и в альманахе-реконструкции «Время». Автор книги стихов «След тишины».

СЕРДЦЕБИЕНИЕ

* * *

Опавший лист, внезапно вмёрзший в лужу.
Он стынет в саване – я мёрзну в стужу.
Боюсь забыть весну и ту веснушку,
что тихо греет зябнущую душу.

Осеннею тоской опустошённый,
качусь шаром всё дальше по наклонной.
По горстке радость раздавая ближним,
пытаюсь встать, не став как прежде – лишним.

* * *

Гроза в глаза, и грянул гром –
застыв дозорным на посту.
Желая жить, рвусь напролом,
забыв на день про суету.
Из городского шума в лес,
где ни одной живой души.
Прислушавшись, услышу здесь –
сердцебиение тиши.
Той, что даёт последний шанс –
встать первым во главе угла,
вспять повернув печалей час,
сжигающий мечты дотла.
Мгновение течёт песком
сквозь пальцы, ускользая вдаль.
Покрыв виски мне серебром –
настал мой сорок третий май.

ПОЭТ

В его карманах только дыры,
в пустой душе нет места вере,
он не выходит из квартиры,
заколотив крест-накрест двери.

Распятый вечными долгами,
в его ладонях – те же гвозди,
он смотрит, как летят сквозь рамы
и гаснут вспыхнувшие звёзды.
Кровоточат стихи – слогами
и капают на лист бумаги,
след оставляя красно-алый,
как та дворняга после драки.
Простым умам не по карману
забытого поэта нравы:
не просит он небесной манны,
не ищет радости в нирване.
Очистив прошлое от хлама,
переписав судьбы сюжет,
он всё ещё живой – тот самый,
Последний подлинный поэт.

АЛЕКСАНДРУ БАШЛАЧЁВУ

Рок-звонарь предрассветную грусть разорвал
оглушительной фразой: «А ну, от винта!»
Не дождавшись весны, напоследок сказал:
«Я люблю...» – и рванулся в объятия Христа.

Проиграв одиночеству спор – «кто кого»,
он поставил гитару и вышел в окно,
ровным счётом с собой не забрав ничего,
кроме жизни – короткой, как титры кино...

Звонарю на роду, знать, начертано так:
вспыхнув искрой на миг – след оставить навек.
По таким на Руси неумолчно звонят
колокольчики в поле на весь белый свет.

В каждой строчке стихов он мечтал о любви,
оставляя на струнах багровую ртуть –
Боже, душу его сгоряча не суди!
Подари ему посох на истинный путь!

ИГРОК

Он был в плечах – сажень косая,
кидался в омут и в огонь,
за то в толпу людей посажен,
след в след шагать приговорён.

В трёх соснах проблуждав столетье,
не разглядев в упор любовь,
ждал с неба – манны и знаменья,
худой сети большой улов.

И в храме первым встав на клирос,
не знал, что мчится под откос.
Душой он выше крыши вырос –
лбом в потолок белёный врос.

Бумага побеждает камень,
который ножницы сломал.
Игра проста, но под руками –
лишь жизнь, что, видно, проиграл...

ЛИСТОПАД

Мы – листья, сорванные ветром,
От слёз блестящие глаза,
Забыв о страхе, рвёмся к свету,
Но ропщем, чуть сверкнёт гроза.

Не слышим слов из уст пророка,
Погрязнув в блуд и суету,
За то наказанные роком
Ходить по битому стеклу.

Мы – листья, сорванные ветром,
Кричим и плачем, ждём любви,
Находим счастье жарким летом,
Чтоб скрыться осенью вдали.

Лишь дети счастливы и верят,
Что жизнь красива и добра,
А пепел стылый землю греет,
Сверкая синью серебра.

ЛЕДОХОД

Сквозит в груди обрывком сна
Чужая боль, чужое горе,
И вечность встала, как стена,
Лишив навечно мир покоя.

Сковав надёжно ржавым льдом,
Кольнув больней гримасой смеха,
Забила в горло снежный ком,
Оставив тлеть в скриншоте тега.

Все восемь лет Донбасс стонал,
На мир надежду пряча в сердце, –
С лучами солнца он восстал,
Чтоб стоял ненавистный цербер.

Зиме конец, весны черёд,
Март лужи превращает в море,
Кипит на речке ледоход –
Грусть растворяя в чашке кофе.

* * *

Косыми штрихами стегает дождь
по стёклам и ржавой крыше.
Промокнув насквозь, ты снова уйдёшь,
как смысл из четверостиший.
И каждая буква в слове «Любовь»
пронизана жуткой болью –
от хлётких пощёчин, что шлёт мне вновь
наотмашь судьба с лихвою.
Мечтая прощенье вымолить, я –
водой дождевой по трубам
бегу, чтоб скорее встретить тебя –
потерянную так глупо.

* * *

Не познав поцелуя, губы,
Как молитву, шептали имя.
Радость молча сошла на убыль,
Быстрым шагом, пощёчин мимо.

В чёрном кофе остыла фраза,
Впи́лась в пальцы шипами роза.
Треснула хрустальная ваза,
Острой ревностью в сердце вмёрзла.

Блеск иллюзий забылся вскоре,
Раньше срока завяли флоксы.
Призрак рано цветущей скорби
Распустил по роялю косы.

Только отзвук немого Джаза,
Словно девственный абрис танца,
По остывшим углям пожара
Следом полз... и судьбой казался.

Рижские берега

Наталья Бельская

Наталья Бельская – родилась в Астрахани. Живёт в Риге. Автор трёх поэтических сборников: «Бессонница», «Старая пристань», «На изломе». Публиковалась в Санкт-Петербурге, Москве и Риге в таких изданиях, как «Аврора», «Литературный Петербург», «Литературная газета», «Антология русской поэзии Латвии», «Письмена», «Светочъ» и др. Дипломант (1-е место) поэтического конкурса «Святые символы России» (2009), лауреат Международного поэтического конкурса «Под небом Балтики» (2010), член Союза писателей России, Рижского общества литераторов «Светочъ», Союза русских писателей Латвии.

* * *

Бежит моя дорога скатертью
За годом год, за пядью пядь,
Чтоб пред Отечеством на паперти
Душой распахнутой предстать.
Не жги меня, тоска шемая,
Пустою суетностью слов.
Сопоставляю настоящее
С полётом, вытканым из снов,
Над теми всеями усталыми,
Над бездорожьем, прямиком,
Где слёзы звёздными кристаллами
В солончаки летят тайком.
Где между вольными ракетами
И ветром не смолкает спор,
Где память окнами открытыми
Стремится выстрелить в упор.
Беги вперёд, дорога, скатертью!
Веди, спасительная нить,
Чтоб у Отечества на паперти
Больную душу исцелить.

* * *

Упрямых орлят из последних сил
Ты ставила на крыло.
Навязчивый дождь без конца моросил.
Хотелось, чтоб рассвело.
Сложить к подножию алтаря
Всю жизнь свою – что за прок?
Тебе философия календаря
Бесстрастно даёт урок.
И солнце твоё превратилось в тень,
Сконфузив вчерашний свет,
И царства, где буйно цвела сирень,
Сегодня в помине нет.

Без промаха сердце разят слова,
Хоть брошены наугад.
По водостокам, созрев едва,
Грохочет колючий град.
В унынье, конечно, впадать грешно –
Да как избежать обид?
Упрямо в бокале горчит вино,
И рана в груди кровит.
Но станет однажды легко-легко,
Когда протрубят отбой.
Там белое облако, как молоко,
И радуга над головой.
Напрасно теперь подбирать слова –
Иссяк на слова лимит.
Прибита дождями к земле трава,
И матушка крепко спит.

* * *

Колокольни перезвонами
Разбудили небосклон.
Чья-то мать перед иконами
За поклоном бьёт поклон.
На неё беду неожиданную
Чёрным дымом принесло.
Слёзной влагой покаянную
Затуманено чело.
Что поделаешь – заранее
Бед грядущих не видать.
По молитве воздаяние,
По причастью благодать.
Все дороги нынче сходятся
И ведут в высокий храм.
Пресвятая Богородица,
Буде милостива к нам.

* * *

Мне больно видеть тех, кто сердцем слеп,
Кто даже в полушаге не заметил
Коварной лжи уродливых отметин.
Жаль тех, чья жизнь раскрашена, как хлеб
В чужих руках, что выпачканы сажей.
Коварной бездной в довершенье бед
У солнечного дня украден свет
Прилюдно... Но слепцы не чувствуют пропажи.

* * *

То прядётся, то рвётся нить
За окном в ледяной оправе.
Не хочу никого винить,
Потому что винить не вправе.
Стать мудрее на склоне дней –
Не такая уж, скажем, малость.
Для разбрасыванья камней
Больше времени не осталось.
У судьбы непростой замес,
Скорбный лик озарили свечи.
С оскорблённых грехом небес
Сходит крест прямо мне на плечи.

* * *

Серебряный росчерк на синем,
Озвученный песней крыла.
К востоку. К истоку. В Россию.
В дорогу – была не была.
Растают сомнения льдинки.
Моряна поддержит плечом.
Знакомые с детства суглинки
Обнимут меня горячо.
Лучи астраханского солнца
Блеснут у родного крыльца.
И музыка в сердце проснётся,
Стирая морщинки с лица.

* * *

Сквозь январские снежные блёстки,
Сквозь промозглую зимнюю грусть
Я вернулась в свой город неброский,
Чтоб пройти по нему наизусть.
Мне не страшен тугой и упрямый
Ветер, крыльями бьющий в стекло.
Я сегодня увиделась с мамой,
И от сердца почти отлегло.

Ночь тускнеет, и, видимо, вскоре
Перестанут гореть фонари,
Заблестят купола на соборе,
Предвещая рожденье зари.
Снег, рассыпанный белою манкой,
Здесь дворник сгребает с трудом.
Зарумянившейся астраханкой
Входит утро в отеческий дом.

* * *

Плыл месяц в лодочке за сонной тучкою,
И звёзды сыпались в ночной посад.
Я в том краю была беспечной внучкою
С благословения Больших Исад.
Всё было праведно. Всё было искренно.
Струилась музыка сквозь облака.
Там голос бабушки звучал как истина,
Святая истина на все века.
Сквозь годы тянется дорога Млечная.
Морозы дерзкие сулит зима.
Вся жизнь закручена в спираль извечную –
Я нынче бабушкой зовусь сама!
Приметы времени покрылись инеем –
Родная улица в другой стране.
Но месяц ласковый по небу синему
Всё в той же лодочке плывёт ко мне.

* * *

На дворе метёт метелица.
В белых шубах терема.
Я такая рукодельница –
Не нарадуюсь сама.
Не страшна мне вьюга снежная
В полуночной синеве.
Разошью узоры нежные –
Ляжет бисер по канве.
Засвечу лучину к ужину
От серебряной звезды.
А воротится мой суженый –
Подивится на труды:
На цветы на небывалые,
На узорный переплёт.
Поцелует в губы алые,
К сердцу бережно прижмёт.
И, откушав, сядет с краешка,
Восхищенья не тая:
– Благодарствую, Натальюшка,
Ненаглядная моя!

Рижские берега

Алёна Митина

Алёна Митина – родилась в Республике Коми, живёт в городе Риге (Латвия). Поэт-песенник, автор пяти сборников стихов и малой прозы, песен на русском, родном коми языках, детской книжки-раскраски. Первые публикации стихов с 1984 года. Член Российского союза писателей, Союза деятелей культуры и искусства, Международной ассоциации писателей, рижского клуба любителей поэзии, музыки и живописи «Созвездие» и литературного сообщества Латвийско-российской ассоциации «Корни» (г. Рига, Латвия), литературного объединения «У камелька» (г. Сыктывкар). Печаталась в различных СМИ и в более 60 коллективных сборниках и альманахах, в других печатных изданиях. Номинант премии «Поэт года – 2019», «Писатель года – 2021».

Стихо-ТВОРЕНИЕ

Тонко сплетаясь, слова рассыпаются
Вязью ажурной – как птицы слетаются.
Теплится свет от свечи-ночника,
Рвётся наружу – ложится строка.

Пламя свечи, вопрошая испуганно,
Тенью на стенах мерцает поруганной,
Гарью пыгается страх свой прикрыть,
Втайне мечтая застыть – не оплыть.

Ищет вопросы в ответах меж строчками
И оседает не пылью, а точками
Стих мой, что вязью – с желаньем извне,
Взять – раствориться с луною в окне.

Ставит условия, дразнит бессонница.
Стих в голове ярко-огненной конницей
Скачет, беснуется. Мне б потушить
Этот огонь и заснуть – не грешить!

Только вот муза со мной забавляется,
Дамой крестовой, чужой притворяется.
«Стихо-ТВОРЕНИЕ» – ночь коротка,
Рифмы тасует поэта рука.

СТАРЕЦ

Заскорузлой рукой старец книгу открыл
И задумался, словно с собой говорил.
О годах, что теперь позади, что прошёл,
И о том, что ответ на вопрос не нашёл.

На вопрос, для чего он родился и рос,
Для чего в этот мир он пришёл, что принёс,
Что оставит он миру, и нужен ли был?
Нет ответа в той книге – не ту он открыл!

Под иконой лампадка чадит, не горит,
И которую ночь старец с думой не спит.
Знать, пора подвести в этой жизни черту,
Помолиться, чтоб с миром уйти к Христу.

И рукой заскорузлой он книгу закрыл.
Будто сам со своею душой говорил
О годах, что прошли, и о жизни своей,
И о том, что же было в той жизни главней!

ДУША

В сумерки закутавшись, душа
Стынет босиком, глотая слёзы,
В темноте блуждает – жизни проза,
Прячет стон, слабея и дрожа.

Нерв натянут тонкою струной.
Боль вползает в дом и, дверь захлопнув,
Заполняет душу, вмиг оглохнув,
Изогнувшись огненной дугой.

Ей, душе, в который раз – теша,
Не жалея ни её, ни чувства,
Указали место – без занудства,
Где слова не стоят ни гроша!

И теперь душа, умерив прыть,
Нищенкой на паперти с мольбою –
С просьбой, до безумия смешною,
На коленях просит «не губить»!

ЛЕТО

Ах, клубничное знойное лето –
В сарафаны, в туманы одето.
В цвет малины раскрасит рассветы,
Разноцветье подарит лугов.

На воде солнца яркие блики,
Синь небес и озёр. Многоликий
Манит лес, угощая черникой,
И дурманит нас запах цветов!
Поклонюсь я реке величавой
И за речкой зелёной дубраве.
Упаду я, раскинувшись, в травы –
Как же всё-таки здорово жить!
Ах, клубничное знойное лето,
В ярких красках цветочных букетов –
Ты поэтами, лето, воспето!
Как восторг от тебя утаить?

ДОЖДЬ

А по дворам шагает дождь
И мокнет сам же в своих лужах.
Ах, этот дождь – он так хорош,
Он после зноя мне так нужен!

С зонтом под руку (он мне друг)
Шагаю смело. Эти лужи
Мне нипочём! И пусть вокруг
Их будет много – неуклюжих.

Соседский кот из-под крыльца
На дождь любит тоскливо,
Что дождь для этого жильца,
Вода без рыбы – справедливо ль?

Игривых капель хоровод
В ветвях каштанов затерялся.
Я – одинокий пешеход,
А зонт не в счёт, он потерялся!

Скамейки жмутся под дождём
И георгины в парке плачут,
А дождь по лужам – пузырьрём,
И только я одна чудачу!

Шагаю смело! Этот дождь
Назначил в парке мне свиданье!
Он после зноя так хорош!
Он выше всех моих желаний!

В ВАЛЬСЕ ОСЕНЬ

Осень с мнимой небрежностью
Закружилась-растеклась,
С золотой листвой и нежностью
В мою душу пробралась.

И с улыбкою наигранной
Пригласила всех на бал,
Словно к осени эпитафией
Ветер листья разбросал.

В вальсе осень! В нежном танце
Лист осенний на ветру
Янтарём горит, багрянцем –
Я в букет их собираю.
В вальсе листья на асфальте,
Рыжий отблеск от костров.
Этот танец в жёлтом платье
Из моих осенних снов!

С ветром в танце, разбросав листву,
Осень пролилась дождём.
Разукрасив, как по волшебству,
Лист осенний янтарём.
И с улыбкою невинною,
От дождей слегка дрожа,
Осень с горечью полынною
Балом правила, спеша!

ПО СТУПЕНЯМ, В ВЕЧНОСТЬ

Памяти мамы

Опять в толпе шагая, слёзы скомкав,
Весна заплакала укромкой
И, бросив зонт, застыла у каналов,
У жизни нашей дней так мало!
Шагаю по ступеням и спускаюсь
К воде, к Неве – с тобой прощаюсь.
Замру на миг, достану сигареты,
Уже не важно с кем ты, где ты.

И по ступеням в вечность, в небо, в холод,
Спустишь я, спрячусь – выйду в город.
Пойду бродить среди людей, историй,
Вернусь к тому же месту вскоре.
Туда, где тучи ниже, храмы выше,
Где дождь по питерским – по крышам
Стучит, сбивая пыль, с толпою мокнет,
С тоской заглядывая в окна.

По питерским проулкам втихомолку
Души я собираю осколки.
У площади Дворцовой, где причалы,
У эрмитажного портала,
Я с болью по ступеням вновь спускаюсь
К воде, к Неве – с тобой сближаясь.
Замру на миг и заведу беседу,
Ты тенью рядом – с сигаретой!

Берега Новороссии

Андрей Чернов

Андрей Алексеевич Чернов – литературовед, критик, публицист. Родился в городе Луганске в 1983 году. Работал учителем, библиотекарем, журналистом. С 2016 по 2021 год находился на военной службе. Публикуется с 2004 года. Автор более 200 публикаций в изданиях Донбасса, России, Украины, Молдовы, Сербии. Автор книг очерков «Притяжение Донбасса» (2016) и «Донбасский код» (2019). Награждён орденом Фёдора Достоевского I степени Пермской краевой организации Союза писателей России. С декабря 2014 года – секретарь Правления Союза писателей ЛНР. С марта 2023 года – главный редактор литературно-художественного альманаха «Крылья». Живёт и работает в Луганске.

«ЭТИ РУССКИЕ» ЕЛЕНА ЗАСЛАВСКОЙ: ВНЕВРЕМЕННЫЕ СМЫСЛЫ РОДИНЫ

Книга Елены Заславской «Эти русские» увидела свет в Луганске в 2022 году. Можно, конечно, написать, что в сборнике собраны стихотворения, посвящённые войне в Донбассе. Но за этой постылой фразой стирается смысл, что-то истинное. «Посвящённые войне» будто делают войну главным действующим лицом книги, поэзии Заславской. Но каждый знает, что это не так. Главная здесь не война, а жизнь, жизнь упрямая, каждым мгновением борющаяся со смертью – войной. Как выжить в войне? Как сохранить в себе человека? Не утратить человеческое естество, не опуститься до животной ненависти? Об этом поэзия Заславской. На все вышеставленные вопросы она пытается ответить – как поэт, участник событий, женщина, мать. В этом, мне кажется, главное достоинство книги Елены Заславской.

С самого начала скажу, что не хочется писать о поэзии Заславской поверхностно, лишь по очевидным смыслам слов её лирики. За терриконами, огнями, полонецкими бабами, снами у Заславской сокрыты куда более важные смыслы, лежащие глубже, уводящие нас из сегодняшнего дня во вневременье. Чтобы понять эти образы, нужно нырнуть вслед за автором в метафору, почувствовать каждой клеткой тела сопричастность переживаемому моменту бытия. Нужно помнить, что сфотографированное движение – это не само движение, это картинка с позой человека. Чтобы понять движение, нужно самому стать движением. Нужно пережить это движение.

Время в поэзии Заславской – особая категория, вовсе не тождественная нашему привычному ощущению времени. Автор связывает особое течение времени с войной:

*...Здесь время
Течёт иным путём.*

Впрочем, мы вовсе не обязаны верить утверждениям автора. Война добавляет остроты переживаемому моменту существования, но само существование остаётся таким, каким и было. И время мирное ничем не отличается от времени во время войны. Оно также может восприниматься то более быстрым, как бы ускоряясь, то медленным, замедляя бег секунд. Поэтому позволим здесь не поверить лирическому герою Елены Заславской. Тем более что есть в лирических текстах сборника указания другого рода.

Автор прямо пишет о смещении временных линий, из-за чего время перестаёт восприниматься как нечто линейное:

Здесь сразу за крылечком – вечность...

Лирический герой воспринимает это как данность, как что-то само собой разумеющееся. Это как выйти из-под козырька подъезда под шумящий поток дождя. Это возможность перехода из своего

бытия в иное бытие, с иным временем. Для такого перехода не нужно ничего особенного. Это дар виденья – сквозь время и пространство, понимание связи своей экзистенции с прошлым, настоящим, будущим.

Такому взгляду открываются ожившие половецкие каменные изваяния («окаменевшие Джоконды»), эти сфинксы донецких степей, наследие иных времён. Какие вопросы они задают? О чём молчат? Что они знают?

*Знают, новые герои родились,
И они полягут в землю эту.*

Простая, но вечная истина: борьба рождает героев среди людей. Герои платят высшую цену, проливая на священную землю кровь. Герои «полягут в землю», ценой своей жизни подтверждая её сакральность.

Таким героем из вневремени предстаёт ополченец. Он одновременно принадлежит и нашему времени, и времени Великой Отечественной войны, и былинным временам «вечных номад».

*И как когда-то поправлял он меч свой,
Калаш поправит на своём плече.*

Воин не принадлежит ни одному времени – он одновременно живёт во всех временах. Время – лишь выхватывание мгновений из вечности, а воин принадлежит вечности, той самой, которая здесь сразу «за крылечком». Если время уступает место вечности, то пространство в лирике Заславской вполне конкретно. Оно привязано к «земле», в которой мы легко можем рассмотреть наш священный образ «родной сторонки», «землицы» – архетипический для русской цивилизации. Время проходит, но земля, русская земля – принадлежит вечности. Она неизменна, священна, она – смысл жизни воина.

В стихотворении «Ополченец» Заславская создаёт мифопоэтическое полотно, на котором перед нами предстают контуры этих вечных образов. Вот Родина, уснувшая «в густой траве и ковылях», ей снятся «дурные сны» в «хрустальном саркофаге государства», в этом кошмаре «новый царь» длит сон Родины повелительным тихим шёпотом. Но является её возлюбленный – воин, солдат, ополченец. Это у царя век короток, а Родина и воин принадлежат вечности:

*Вот он идёт! Неистов! Юн и груб
От крови свежей сладким поцелуем,
Войною, революцией, бунтом,
Касается её горячих губ...*

Если в «Ополченце» Заславская создаёт мифопоэтический образ воина-ополченца, то в стихотворении «На Саур-Могиле» тема вневремени предстаёт не столь метафорично. Но и здесь ключевой образ – вечность родной русской земли, высшей ценности народа:

*Как в страшном сорок третьем,
Уже в другом столетии.
Там, где отцы и деды
Сражались за победу,
Он там же пал, он с ними,
Теперь в одной могиле.*

Единство русского воинства – на поле боя, на священной земле «русского раздолья». Это служение не царям и правителям, а своей земле и народу. Высшая честь – отстоять свою землю, не страшна и гибель, ведь единство русского воина невозможно расколоть смертью. «Он там же пал, он с ними...» – после смерти воины не оставляют единства, не тонут во мраке небытия. Их служение Родине продолжается во вневременье.

*Земли нет в мире краше.
В ней спят солдаты наши.*

Но нас не должно отвлекать это «спят»: спят они телом, вернувшись в родную землю. Их души возносятся в необъятное небо (и не просто «небо», а «наше небо») над Родиной:

*Запёкшиеся губы шепчут: «Мама».
Отныне дом родной мой – наше небо!*

Примечательно, мне кажется, то, что Елена Заславская связывает в своей лирике образ Родины (земли) с женским началом. Это опирается на архетипические основания славянской мифологии, отголоски матриархального уклада наших предков. Так, немецкий антрополог и этнограф Лео Фробениус все культуры условно делил на две первичные – матриархальные и патриархальные. Из европейских народов к матриархальным Фробениус относил русских и немцев. Одна из особенностей культур этого типа – особая связь с природой, понимание своего единства с просторами окружающей земли.

Впрочем, Е. Заславская пытается ввести и маскулинные символы-образы родной земли. Так в лирике Заславской возникает образ террикона, этого «постиндустриального бога», визуализация промышленной славы Донбасса. Рукотворные горы – не пассивные элементы ландшафта, это смысловые акценты, говорящие нам о преобразующей деятельности многих поколений людей. И своей связью с этой деятельностью они одухотворяются, приобретают черты живых исполинов, сгустков шахтёрского бытия.

Священная земля Родины – пространство борьбы. Но за что борьба? Только лишь за обладание этой землёй? Елена Заславская пытается дать ответы и на эти вопросы. Родина – не земельный участок, который можно купить или продать. Родина – одухотворённое пространство, земля пращуров, земля их труда и созидания, земля любви и красоты.

*...И сердце захлебнётся песней
О том, что в мире нет чудесней
Родной, измученной земли.*

Любовь – главная святыня нашей земли, нашей Родины. Любовь к своей земле, родной природе, родителям, супругам, детям. Любовь – то, что хранит и наполняет одухотворённостью нашу землю. Героиня Заславской восклицает:

*Проснись, моя любовь,
Жизнь будет вечно длиться.*

И воины оберегают на родной земле эту любовь, хранят жизнь, платят за неё высшую цену. И любовь эта горит как негасимый светоч (также один из символов в лирике Заславской). Это тот самый евангельский свет: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». И чтобы не погас он, не сгинул во тьме, русские воины-солдаты-ополченцы бьются с мраком. Ибо такова у них судьба, у этих русских – во все века, вне времени, на русском святом просторе.

Берега Янтарного края

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства, автор 34 художественных, историко-краеведческих, публицистических и научных книг, прозаик, публицист, критик. Член Союза журналистов России, кандидат философских наук. Почётный гражданин Балтийского городского округа, почётный член философского делового клуба, заместитель президента Всемирной Информэнциклопедии-Калининград, член редакционного совета журнала «День и ночь» (Красноярск), член жюри Литературного конкурса «Новая Библиотека» – премии имени святых благоверных Петра и Февронии.

ВОДНЫЙ ПУТЬ ВОКРУГ ПЛАНЕТЫ В ОДИНОЧКУ

Калининградский кругосветчик Владимир Маратаев

Во всяком путешествии главное – счастье возвращения

Владимир Маратаев живёт в Калининграде, и здесь был дан старт его кругосветке 19 июля 2016 года, завершившейся 11 августа 2019 года. Он прошёл по волнам вокруг Земли, намереваясь ловить поток ветра и лететь вперёд, наслаждаясь свободой. Но мореходство – это всегда приключение, для Владимира длившееся три года, давшее уникальный опыт, отображённый им в книге «Парус вокруг света», изданной в серии «Современные российские путешественники» Союза кругосветчиков России в 2021 году.

Он профессиональный моряк, всегда в своей жизни увлекался яхтами, а это более пятидесяти лет, и медленно, но верно шёл к осуществлению своей мечты – обойти на яхте Землю, испытал силу ветра и высоту волны, которые всегда неожиданны, хотя на берегу ты, казалось бы, предусмотрел каждую мелочь, увидеть берега дальних стран и их обитателей, чтобы, возвратившись домой в привычный земной ритм, ощутить, что ты другой человек.

Ты испытал себя в борьбе со штормами, коварными ветрами, течениями, пиратами, голодом, жаждой, одиночеством, поломками в яхте, зноем, ливнями и вышел победителем над теми условиями бытия на воде, которых люди обычно избегают. А ты «попадаешь» в них как первооткрыватель, заново постигая цену жизни, расставляя её приоритеты и постигая шкалу счастья «от кочки и до Казбека».

И вот Владимир вернулся. Его встречали друзья, семья и немногочисленные журналисты. Четвёртый в России кругосветчик в одиночном плавании – и первый и единственный в Калининграде. Я полагаю, что его будут приглашать на приёмы первые лица города и области, он будет, как говорится, не слезать с экрана телевизора, со страниц газет, что его будут приветствовать различные организации и учреждения, отдавая дань уважения мужеству и воле победителя над морской стихией, но это сделал лишь Музей Мирового океана.

Ступив на землю, яхтсмен был счастлив, потому что здесь, на родном берегу, ему не надо думать, какая за бортом погода, не нужно думать о воде и пище, не надо просыпаться каждые полчаса, чтобы осмотреться, а что происходит вокруг твоей яхты.

– И ещё, – сказал Владимир, – когда ты не можешь долгое время говорить на русском языке и возвращаешься домой – говорить свободно по-русски – это счастье.

Яхта «Вдохновение-2»

Попытка второй кругосветки

Наслаждаясь своей победой над стихией, твёрдой почвой под ногами, оставаясь наедине с собой, Владимир всё же слышал шёпот любви океана, его зов, солнечные блики на поверхности воды, в которой в глубине прячутся молчаливые рыбы, а обрамлённые золотым песком сверкают зеленью южные острова, полные пения ярких птиц и звуков диких животных.

Недавно мы встретились с Владимиром, и он произнёс: «Сейчас, в 2023 году, вернулся из второго большого путешествия, нет, не кругосветного, просто не удержался дома, ведь по жизни я профессиональный моряк. Много ходил в море, и оно притягивает, манит своими испытаниями. Сейчас, во втором плавании, я пытаюсь выяснить, на сколько хватит моих сил. И я отправился в море больше испытателем. Я никому ничего не обещал и почти никому не говорил, что я отправляюсь в плавание. Мне 74 года, и составлять глобальные планы нелегко, поэтому я никому не давал обещания, что это будет кругосветное плавание. Я выхожу в море тихо. Это совсем не то, что происходит, когда выходит Фёдор Конюхов. У него огромное финансирование, он истратил на свои путешествия около 50 млн долларов. У Конюхова целый штаб, который работает на безопасность и на обеспечение его кругосветок. А я без всякого финансирования. В первое кругосветное плавание я пошёл на деньги, которые сам заработал, когда ходил в море. Спонсоров я даже не искал, это очень сложно сейчас, тем более что налоговая политика у нас совсем не стимулирует предпринимателя к меценатству. Пытался, конечно, но понял, что не получится. Сейчас я даже до Испании не дошёл, а намеревался дойти до Марокко. Возникла проблема техническая. Яхта старая, 1979 года. И травма плеча даёт знать. К тому же санкции и отсутствие «шенгена» вынуждали к длительному нахождению в порту, заходить в него можно было, а в магазин, например, пойти – нельзя. Нельзя было выходить в город. И в ожидании благоприятной погоды нужно было сидеть на яхте. Однажды начальница гавани сама сходила в магазин и купила продуктов (апельсины, хлеб, молоко), не взяв денег. Видимо, она тоже яхтсменка, поняла меня. В целом, везде было уважительное отношение, несмотря на сложности в политике».

Яхта «Вдохновение-2»

Так называется яхта Владимира – «Вдохновение-2». В паспорте записано: Inspiration-II. Я прошу рассказать её историю и как она оказалась у Владимира.

Карта путешествия В. Маратаева

– Тот, кто мне её продал, – говорит Владимир, – обошёл свет на яхте «Инспирейшен». И ему оставалось дойти всего-то от Карибского моря до Германии, как яхта утонула в Карибском море. Сам он спасся, вернулся в Германию и купил другую, назвав её «Inspiration-II». На ней он совершил кругосветку успешно. И я решил, что это имя счастливое, и купил у него эту яхту. Меня поразило, что он отважился назвать яхту в честь той, что погибла. Удивительно, конечно. И такого названия в мире больше нет. Она уникальна. Десятки лет я думал о приобретении своей яхты, и вот она моя. Живя в Находке в 80-е годы, я встретился с одним из четырёх нас, российских кругосветчиков, с Виктором Языковым, который родился в пригороде города Сочи и тоже мечтал о своей яхте, и он её построил.

Согласно открытым источникам Интернета, Виктор Языков совершил кругосветное путешествие на 10,5-метровой яхте «Дочь ветра», построенной по собственному проекту, за 181 день. Он стартовал из марины в Лас-Гальетас на юге Тенерифе 30 сентября 2018 года и вернулся туда же 31 марта 2019 года. Виктор Языков приурочил свою кругосветку к юбилею гонки Golden Globe Race 1968 года – первой одиночной кругосветной регаты в истории человечества.

Таким образом, Виктор Языков был в плавании почти одновременно с Маратаевым. А ещё ранее первое в истории России одиночное кругосветное плавание на яхте без остановок (1990–1991) совершил Фёдор Конюхов.

Вторым был Евгений Александрович Гвоздев. На яхте «Лена» 7 июля 1992 года он вышел из махачкалинского порта, 19 июля 1996 года завершил свой поход.

Но вернёмся к путешествию Владимира Маратаева.

Предназначение или мечта?

– Вы решили, что это Ваша миссия, предназначение, это Вам необходимо – совершить кругосветное плавание? – спрашиваю Владимира.

– Это осуществлённая мечта. Когда я заканчивал флотскую карьеру, я вспомнил, что я когда-то мечтал совершить кругосветное плавание. И меня интересовала техническая сторона, на чём. Купить яхту, запастись продуктами, и вперёд. Когда ты в море, у тебя нет стопроцентного чувства, что ты вернёшься домой, потому что океан непредсказуем, потому что возраст твой уже не маленький.

Но маршрут, по которому я пошёл, не считается трудным. Я проходил через Панамский канал. Самое сложное было – пройти Индонезию, потому что в Малайзии я ждал полгода ветров, которые

понесут тебя на парусах. За это время подремонтировал яхту, паруса, слетал домой и подлечил плечо, которое порвал, когда утихомиривал паруса. Попал в шторм и состязался со стихией. Я прикладывал усилия больше, чем мог физически, поэтому порвал плечо, разорвалась мышца и на спине. Долго лечил плечо и поясницу.

Водный путь Маратаева

– Пройдя Балтийское море, Кильский канал, я оказался в Северном море, потом сделал небольшую стоянку в Амстердаме, и далее я дошёл до Канарских островов. Здесь, на Канарах, меня поджидала неприятность: я повредил спину, поднимая тяжёлый якорь, поэтому стартовал на Карибские острова с опозданием почти в месяц. Через Атлантику я шёл не один, а с молодым парнем из Германии. К сожалению, попутчик не разобрался в яхтенном деле. Во время своей вахты он прозевал шквал ветра, который разорвал передний парус, который снять и починить из-за сильного ветра было невозможно, поэтому Атлантический океан мы прошли по времени больше, чем Колумб.

На Карибских островах попутчик высадился, и я отправился в Панаму. Мне пришлось месяц ждать очереди, чтобы пересечь Панамский канал. Там же я оформил визу на Маркизские острова – заморская территория Франции в центральной части Тихого океана.

Переход через Тихий океан длился 52 дня. Я высадился на Маркизах и понял, что мышцы мои ослабли.

Я профессиональный моряк, для меня качка – обычное дело. Но когда мышцы перестали работать, то было мне новое испытание. Чтобы оформить документы, нужно было идти в полицию – четыре километра от порта. Туда я дошёл, а обратно – не могу. Мимо проезжали машины, которые предлагали подвезти, а я отказывался, потому что надо было заставить ноги функционировать. Тут меня поджидало удивительное открытие – целительные свойства горной воды. Спотыкаясь, добрёл до реки. Выпил чистой воды и, не поверите, пошёл дальше как ни в чём ни бывало. Вот вам доказательство правдивости сказки о живой воде.

С Маркизских остров я пошёл на Таити, ведь я всегда мечтал там побывать. Оттуда направился на Бора-Бора. Я очень хотел зайти на атолл Суворова и остров Беллинсгаузена – ведь их открыли русские моряки в начале XIX века. Но для их посещения нужна была отдельная виза, и за неё нужно было платить. К тому же погода портилась на глазах, не располагая к ожиданию. Увы, я прошёл мимо на Самоа, о чём очень сожалею.

После Самоа я обогнул Новую Гвинею со стороны Тихого океана. А потом были стоянки в Восточном Тиморе и на Бали.

Побывал ли Владимир в храме перед отплытием, – спросила я у путешественника. И он ответил, что не смог этого сделать в Калининграде из-за сильной занятости и подготовки, хотя думал об этом. Но в пути, остановившись в Лас-Пальмасе де Гран-Канария, встретил двух человек на пляже, один из которых возглавлял местную православную общину, а другой был священником, приехавшим из Парижа по приглашению, доктор теологии, родом из Молдавии. Я пригласил их к себе на яхту, а они меня – на молебен в арендуемом помещении. Приехавший из Парижа батюшка и благословил Владимира, который считает, что благодаря этому часто шторма проходили рядом, не задевая его, и от пиратов удалось убежать, и пройти полный опасностей Суэцкий канал...

– В море атеистов не бывает, – задумчиво произнес Владимир. – А шторма я делю на две категории: первая – когда капитан и экипаж судна делают всё, чтобы выйти из этого шторма. И вторая группа – когда судно не может выдержать силу стихии и экипаж обессилен. И тогда им ничего не остаётся, как молиться Богу. Люди, бывает, погибают даже в небольшие шторма, когда судно разваливается или даёт течь, и никто не может прийти на помощь, потому что слишком далеко находится и нет связи.

Ветра, которые подхватывают тебя от Индонезии, называются муссонные. Раньше путешественниками были купцы, они везли товары одни и назад брали что-то другое. Они всегда ждали попутного ветра.

Когда ты дойдёшь до Канарских островов от Калининграда, там уже везде попутный ветер. И до Карибского моря ветер не опасный по силе и благоприятный. А пройдя Панамский канал и Галапагосские острова, двигаешься с такими же ветрами до Индонезии. А там уже муссоны.

Маратаев на своей яхте «Вдохновение-2»

С едой и питьём как решал? Я не рассчитывал никогда на определённое количество дней. Это непредсказуемо. Может яхта сломаться, например. И в то же время я избегал перегруза яхты, идя на понижение скорости движения. Но я делал запас всегда достаточно большой. Главная еда – это каша, потому что я же без холодильника. Продукты покупаешь в портах.

Связь с Калининградом? В основном спутниковый телефон выключен. Когда нужно, я отправляю сообщение. А разговаривать – это очень дорого. Дома ждала жена. И есть у меня трое детей – все уже взрослые. Есть и внуки – их восемь. Связь держу с очень узким кругом людей из-за дороговизны трафика. Раз в три дня мне присылали прогнозы погоды. И я отвечал только текстом: свой курс, скорость движения. Прогноз погоды присылал яхтенный капитан, в прошлом мой воспитанник – Андрей Корнилов. Мы входим в Калининградский областной яхтенный клуб. Там только те, кого интересует яхтенный спорт.

Семья, конечно, была против, все родные были против, а друзья – за! Но я сам принимал решение. Главное для меня – осуществить мечту. Есть пословица о том, что каждый солдат мечтает быть генералом. Я был студентом, когда занялся парусным спортом, окончив Институт инженеров морского флота в Одессе, и по распределению я попал на Дальний Восток. А через четыре года переехал в Калининград.

– Пройдя моря и океаны, что Вы могли бы сказать об экологии на планете?

– Экология требует экстренного внимания. В Южном полушарии так замусорены воды – это не передать. У берегов сплошной мусор на воде. Особенно во время отлива весь мусор со дна моря обнажается и стоит ужасный запах канализации. Особенно в Индонезии. Берег усыпан пластиковыми бутылками и пакетами.

– Что Вы скажете о дружбе народов после встреч с людьми в разных странах?

– В Индонезии я стоял в Рыбачьей гавани. Там было много детей. И они стали моими друзьями, как и их отцы – рыбаки, которые все ездят на мотоциклах, а дети с удовольствием катались на моём складном велосипеде. Когда я уходил, они прощались со мной, как с родным человеком. Мы фотографировались вместе. Это дружба народов в самом полном виде.

– Встречались с русскими яхтсменами?

В Нидерландах

– Встречались в пути яхты под флагом России. У кого-то скромная яхта, у кого-то большая, на всех, в основном путешествовали семьями. На Бали было много наших, очень много, но мы почти не общались.

Среди русских были в основном те, кто владел дорогой яхтой. И кто-то запросто общался, что было приятно. Но были и те, с кем я бы, находясь на берегу, в городе, не разговаривал бы. Вот пример, почему. У меня была красивая варочная плитка, в которой вместо газа я использовал керосин. Как-то на ней я начал варить курицу. И вдруг она сломалась. Починить не получилось. И я кастрюльку с недоваренной курицей положил в сумку и пошёл к одному человеку, которому буквально вчера целый день помогал в ремонте. И он мне отказал. Я у него денег не просил за помощь. И вполне был рассчитывать на него в таком малом деле, как доварить еду. Но он отказал.

У яхтсменов принято помогать друг другу. Неважно, какой ты национальности. Самое главное – это взаимопомощь. И мне помог один человек из местных, который продавал горячие бутерброды.

Как я уже говорила, Владимир написал книгу «Парус вокруг света», прислав мне её в электронном виде со словами: «Как сумел, так и написал. Много яхтенной терминологии. Она для специалистов. Но и рядовому читателю интересно услышать историю о пиратах, о штормах. Если ты после этого вернулся живым, то это интересно».

Берега искусства и культуры

Оксана Карнович

Оксана Андреевна Карнович – родилась в городе Алма-Ате. В 1995–2000 годах – в «Имперском русском балете» (художественный руководитель – Гедеминас Таранда, президент – Майя Михайловна Плисецкая). Сотрудничала с коллективом «Русские сезоны» под руководством Николая Андросова. В 2006 году окончила Институт русского театра по специальности «Педагогика хореографии»; в 2008-м – с отличием Московскую государственную академию хореографии по специальности «История и теория хореографического искусства», специализация – балетный критик, педагог истории балета. С 2008 года – педагог в Московской государственной академии хореографии на кафедре хореографии и балетоведения. В 2012-м окончила аспирантуру МГАХ. В 2016-м на кафедре истории театра России «Российского института театрального искусства – ГИТИС» защитила диссертацию по присуждению учёной степени кандидата искусствоведения Российского института театрального искусства – ГИТИС. Кандидат искусствоведения. Член Союза театральных деятелей Российской Федерации. Публикуется в журналах: «Балет», «Сцена», «Театр. Живопись. Кино. Музыка. Ежеквартальный альманах ГИТИС» (Москва); «Новый журнал» (Нью-Йорк); «Русская мысль» (Лондон); «Берега» (Калининград); «Танец в Украине и мире» (Харьков); альманахе «Academia: Танец. Музыка. Театр» (Москва). Один из авторов статей и интервью в книге «Рюрикович в эмиграции. Князь Никита Лобанов-Ростовский: статьи, интервью, рецензии» / сост. Н. А. Алпатова, Н. Д. Лобанов-Ростовский. – Москва: Полиграф-Плюс, 2015.

МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ И БОЛЬШОЙ ТЕАТР

В своей книге «Я, Майя Плисецкая» балерина писала: «...Дам вам совет, будущие поколения. Меня послушайте. Не смиряйтесь, до самого края не смиряйтесь. Даже тогда – воюйте, отстреливайтесь, в трубы трубите, в барабаны бейте, в телефоны звоните, телеграммы с почтамтов шлите, не сдавайтесь, до последнего мига боритесь, воюйте. Даже тоталитарные режимы отступали, случалось, перед одержимостью, убеждённой, настырностью. Мои победы только на том и держались. Характер – это и есть судьба...»

«И второй раз родиться не выйдет, как ни старайся. Своё живи!»

Она жила ярко, надрывно, страстно, пренебрегая авторитетами, запретами, режимами, ломая барьеры, утверждая свою собственную правду в жизни и искусстве. Весь её облик – руки, прыжок, поворот шеи, стать и грациозность, жгучий темперамент – несли печать свободомыслия и воли. Недаром партия Кармен стала эмблемой её творчества. Даже «Лебедь» на музыку Камиля Сен-Санса, с лёгкой руки (или ноги) Анны Павловой став «умирающим», в исполнении Плисецкой оставался непокорённым. Плана по имени Майя, величественная, блистательная, единственная и неповторимая. Многочисленные эпитеты не достаточны, чтобы выразить всю силу и мощь уникальной личности и таланта балерины. В ней было нечто масштабное, не поддающееся анализу, но бесконечно восхищающее, притягивающее и будоражащее. Плисецкой достаточно было появиться на сцене, в аудитории, сделать жест, чтобы публика восторженно взрывалась аплодисментами. Взмах рук Плисецкой либо наполнял пространство поэтичностью и одухотворённостью, либо электризовал, статическими волнами проникая в каждого сидящего в театре. Всякое её присутствие создавало особое настроение чего-то настоящего и значимого.

За тридцать лет службы в Большом театре сколько раз она выходила в партии Одетты-Одиллии, Майя Михайловна не помнила сама – восемьсот, а может, тысячу раз. Бунтарка во всём, всегда прямо-

линейная, она делала то, что считала нужным. Наталья Седых, балерина Большого и всеми любимая Настенька из фильма «Морозко» Александра Роу, случайно став свидетельницей разговора заведующего труппой с Майей Михайловной, вспоминала, как Плисецкая отказывалась танцевать очередное «Лебединое озеро», которым традиционно встречали иностранную делегацию в Большом театре. Заглянув на репетицию, он долго упрашивал Плисецкую исполнить бессмертный шедевр Иванова-Петипа, но из-за её плохого самочувствия получил категорический отказ. Тогда, тяжело вздохнув, он сказал: «Ах, как жаль». Плисецкая лаконично ответила: «Это Никсона жаль», повернулась и грациозно вышла из зала. На этот раз «не повезло» Ричарду Никсону, тогда ещё вице-президенту США, приехавшему в 1959 году на открытие первой в истории СССР выставки промышленной продукции Америки.

Майи Плисецкой не стало 2 мая 2015 года, за шесть месяцев до своего 90-летнего юбилея. Являясь воплощением свободы, воли, силы, красоты и жизнелюбия, многие были убеждены, что она должна отметить не только столетний юбилей, но и последующие. Гала-концерт «АВЕ МАЙЯ» в Большом театре 20 ноября 2015 года прошёл без неё...

Плисецкая сама составляла программу юбилейного вечера. В первом отделении «из станцованных» ею балетов, партии и вариации исполнили артисты Большого, Мариинского и Михайловского театров. Во втором, с балетом Мориса Бежара, Диана Вишнёва станцевала любимое Плисецкой «Болеро» на музыку Мориса Равеля. «Гибель Розы» (хореография Ролана Пети) на музыку «Адажиетто» Гюстава Малера воплотила Ульяна Лопаткина. Третье отделение завершала прима-балерина Большого театра Светлана Захарова непревзойдённой «Кармен-сюитой» Родиона Щедрина (на основе музыки Жоржа Бизе). Программу концерта Майя Михайловна венчала таким образом: «**Кода** вечера 5–6 минут последних тактов “Болеро” с моим изображением, и мой выход вживую из центра сцены под музыку “Болеро”». Она не вышла...

Оттремели аплодисменты. Публика, уверенная, что концерт окончен, стала подниматься с кресел. Но неожиданно занавес открылся, и на большом экране появилась танцующая на столе «Болеро» Майя Плисецкая в чёрных лосинах и светлом обтягивающем купальнике – страстная и обжигающая. Вдруг, подобно вспышке молнии, появилось какое-то мистическое ощущение её присутствия. Весь звёздный состав участников концерта как-то померк и растворился в гипнотически завораживающей бьющей энергетике гениальной балерины, в её соблазняющем, архетипически-диком и необузданном женском начале, доводя зал практически до состояния транса, эмоционального и ритуального. На сцене царила только Майя, непревзойденная Майя, её дух, её образ. Сколько было ещё запланировано и не исполнено... Но, у Бога свои планы...

Режиссёром и художественным руководителем вечера выступил Андрис Лиєпа. С его отцом, Марисом Лиєпой (1936–1989), Плисецкую связывали не только вместе исполненные партии, короткое время он был её первым мужем. Сохранилась запись балета «Дон-Кихот» 1957 года, танец которых подобен вулканическому взрыву – интригующий, бравурный, ослепительный. Но любовью всей жизни был её Родя, величайший композитор современности – Родион Константинович Щедрин. Ей было двадцать девять, ему двадцать два года, когда они познакомились, пронеся через всю жизнь любовь, уважение и восхищение друг другом. Она советовалась с ним по любому вопросу, даже на какую сторону прикрепить цветок, танцуя любимую Кармен. Он называл себя «Майяманом», балетоманом единственной балерины, которой посвятил все свои балеты. «Щедрин был одной из причин, почему я не осталась на Западе. <...> Жизни без Щедрина я представить себе не могла. Даже в хрустальном замке на каких-нибудь Канарских островах», – писала Майя Михайловна.

Несмотря на огромный пантеон талантливейших балерин, Плисецкая останется непревзойдённым символом балерины века XX. Одна из одиннадцати *prima ballerina assoluta* (титул, учреждённый мастерами романтической сцены XIX века), Майя Михайловна стала провозвестником новой эстетики танца, манеру которой невозможно перенять, скопировать.

Не многие знали её лично, но Плисецкую знали все. Недосягаемая, с одной стороны, с другой – она принадлежала всем и не принадлежала никому.

Каждому хотелось прикоснуться к её имени, как минимум взять автограф. Нам выпало счастье не только общаться, но и танцевать с ней на мировых балетных сценах.

Моя мама (ребёнком сосланный в Казахстан), восхищаясь балериной, показывала мне, как Плисецкая запястьями рук рисовала узоры в пляске персидок из оперы «Хованщина» Модеста Мусоргского.

Проживая в живописных алма-атинских предгорьях Заилийского Алатау, мне сложно было вообразить, что судьба подарит шанс встречи с величайшей балериной современности.

Впервые «вживую» я увидела Плисецкую в балетном зале, поразившись её элегантности, молодости, открытости и доброжелательности. Мы готовились к гастрольной поездке в Вену, организованной танцовщиком Большого театра Гедиминасом Тарандой, ангажировавшим артистов из разных хореографических коллективов участвовать в Гала-концерте с Майей Плисецкой.

Для кого-то это событие стало определяющим моментом в балетной карьере. Кому-то, в частности мне, решение поехать на эти гастроли стоило потери места в замечательной труппе Государственного академического театра классического балета под руководством Н. Касаткиной и В. Василёва. Но о своём решении я ни разу не пожалела.

Это была изумительная поездка по атмосфере общения, творческого рвения и душевности! Многие из балетных ребят даже не могли предположить, что им выпадет счастье выходить на сцену вместе с Майей Михайловной, заниматься классическим уроком, стоя бок о бок с ней. А впоследствии на протяжении долгих, но мимолётных шести лет работать в Имперском русском балете Гедиминаса Таранды, где Плисецкая была президентом компании.

В те гастроли, организованные Петром Худяковым, руководителем “Bolshoi Don Kosaken” в Австрии («Большого Хора Донских казаков»), мы выступали на сцене Венской филармонии. Действие начиналось полонезом на музыку из оперы «Евгений Онегин» Петра Ильича Чайковского. Выстраивая длинную диагональ из белых пачек с обращёнными руками в верхнюю кулису, стоя в положении arabesque, мы встречали величественно выходящую Майю в роскошном платье от Пьера Кардена. Концерт завершался бессмертным в её исполнении «Лебедем», который она бисировала дважды. На

*Миккели (Финляндия), М. М. Плисецкая (костюм А. В. Коженковой)
и труппа Русского имперского балета, 1996 г.*

*М. М. Плисецкая и О. А. Карнович,
1995 г.*

*М. М. Плисецкая и Миккели (Финляндия),
Берлин, 1996 г.*

тот момент ей было 69 лет! Успех был ошеломляющим! Потом был банкет, где присутствовала вдова Имре Кальмана Вера, весь цвет дипломатического и венского общества, что для двадцатилетних неоперившихся артистов, вырвавшихся из перестроечной и голодной Москвы, являлось сродни полёту в космос!

При жизни став легендой, недостижимая Плисецкая неожиданно стала «нашей Майей», а нас она считала «своими». Соблюдая дистанцию, мы относились к ней как к божеству, испытывая гордость от того, что совместно могли обсуждать наше гастрольное ежедневие, репетиции, выступления, походы по магазинам, покупки и другие мелочи. Понимая планетарный масштаб таланта и личности балерины, общение с ней, тем не менее, вводило нас в оцепенение. Несмотря на невероятную для нас её скромность и абсолютную «не звёздность» (что никак не соответствовало её статусу в противовес поведению иных именитых персон), мы поражались её абсолютной некапризности. Гастролируя по Германии, чередуя дешёвые и дорогие гостиницы, в Берлине мы остановились в небольшом уютном отеле, радуясь комфорту номеров. Каково же было удивление, когда я зашла в номер к Майе Михайловне и увидела, что кроме маленькой тумбочки и одноместной кровати не было другой мебели, а с трудом втиснутый чемодан занимал половину комнаты. Несомненно, это была самая дешёвая комната. На робкое предложение переселиться в более комфортные условия, она ответила, что совершенно не стоит беспокоиться, тем более беспокоить других.

В 2007 году она представила книгу своих воспоминаний «Тринадцать лет спустя»¹ (Майя Михайловна уже не сотрудничала с «Имперским балетом»). Презентация проходила в Москве в книжном магазине «Буква» на Зубовском бульваре. Выстояв в длинной очереди желающих получить автограф, я попросила подписать книгу для себя и дочери Ксении, которая, будучи ребёнком, часто ездила со мной на гастроли, и Майя Плисецкая всегда интересовалась: «Как наша Ксюшенька?» Несмотря на то что прошло много времени, узнав меня и улыбнувшись, она радостно воскликнула: «Здесь про тебя написано! Ты же у меня Карнович! Бери ещё одну книгу: одна будет для дочери, другая для тебя!» (Следует уточнить, что в книге «про меня», конечно же, ничего не было «написано», но отдельная глава посвящена «Имперскому русскому балету» Гедиминоса Таранды.) В память о Плисецкой у меня

¹ Плисецкая М. Тринадцать лет спустя. М.: АСТ, 2007.

остались элегантные туфли-лодочки от Pierre Valmain, подаренные ею в Париже в 1998 году.

Вспоминая моменты работы с ней, то время предстаёт удивительным и поразительным, нереальным, хотя тогда всё казалось таким естественным и даже обычным. Вместе с Майей Михайловной и «Имперским русским балетом» мы исколесили полмира, побывав на пяти континентах. Потом был балетный конкурс «Майя», её юбилей в Нью-Йорке, в Мариинском, в Большом...

Каждый, знавший её, мог бы наговорить свою историю: «Майя и Я». Таким образом прикоснуться к чему-то великому и действительно бессмертному. Но для Плисецкой всегда была важна другая категория: Майя и Большой театр – её любовь и боль, взлёты и падения, борьба и победы.

Ольга Васильевна Лепешинская, легенда советского балета, в одном из последних интервью Владимиру Васильеву подвела итог словами своей подруги Фаины Георгиевны Раневской: «Я проشمгнула» свою жизнь, но самое главное в моей жизни был Большой театр».

Большой театр... Чем был для Плисецкой Большой? Ответить может только сама Майя...

Предлагаю выдержки из её воспоминаний.

М. М. Плисецкая подписывает свою книгу, Москва, 2007 г.

М. М. Плисецкая

«Итак, в 1943 году я окончила хореографическое училище, была принята в Большой театр, станцевала несколько заметных партий и получила свою первую награду. Мне дали десятиметровую комнату в коммунальной квартире, в доме Большого театра в Щепкинском проезде, 8. Название «Щепкинский» не от слова «щепка», а по фамилии знаменитого в прошлом актёра Малого театра Михаила Щепкина. На Театральной площади в самом центре Москвы стоят три театра – Большой, Малый и Центральный детский.

Я не знаю, где ещё в мире есть три театра на одной площади. Так она и называлась, Театральная, пока не стала имени Свердлова, так же нелепо, как Кировский балет.

С обратной стороны знаменитой квадриги коней с колесницей Аполлона и располагался тот достопамятный дом. Ночами, после спектаклей, в этот тесный проезд выносились и вносились громоздкие, пыльные, зловонные декорации с гулким грохотом, помноженным ночной тишиной. Урчали грузовики. Летели, швырялись кресла, столы, деревья, двери, стены, окна, лестницы, вазы, люстры, балконы, сфинксы... Сочно звенел непрерывный мат. Так было каждоночно до трёх-четырёх утра. Вот когда меня отучили спать!

<...> Я прожила в этой квартире до 1955 года, пока мне не отдали двухкомнатную квартиру номер двадцать четыре дирижёра Файера на той же лестничной площадке.

<...> Когда меня приняли в труппу, театр только вернулся из эвакуации из Куйбышева, теперь уже обратно переименованного в Самару, – на сцене царствовали Марина Семёнова и Ольга Лепешинская. Великими княгинями были Суламифь Мессерер, Софья Головкина, Ирина Тихомирнова. Между ними и делился балетный репертуар. На закате своих карьер уже дотанцовывали Викторина Кригер, Любовь Банк, Анастасия Абрамова, Любовь Подгорецкая. Им премьеры не доставались.

Ведущими танцовщиками были Алексей Ермолаев, Асаф Мессерер, Михаил Габович, Александр Руденко, Юрий Кондратов.

Репертуар составляли обычные для всего мира названия. Вам перечислить? “Лебединое озеро”, “Щелкунчик”, “Спящая красавица”, “Дон Кихот”, “Коппелия”...

Знаменитый российский писатель прошлого столетия заметил однажды в сердцах – вот за что я люблю балет, так за постоянство (вспоминаю по памяти). Скоро я без малого пятьдесят лет на сцене, а репертуар тот же: “Щелкунчик”, “Дон Кихот”, “Лебединое озеро”, “Спящая красавица”...

Зарплату мне положили самую низкую: 600 рублей. Что после первой послевоенной девальвации потеряла ноль и превратилась в 60.

Приход новой балерины всегда дело тревожное. Потесниться никто не хочет. К тому же художественным руководителем балета в военное время был мой дядя Асаф Мессерер, совмещавший трон руководителя с танцем. Он человек щепетильный и выдвигать племянницу считал недостойным. Щепетильный, щепетильный, но жену свою Ирину Тихомирнову двигал энергично – дома его ожидали “штурмы Измаила”. Так я сразу попала в родственный переплёт. В последнем классе хореографического училища, когда каждый артист был на счету – напомним, что главная часть труппы была в эвакуации, – меня ставили на сцене филиала в сольные партии. Я танцевала па-де-труа и невест в “Лебедином озере”, три фрески в старом “Коньке-Горбунке” А. Горского, двух подруг Китри в “Дон Кихоте”...

Первый раз – уже как артистка Большого театра – я увидела свою фамилию “Плисецкая”, перечисленную в числе других, синими чернилами на замусоленной всяческими объявлениями доске расписаний возле балетной канцелярии, где мне надлежало исполнить одну из восьми нимф в польском акте оперы “Иван Сусанин”. Доска эта оповещала артистов не только о занятости в репертуаре, но и о делах более внушительных: политическом часе, куда явка была обязательна, выдаче талонов на обувь и съестные продукты, распределении подарков от Рузвельта, времени сбора на ноябрьскую демонстрацию, примерке костюмов в мастерских Большого театра, заседаниях месткома... Я огорчилась. Мой разговор с Асафом был краток.

– Я раньше не танцевала в кордебалете...

– А теперь будешь.

Так началась моя театральная жизнь.

Ослушаться я не могла, но протестовать – протестовала. Вставала вместо пальцев на полупальцы, танцевала без грима, перед началом не грелась. Сам Асаф танцевал с Лепешинской сатира. Наша восьмёрка прямо на спектакле не громко, но слышно, ритмично подпевала на мотив гликинского вальса: “Асафчик мой, красавчик мой”. Я не одна творила акт мщения.

<...> Но вернусь к театру. На моём небосклоне блеснул лучик света. К какому-то очередному юбилею комсомола (кажется, ему стукнуло двадцать пять) – от этих цифр тогда в голове была каша – по всей стране развернули шумную кампанию “по выдвижению молодёжи”. Трещали, пустозвонили во всю ивановскую. Разве театр мог остаться в стороне? Выдвинули и меня.

С репетитором А. Монаховым, бывшим танцовщиком из Ленинграда, строгим густобровым господином (он набил себе осанку на балетных королях и влиятельных вассалах), я за две репетиции слёта выучила прыжковую мазурку в “Шопениане” и станцевала её с громовым успехом. Прыжком меня природа не обделила, и я перелетала сцену за три жете. Так поставлено у Фокина, и это делают все балерины. Но я намеренно старалась в пике каждого прыжка на мгновение задержаться в воздухе, что вызывало у аудитории энтузиазм. Каждый прыжок сопровождался крещендо аплодисментов. Я и сама не предполагала, что этот маленький трюк придётся так по душе зрительному залу. Успех был взаправду большой. На следующие “Шопенианы” кое-кто из балетоманов уж шёл на “Плисецкую”. Можно было и нос задрать...

<...> Лавровский ставил “Жизель” на Уланову, пришедшую с ним в театр... почти одновременно. Я впервые увидела Уланову в 1939 году.

<...> Меня поразили её линии. Тут ей равных не было. Её арабески словно прочерчены тонко очинённым карандашом. У неё была замечательно воспитанная ступня. Это бросилось мне в глаза. Она ею словно негромко говорила. Руки хорошо вписывались в идеально выверенные, отточенные позы. Меня не покидало ощущение, что она беспрерывно видит себя со стороны. Во всём была законченность и тщательная продуманность. Резко бросилось в глаза различие ленинградской и московской школы. За весь спектакль она ни разу ничего не “наваляла”, что постоянно разрешали себе делать москвички, – это было, по правде говоря, в порядке вещей.

<...> Второе впечатление от Улановой пришло в 1940 году, на декаде ленинградского искусства в Москве.

<...> “Ромео” смотрела вся Москва. Уланова танцевала Джульетту. Этот вечер стал для москвичей настоящей сенсацией. Весь ансамбль действующих лиц был на подбор. Но Уланова выделялась.

Идя на спектакль, я ждала увидеть ещё один Балет Балетович, хотя молва донесла до моих ушей несметные похвалы постановке. Но увиденное затронуло меня сильно.

Многое было ново и непривычно. И партия балерины в первую очередь. Уланова нигде не переходила с поверхностного рассказа сюжета на вереницу знакомых каждому балетному классу движений – плие, пассае, алясекон, перевести в арабеск... Все эти движения, конечно, были, но я их не замечала. Драма шекспировской пьесы рассказывалась ею вне связи с балетной классикой. Чья это была заслуга? Постановщиков, Прокофьева, замечательной выучки вагановской школы или самой Галины Сергеевны? Всё помогло, но дар неба, думаю, был решающим.

<...> Теперь вернусь к “Жизели”. Лавровский устроил смотрины труппе. Прилежно ходил в наши утренние классы, перебирал каждого маленькими сверлящими глазами. Он всегда был подтянут, аккуратен, свежевыбрит, одет с иголочки. Сидя спиной к широченному балетному зеркалу, временами гневно косился на пианиста, мазавшего не по тем клавишам от присутствия нового босса. И мы видели в зеркальном отражении аккуратно подстриженный затылок Лавровского.

С самой Жизелью вопросов у него не было, как не было их и с Альбертом. Придя в театр, партнёром своим избрала Михаила Габовича – элегантного танцовщика, красавца, отзывчивого и счастливого в жизни человека. (<...> В первые дни войны, когда безо всякого разбору военкоматы призывали и отправляли на фронт каждого, что лишь увеличивало статистику убиенных, Габович смело отстоял многих танцовщиков. Мне рассказывал Юрий Гофман, впоследствии один из премьеров Большого, как потрясло его появление Габовича на бруствере окопа, в драповом штатском пальто, приехавшего на линию фронта, чтобы его вызволить. Габович в первые военные годы нёс на себе бремя руководителя балета филиала. Мы не должны забывать о таких подвижных благородством поступках.)

Лавровский назначил меня и Лялю Ванке на роли двух виллис. Мы были чем-то схожи, овалом лиц, вытянутостью фигур. Позже наши пути разошлись, и она играла Капулетти-мать во всех спектаклях, когда я танцевала Джульетту. Нам обеим причиталось по небольшой вариации. Свою вариацию я готовила с Вагановой. Та показала мне такой приём исполнения ранверсе, что я сорвала аплодисменты. Если правильно скоординировать тело, то получится буквально всё: мы невежественны и делаем многое по наитию.

Лавровский остался нами доволен. Так, по крайней мере, мы обе порешили. А для меня виллиса была своеобразным эскизом, наброском к Мирте, о которой мечталось.

<...> На Мирте произошла моя артистическая встреча с Улановой. Я увидела её теперь в сценическом пространстве. Могу судить с близкого расстояния, не с кресла зрителя.

Во втором акте Г. С. сумела стать тенью. И выражение глаз, и мимика, и жесты были бестелесны. Временами, в увлечённости действием, мне начинало казаться, что это не Уланова вовсе, а ожившее по магии волшебства мёртвое, парящее женское тело. Пола она вроде бы и не касалась.

<...> Быть на сцене лёгкой – редкий дар. Всегда и слышишь “бряцание” балетных туфель об пол. Уланова, как я заметила, всегда танцевала второй акт “Жизели” в мягких туфлях, чтобы исключить малейшую отвлечённость от образа. На репетиции она через оркестровую яму обратилась своим тихим голосом к дирижёру Файеру: “Уберите в конце моей вариации барабан. Мне это мешает”. Но дело – для меня – вовсе не в туфлях, не в барабане. Весь спектакль не покидало ощущение, что она касается пола реже, чем предписано смертным законом земного тяготения Ньютона.

Лавровский, уж не знаю из каких соображений, ставил меня Миртой только на спектакли с Улановой. С другими Жизелями я дела не имела. Это мне нравилось. А роль самой Жизели мне танцевать так и не довелось. Может быть, единственную из генеральных ролей классического репертуара.

<...> Следующей была “Раймонда”. Но это было не сразу, не тотчас. Были будни, классы, репетиции, спектакли, обиды, была театральная жизнь. Хочу припомнить, да, может, это и интересно будет с вершин дня сегодняшнего, как я постигала азбуку Большого театра.

В середине второго сезона мне прибавили зарплату. Первоначально было 600, теперь стала целая тысяча (опять напоминаю, что в девальвацию один ноль убрали – значит 100!). Я и впрямь была много занята в репертуаре. Кроме упомянутого, были ещё фея сирени и Виолант, повелительница дриад

в “Дон Кихоте”, танец с колокольчиками в “Бахчисарайском”, который балетмейстер Захаров поставил на меня. И была прокофьевская “Золушка”, где я танцевала “Осень”, тоже первой и тоже Захарова.

<...> Подступаю к “Лебединому”. В жизни моей этот балет Чайковского сыграл решающую роль. Я станцевала его более восьмисот раз. И танцевала тридцать лет: 1947–1977. Это как годы рождения и смерти на гробовом обелиске. Тридцать лет – целая жизнь...

<...> В Большом театре я танцевала три версии, три постановки “Лебединого озера”. Редакцию Бурмейстера в театре Станиславского. Вариант Берёзова в Миланской “Ла Скала”, тбилискую постановку Вахтанга Чабукиани...

<...> Я считала и считаю поныне, что “Лебединое” – пробный камень для всякой балерины. В этом балете ни за что не спрячешься, ничего не утаишь. Всё на ладони: два образа – кстати, когда-то “чёрный” и “белый” акты танцевали две разные балерины, – вся палитра красок и технических испытаний, искусство перевоплощения, драматизм финала. Балет требует выкладки всех душевных и физических сил. Вполноги “Лебединое” не станцуешь. Каждый раз после этого балета я чувствовала себя опустошённой, вывернутой наизнанку. Силы возвращались лишь на второй, третий день.

<...> Новым стал “Дон Кихот”. После Уличной танцовщицы учу Китри. Эта партия, как и “Лебединое”, прошла через всю мою жизнь. И ещё Персидку в “Хованщине” с Николаем Семёновичем Головановым за пультом.

<...> Время несётся метеоритом. В дни меняются, крушатся эпохи. Мир сегодня уже совсем иной. Какой-то будет завтра?..

Нет теперь ни одного интервью, где перво-наперво не спросили бы – почему Вы не остались на Западе?

Постараюсь ответить всем, самой себе в том числе, почему я всё ж не убежала...

<...> И Щедрин был одной из причин, почему я не осталась на Западе.

<...> Если я легко приспособлялась к “перемене мест”, к гостиничному житию, к переездам, то Щедрин, напротив, был домоседом. Каждая поездка, даже самая завлекательная, была ему в тягость. К России, к русской культуре, истории, обычаям он был накрепко прикован чугунными, хоть и невидимыми нитями. Оторвать Россию от него было непросто.

<...> Но жизни без Щедрина я представить себе не могла. Даже в хрустальном замке на каких-нибудь Канарских островах.

<...> И совесть была одной из причин, почему я не осталась на Западе.

<...> И ещё сцена Большого, нечеловечески прекрасная сцена Большого тоже была одной из причин, почему я не осталась на Западе.

Перетанцевала я во всех престижных театрах мира. Но такой удобной, самой удобной во всей Солнечной системе, во всём мироздании сцены, как в Большом, не было нигде!..

Когда перед выходом, стоя в кулисе, я каждый раз с ознобом радости ожидала свою музыку, своё антре, чувство ни с чем не сравнимого счастья разливалось по всему моему телу. Ещё три такта. Ещё два. Ещё один. Вот. Моя музыка. Ступаю на свою сцену...

Она была для меня родным существом. Одушевлённым партнёром. Я разговаривала с ней. Благодарилась ей. Каждая дощечка, каждая щербинка была мной освоена, обтанцована. Сцена Большого вселяла в меня чувство защищённости, домашнего очага.

Я, словно футболист, лучше играла и любила играть на своём поле...

<...> Меня не оставляет в безразличии судьба Большого балета. Большой – это вся моя жизнь. Вся без остатка. <...> Моему родному театру за всё спасибо».

*(По книгам М. М. Плисецкой: Я, Майя Плисецкая... М., 2005;
Тринадцать лет спустя: Сердитые заметки в тринадцати главах. М., 2007)*

Берега искусства и культуры

Никола Р. Казански

МЕРЛИН РУССКОГО ХУДОЖЕСТВА В ИЗГНАНИИ

К 80-летию Джона Эллиса (Елисеевича) Боулта

Это имя я узнал впервые из книг князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского.

Для меня, конечно, он был, по словам Набокова, прежде всего «библиографией, нежели биографией».

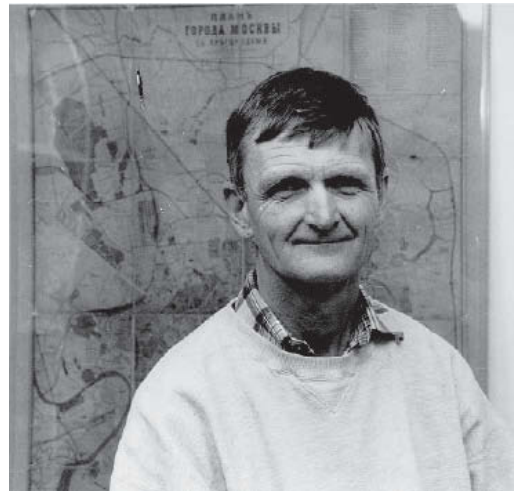
Н. Д. Лобанов-Ростовский не зря подчёркивает, что «среди иностранных авторов, занимающихся темой русского искусства, **самый продуктивный – американец Джон Боулт**. Он пишет, по крайней мере, по одной книжке в год. В России при его активной помощи вышла книга о Филонове...» (совместно с его женой Николеттой Мислер).

Доктор Боулт является создателем и директором Института современной русской культуры (Institute of Modern Russian Culture, IMRC) при Университете Южной Калифорнии. Основная цель института – собрать воедино все эмигрантские архивы, создать библиотеку и исследовательский центр. Он – главный редактор издания «Exregiment/Эксперимент», посвящённого русской культуре (выходит с 1995-го, вышло более 15 выпусков). В этом институте работала и одна болгарка, покойная Милка Близнакова, архитектор, специалист по русскому зодчеству.

Джон Боулт, свободно владеющий несколькими европейскими языками, свидетельствует: знать нужно прежде всего **русский** – язык, на котором культурный человек может думать, мыслить и свободно выразить любые смыслы.

Русский язык Джон Боулт начал изучать ещё в школе в Англии благодаря русскому эмигранту, преподававшему математику, который давал ему бесплатные уроки. В университете он изучал славистику и занимался в основном русским языком и русской литературой. Его «крёстным отцом в русскости» стал Александр Блок. В 1966 году он приехал в Россию по обмену в рамках деятельности Британского Совета, чтобы заниматься символизмом. Здесь он получил возможность учиться у профессора Д. В. Сарабьянова (1923–2013). Академик Сарабьянов является крупным специалистом в области традиций русского искусства, своеобразия стиля модерн и русского авангарда. Он много сделал для освобождения от «опалы» ряда русских художников, считавшихся формалистами, и возвращения их имён в лекционные курсы по истории искусства.

Занимаясь символистами, благодаря Сарабьянову, Боулт успел попасть в запасники Третьяковки. Эти кладовые советских музеев – места страшные. Кандинские повсюду навалены на Малевичей, на Шагалов, некоторые висят на стенах, а некоторые лежат на полу...

*Джон Елисеевич Боулт
(1943 г. р.)*

Частные коллекции

Тогда Сарабьянов ему посоветовал: «Ходите по частным коллекциям...»

И Джон Боулт вдруг попал словно в заколдованный мир – **Яков Евсеевич Рубинштейн** (1900–1983); **Александр Леонидович Мясников** (1899–1965), легендарный врач, лечивший Сталина и болгарина Георгия Димитрова; **Абрам Филиппович Чудновский** (1910–1985; в его коллекции свыше 250 картин) и знаменитый **Георгий Дионисович Костаки** (1913–1990; у него к Любове Сергеевне Поповой (1889–1924) была настоящая страсть!).

А были ещё другие – Яков Фабианович Каган-Шабшай (1869–1939), Екатерина Васильевна Гельцер (1876–1962), Леонид Осипович Утёсов (1895–1982), Арам Яковлевич (Акопович) Абрамян (1898–1990), Лидия Андреевна Русланова (1900–1973), Лев Герасимович Лойцянский (1900–1991), Илья Исаакович Палеев (1901–1970), Ангелина Васильевна Щёкин-Кротова (1910–1992), Николай Николаевич Блохин (1912–1993), Анатолий Владимирович Смоляников (1913–?), Ада Сергеевна Лебедева (1919–1993), братья Ржевские (Яков Александрович (1922–1998) и Иосиф Александрович (1922–2008)), Григорий Самойлович Блох, Гордеев, Гордон, Каверзнев, Эзерак...

По меткой цитате Боулта из русской классики, все эти коллекционеры были **«лучом света в тёмном царстве»**.

Ему стал хорошо понятен весь ужас сталинского времени, когда все боялись... Если вы начинали показывать домашние выставки, где присутствовало формалистическое начало и, не дай бог, абстрактное искусство, – то это считалось криминалом. Г. П. Федотов (1886–1951), заодно с Бердяевым, определил эту эпоху так: **«Против фашизма и коммунизма мы защищаем вечную правду личности и её свободы – прежде всего свободы духа»**.

И всё-таки Джон влюбился в Россию, и ему очень трудно жить без России. Это у него в крови...

Сотрудничество с Никитой Лобановым-Ростовским

На протяжении уже пяти десятилетий славист и историк искусства Джон Боулт сотрудничает с Н. Д. Лобановым-Ростовским, исследуя и анализируя его знаменитую коллекцию.

Почти тридцать лет назад (1994) именно он составил полный и исчерпывающий научный *«Каталог-резоне»*, посвящённый собранию произведений русского авангарда, созданному Лобановым-Ростовским. На это богатырское дело ушло пятнадцать лет. Во вступительной статье к каталогу Боулт пишет: **«Князь Никита Лобанов-Ростовский и его жена Нина начали собирать эскизы декораций и костюмов ещё в 1960-е годы, их коллекция сейчас до того разрослась, что стала самой полной и самой богатой на Западе»**.

Это академическое собрание, содержащее работы более 160 художников (!), является наиболее полным собранием русского театрального искусства на Западе и, по вёщим словам профессора Боулта, «представляет собой сокровищницу культурных ценностей, которые могли бы быть обречены на забвение и разрушение...»

И ещё: **«Благодаря Н. Д. Лобанову-Ростовскому, его знаниям и энтузиазму, многие имена и художественные достижения были извлечены из небытия и заняли достойное место в истории русской культуры»**.

Нередко Джон Елисеевич находил важнейшую информацию даже для такого знатока «тайн московского двора», как Н. Д. Лобанов-Ростовский. Пример тому – его общение с известным коллекционером московского *бомонда* А. И. Шлепяновым (1933, Москва – 2016, Лондон), русским европейцем и приятелем Владимира Высоцкого (1938–1980). Кстати, Шлепянов был сценаристом фильма «Вид на жительство». Это фильм о том, что можно эмигрировать – и быть при этом нормальным и даже милым человеком. Сейчас этим никого не удивишь, но в начале 70-х годов это звучало как «гром среди ясного неба». Недаром фильм был запрещён к показу в Москве и шёл только в глухой провинции. А главные роли должны были играть Высоцкий и Марина Влади, и сняты с ролей в фильме они были по настоянию КГБ!

Евгений Шефер (Шеф) «Групповой портрет». На полотне на фоне картин из собрания Лобановых-Ростовских изображены Джун и Никита Лобановы-Ростовские (слева), собачка Салли (на переднем плане), Нина Лобанова-Ростовская (посередине), Илья Самойлович Зильберштейн (справа)

Цитаты из трудов проф. Боулта

«**Русский авангард**, который сейчас так высоко котируется и о котором мы вспоминаем по самым разным поводам – от выставок до профессионально сделанных подделок, – **в СССР находился под полным и категорическим запретом**».

«Диву даюсь, как вообще русский авангард в искусстве прошлого XX века устоял, несмотря на все запреты так называемого “социалистического” реализма и ханжества западного общества. Как ни странно, но оксюморон “соцреализм” у меня всегда связан с фразой (и образом тоже): **“А под памятником Ленину лежал пьяный пионер...”**»

«В начале 1960-х гг. в самом массовом американском журнале “Лайф” – аналог “Огонька” – вышла статья под названием: **“Искусство России, которое не видит никто”**... А потом пошло-поехало – **Камилла Грей** (Camilla Gray; 1936, Лондон – 1971, Сухуми) – британский искусствовед, историк искусства, исследовательница русского авангарда. Автор одной из первых на Западе книг о русском авангарде: **“Великий эксперимент: Русское искусство 1863–1922”** (*The Great Experiment: Russian Art 1863–1922*, 1962), которая вернула забытый русский авангард в англоязычный и мировой искусствоведческий оборот».

В заключение

Неоценимый вклад в сохранении этого «чуда-юда» русского художества в изгнании (зарубежного и внутреннего) внесла уникальная коллекция Никиты и Нины Лобановых-Ростовских, составленная из произведений русского театрально-декорационного искусства прошлого века (1890–1930), а также американский искусствовед английского происхождения Джон Боулт (John Ellis Bowlт), один из ведущих специалистов по русскому авангарду.

Елена Лебедева

Елена Алексеевна Лебедева – родилась в 1949 году. Представитель Межрегионального Шаляпинского Центра, родственница второй жены Шаляпина. Публикуется около 20 лет, написала около 70 статей, в том числе для парижской русскоязычной газеты «Русская мысль», автор более чем 20 статей о русской эмиграции. Данный материал публикуется впервые.

ФЁДОР ШАЛЯПИН И СОБЫТИЯ, СОПРИКАСАЮЩИЕСЯ С НИМ, В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Вниманию читателей предлагается описание нескольких событий, имевших место в Париже после смерти Шаляпина (1873–1938). События представлены в рассказе «Мистический Париж великого Шаляпина». Они происходили в 1950-е годы, когда к могиле певца на парижское кладбище Батиньоль приходили гости из России, и в середине 1990-х годов, когда я приезжала из Москвы в Париж, чтобы увидеться с родственниками семьи Шаляпина, много лет жившими с ним вместе. Помимо этого, предлагается познакомиться со стихотворением «Диалог с Шаляпиным», где Фёдор Иванович рассказывает о своей жизни, интересуется отношением к нему в современной России и выражает симпатию к автору, написавшему его.

Мистический Париж великого Шаляпина

Фёдор Иванович Шаляпин, уехав из России в 1922 году, прожил в Париже последние 14 лет. Во французской столице много памятных мест, связанных с его именем. Это несколько городских театров, концертный зал и два дома, где обитал великий певец. На доме № 22 на авеню д'Эйло, где он жил последние 13 лет, с сентября 1984 года установлена мемориальная доска. Она была поставлена перед переносом праха певца с парижского кладбища Батиньоль на Новодевичье кладбище в Москве. Много лет занимаясь русским зарубежьем во Франции, я помимо осмотра достопримечательностей решила встретиться в Париже с людьми, которые жили в семье Шаляпина. В 1997 году мне представилась возможность увидеться с падчерицей Фёдора Ивановича Стеллой Эдуардовной де Лимюр (1904–1998), урождённой Петцольд.

Она около 30 лет жила во второй семье Шаляпина и много могла рассказать о своём отчине и других членах семьи. Узнав предварительно по телефону, что летом она будет в Париже, я решила поехать в Париж второй раз, чтобы непременно встретиться с ней.

В то время ей было 93 года. О предстоящей встрече с ней я договорилась в Москве. Она очень хотела увидеться со мной. Я находилась с ней в отдалённом родстве по её матери Марии Валентиновне Петцольд (1882–1964), и этот факт имел для неё важное значение.

Наша туристическая группа, прилетев из Москвы в Кёльн, за четыре дня через Германию, Голландию и Бельгию добралась на автобусе до Парижа. Мы должны были остановиться в отеле на Рю де Шато. Посмотрев по карте, шофёр повёз нас в 14-й округ, где была эта улица. Однако, приехав туда, обнаружилось, что с таким же названием есть улица в 16-м округе и нам надо ехать в отель именно туда. Сопровождающая группы туристов очень удивилась, когда узнала, что отель для нас забронирован в уважаемом 16-м округе. Она сказала, что много раз сопровождала русские группы, но отель в этом аррондисмане никогда не давали. Мы прибыли в отель. Я посмотрела карту Парижа и увидела, что район Нейи, в котором жила Стелла Эдуардовна, расположен совсем недалеко от нашего отеля. Я решила, что какие-то потусторонние силы разместили нашу группу в отель недалеко от её дома, и я могу пешком ходить из отеля к ней в гости. Наш отель назывался Bon hotel, что в переводе на русский означает отель Прекрасный. В первый же вечер я по телефону договорилась со Стеллой Эдуардовной о встрече на следующий день около восьми часов вечера.

Дом, куда меня пригласили в гости, стоял на одной из небольших тихих улочек Нейи недалеко от авеню Шарля де Голля на северо-западе Парижа. Мне открыла дверь худощавая пожилая подвижная женщина с очень ухоженным лицом и любезно предложила пройти в гостиную. В начале встречи я передала приветствия и подарки из Москвы.

Мы пили французское шампанское и угощались фруктами. Стелла Эдуардовна рассказывала о своей жизни. Много говорили о Шаляпине. Я поняла, что ей очень приятно общение со мной. Вероятно, мало с кем из современных собеседников в Париже можно было поговорить о Шаляпине. Стелла Эдуардовна более сорока лет прожила в доме, где жил Шаляпин на авеню д'Эйло. Она переехала в Нейи из этого дома вместе с мужем графом Жаном де Лимюром (1887–1976), который был ассистентом на съёмках фильма «Дон-Кихот» в 1932 году, где Шаляпин играл главную роль. Этот переезд произошёл после продажи дома вдовой певца Марией Валентиновной в начале 1960-х годов из-за её отъезда к дочери Марине (1912–2009) в Италию.

Поздно вечером по телефону позвонила её двоюродная сестра Елена Константиновна Ушкова (1905–1998), которая жила в Русском доме Земгора (старческом доме) под Парижем в Кормей-ан-Парижи. Она интересовалась моим визитом и очень сожалела, что завтра я уеду из Парижа и мы с ней не увидимся. С ней я познакомилась в первой поездке в Париж в 1995 году и часто звонила ей из Москвы.

При расставании хозяйка дома подарила мне открытку, на которой написала по-русски: «Для воспоминания приятных моментов, проведённых вместе. Stella de Limur». На этой открытке изображена нарядная французская кукла. Я уходила от Стеллы Эдуардовны ночью. Был второй час ночи. До гостиницы, где остановилась наша туристическая группа, было 20 минут ходьбы пешком. Я выразила обеспокоенность безопасностью пути в такой поздний час. Стелла Эдуардовна сказала, что этот район безопасен.

Я успешно добралась до гостиницы по ночному Парижу. Дорога шла мимо уличных кафе, которые ещё работали. В таком удачном размещении в отеле группы, мне показалось, было что-то мистическое.

Это был не единственный случай в Париже действия мистических сил, связанных с Шаляпиным.

Интересный рассказ приводится в книге Бориса Розенфельда «Шаляпин на Кавказе». Анна Ивановна Зеленова (1913–1980), которая много лет была директором музея «Павловский дворец» под Ленинградом и занималась его восстановлением, рассказала в кисловодском музее о посещении кладбища Батиньоль. Она была командирована в Париж на международный съезд работников музеев. Это был май месяц 1972 года. Там она услышала, что на кладбище Батиньоль, где был похоронен Шаляпин, поселился и поёт соловей. В то время в Париже гастролировал балет Большого театра. Купив букеты сирени, все вместе поехали на кладбище. С грустью постояли около могилы и положили цветы. Была произнесена небольшая речь. Когда вышли на аллею, расположенную рядом, вдруг слышали, как запел соловей, который прилетел и сидел на мраморном кресте у Шаляпина. Плакали и мужчины и женщины. Казалось, что душа Шаляпина приветствует своих земляков и поёт для них. В этом было, как решили все пришедшие, что-то мистическое. Этот случай был рассказан дочери Шаляпина Ирине Фёдоровне (1900–1978) по приезде в Москву.

Ирине Фёдоровне не удалось присутствовать на похоронах отца, так как её не выпустили из СССР. На могилу отца она смогла попасть только лишь в 1956 году в туристической поездке в Париж – через 18 лет после его смерти. Когда она стояла у могилы, над могилой летала белая бабочка. Дочь певца запомнила это и, вернувшись в Москву, рассказала об этом своим друзьям. Все говорили ей, что полёт бабочки являлся символом приветствия Шаляпина приехавшей издалека дочери.

*Шаляпин любил белые цветы.
Речь певца с подаренными ему белыми цветами.
Орехово-Зуево, 1918 г.*

Неведомые силы, связанные с Шаляпиным после его смерти, создали описанные здесь ситуации. Загадочные события происходили либо с участием людей, которые жили долго вместе с Шаляпиным, либо на кладбище, где покоились останки Шаляпина. Вероятно, у Шаляпина было очень сильное биополе. Будучи великим актёром и певцом на сцене, он завораживал зрителей. У него был очень сильный характер. Обладая талантом, он сделал большую карьеру в жизни. Он пользовался всегда большим вниманием.

В настоящее время нет объяснения описанным явлениям. Возможно, эти мистические события связаны каким-то образом с энергией, которую Шаляпин посылал в эти жизненные ситуации близким людям. Такие явления до сих пор остаются загадкой. Природа их сейчас неизвестна.

И ещё о подарке, сделанном мне в Париже. Он был подарен Еленой Константиновной Ушковой, которая жила в Русском доме под Парижем в 1997 году и интересовалась мной, когда я была в гостях в Нейи. Елена Константиновна сыграла в моей жизни большую роль. Она была племянницей второй жены Шаляпина Марии Валентиновны, будучи дочерью её сестры Терезы. Она подолгу жила в семье Шаляпина, так как была ровесницей Стеллы Эдуардовны и дружила с ней. Во время нашей встречи в Париже в 1995 году ей было 90 лет. При встрече Елена Константиновна много рассказывала о семье Шаляпина и подарила мне две фотографии с его изображением. Обе фотографии были сняты в замке Сарлабо на севере Франции – недалеко от Трувиля. На одной из них Шаляпин был изображён в кругу семьи. На другой – вместе с другом, французским авиапромышленником Луи Бреге (1880–1955). В его авиационной фирме Елена Константиновна проработала много лет.

Подаренные фотографии оказались магическими. Они положили начало моей журналистской деятельности. Вернувшись в Москву, я опубликовала их в статье в журнале «Эхо планеты». До этого они были в России неизвестны и не публиковались. С тех пор около тридцати лет я, занимаясь исследованиями жизни Шаляпина во Франции, опубликовала несколько десятков статей о Шаляпине и русской эмиграции.

* * *

В стихотворении «Диалог с Шаляпиным» были отражены мои посещения Парижа с интересными встречами, когда я виделась с людьми, знавшими Шаляпина за границей в последний период жизни.

В 1922 году Шаляпин уехал из Петрограда вместе со второй семьёй за границу. В 1924 году он поселился в Париже. В Париже он прожил с семьёй 14 лет, выезжая на многочисленные гастроли более чем в 40 стран мира. Его второй женой, с которой он уехал из Петрограда, была Мария Валентиновна (урождённая Элухен). Умер Шаляпин в Париже. Он был похоронен в 1938 году на парижском кладбище Батиньоль. В октябре месяце 1984 года с согласия всех живых в то время его детей прах Шаляпина был перенесён с парижского кладбища Батиньоль в Москву на Новодевичье кладбище.

Я была несколько раз в Париже. Мне удалось познакомиться с людьми, которые либо жили в семье Шаляпина, либо часто бывали в ней. В 1990-е годы они были живы. Я брала у них интервью и потом писала статьи в газетах и журналах. Это были племянницы второй жены Шаляпина Марии Валентиновны (1882–1964) – Вера Дмитриевна (1919–2008), урождённая Печорина, и Елена Константиновна Ушкова (1905–1998); падчерица Шаляпина Стелла Эдуардовна (1904–1998), урождённая Петцольд, и подруга младшей дочери Шаляпина Даси (1921–1977) – Нина Константиновна Прихненко (1919–2009).

В 1992 году был создан «Межрегиональный Шаляпинский Центр» – общественно-творческая организация, имеющая десять отделений в разных городах России и три отделения за границей: в Латвии, Сербии и Белоруссии.

Диалог с Шаляпиным

Москва и Петербург – два города, в которых долго жил и много выступал Шаляпин.

А между ними множество гастролей в разных городах и странах. Но вот пришёл и 1922 год.

– В июне я покинул Петроград.

Кто знал, что больше не увижу я Россию.

Я тосковал о ней потом,

*Но занят был я, как всегда, гастролями по планам.
И жизнь с семьёй в Париже не отпускала всех
в Россию.*

Боялся ехать я туда.

Я жил, друзей не забывая.

Общался с ними часто, когда бывал в Париже.

Коровин приходил ко мне.

Рахманинов и Кусевицкий появлялись.

Киесинская любила приходить.

Савелий Сорин приезжал в Сен-Жан-де-Люз

И портретировал меня.

Я благодарен Вам за интересные статьи.

*Чтоб написать их, Вам надо было уезжать в Па-
риж*

На встречи с Ниной, Стеллой, Верой и Еленой.

Они повествовали обо мне.

Но время шло. Ушли из жизни и они.

– А где хотели жить бы Вы сейчас?

– На авеню Эйло, где жил в последнем месте.

Смотреть оттуда, что происходит в мире,

*И тосковать по родине, к которой не вернулся
в жизни.*

Вы этот адрес знаете, наверно.

*Гуляли там, но встретиться со мной теперь не
суждено.*

И вот ещё один момент в моей судьбе:

Когда я умер, я похоронен был в Париже.

Потом меня перевезли в Москву

И разлучили навсегда с Марией...

– А помнят ли меня на родине теперь?

– Конечно, помнят.

*Есть музеи в разных городах, где жили, выступали
Вы.*

*Есть памятники. Их девять. Поставили за тридцать
лет в России.*

А первый памятник в Казани, где родились Вы.

Ещё есть Центр, где изучают Вашу жизнь, и

Говорят о Вашей гениальности в искусстве.

И книги пишет кое-кто о Вас в России.

А я пишу статьи о Вашей жизни там, в Париже.

А как же Ваши дамы?

– Поклонниц было много. Они ушли все.

Сейчас нет никого, кто нравился когда-то мне.

А если был бы жив сейчас я,

Я флиртовал бы в современном мире.

Не знаю, мог бы я понравиться теперь?

Ведь жизнь уже совсем другая.

ХОТЕЛ БЫ ВИДЕТЬ Я ВАС ОЧЕНЬ

И ПОДАРИТЬ ВАМ БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ.

*Шаляпин вместе с авиапромышленником
Луи Бреге (собрание автора).
Нормандия, 1923–1924 гг.*

*Шаляпин в кругу семьи (собрание автора).
Нормандия, 1923–1924 гг.*

Берега прочтения

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства, автор 34 художественных, историко-краеведческих, публицистических и научных книг, прозаик, публицист, критик. Член Союза журналистов России, кандидат философских наук. Почётный гражданин Балтийского городского округа, почётный член философского делового клуба, заместитель президента Всемирной Информэнциклопедии-Калининград, член редакционного совета журнала «День и ночь» (Красноярск), член жюри Литературного конкурса «Новая Библиотека» – премии имени святых благоверных Петра и Февронии.

НА ЯЗЫКЕ ОТЦОВ И ДЕДОВ

Диптих

Поклон родной деревне

О книге Михаила Позднякова «Голос» (Минск, 2023)

Михаил Поздняков родился в 1951 году в Быховском районе Могилёвской области, так же как и я, только он в деревне Забродье, а я – в Хомичах.

Он окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Работал школьным учителем, научным сотрудником Института языкознания АН Беларуси, главным редактором издательства «Юнацтва», сатирического журнала «Вожык», журнала «Нёман». В настоящее время председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси. Михаил Поздняков – поэт, прозаик, переводчик, критик, языковед, публицист, автор более ста книг на белорусском, русском и других языках для юных и взрослых читателей. Лауреат 34 республиканских и международных литературных премий, включая Национальную литературную премию Беларуси. В качестве учёного-исследователя составил академический «Словарь эпитетов белорусского литературного языка» (1988), второе издание – в двух томах (2012), является одним из авторов русско-белорусского и белорусско-русского орфографических словарей (1992, 1994). Автор «Школьного словаря белорусско-русских омонимов». Имеет государственные награды. Член Правления Союза писателей Беларуси. Член Правления Союза писателей Союзного государства. Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь (2023). Председатель общества дружбы «Беларусь – Россия» (с 2018). Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (2016). Академик Международной академии русской словесности (2023). Директор Театра поэзии (с 2016). Живёт в Минске.

В текущем году вышла его книга прозы «Голос» о мужестве и человеческом достоинстве, о преданности своему народу, о вере в добро, о людях, живущих в его родном краю, на Быховщине Могилёвской области. Сборник открывается повестью «Выход всегда есть...», которая посвящена реальному человеку и событиям, относящимся к периоду Великой Отечественной войны. В самом её начале трое краснозвёздных советских бомбардировщиков разгромили танковую колонну наступающего врага в районе городка Березино на шоссе Минск – Могилёв. Мужественный и отважный командир воздушной тройки Василий Зыков был сбит немецким самолётом, успев прыгнуть с парашютом. Будучи раненным в ногу, он пытается догнать отступающие части Красной армии, но не может двигаться быстро из-за повреждённой ноги и присоединяется к партизанскому движению, возглавив разведку в партизанском отряде.

Василий Зыков разворачивает активную деятельность, не сомневаясь в своём выздоровлении и в победе над фашистской Германией. Благодаря его человечности, тонкому пониманию характеров окружавших его людей, он быстро сближается с тщательно подобранными членами партизанского отряда, на интуитивном уровне вычисляет предателя. Духовные основы жизни своего народа для

Василия святы, он отчётливо видит страну как сообщество, которому присущи боль и нравственная высота. Духовный фон, на котором происходят тяжелейшие испытания людей, оказавшихся в оккупации, – это понимание ими, что начавшаяся война – это моя «личная война» с фашизмом, понимание, углублявшееся всё сильнее с ежедневным зверством оккупантов.

Василий Зыков пал смертью героя незадолго до освобождения Беларуси от фашистских захватчиков. Но его род продолжился – через несколько месяцев после его гибели появилась на свет его дочь Галина, долгое время потом работавшая в военном городке в Быхове, а её муж Евгений Лаврутин служил прапорщиком в Быхове. У них двое детей: сын Анатолий и дочь Ольга. Анатолий – полковник Вооружённых сил России, Ольга – военнослужащая Беларуси. На их выбор профессии, конечно, повлиял их дед Василий – отважный лётчик и командир партизанской разведки. Кстати, Галина Васильевна – двоюродная сестра автора повести. Родная сестра Василия Зыкова Маша стала после войны матерью Михаила Позднякова. Умерла Мария в 1996 году в деревне Ямное, где и похоронена.

К этому следует добавить, что уже после смерти моей мамы её сестра – Нина Ивановна Отставная – рассказала мне историю о том, как моя мама Мария Ивановна Отставная вместе с её подругой и двоюродной сестрой Александрой Николаевной Парфировой спасли советского лётчика, упавшего с парашютом у деревни Хомичи после воздушного боя с немецкими самолётами. Маме было 16 лет, и на ней лежали заботы о большой семье, поэтому в тот день она ходила на большой луг, простиравшийся по берегу Друти, за щавелем и обнаружила спрятавшегося под кустом лётчика, побежала за Александрой, и они вдвоём помогли раненому добраться до дома моей мамы, где спасённый лётчик переночевал, отдохнув, подкрепившись и обработав раны.

Боясь, что в деревню Хомичи нагрянут немцы, лётчик ушёл в сторону деревни Езва, перейдя вброд речку Грезу. Тётя Нина также добавила, что после освобождения деревни Хомичи Александра Парфирова за спасение лётчика была награждена медалью, не помнит, какой, ведь она была ребёнком, а моя мама Мария в это время уже была мобилизована на фронт. Теперь уже невозможно установить, был ли это Василий Зыков тем лётчиком, которого спасли подруги-хомичанки, но меня история, рассказанная Михаилом Павловичем, не оставила равнодушной.

Михаил Поздняков уверен, что партизаны, подпольщики, фронтовики – лучшие люди, которые встали на защиту Родины. Их судьба не может не волновать писателя. «А какие тяготы пережили те, кто остался в оккупации? Матери, сёстры, дети... Их подвиг до сих пор ещё в достаточной мере не осознан, не возвышен, а ведь им памятники ставить надо».

Их потомки – сегодня носители ответственности, порядочности, бдительности. Герой повести «Письмо домой» Степан Петрович, живя у самой белорусской границы, помогает в поисках бандита, намерившегося пересечь границу. И лучшие черты Степана Петровича сформировала природа Беловежской пуши, в которой он живёт.

Он «прирос к родным местам, чувствует и понимает здесь каждое дерево, каждую птицу, в любую погоду ему хорошо и уютно в пуше». (*Перевод здесь и далее на русский язык Л. Д.*) Жена Степана Петровича оставила его и живёт у сына в столице. «Не пуца виновата, – рассуждает герой повести. – Если любишь человека по-настоящему, разве природа этому помеха? Наоборот. Живи, дыши полной грудью, ощущай наслаждение!.. Плохо, если люди убегают от красоты. Ещё хуже, если разрушают её. Человек ведь – частичка природы, и без неё он погибнет... Что же это будет, если все землю родную бросим, соберёмся в каменных джунглях?.. И человек окаменеет, не будет способным услышать, как ласково перекликаются лесные фиалки. От такого тогда добра не жди»...

Книга наполнена любовью к людям, писатель чутко реагирует на проявление тепла и лучезарности его героев, лучистости и душевности. Такова героиня повести «Голос», давшей название всему сборнику. Красота девушки, пришедшей к автору с просьбой об организации праздничного вечера вместе с матерью и эстрадной певицей Надеждой, – обаятельная, тёплая, искренняя, одухотворённая – «как-то сразу взволновала меня, хотя я и держался спокойно и по-деловому. С первого же мгновения солнечный взгляд её зеленоватых глаз взволновал сердце доверчивой лаской и нежностью, искренней лучистостью». У очаровательной красавицы оказался ещё и голос дивной красоты:

«Она очаровывала, гипнотизировала благозвучным, шёлковым, мелодичным, ласковым голосом. Боже, что за чудо! Какой приятный, тёплый голос! Такой таинственно-волнующий, с внутренним достоинством! И, показалось, знакомый! Откуда?! Где и когда я слышал его?! Голос, казалось, пленил меня. Он выплывал из памяти незабываемо-невероятным, сладким сном».

Писатель с проникновенным лиризмом создаёт образы членов своей семьи, друзей и близких по духу людей, чистых, как родниковая вода. Он тонко чувствует их мир, часто уязвимый в заботах о хлебе насущном. Мир его деревни Забродье, образ матери, его корни – большая лирическая тема родного края, где живут свет и радость, красота и благодарность преданного сына своего края, своего народа.

Быховский район – красивый уголок земли, где живут красивые душой люди, которые самоотверженно трудятся и делают всё с любовью. Любовь ощущается, когда видишь, как они работают, как принимают гостей, как улыбаются, как они творят сами свою историю, создают себя сами, смело стоят перед трусостью, потребительством, перед враждебными силами.

Они с мягкостью и нежностью относятся к родной земле, как и их предки, которые всегда вели борьбу с силами духовного распада. Они бурлящий дух, бодрый и энергичный, и можно сказать, что они ведут мир за собой, внося в него великие идеи и нравственные силы.

Открывая книгу «Голос», я ловлю себя на предчувствии необычного, насыщенного духовными вибрациями чтения, наполняющими душу встречи с прекрасным, и не обманулась. Как любит мастер слова своих современников, с какой тщательностью находит краски для свежести и остроты их восприятия, наполняя читателя гармонией благодаря его тончайшему внутреннему слуху. Сколько ласки и нежности получаем мы, читая его размышления о материнском сердце: «Сколько тепла, света и чистоты рождается в нём! Материнская любовь! Что может быть глубже её?! Разве только любовь к Родине, к родному краю. Материнская вера, материнская надежда! Они бесконечные, как сама жизнь.

Чем дальше, тем больше и острее чувствую их жизнедеятельность, всемогущество и величие. И не только потому, что с каждым годом всё дальше и дальше моё последнее расставание с мамой – щедрой и хлопотливой, как пчёлка, доброй, внимательной и чуткой, как никто» («Материнская надежда»).

Читая Михаила Позднякова, ты думаешь о том, что в его жизни нет без пользы прожитых дней или лет, что его книги – подарок своей стране и отдельному человеку, заглянувшему случайно или целенаправленно в наполненный светом глаз героев его стихов и прозы.

Сразу всё богатство его образов, его размышлений не охватить взглядом, не вместить в душе, и я долгое время провожу в этом храме метафоричного слова, чтобы навсегда наполниться внутренней лучезарностью и вселенским солнечным светом: «Какое это, оказывается, невысказанное счастье – медленно брести через пятьдесят лет той же полевой дорогой, которая помнит тебя ещё совсем малышом и где ты босиком ощутил в своё время каждый камушек и каждую впадинку. Идешь, раскрепощённый, умилённый родными окрестностями, и кажется, что и рожь с обочины кланяется тебе тяжёлыми колосьями, как и пятьдесят лет тому назад, и васильки такими же синеокими звёздочками освящают тебя своей нежностью... В какой-то миг тебе покажется, что ты вихрастый мальчик, для которого всё, что вокруг, – такое любимое, красивое, загадочное, волнующее. Будто у тебя за плечами не было ни испытаний, ни утрат, ни боли. И всё у тебя ещё впереди – таинственное, неразгаданное, высокое, чудесное, великое...» («Счастье»).

Такой видится Родина, слившаяся в единое прежнее с сегодняшней, такой вечной и мудрой. Вместе с автором читателя охватывает счастье узнавания своей малой Родины, своих чувств, когда ты ощущаешь благодарность писателю, когда хочется и петь и плакать от переполняющих тебя чувств.

Михаил Поздняков в своём поэтическом мире в нежных красках и звуках природы, людского труда смог выразить свою связь и тяготение к духовному постижению жизни. Цветы и медовые травы, золотисто-коричневая палитра, оранжевая морковь на торфяном поле – это трепетность и изящество, это борьба осознанного человека с хаосом и энтропией: «И травы среди кустарника, на балотинках забродские мужчины выкашивали старательно, собирали в стога сено, готовя про запас». Сбор моркови, оставшейся в земле, начальство запрещало из-за своей бездумности: «Радуюсь за моих трудолюбивых земляков, среди которых рос и набирался ума, за то, что были они настоящими хозяевами родной земли. Я свечусь радостной улыбкой, вспоминая весну, когда мои односельчане спасли колхозный скот, отдав свои несколько тонн моркови и с десятков стожков сена» («Мои земляки»).

Михаил Павлович с любовью смотрит на картины жизни своей деревни Забродье, и чувствуется, что они целители его души. Привлекает чистота его взгляда, нежность, энергия молодости, мысли о счастье и невозможности его.

Мы всматриваемся вместе с писателем и вместе с ним переживаем необходимость возрождения деревни, разделяем грусть и сожаление от человеческого безразличия, заброшенности когда-то красивых родных мест: «Вдоль реки Забродчанки осушенные торфяники. Раньше на них возвышались крутобокие стога, роскошествовали разнообразные цветы, а теперь на них раздолье для полыни, крапивы и лозняка. А сколько я тут поработал в своё время рядом с отцом – с косой, граблями и вилами. Не один гектар травы положила здесь моя бойкая, певучая коса. Десятки стожков каждое лето вырастали здесь стараниями моих рук» («Тропинками детства»).

Глубинную значимость родной земли высоко оценивает известный писатель, он не скрывает своего восхищения повседневным бытием, которое чем дальше по времени, тем милее сердцу. Ловля рыбы в реке, божественный вкус родниковой воды: «Помню, как отец впервые меня, малыша, привёл к роднику, как я был очень взволнован таинственным дыханием и серебристозвонным напевом родника-крынички, кристальностью и вкусом воды. Кажется, я попал в какую-то сказку, в её зачин, и меня ждёт удивительное продолжение, открытие невероятно красивого. Королёва крыничка... Какое приключение, какая загадка! Какая мелодия! Поинтересовался тогда у отца – самого большого философа и моего наилучшего учителя – почему так называется родник? Отец солнечно улыбнулся и вывел меня из мечтательного состояния, объяснив, что родник назван в честь его друга Николая Ивановича Короля, который живёт рядом в Стаховщине. К нему отец и повёл меня тогда от родника. Дядю Короля, седого, ласкового и доброжелательного, я, оказывается, уже знал в лицо: он раньше бывал у нас, помогал отцу пилить доски, достраивать вторую половину дома... Но моё сказочное настроение продолжалось в саду дяди. Чем он только меня ни угощал! А полную вазу клубники, перетёртой с сахаром, её притягательно-сладкий аромат помню в подробностях и сегодня. У нас, в Забродье тогда ещё не было клубники» («Мои земляки»).

Жаль расставаться с книгой Михаила Павловича, снова и снова буду к ней возвращаться – в это прекрасное собрание произведений, где нет казёнщины, а составлена композиция из судеб любимых людей, живущих в атмосфере добра. Благодарность и поклон писателю за приверженность и верность языку своей матери, передавшей и открывшей сыну благородное и величественное понимание мира, его красоты и гармонии. Михаил Поздняков не навязывает своего мнения, но его взгляд на жизнь его края, наполненный чувством уважения и любви, убедителен высоким устремлением. Он подарил радость общения с близкими по духу людьми, естественно создавая вокруг себя среду служения общему Благу на земле.

Неприхотливую природу и белорусскую традицию он наполняет тем, что есть прекрасного в цветах и деревьях, в глазах одухотворённых людей, во взаимоотношениях мужчины и женщины: «Родной, незабываемый край! Моя тихая, живописная родина! Здесь я сделал свои первые шаги в жизнь, в литературу, к людям. Тут я открыл первые тайны, познал первую, горячую боль, первые радости и увлечения. О нём – мои самые сокровенные и чуткие воспоминания. Сюда, где бы я ни находился, тянет меня дорога. Тут и сегодня черпаю силы, вдохновение, свет, доброту, красоту, без которых невозможно жить по-настоящему».

Михаил Павлович уверен в том, что самая большая боль для человека – это утрата связи с родной землёй, поэтому так хочется ему окунуться в свет детства, поклониться своей родной деревеньке, поблагодарить те места, которые наполняют душу красками всех оттенков, песнями людей и звуками природы, выразить признательность родителям, от которых взял с собой в жизненный путь искренность, силу воли, веру в добро и справедливость, настойчивость в труде, уважение и любовь к Отечеству: «Человек, глубина его души измеряется любовью к родной земле, к труду, к матери. Это и начало, и источник духовности» («И поклонюсь родной деревне»).

Голос то своей деревни, то его односельчан, то любимого поэта Максима Богдановича, то его учителей, то родителей, то родных и близких людей звучит на протяжении книги Михаила Павловича. И всё, что ни делает этот безбрежно творческий человек, это, говоря его же словами, освящено «чувством счастья», единства с окружающим миром. Это его философия. Читатели принимают его книги, потому что они осознают единство с окружающей природой и с миром, приподнимающим тебя, читающего, над собой в постижении смысла жизни, наполненной голосами прадедов, современников, записанной для потомков.

Поэзия «на языке отцов и дедов»
О книге Игоря Григорьева «Русский урок» (Лениздат, 1991)

Только б русскую душу на ветер
Не пустить – ни про что – никогда.

Игорь Григорьев

Совесьть, обострённая, глубокая, – суть творчества воина и поэта Игоря Григорьева, видевшего кровь и гибель, но знавшего, что за ними сияет свет Богородицы, Родины, матери...

Обесцененные сейчас руками прозападной либерально-русофобской, слепой к ценностям своей Родины и своего народа силой, занявшей чуть ли не повально ключевые посты в сфере культуры, истина, любовь и совесть живут в творчестве подлинных поэтов и сыновей России, таких как Игорь Григорьев, творчество которого близко и родственно читателю соответствием голоса поэта духу страны, такой скупой на ласку именно таким творцам.

Столетие Игоря Николаевича Григорьева (1923–1996), русского поэта и переводчика, участника Великой Отечественной войны, подпольщика и разведчика, – это повод пристальней всмотреться в его биографию, в которую вместились встречи с самыми выдающимися русскими писателями и художниками, его современниками: Валентин Распутин, Василий Белов, Фёдор Абрамов, Валентин Пикуль, Николай Рубцов, Илья Глазунов, Александр Твардовский – и это далеко не полный список. Всех их объединяет пронзительная любовь к России.

В год 100-летия поэта мне удалось побывать в Городке Витебской области на Днях белорусской письменности, и благодаря Наталье Советной, известному поэту, прозаику, публицисту, – в доме, где жил Игорь Николаевич, написав здесь пять поэтических книг и пять книг переводов. Обладая глубинной чуткостью к слову, он занимался поэтическими переводами с прибалтийских языков, с украинского, белорусского, азербайджанского, эвенского, марийского, калмыцкого, коми, хантийского, с бенгальского.

Аура доброжелательного дома напомнила о счастливых годах в жизни Григория Григорьева, сына Игоря Николаевича, описанных в книге «Ветер радости. Городокское приволье» (СПб, 2021).

Игорь Григорьев был скрупулёзным мастером поэтического дела. Его совесть диктовала ему возвращение к уже не просто написанным стихам, а даже к изданным. Он вносил поправки в живое, обращённое к читателю осмысление своего бытия, обжитого среди неувыдаемой любви к своей семье, деревне, Родине.

Глубочайший мыслитель, он писал: «*В жизни я дорожу всего ценю веру, любовь, доброту, красоту и талант*»; «*Я не мыслю себя без России... Время и безвременье понимаю как... несокрушимый сплав будущего, настоящего и прошлого*».

Игорь Николаевич умер на следующий день после ухода его матери от сердечного приступа, ощущая неразрывную связь с его матерями: «*Было и есть у меня три матери: Первая – Богородица – Царица Небесная, Вторая – Родина – Россия чудесная, Третья – моя матушка Мария Васильевна прелестная*».

В повседневной жизни находил он знаки красоты духовной, соединив их в слове с собственной жизнью, переходя от наглядного – к нерукотворному.

Его почитание и привязанность к «трём матерям», сочетание тайных, сокровенных отношений с Богом и родной землёй – это огромные поэтические величины, нравственно окрашенные глубокими, сильными переживаниями. И нам так важно и духовно целительно приникнуть к авторской интонации, радостно отзывающейся в сердце узнаванием родного и вечного.

В стихотворении «Русь новая» (1958) поэт отмечает:

*Клянят стволы,
И месяц над асфальтом синерогий.*

*...И песни удивительной судьбы,
Ликующие в доме новосёлов.*

*...Двухэтажный клуб,
Залитый электричеством и смехом.*

*И след звезды,
Сгорающей дотла,
И след звезды,
Зажжённой человеком.*

Позже Игорь Григорьев переделает это стихотворение, уже назвав его «Русь звёздная»:

*И след звезды, сгорающей дотла,
И взлёт звезды, зажжённой человеком.
И наша жизнь, уж тем одним светла,
Что носит в чреве встречу с Новым Веком.*

За окном новый век, вдохновлявший певцов небесной силой и созидательным трудом человека, новые слова и идеи, и великое предстояние русского песнопевца перед земной историей, преподнесшей в 21-м веке ещё большие испытания духа в разврате европейских ценностей, тщательно экспортируемых в Россию щедро оплаченными «засланцами».

Струящийся золотой свет любви к жизни, к людям, природе, женщине, пронзённый болью потерь, предательства («В том строю не принимал я много, в этом строе отрицаю всё!»), нашёл творческое выражение в книгах «Всё перемелется» (автобиографической), цикле из шести рассказов о природе «Земля и вода», в пьесе «Чёрные дни».

В горьком стоицизме поэта родились поэмы «Стезя», «Колокола», «Обитель», «Двести первая верста», «Благословенный чёртов путь», «Русский урок».

Вячеслав Шонин в предисловии к сборнику «Русский урок» писал о Григорьеве: «Есенин говорил о себе – я последний поэт деревни, а Григорьев – поэт последней деревни». Помню, как отозвались во мне эти слова, когда была я в гостях у писателя В. Бычковского в деревне Бобровичи Брестской области, и Вениамин тогда сказал, что накануне в деревне умерла последняя лошадь.

За тему уходящей деревни и тему насильственного принуждения её жителей переселиться в городские джунгли (возьми ту же повесть Валентина Распутина «Прощание с Матёрой»), где теряли они свои корни, пострадали многие русские писатели. «Я родине моей не изменял, – писал Игорь Григорьев с высоты своей души и совести. – Я убивался с ней в глухую полночь, но родине своей не изменял». «Пусть обнесён и хлебом, и вином», – продолжал певец, не снимая вины с себя и таких, как он, что «верящих в молчанье грозно ввергнув, поверила она в лишённых веры. Её беда – не наша ли вина?» «От зябкости её не холодея», оставаясь сердцевиною родной земли, почвенные поэты России опирались на веру в её величие:

*Так почему же не найдёшь
Земли дороже?
Так почему же холодны
Края чужие,
А здесь седые валуны –
И те живые,
И каждый колос в борозде
Любим до боли?
Знать, жизнь и счастье у людей –
Родное поле.*

Загадкой были и остаются русичи для умствующих европейцев, для них непостижимо, что «сморчат под болью, над смешным заплачут // И не пожрут – накормят беззащитных».

*Нам – внукам, сыновьям, отцам и дедам
Микул и Муромцев, Сусаниных, Пожарских,
Кольцовых и Есениных, Иванов –
Высокого родства не занимать.
И не одни они России светят:
Есть и другие, хоть не лишек – есть.*

Григорьев здесь выступает продолжателем поэтического утверждения достоинства русских в красноречивых фразах А. В. Суворова, в стихах А. С. Пушкина («Клеветникам России...»), Ф. И. Тютчева: «Напрасный труд – нет, их не вразумишь, – // Чем либеральней, тем они пошлее», Александра Блока («Скифы»).

Рядом с ними Игорь Григорьев:

*Вы морщитесь? Ну-ну! Переживём.
Ведь знаете, как русским жилось-былось:
Нас, кровных солнцелюбов, с тьмой бездонной
Мечом, огнём и ложью обручали
Чужие и свои, но всё одно – враги.
Зря лыбьтесь, в историях копаясь,
Зубря, как воронё сжирало нас,
Как с тучных нив, политых жарким потом,
Просоленных и выкрасенных кровью,
Пришельцы алчные хозяев гнали
В пустые горы, в глухомани, в дрягву...*

*Чем было жить? Земные, как любовь,
Коль звал сполох на сечу, мы, миряне,
Булату отдавали наши руки
И сокрушали пришлых – всех и вся.*

*А годы шли, текли в небытие:
Спадало пламя гнева и расплаты,
Смирнели мы, прощая всем и всё,
И новый прах, и пепел обретали.
И снова в битвы, смертью смерть поправ.*

*Нет, русичи – ничуть не антимир,
А мир Земле (чего ж тут не понять?),
И Русь не сфинкс – сестра народам мирным.*

*Вам не знакома русская душа?
Бубните: «Сказка: не продашь, не купишь».
То правда: непродажный инструмент.
Она, как жизнь – ранима, да бессмертна.
Душа у нас всегда была владыкой –
Бескрайней, доброй, чистой и печальной,
И непреклонной: если разбудить!*

Вспоминается немецкий философ Иоганн Гердер, который в 18-м веке, когда ещё не было мировых войн, написал о вине англосаксов перед славянами: «...поскольку они никогда не претендовали на мировое господство... лишь бы спокойно жить на своей земле, то некоторые народы, и более всего из числа германских, очень тяжело провинились перед ними...» (4-я глава 16-й книги «Идеи к философии истории человечества»).

Внутреннее оформление русской души связано с нелёгким и даже трагическим историческим путём, связанным с необходимостью порой несколько раз на веку защищать свою землю в ожесточённых войнах с вторгшимся хорошо обученным и мощно вооружённым врагом. Поэму «Русский урок» Игорь Григорьев начинает с поэтического анализа «семивековой атаки» на «крестном своём рубеже»:

*В раскосые зраки Батыя
Ты блазилась взятой уже.
Россия, Россия, Россия
На крестном своём рубеже!*

*До Волжских могил от Мамая –
Война неземной долины,
Атака семивековая,
Беда без суда, без вины.*

*Во имя любви и воли
Бездонная крови река.
Превыше и горше юдоли
Не ведали даль и века.*

Поэт сравнивает два менталитета: вражеский («зависть душонку изгрызла») и защитников России, бескорыстных, «живущих для смысла». Они готовы на самопожертвование и взаимовыручку, одерживая тем победу, затем обязательно возводя храмы в честь этой Победы, создавая иконы, подчёркивая значимость Божественного покровительства и силу одухотворённости народа, национального духа в служении и молитвенном подвижничестве, в Божьем послушании, чего никогда не могли понять инородцы и инославные.

Основная часть поэмы посвящена защите Отечества во время Великой Отечественной войны.

*«Держаться, держаться, держаться,
Бутылками танки рубя!
Мы – дома: не смей унижаться!
Последний патрон – для себя!»*

*– А кто повеленье преступит –
Платит нерасплатной ценой:
Бесчестья и смерть не искупит.
Всё поняли? Рота, за мно-ой!..*

«Дать нелюди Русский Урок», сокрушив её, – вот духовный портрет наших предков на протяжении веков. Поэт тщателен в выборе слов, порой жестковатой интонации, отчётливого народного начала:

*И можешь – не можешь – обязан
Добраться! Добечь! Доползти!
Душа закликает и разум:
Не глина – Отчизна в горсти!*

Игорь Григорьев тяготеет к эпическому изложению в его трагическом лиризме, несмотря на то что Россия – «купальница адского чана», в скорбях, жажде жить и в кровавых ранах, в ней живёт память о Святой Руси – русском служении, молитве, верности отеческим заветам.

*Не падать бы навзничь с откосов
С глухую боязнь в душе –
Решиться, как Саша Матросов,
На вражьем застыть блиндаже!*

*Удел не кляня окаянный,
Оставить земное житьё,
Как мних Пересвет покаянный,
Скрестив роковое копьё!*

*Бесслёзно во мгле потрясений
Покинуть возлюбленный край,
Как доблестный Сергей Есенин,
Как светоч Рубцов Николай.*

Наши духовные ориентиры – великие воины и художники, поэты – сияют нам чистотой помыслов и любви к своему народу, в своей неуываеваемой силе духа.

Понятие национальной почвы волновало Игоря Григорьева – в этом оригинальность его творческого голоса и этому служит богатство народного поэтического словаря. Он заботился в последние годы жизни о том, чтобы без архаичности и стилизации, но на русской почве, «на языке отцов и дедов» национальное в нашей жизни после тридцати лет переписывания истории и навязывания псевдокультуры всё-таки пусть мучительно, поступательно самоопределилось. В благодарности за божественное предначертание победы духа, в покаянии, в любви к Богу, Родине и матери, служении своему роду и народу струится свет истины и Русский урок:

*Матери наши и сёстры,
Братья, отцы и деды,
Прошли вы
Несчётные вёрсты.
Извели
Радость и беды.*

*Прошли.
И нести не устали
Огромную ношу буден!..
Неправда,
Что вы из стали,
Вы – просто русские люди.*

Берега прочтения

Сергей Пылёв

Сергей Прокофьевич Пылёв – родился в 1948 году на Украине, в городе Коростене. Окончил филфак ВГУ. Работал электриком-осветителем ТЮЗа, грузчиком, сборщиком шин, редактором отдела прозы журнала «Подъём», заместителем председателя Правления Воронежского отделения Союза писателей СССР, главным редактором журнала «Воронеж: время, события, люди», редактором газеты ВГАУ «За кадры», ныне – редактор отдела прозы журнала «Подъём». Автор 10 книг рассказов и повестей, вышедших в Воронеже и Москве с 1980 по 2023 год. Публиковался в журналах: «Молодая гвардия», «Москва», «Подъём», «Берега», «Север», «Волга – XXI век», «Сура», «Гостинный дворъ», «День и ночь», альманахе «Литературная Россия». Член Союза писателей СССР (ныне – России) с 1984 года. Лауреат премии «Кольцовский край», дипломант журналов «Берега» и «Сура», а также VII Всероссийского конкурса русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба», дважды отмечен дипломами Славянского международного форума «Золотой Витязь», Союзом писателей РФ награждён медалью «Василий Шукшин», медалью имени Ломоносова – на конкурсе «Золотое перо Руси». Всесоюзным обществом ветеранов ВДВ награждён медалью «За верность долгу и Отечеству».

Живёт в Воронеже.

ТРЁХКНИЖИЕ ЛИДИИ ДОВЫДЕНКО

Теперь не важно: возник сразу же или со временем сложился у Лидии Довыденко замысел литературно-философского триптиха, какой сегодня составил из её нескольких книг.

Итак, трёхкнижие Лидии Довыденко сегодня – факт состоявшийся: «Жертвенное сияние современной русской мысли», 2019 год выпуска, «Русская мысль и человечество» – 2021-й, «Думы по-русски» – нынешний 2023-й.

Начнём с истоков. Трудно удержаться, чтобы не перечислить названия хотя бы некоторых очерков первой книги. Итак: «Для духа поражений нет», «Спас-на-любви», «Мой светлый горячий Донбасс», «Слово о родной деревне», «Милость сердца», «Метафизика Александра Проханова», «Выбирая “общерусскую соборность”» – и так далее.

Необходимость написания такого триптиха была очевидна: сегодняшнее векторное время человечества, на наших глазах трагически стремящегося к духовному обнулению, требует живоносного осмысления. Для его создания Лидия Владимировна черпает силы как в своём жизненном и литературно-философском опыте, так и произведениях близких ей по духу писателей. Она успешно обретает вместе с ними судьбоносные откровения глубинных начал неистребимого русского духа, выстраданного нашими предками в горниле чудовищных войн и революций. Путь «общерусской соборности» в творчестве Лидии Довыденко пронзителен, взыскателен и драматичен. Но в то же время жизненно прост, человечен и исполнен подлинного достоинства. Он сродни восхождению... Нет, не на Олимп или эшафот, а к окормляющему опыту русской правды, свидетельствующей о вызревшем новом уровне социальной всемирности Русского Космизма.

За годы духовной нестабильности мы невольно привыкли к стереотипам вроде такого: «нет пророка в своём Отечестве», «большое видится на расстоянии» и так далее. Однако Лидия Довыденко доказала обратное, и тем самым главная задача её книги «Жертвенное сияние современной русской мысли» была успешно выполнена. Среди глобальных тем её сущностных векторов – мгновенность и вечность жизни; земля и небо; Бог и человек; эпохальное и сиюминутное; философия войны и мира;

православие как одно из корневых начал русского мира, национальное и всечеловеческое в сюжетах, образах, картинах; русская земля и планетарность; история отечественная и всемирная; геополитическое, историческое, национальное сознание; путь России в русле отечественной и мировой истории; извращения Божественной сути человеческой жизни; тема провинциальной России и т. д. На этом фоне ярко обозначается глобальная духовная формула Лидии Довыденко – Родина и Вселенная.

Вторая книга триптиха – «Русская мысль и человечество». Она также посвящена знаковым духовным событиям нынешнего времени. На первый взгляд это сборник литературных рецензий, эссе и интервью. Однако при чтении его убедительно понимаешь, что перед тобой цельное произведение, соединяющее литературные, философские и сюжетные пространства в единый высший смысл бытия. Творчество таких авторов, как Валентин Курбатов, Людмила Яцкевич, Геннадий Сазонов, Николай Коняев, Сэда Вермишева, меценатская деятельность князя Н. Д. Лобанова-Ростовского, вклад в современный кинематограф и русскую культуру Николая Бурляева, народных артистов России Евгения и Галины Киндиновых и других героев очерков и статей – это словно бы духовный щит.

«Кто возьмёт человечество на ладони любви?» – мудро вопрошает Лидия Довыденко и подводит читателя к мысли философа И. Ильина о том, что «духовная рана современной культуры – утрата священного». Эта её книга мужественно противостоит спровоцированной западной идеологией негативным и мрачным процессам растрепания человека. «Духовный опыт, – пишет Людмила Яцкевич, – связан с умением созерцать, то есть видеть мир в органическом единстве, в центре которого Бог». «Россия, Русь! Храни себя, храни!» – завещал нам вологодский поэт мировой величины Николай Рубцов.

Своё достойное место в разговоре о духовных истоках нашёл и очерк «К 50-летию благотворительного служения культуре России», рассказывающий о князе Н. Д. Лобанове-Ростовском, российском меценате, чья благотворительная деятельность на благо культуры Родины не имеет себе равных в истории меценатства. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский (родился 6 января 1935 года в Болгарии, в Софии) – геолог, банкир и выдающийся коллекционер, собиратель театрально-декорационного русского искусства первой трети XX века (в частности, эскизов к «Русским сезонам»). Надо признаться, что без Божьего наития подобная деятельность невозможна. «Огромное число людей в мире отдают ему должное и почитают как успешного и в то же время благородного и великодушного человека», – пишет Лидия Владимировна. И это благородное служение Православной России не ослабевает в деятельности князя Лобанова-Ростовского.

Ни на одной странице Лидия Владимировна не снижает планку своей духовной ориентированности, не скрывает серьёзной озабоченности тем, что человечество остановилось у края моральной и духовной пропасти. Лидия Довыденко не обошла своим духовным видением и такое исторически знаковое событие, как открытие в Луганске Русского центра, ставшего 31-м на планете ресурсным просветительским центром популяризации русского языка и культуры как важнейших элементов русской цивилизации.

«Последние пять лет, – пишет Лидия Владимировна, – подтвердили правильность выбора Донбасса, устоявшего огромной ценой перед натиском нацизма – гибелью тысяч людей. Право на слово в Донбассе использовали и реализовали... Правительство Украины, выстрелившее в свой народ, показало, что люди Донбасса – не его народ».

Не обойдена Лидией Довыденко и святая для всех нас тема Краснодона, молодогвардейцев. Все герои её очерка, как отмечает Лидия Владимировна, – это подлинные представители народа Донбасса, выразители его боли, побед, выявленных сакральных смыслов, что даёт уверенность в грядущем светлом дне окончательной победы Донбасса.

«О том, что услышала и подумала я, хочу коротко сказать, – пишет Лидия Владимировна. – Да, мир совсем не такой, каким бы хотели его видеть культурные, интеллектуальные, ответственные, нравственные люди. Что им делать, когда идёт война против культуры и окружающей среды?.. В легальных и тайных лабораториях идут разработки по созданию искусственного интеллекта, роботов, готовящихся к вытеснению человека, руки которого не нужны, робот всё сделает бездушно, но точнее точного. Спорт, массовая культура стали на платформу индустрии с единственной целью – прибыль... Огромное количество СМИ занимается поиском жареных фактов... Происходит заражение пространства вирусом негатива... Земной шар становится парком развлечений, планетой караоке. Думающие люди страдают морально и профессионально, когда повсюду встречаются с принципом: всё сойдёт...»

Но вот неспешно звучит беседа с Николаем Бурляевым, президентом Международного форума «Золотой Витязь», членом Правления Союза кинематографистов РФ, членом Союза писателей России, депутатом Государственной Думы РФ:

«Я проехал Шотландию, Италию, Францию. Я там бывал и прежде, но на этот раз увидел, что кризис у них, а не в России, – отмечает Николай Бурляев. – Это кризис духовный, выражающийся в дехристианизации, демонизации... Сейчас я стал оптимистом, после того как президент услышал нас, и в частности – меня... Международный форум “Золотой Витязь” объединяет известных представителей кинематографа и многих видов искусств под девизом “За нравственные идеалы, за возвышение души человека”. За 25 лет существования “Золотой Витязь” провёл более шестидесяти форумов, включая кинематографический, театральный, литературный, музыкальный, живописи, экологический и форум русских боевых искусств. “Золотой Витязь” ставит своей главной задачей – вовлечение в единое движение всех, кто не желает растворяться в безнравственном, бездуховном потоке глобальной массовой “культуры”, кто хочет сохранить свою личную самобытность и самобытность своего народа, хочет передать своим детям традиции культуры предков и высокие нравственные идеалы».

Итоговой встречей стал очерк «10 ответов Валентина Курбатова на вызовы современности». В разговоре с Валентином Яковлевичем, недавно, к глубокому сожалению, ушедшим из этой жизни, сходятся воедино главные духовные смыслы понимания нашего бытия. «Почвенники, славянофилы и либералы, западники... – вдумчиво определил Курбатов основные болевые точки российской интеллигенции. – Это разделение – проклятие русской литературы, русского общества или движущая сила? Или что-то ещё? Червячок-то с первой оглядки Петра Великого, с его “окошка в Европу” завёлся, за что староверы “ласково” звали его Антихристом. Да и матушка Екатерина одной рукой собирала Россию, прибавляя к ней Крым, а другой – немножко оставалась дома, в Германии, кокетничая с Вольтером. Да и у самого Александра Сергеевича – почитайте-ка: “Пока Наполеон был далеко, молодые люди говорили обо всём русском с презрением и равнодушием”, а как оказался на пороге, так “гостинные наполнились патриотами: кто высыпал французский табак и стал нюхать русский... кто отказался от лафита и принялся за кислые щи”.

...Один монах, репрессированный в 1937 году, удивительно сказал в свой самый трудный час, что “Бог любит не всех одинаково, а каждого – больше!” ...А что Запад? Есть ли там тема святого католицизма, ощущения Божьего начала? Трепет религиозный? Нет. Там Жёлтый Дьявол. Женятся на собаках, сожительствуют мужики. И нас тянут туда. НАПЛЫВ западных жутких слов – нас ими как ядом травят... И результат налицо...»

«Русское Слово не забывает своего евангельского истока...» – именно с этого очерка о Валентине Яковлевиче Курбатове начинается вышедшая в 2023 году завершающая триптих книга Лидии Владимировны «Думы по-русски». Со знаковым эпиграфом – «Я думаю по-русски. В. И. Даль».

Валентин Яковлевич Курбатов – автор многих книг, но особенно дорога Лидии Владимировне та, что носит близкое ей по смыслу название: «Наше небесное Отечество».

Известный писатель делится в ней своими впечатлениями от поездки в наше небесное Отечество – в Византию, в Константинополь, в начало нашей Православной веры, к святым отцам: «После изгнания в России Православия почти на 70 лет мы выбрали его заново, многие крестились во “всей полноте и ответственности”, и вот, благодаря Валентину Яковлевичу, причастились к колыбели земли христианства, “плоти земли, из которой выросли спасительные плоды нашей веры”. Челночная репутация Турции не должна заслонять торжествующую там Византию, Миры Ликийские, где явился “самый русский” образ веры – Николай Чудотворец; Эфес, где жили после распятия Христа апостол Иоанн и Дева Мария и где апостол Лука писал первые образы Богородицы. Современная Турция – место, где родился апостол Павел, где проповедовали апостол Пётр и Андрей Первозванный, славили Спасителя святые Фёкла и Параскева Пятница. Поэтому так искренне я разделяю радость открытия и чудо “живого и остро ощутимого свидетельства молодости и силы христианства” Валентина Яковлевича, благодаря которому росло и прибавлялось новое знание, ведущее к небесному Отчеству и преображённому земному, а книга его стала непрерывной молитвой, исполненной света и живого тепла: “Какое же великое Православие мы приняли! Какой осанки и мощи!”»

Пророческий высший смысл и у материалов, связанных со знаменитым учёным и политиком Сулейманом Фарахом и его книгой «Российская цивилизация: энергия пространства и человека».

Лидия Владимировна взыскующе пишет, что «борьба за лидерство в духовных и творческих процессах – одна из актуальнейших тем мыслящей планеты. Сухейль Фарах выводит Российскую цивилизацию на вершину духовного оформления человечества. Учёный, определяя характерные черты цивилизационного своеобразия и самобытности России, осмысливает «извечные, страстные, противоречивые стремления к духовности русского человека и народа в целом».

Российская цивилизация – многотипная, она обладает сложной структурой, в основе которой взаимовлияние энергий человека и энергии пространства самого большого в мире государства, одна из великих цивилизаций, повлиявших на весь мир.

Каковы же истоки духовной энергии Российской цивилизации?

Русский народ – покоритель бескрайних просторов планеты. Рассматривая географическую среду и особенности природы России, Сухейль Фарах в главе «Россиянин и власть пространства» подчёркивает влияние ландшафта на формирование национальных, культурных качеств, на психологические особенности, на специфические черты личности, на взаимовлияние между территорией и человеческим коллективом. Жители России, как национально-географическая общность, благодаря своей духовной мощи сложились в процессе созидательной деятельности в уникальную цивилизацию. Три четверти населения России сегодня проживает в городах. К сожалению, как пишет Сухейль Фарах, большинство жителей оказались «охваченными глобализацией», и всё сильнее они «отделяются от своих родовых корней и культурно-исторических традиций». Но освоение огромных территорий и адаптация к новым условиям сформировали у жителей России коммуникативные способности, коллективную солидарность, психологическую стрессоустойчивость, опираясь на «первичный слой территориального своеобразия российской цивилизации – землячества, как историческую форму бытования народа».

Вызовы природы, суровые условия повлияли на противоречивые черты характера, в котором суровость граничит с проявлением ласки и нежности, сочетается терпение с бунтарством, при том «типологические черты отдельного индивида не помешали народу России создать одну из самых мощных на планете цивилизаций, способных повлиять на судьбу человечества в целом».

Далее следуют такие знаковые главы новой книги триптиха, как «Безбрежность духа», «Специфика Русской цивилизации», «Русская идея единства и многообразия и судьба Российской цивилизации» и так далее. Среди известных и духовно близких Лидии Владимировне имён в её новой книге «Думы по-русски» не забыты все дорогие ей имена. В том числе великий Иван Бунин, классик русской литературы Валентин Распутин, а также такие широко известные поэты и прозаики, как Андрей Шацков, Владимир Подлuzский, Сергей Зубарев и Дмитрий Мизгулин, писатель Василий Киляков, профессор Алексей Малинов, Герой России Алексей Новгородов, писатель и общественный деятель Александр Орлов, писатель Елена Крюкова, автор широко известной книги «Лазарет», посвящённой памяти великих русских хирургов: святителя Луки (Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого) и Николая Михайловича Амосова, а также многих других знаменитых людей, включая князя Алексея Николаевича Хованского.

«Мои предложения, – пишет в заключении Сухейль Фарах, – исходят из нового Указа Президента Российской Федерации В. В. Путина от 9 ноября 2022 года, где утверждаются основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Как мне кажется, этот указ может удачно реализовываться во многих направлениях».

Подводя итог, хочется особо отметить, что и в новой книге Лидии Довыденко развивается, обретает всемирность действенная и светлая идея, исходящая из вселенской любви к людям. И суть её в таких знаковых авторских словах, содержащих главную спасительную мысль для человечества: «В пустыню атеизма приходит живая вода Православной веры».

Это особое внутреннее состояние писателя, философа Лидии Владимировны Довыденко вызывает у читателя просветлённость видения жизни, стойкую надежду на преодоление зла в нашей земной и горней жизни.

Берега прочтения

Эляна Суодене

Эляна Суодене – доктор гуманитарных наук. Тема диссертации «Анафора в поэзии Марины Цветаевой (стилистический аспект)». Автор книг о поэтах Серебряного века: «Поэма об Анне Ахматовой», «Поэма о Борисе Пастернаке» и др. Организатор Международного фестиваля духовной поэзии «Покрова». Председатель жюри Международного литературного конкурса «Балтийский Гамаюн». Вице-президент РО Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП).

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ ЖУРНАЛА «БЕРЕГА»

Отклик на журнал «Берега» № 5(57)-2023

Аристотель начинает свой труд «Политика» с утверждения – философия должна рассуждать о том, что всего ценнее. Русский журнал «Берега», ориентированный на ценностный, глубинный анализ современности в контексте развития русского и мирового исторического процесса, делая акцент на историсофском осмыслении реальности, следует этому призыву Аристотеля и, занимая чёткую гражданскую позицию, рассуждает о том, что всего ценнее, из номера в номер.

Сегодняшний конфликт социальных (часто навязываемых извне), нестабильных, изменяющихся во времени, и традиционных, передающихся из поколения в поколение, культурных и религиозных ценностей находит на страницах журнала правдивое отражение.

Как утверждает В. Ершов в своей работе «Психология ценностей в социокультурном измерении»: «Ценности, будучи продуктом социально-культурной матрицы, к которой относится человек, во многом определяют его поведение. Матричные изменения приводят к изменениям как всего социума, так и отдельного индивида». По сути, журнал «Берега» в течение всего своего десятилетнего существования фиксировал эти матричные изменения в русском социуме, отражая в своих художественном, аналитическом и публицистическом измерениях разрыв должного и сущего, проявляющийся во время глобального кризиса с особой, порой вопиющей, остротой и на социальном, и на индивидуально-личностном уровнях. Из номера в номер журнал «Берега» анализировал сущностные изменения общественного сознания, выявляя подлинные причины тех или иных исторических коллизий, выявляя роль и ответственность той или иной личности, поднимающейся порой на властный Олимп, порой вне, казалось бы, всякой исторической логики, и, однако, надолго изменяющей своими действиями исторически сложившееся цивилизационное русло временного потока.

Так, в пятом номере журнала «Берега» опубликована статья Григория Блехмана «Хрущёв – мина замедленного действия под СССР и источник СВО», отражающая «хрущёвскую слякоть», выявляя на основе конкретных исторических документов сокрытые от общественности факты, характеризующие тем самым первопричины обрушения русского социума в девяностые годы: корни тех событий уходят в «хрущёвскую перестройку».

Григорий Блехман приводит цитату из журнала «Новый Китай» за 1964 год: «Преступные действия Хрущёва и его сподручных будут иметь долгосрочные последствия: приведут к перерождению, а затем к разрушению СССР и КПСС». Проведя тщательный анализ экономических реформ Хрущёва, подкреплённый цитированием исторических документов, Григорий Блехман резюмирует: «Подводя итог всем финансово-экономическим реформам Хрущёва, можно констатировать, что они привели к очень печальным последствиям для страны, нанеся экономике страны неповторимый вред, повлёкший за собой две хронические беды: зависимость от нефтяного экспорта и постоянный дефицит продовольствия. Всё это впоследствии станет одним из главных экономических факторов, погубивших могучий сталинский Советский Союз».

И ещё: «...досрочное освобождение бандеровцев, власовцев, полицаев и прочих военных преступников вполне вписывалось в политику хрущёвской “перестройки” и дестабилизации».

И ещё: «17 июня 1954 года Крымская область, благодаря активным стараниям Хрущёва, была юридически незаконно передана из состава РСФСР в состав УССР».

Казалось бы, констатация фактов, но какой воистину «миной замедленного действия» послужила «перестройка» Хрущёва, какое воздействие оказала на константы русской цивилизации, внося меркантильный дух, искажая высокие цели, утилизируя былой ценностный ряд.

Последствия изменения аксиологического ценностного ряда отражены в беседе критика, доктора гуманитарных наук Капитолины Кокшеневой и писателя Анатолия Байбородина «Слово о роде и народе». Вот что говорит писатель о современном состоянии русской литературы: «...со второй половины восьмидесятых годов русскую традиционную народную литературу, словно безродную нищенку, чужеродная и чужеверная российская власть выпихнула на задворки культуры, отдав предпочтение зрелищным искусствам, сплошь и рядом низкого пошиба». И далее: «Трагедия русской традиционной литературы – это трагедия перестроечной России, трагедия даже не в том, что искушённые чужебным Западом доморощенные воры и душегубы державу в одночасье ограбили до нитки и российский народ проснулся нищим и обездоленным, великая трагедия России в том, что окающая и безродная власть вот уже три десятилетия с дьявольским упорством, с дьявольской методичностью работает над изменением русского менталитета».

И далее: «...в годы перестройки с её агрессивной дьявольской пропагандой, с использованием телевидения, космополитизации подвергся уже весь народ и стал утрачивать свой подлинный духовно-нравственный образ».

Писатель свидетельствует: «Первое, что перестроечная пропаганда сотворила – загнала в катакомбы русскую традиционную литературу, видя в ней образ русского характера».

Даёт писатель и определение русскому характеру во всей его правдивой наготе: «Слишком сложен, слишком противоречив русский характер, в котором мучительно, нередко для души разрушительно уживались вера иступлённая и разгул, слёзное покаяние и свирепый грех. Церковь и кабак. Я бы даже сказал, что он, русский характер, и самим-то русским, малoverным, подчас непостижим, и порой я даже не знаю, что ожидать от самого себя завтра». Писатель в этой связи добавляет, что он «...осмыслил язычество как трагедию русской души, что мечется меж вседозволенной волей и христианской волей от порочных страстей». Вместе с тем Байбородин утверждает: «Неистребим твой Божий дух, Христова Русь, бескрайне щедра на таланты вроде и голодная, холодная, хмельная и бесправная Русь». Писатель оставляет надежду: «Будем уповать на чудо – на то мы и русские, чудные и чудные, что воцарит на Русском Престоле русская власть, обернётся благодушным лицом к своей родной, традиционной русской литературе».

Оставляет надежду на спасение мира и Сухейль Фарах в статье «Возможен ли диалог и партнёрство цивилизаций в современном мире», рассуждая об аксиологических проблемах человечества. Автор статьи утверждает: «Мы тщательно обдумываем систему цивилизационных человеческих ценностей, и возникает ощущение глубокой озабоченности по поводу его настоящего и будущего. Это относится к трём системам ценностей: 1) либеральная система и все постмодернистские ценности; 2) классическая социалистическая система и некоторые её современные производные; 3) религиозная система со всеми её проявлениями в сообществе людей и отношением к процессам извне». Сухейль Фарах свидетельствует: «Человечество охватило экзистенциальное беспокойство. Важной является попытка ответить на роковой вопрос, который повторяет большинство людей, живущих на этой измученной планете: где мы? Какова наша судьба? Это самый трудный вопрос, который требует координации».

Исследователь утверждает: «Человеческий цивилизационный оркестр продолжает играть какофонию. Шесть основных цивилизационных групп должны работать над собой, чтобы поддерживать общий психологический, рациональный и человеческий аспект. Это группы: 1) европейская, 2) американская; 3) русско-европейская; 4) индокитайская; 5) исламская; 6) океаническая».

И ещё: «У человечества два пути: либо практики сильный – слабый, правитель – управляемый, либо вариант, который даёт реальную надежду на продолжение справедливой человеческой цивили-

зации на земле, благодаря бдительности мудрого ноосферного разума, чтобы умножать человеческие ценности, которые во многом сводятся к трём: Наука, Этика, Красота». Сухейль Фарах проецирует «распространение основ гуманистически-ноосферной космической цивилизации и устойчивого многополярного мироустройства...»

Раздел «Проза» начинается с повести Василия Килякова «Светлые дали Евсеича». Аксиологический концепт русского кода пронизывает всю текстологическую ткань. Так, в повести Василия Килякова отражается исконная «мечта русского человека – пронзённость совестью»: «Ложь всё и подмена демократии видимостью её. <...> Теперь стали нас путать, смешали намеренно свободу с распущенностью. <...> Трусость, разумеется, не сила, а слабость, следовательно, и жестокость. Сила солону ломит, только сила и остаётся, когда нет любви. Ветхозаветная истина. Неоспоримая. <...> И всё мы позволили обогатить, осмеять, переписать историю свою позволили, и кому? Кому?» Это – голос народа, услышанный и художественно оформленный писателем.

Приведём небольшой отрывок из рассказа Игоря Изборцева «Варфоломеевская ночь», и ледяной холод смены ценностных цивилизационных знаков, пережитых нами совсем ещё недавно, предстаёт во всём своём правдивом естестве:

«– Вы ко мне? – строго спросил Грибов, заметив Петра Варфоломеевича, и скинул руку со спины секретарши. – Я сегодня приём закончил.

– Этот гражданин с утра ждёт, он из церкви какой-то, – подала голос секретарша. – Его письмо у вас на столе, Иван Сергеевич.

– Да? – Грибов насупился. – А почему гражданин? Господин. Теперь все господа. Чего вы просите?»

И – финальные строки рассказа:

«Он бережно, словно спасённое от недоброжелателей ценное имущество, нёс под мышкой книги с житиями. “Ничего, чай не пустой иду, – утешал сам себя, – не зря сходил. Да и каково им было бы там стоять?”»

Вынести книги с житиями святых из захваченного девяностыми пространства как знамя с поля боя!

Валерий Герланец публикует повесть «Благословенный». Время Александра I представлено историческими параллелями. Ярким свидетельством того, что происходящие ныне исторические процессы уходят корнями вглубь веков, выступают строки: «Главная тема созванного заседания: доктрина Монро, с которой президент Соединённых Штатов Америки буквально ворвался в международную политику, желая подмять её под нужды своей молодой, но весьма настырной державы». Создаётся впечатление, что эти строки сказаны не о времени государя Александра I, а именно о дне сегодняшнем, об эпохе неолиберализма и глобализации.

А вот как автор описывает встречу царя Александра I со святителем Серафимом Саровским:

«Серафим перекрестился и вышел на крыльцо. Навстречу ему, лучетворно улыбаясь, бодро шёл Александр. Его золочёные пуговицы на мундире и сапоги с высокими голенищами поблёскивали в лучах солнца. Государь был без свиты, и, судя по всему, из монастыря, где он провёл ночь, шёл пешком.

– Здравствуй, преподобный Серафим, – низко поклонился он старцу.

– Христос воскрес, радость моя!

– Сказывали мне, что ты, будучи великим светильником и подвижником, стяжал дар прозорливости».

Христианские ценности народа в диалоге венценосного царя и высочайшего духовного лица отражают светоносное ядро национального кода!

Рассказ Сергея Собакина «Тревожные люди» продолжает мистически-сатирическую традицию русской литературы: «И даже появился такой психологический термин, как «синдром золотого человека», при котором люди сходили с ума в попытках найти у себя хотя бы грамм золотой ноши,

«исследовали» и истязали собственный организм так, как если бы это было не их собственное тело, а взятый напрокат костюм человека».

Вера Сытник в рассказе «Творческая встреча» продолжает традицию глубинного психологизма русской литературы, отражая экзистенциальный драматизм человеческого бытия, печальное несоответствие мечты и сущего.

Вместе с тем в автобиографической прозе Николая Жукова «Балтийская осень» мечта осуществляется, однако парадоксальным, не таким, как представлялось автором ранее, способом: «Казалось бы, что мечта моей жизни реализовалась не полностью, я не стал боевым адмиралом, хотя шёл к этой цели, служа по-честному. Но вот совсем недавно один из моих закадычных друзей, который является родителем моего ученика-кадета, сообщил мне новость, что за глаза, оказывается, в нашей гимназии меня называли “Адмиралом”. Так что, невзирая на отставку, я дослужился до высокого звания, звания, что присвоили мне мои ученики. А потому мечта сбылась».

В этом тоже русский код – вера в чудо, которое осуществляется порой само собой, даже вопреки жизненным обстоятельствам.

Раздел «Поэзия» начинает Алексей Полубота. «Мыслящий тростник» преломляет реальность: стихи становятся морозкой, валуны согревают друг друга, как тюлени, дух христианского Валаама и дыхание Святого Трифона ощутимы. Связь с природой настолько органична, что в сосну прорастают руки.

В поэзии Ивана Молчанова-Сибирского можно почувствовать влияние есенинских образов – читая стихотворение «Мать», строки «Что ты ходишь за околицу», так и хочется продолжить знаменитым «В старомодном ветхом шушуне». Рифма «ёлки» – «волки» ассоциируется с Мандельштамом. Стихотворение «Кузнец» напоминает поэтику Балтрушайтиса. И всё же, осуществляясь в традиции русской поэзии, поэт восхищает своеобразной органикой образов природы: «Тополёк в осенних листьях // Словно стрижен под гребёнку». Что-то очень русское, родовое в строках поэта о матери. И хочется верить, что новое время действительно куётся, читая стихотворение «Кузнец».

Элегическая поэзия Зои Колесниковой отличается умением осязать дыхание вечности в земном бытовании:

*Уже нетрудно думать о поре,
зовущей нас к Божественному Свету,
взойти к нему на утренней заре
иль на вечерней... в полудрёме ветра.*

*Легко быть добрым. Белый свет жалеть...
Идти к Голгофе тысячу ступеней,
и до заката, может быть, успеть
Услышать о причастности к Успенью.*

Философия христианского преображения души зафиксирована в строках:

*Эту синь так впитали глаза мои,
что, смятенная прежде, душа
по небесным законам-экзаменам
стала жить, и любить, и дышать.*

Инобытие у этого поэта вплетается в духовную ткань бытия, и эта постоянная духовная и душевная работа находит отражение в строках:

*...и это длилось долго, а затем
при всей своей огромности летел
с тобой и мной один небесный шар,
и яблоку в саду он не мешал,
искал в нём воплощения опять...
Но мы могли о том уже не знать.*

Или:

*Будут летать букашки,
Будет янтарный свет,
Будет совсем не страшно
Думать, что смерти нет.*

Можно предположить, что поэзия Зои Колесниковой – это художественное осмысление себя в человечестве сквозь призму времени и любви, предошущая вечное.

Проникновенными стихами о матери – «Щегол» – открывается стихотворная подборка Светланы Кековой.

Метафизике творчества посвящены строки:

*Ведёт дорога туда, где много
впустую прожитых мною лет.
«В пустыне трудно не верить в Бога», –
сказал когда-то один поэт.*

*<...> А было ли у поэта имя,
не ведают Гумилёв и Блок.
но каждый ищет свою пустыню,
в которой может явиться Бог.*

Философско-религиозные стихи Светланы Кековой звучат набатом:

*Одумайся, душа! Отвергни бремя сытых
и вспомни о других – обманутых, убитых,
об огненных словах, забытых впопыхах,
опомнись – и заплачь о собственных грехах.*

*Но нравится душе блуждать по бездорожью,
согласия искать меж истиной и ложью
и тело на себя, как пыльный плащ, одеть,
чтоб танго танцевать и в зеркальце глядеть.*

Художественное осмысление религиозных смыслов, вживлённых в тонкий мир человеческого естества, представлено поэтом в строках:

*Птица пролетит как тень разлуки,
ты узнаешь детский наш секрет:
терпит тело родовые муки
в час, когда душа рождает свет.*

*Там, внизу, сужалась бесконечность,
втягивая мира круговерть,
и стоял Христос у входа в вечность,
крестной мукой побеждая смерть.*

Историософское наполнение поэтических строк вызывает у читателя трепет сопереживания:

*Миску с красною чечевицею
снова жадно схватил Исав,
а Россия с её столицею
снова взвешена на весах.*

Или:

Мы теперь не Обломовы – Штольцы.

Или:

*И мережится Русь Золотая
Нам, зачатым в Железной Руси.*

Сергей Воробьёв воплощает в своём произведении «Я выгнан из детства» юнговский архетип странника, однако укоренённого подсознательно в русской ценностной системе. «Я – русский, таким меня сделало Православие», – сказал когда-то Николай Гумилёв. В этом тексте поэтом отображён путь от безлюдия и обольщения к чуду обретения смысла.

Приведём начало произведения:

*Я выгнан из детства –
из райского сада,
как будто снарядом
прошло мне сердце,
бессонною ночью
был я обесточен –
достались в наследство
одни междустрочья.*

*Возможно, по краю
ходил я, пружиня,
и в двери чужие
врывался без стука,
натруживал жилы
и брал на поруки,
забыв о наживе –
древнейшей науке.*

*Но всеми оставлен,
живя по подвалам
и вашим и нашим, –
в краю буцефалов,
в селении вражьем
их меньше не стало –
громадностью башен
я был ошарашен.*

*Кому-то – не так ли? –
сидеть в Вавилоне –
в сидячем вагоне,
где властвует Маклер,
но вечные башни
обломками лягут
не раз и не дважды
падут, как в спектакле.*

*Проснувшись однажды
при тусклой лучине,
не лица – личины
увидел, где каждый,
как мира химера,
не ведая веры,
уткнулся в свой гаджет
и Бога не жаждет.*

И приведём финальные строки:

*Душою разъятой
искал образ Солнца –
с Архангелом Божьим
там шли богомольцы
за хлебом насущным,
и с ними Пресуций,
в страданиях распятый,
Спасенью присуций.*

*Идут богомольцы,
звенят колокольцы,
зовущие в детство
призывно-тревожно.
И я с ними в детство
иду осторожно,
мечтая согреться
дыханием Божьим.*

Это стихотворение отражает во многом духовные поиски поколения, рождённого в «хрущёвскую оттепель», но, как потом выяснилось, в «хрущёвскую слякоть». Прельщённые башнями, но не ведаю-

щие наживы, опьянённые музами и не сумевшие ужиться на Парнасе, мы шли в запой, в странствия, в моря. Но русская душа жаждет Рая. Порой это чудо свершается – блудные сыны и дочери обретают дорогу домой. Не зря ведь Райнер Мария Рильке сказал, что Россия граничит не с другими странами, а с Раем.

Вот что поэт говорит, пройдя свою долю метафизического бездорожья:

*Увидев, что были скитанья мои
Для поиска именно этой земли,
Где старый баркас я уже не качал
И где мой причал стал началом начал.*

Горьким личным опытом оплачено предостережение поэта:

*Скажи, проклятый кукловод, –
Назад мне страшно оглянуться,
Когда от слепоты очнутя
Все те, кто продолжает род?*

*Ответа нет! Но я-то знаю,
Князь тьмы – он потаённо ждёт,
Пока его час не придёт,
И ты качнёшься в пропасть с краю.*

Поэт Ольга Флярковская называет город Псков братом – настолько органична их родовая связь. Отечественная история пронизывает строки поэта, и топография русского Севера облекается в поэтические образы. Это русская по духу поэзия, где красота природы пронизана русским гением, ибо пушкинская свеча вечно возжена, как заря бессмертия:

*Да проказы потешные для господских утех,
Поцелуя поспешного обжигающий грех,
Всё аллеи, да мостики, да от писем зола...
Как под ситчиком простеньким грудь русалки бела!*

Душа России, её вечная тоска по Земному Раю, Божьему Царству на земле для всех – всё это выражено в стихотворении «Отчего ты плачешь?». Это стихи о том, что России присуща вечная святость, и всяк, имеющий уши, да услышит этот тихий набат.

Глубоким лирическим переживанием пронизаны строки Владимира Масалова:

*Хочется поглаживать листочки,
До ветвей дотронуться рукой,
И весной, когда набухнут почки,
Целовать их нежно по одной.*

Сильна патриотическая нота:

*Мне отец в той войне завещал
Сохранить, что они отстояли.
Мне он верил, когда умирал
Под Варшавой, где многие пали.*

Гневные строки Руслана Кошкина порой окрашиваются мудрым покоем, призывают к кротости:

*Мнящий дело своё оборонным и правым,
не забудь же душой уподобиться травам,
напитаться безмолвием вровень с водою.
Укротись – и вступай в своё дело святое.*

Глубоким лиризмом пропитаны стихи Михаила Позднякова (перевод Михаила Кулеша):

*Душа полна любовью, тишиной,
Но сердцу почему-то одиноко.
Не надо, луг, вернулся я домой,
Прими меня, как брата, без упрёка.*

*Здесь, на помосте старого крыльца,
Я вспоминаю годы молодые.
Во мне не отгорела до конца
Боль за грехи и горести земные.*

В разделе «Берега Янтарного края» поэт Ирина Моткова мечтает «В друзей обратить // вчерашних врагов», однако понимает, что «дни всё быстрее, // и нужно успеть».

В Записках о Янтарном крае «Колыбельный мотив» Натальи Советной, которые посвящены единению народов России и Беларуси, автор повествует о своём месте рождения, посёлке Янтарном, где она родилась и находилась там первые два года жизни, а через много лет приехала в Калининградскую область, чтобы альбомные чёрно-белые фотографии родителей вдруг ожили и приобрели краски: «Море ласково поцеловало мои ноги, весело заплескалось в руках, брызнуло в лицо, а налетевший ветер с готовностью растрепал мне волосы, в которых засверкали дрожащие солёные капли... Наша встреча состоялась!»

«Берега юбилеев» представляют повесть Светланы Савицкой «Назови имя Бога (Космическое эсперанто)». Красочно говорит о прозе юбиляра астролог Павел Глоба: «Имя Бога – шифр Вселенной, пароль для достижения заветного желания, реализации истинной цели души. <...> Жанр, в котором работает Светлана Савицкая, называется “магический реализм”. <...> Фундаментальные произведения, написанные ярким литературным языком, представляют собой некие астрологические прогнозы, исторические и философские открытия».

«Берега культуры и искусства» предоставляют вниманию читателя текст Александра Ралота о знаменитом русском архитекторе «За служение России к смертной казни приговорить». Аксиологическое наполнение этого текста очевидно:

«Его воспоминания прервал звон убираемой посуды.

– Так мы остаёмся или нет? – еле слышно произнесла супруга.

– Моя Родина отныне и до скончания дней – Россия, – ответил архитектор и, опираясь на стол, поднялся с места.

Два года спустя Джакомо Кваренги получил потомственное российское дворянство и за выдающиеся заслуги был награждён орденом Святого Владимира первой степени».

Как же хочется повторить вслед за автором: «Отныне и до скончания дней!»

Раздел «Берега прочтения» открывается статьёй Нины Черепенникова «Меценат государства Российского. О книге Геннадия Сазонова “Аршином общим не измерить”, но и не только...».

Нина Черепенникова цитирует автора книги: «Над книгой я работал более двадцати лет, – рассказал Геннадий Сазонов. – Изучал архивы Москвы, Вологды, встречался с родственниками моего героя, краеведами. Меня в первую очередь привлекла ЛИЧНОСТЬ Леденцова, его незаурядный характер, и главное – его жертвенность во имя процветания Родины. Христофора Семёновича можно назвать меценатом государства Российского, поскольку последствия деятельности созданного им Общества неопределимы во всех сферах бытия нашей Родины...»

Далее «Берега прочтения» представляют статью Вячеслава Лютого «От житейского к духовному (одиноким человек в прозе Игоря Изборцева)». Согласно автору статьи, писатель стремится исследовать «одинокость человека в контексте с эпохой, где всё норовит взаимно разладиться, но сохраняется благодаря великой надмирной милости и смыслу». Вячеслав Лютый высказывает мысль, схожую

с высказанной в тексте представленной в пятом номере журнала «Берега» беседы Капитолины Кокшениевой и писателя Байбородина, о том, что русская народная литература будет уважена в родной стране. Приведём эти строки Вячеслава Лютого: «Хочется верить, что настоящая, честная проза наших писателей, в течение долгого времени отчуждённая от массового читателя, всё-таки непостижимым образом проникла в массовое сознание, делая в нём важные и необходимые “поправки”, обозначая место, на котором стоит сейчас русский воин, – как родовую почву».

Словно продолжая эту мысль Вячеслава Лютого, Владимир Скиф в статье «Иван Молчанов-Сибирский» цитирует строки Александра Гайдая: «Конечно, писательский труд – дело сугубо индивидуальное. И своими успехами, художественными открытиями авторы обязаны прежде всего своему дарованию, но немаловажное значение имеет и та обстановка, то окружение, в котором работает литератор».

В разделе «Берега прочтения» в статье Лидии Довыденко «Благодарение, благо и честь» анализируется книга Сергея Пылёва «Харисто». Автор статьи, вчитываясь в тексты писателя, рассматривает литературу как «средство влияния на дух человека, а личность как проводник в духовные сферы». Лидия Довыденко на основании исследуемых текстов утверждает: «Мир обречён, если не перейдёт в реальный мир». Со светлой грустью читаются строки: «Во время операции на сердце ему ангел нашептал слова: “Харисто гунаиз”. Стоит только произнести человеку эти слова, как он и всё человечество обретёт заветное счастье. Он записал эти слова и другие, которые говорил ангел, но когда пришёл в себя, не вспомнил их значения и воспринял как бред. <...> Что такое “Харисто”, никто не знал, но напоминает оно Евхаристию – благодарение, благодарность, признательность, добро, благо, почитание, честь, уважение, а также Святое Причастие».

Лидия Владимировна утверждает: «Художественное творчество Сергея Пылёва даёт читателю возможность почувствовать жизнь так, что он почти осязает себя в непревзойдённой свежести и подлинности. Изображение им современной жизни захватывает нас, потому что в повести Россия жива во всей яркости и правде менталитета русского человека, обладателя высшего дара – быть счастливым не одному, а непременно со всем человечеством».

Миссия журнала «Берега» – отстаивать коды русской цивилизации, выпестованной в лоне Православия, когда без «счастья для всех» невозможно счастье одного или нескольких, ибо мироздание Всеедино. Именно в этом основные смысловые узлы тонкой энергии традиционной русской литературы и культуры в целом.

Сохраняя цивилизационные коды, аксиологическое ядро народа, его литература сохраняет и врачует народную душу. Бессмертную.

04.11.2023

Берега прочтения

Валерий Старжинский

Валерий Павлович Старжинский – родился в 1950 году. Окончил с отличием физико-математический факультет Минского педагогического института им. А. М. Горького. Работает в должности профессора кафедры философских учений Белорусского национального технического университета. Является одним из разработчиков концепции проектирования Парка высоких технологий Республики Беларусь, членом экспертного совета Парка. Является автором четырёх патентов на изобретения. Работает на стыке научной и художественной культур. На протяжении десяти лет им разрабатывались сценарии серии телепередач на ОНТ в ток-шоу «Выбор» и на СТБ в ток-шоу «Такова судьба» с участием студентов и аспирантов по проблемам противодействия антикультуре и духовной деградации молодёжи. Печатался в журналах: «Берега», «Полымя», «Белорусская думка», «Наука и инновации», «Адукацыя і выхаванне», периодических изданиях: «Беларусь сегодня», «Республика», «Настаўніцкая газета», «Семь дней» и др. Опубликовано 14 монографий, около 500 статей, в том числе более 30 – на художественно-публицистическую тематику.

КАК ДОСТИЧЬ ИЗЯЩНОЙ МОНУМЕНТАЛЬНОСТИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ХРАМА ДУХОВНОСТИ

Опыт философского осмысления аналитики произведений журнала Берега № 2(54)-2023 г. Еленой Крюковой, опубликованной: <https://dovydenko.ru/> – Фреска «Берегов» под куполом жизни // https://ruskline.ru/analitika/2023/10/11/freska_beregov_pod_kupolom_zhizni

Каждый человек в душе философ. Один в большей степени, другой в меньшей... И эта степень зависит от осознания человеком своего места в жизни и устремлений, направленных на творческое жизнеутверждение, смыслы которого открываются посредством философской рефлексии. Ситуация значительно усложняется при переходе от индивидуального, одномерного измерения бытия в многомерный анализ, который осуществляет, например, критик процесса художественного конструирования мира. Речь пойдёт о художнике и его методологии творческого созидания, видения мира в форме художественных произведений. Мы будем рассматривать, вслед за известным критиком (и не только, но и музыкантом, поэтом, эссеистом, прозаиком, исследователем русской литературы), процесс созидания мира-произведения, и в особенности методологию созидания, которая выявляется в процессе анализа творчества художника.

Получилось как-то запутанно – несколько этажей рефлексии. Давайте танцевать от печки. Существует мир, и в нём художник создаёт искусство, которое отражает реальность. И появился критик, который пытается осмыслить этот процесс. И что здесь сложного и запутанного? Прежде всего, описанная выше схема весьма приблизительная и в этом смысле неточная. Во-первых, мир, который существует, с позиций эпистемологии разный для разных людей. Во-вторых, мир не столько отражается, сколько конструируется в сознании в зависимости от понятийной и сенсорной сетки, через которую человек смотрит. В-третьих, художник создаёт образцы такого видения в зависимости от историко-культурного дискурса и креативного потенциала. В-четвёртых, критик, который анализирует этот процесс, опять же не просто эксплицирует методологию и средства креативности художника, а творчески реконструирует процесс созидания, конструирования мира. А тут ещё появляется метакритик – автор настоящего повествования, и пытается разобраться в этой многослойной конструкции...

Но я отнюдь не конечная причина такой «многоэтажки». Везде «ищите женщину». Елена Крюкова – художник, создающий уникальные фрески, не в виде росписей храмов, а фрески вербальные, украшающие храм искусства, помогающие проникнуться таинством созидания и обрести смыслы,

порождаемые словом, текстом, картиной художника. [Для молодого читателя. *Фреска* (от итал. *fresco* – свежий), *аффреско* или *альфреско* (итал. *affresco, al fresco*) – живопись по сырой штукатурке, одна из техник стенных росписей, противоположность «альсекко» (росписи по сухому). При высыхании содержащаяся в штукатурке известь образует тонкую прозрачную кальциевую плёнку, делающую фреску долговечной. Выполняется художниками-монументалистами (см.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>).

В нашем случае фрески художника – поэта в душе, у которого проза сродни поэзии, живописи и музыке, создаются посредством синергии двух искусных дел – изящной словесности и живописи. У Елены Крюковой есть творческий замысел проверить эффективность, долговечность и монументализм этого синтеза: в художественную палитру слова добавить краски художника. Другими словами, «шторм неба», предпринятый автором, состоит в головокружительной попытке соединить кисть художника с перлами изящной словесности, зримо выразить чувства и прочие иррациональности, а также смыслы посредством бездонной философской рефлексии. Заметим, что это весьма небезопасное предприятие, поскольку художник балансирует на грани суицида от осознания драматичности бытия, находясь под куполом жизни.

«А где же здесь философия?» – спросит вдумчивый читатель. Творческий синтез искусств возможно разместить под куполом жизни только посредством философской рефлексии. В данной ситуации рефлексивных воспарений нельзя обойтись без участия читателя. Вы заметили ещё одну новацию производимого анализа-синтеза творчества художника – обращение к сакральности действия. Елена Крюкова имманентно задаёт его через наличие храма, который венчается куполом. Всё. Пора остановить ассоциативный поток сознания и обуздать его прямолинейной и бездушной логикой. Я не знаю, в какой мере можно выразить, передать чувства рациональными средствами. «Знаю – не знаю» – это не про чувства... Метафоры, аллюзии, ассоциации, синтез жанров, видов искусств и прочее, прочее... Есть ещё возможность создать эзотерические тексты. Но мало ли есть возможностей, тем более абстрактных. Давайте перейдём от возможностей к действительности, созданной Еленой Крюковой.

Итак, автор, как истинный художник и философ, осуществляет анализ произведений, которые представлены во втором номере русского журнала «Берега» за 2023 год. Новации критика связаны не только с методологией анализа, но и со сверхзадачей, которую решает автор, – рассмотреть художественные журнальные тексты через призму реалистической живописи, что реконструирует жизнь в системе измерения высших ценностей: *любви, надежды, веры и правды*. Таким образом, воздвигается, образуется купол для храма духовности. Прежде чем перейти к «делу» – анализу Еленой художественного творчества собратьев по перу и кисти, заметим, что этот анализ имеет исконное наименование и проходит под рубрикой «Критика». Вспомним не очень популярного ныне Канта с его «Критикой чистого разума» или «Критикой практического разума», в которых не случайно присутствует такая заумь, как «трансцендентный» или «трансцендентальный».

Пора остановить этот «птичий» язык и сосредоточиться на предмете анализа – «синергии пера и кисти», слов и красок. Более точно, на попытке Елены Крюковой расширить возможности анализа художественных произведений при помощи её синергетического, очень тонкого и чувствительного, но всё-таки скальпеля, которым она, как обладающий любящим сердцем врач, препарирует чувственную ткань жизни, сохраняя её Живой. Не является ли это высшим проявлением любви к жизни, стремлением её исцелить, сблечь во всём и всегда, стремлением дарить Любовь миру.

Как утверждал Эрих Фромм в своём бестселлере «Искусство любви», Любовь есть высшая форма решения проблемы трансценденции. И, в отличие от кантовских сложностей и философского тумана – неоднозначности смыслов, у Фромма всё достаточно прозрачно. Человек живёт в условиях биологической конечности существования, его брэнное тело имеет ограниченный временной ресурс. Человек, не достигнув жизненного экватора, это не осознаёт и живёт как бессмертное создание. Напротив, попадая в ситуацию кризиса среднего возраста и далее, по мере взросления, не может смириться с осознанием того факта, что жизнь – это увлекательное путешествие с летальным исходом. Отсутствие смирения переходит в поиски способов выйти за пределы, временные границы бытия и стать бесконечным, обрести бессмертие. Эта попытка выйти за пределы своего биологического существования и есть трансценденция, которая может осуществляться различными способами. Первый, наиболее простой и разрушающий душу способ, – это алкоголь, табакокурение и прочие деструкции. Достижение оргиастических состояний для преодоления отчуждения позволяет нам Всевышний. Эрих Фромм говорит ещё об одном способе трансценденции – идентификации себя с результатами собственной творческой деятельности.

Аналогичная ситуация обстоит и с социальной формой отчуждения, поскольку человек как социальное существо живёт жизнью не только своей, но и своих близких родственников, друзей и т. д., хотя и заключён в свою индивидуальную телесную оболочку. Приспособление к группе, прятанье за стереотипами поведения, конформизм (соглашательство) и нонконформизм представляют собой суррогатные способы выхода за пределы социального отчуждения, трансценденции от «я» к «мы». И только любовь является высшей формой решения и биологической, и социальной проблемы трансценденции. Именно любовь является наиболее тотальным и наивысшим способом выхода человека за пределы своего существования, обретения счастья и бессмертия.

Но не только *Любовь*, но и *Надежда*, *Вера* и *Правда* являются спасительными маяками в жизни человека и творчестве художника, согласно Елене Крюковой. Её аналитический взгляд вооружён проблемным видением жизненных дихотомий: слова и дела, чувства и формы их отображения, синтез слова и краски, отчуждения и любви, отчуждения и надежды, отчуждения и веры, лжи, заблуждений, кривды, обид и правды и др. Синтез её художественной палитры слов и красок становится истинными фресками художественной критики, что превращает последнюю в самодостаточные новации художественного творчества, красочно-изящные и монументальные.

Последователь уже упоминавшегося Канта Э. Гуссерль – один из основателей феноменологической концепции сознания – исходит из установки, что человек имеет дело (познавательное) с миром, или, другими словами, осваивает мир через феномены сознания, и никак по-другому. Если объекты внешнего мира будут воздействовать на нас как-то иначе, вне сознания, то мы будем иметь дело с физическим травмированием головы, а не отображением мира в феноменах сознания. Да и отображение – это первое приближение гносеологии. Как уже упоминалось, более точно – человек создаёт, моделирует, конструирует мир в своём сознании и воображении. Елена Крюкова переоткрывает концепцию феноменологии сознания художественно-поэтическими средствами, выражая основную презумпцию: *«Всё хочет быть воспето голосом моим»*. А смысл этой песни – Фроммовская любовь.

А теперь о живописи и поэзии. Литератор стремится не просто отображать мир, а конструировать новые смыслы и образы: мы *«наново лепим мир, заново его рожаем»*, чтобы идти дальше, и тем самым продолжаем его бессмертие. Ну вот вам и проблема трансценденции, но не только, ибо художники, наряду с героями, спасают мир, возвышая потребности и ценности человека до уровня героя. Есть ещё один сюжет, связанный со смыслами Художника с большой буквы и художника-живописца, который в своём творчестве приобретает начертание Художника-творца. Уважаемый читатель понимает, что художник-живописец – это первохудожник, который первым стал на стезю искусства и, как первопроходец, протоптал лыжню – образцы и приёмы Мастерства. Не случайно Николай Заболоцкий в «*Портрете*» призывает поэтов любить живопись, не случайно Елена Крюкова избирает это стихотворение в качестве эпиграфа.

В каком случае, вопрошает Елена, *«...поэт, танцовщик, актёр, музыкант, живописец, скульптор, архитектор, учёный, производственник, ремесленник может быть, внутри своего рабочего пространства, бесспорным художником...»*? Ответ кроется в понимании таинства искусства, а более точно – изображения, которое, при всей многоликости его технологий, создается как яркая самоцветная палитра-новация, как необходимое условие бытия.

Елена Крюкова для того, чтобы понять и описать степень искусности авторов журнала, вводит историко-культурный дискурс – историческое измерение художественного творчества, отображающего жизнь. В отличие от древнейшей символики пещерной живописи, которая выражает страх, красоту, мощь диких зверей, силу земли, бешеный шаманский бубен и камлание восходят к небу, возбуждают инстинкты и поднимаются к таинственному трепету подсознания. Позже, в Античные времена, пишет автор, родилось монументальное искусство, которое стало определять, диктовать каноны, но не как застывшие предписания, а в виде пластики творческого отражения реальности. С приходом Христианства появляется, создаётся феномен собора, храма, с возвышающей человека до небес сакральностью, как высшей ценностью, которая визуализировалась в храме при помощи живописи и по месту рождения приобрела статус монументальности.

Проникая в лабораторию творчества художника, автор в качестве одного из элементов методологии выделяет инвариант – общее понимание смысла произведения как в литературе, так и в живописи, которое заключается в отображении, а более точно, в изображении – художественной реконструкции реальности. Однако развитие искусства от реальности к символизму вполне объяснимо и принимается большинством профессионального сообщества. Напротив, движение искусства от символа к реально-

сти по-разному воспринималось критиками процесса становления художественного творчества. Так, о. Павел Флоренский, например, считал переход от символизма к реализму частичной утратой духовных ценностей. Он утверждал, что *«эра Андрея Рублёва достигала небесных высот, а время Возрождения печально уронило высокое, Божие искусство наземь»*. Однако Е. Крюкова философски подходит к этой проблеме и приглашает читателя к поиску смыслов данного утверждения и вопрошает, «что значит возвысить или уронить?» Натурщик Диего Веласкеса (история донесла нам этот эпизод...) сказал мастеру: *«Непорочное зачатие, конечно, чудо, но ведь и обычное зачатие – тоже чудо!»*

Более того, критик подвергает анализу диалектику произрастания жизни не только через зачатие, но и посредством художественного творчества. Она описывает таинство тончайшего перехода цвета в жизнь через художественные краски, а затем это чудо реконструкции – обретения новой, сотворённой человеком жизни продолжается не только в живописи, но и в поэзии, философии, исповеди. Художники воспроизводят (изображают) жизнь также и в противоположном направлении – от слов, текста, в котором запечатлён Логос, к первоискусству – живописи, что явила миру первое чудо изображения – творения человеком мира. При этом, обратите внимание, как тонко на уровне психолингвистики автор изображает эти переходы реконструкции жизни. Речь идёт о том, каким отошавшим в результате абстрагирования от глубинных креативных процессов выглядит одно из главнейших понятий науки – рациональное – по отношению к Логосу: полуинтуитивному, но искусному концепту, принадлежащему не только сфере науки, но и искусства, а также Елене Крюковой как высокому мастеру Слова.

Становится высшим мастерством уровень анализа автором процесса становления искусства, посредством этой удивительной синергии цвета и слова, как базовых конструкторов, при помощи которых художник изображает, а более точно, творит мир, предстающий перед нами, явленный в его осмысленности и логической последовательности, сверкающий всеми цветами радуги. Вот как поэтически тонко в солнечном свете Времени эволюцию искусства изображает Елена Крюкова: *«Материя живописи усложнялась... где смешивались правда и миф, пропитывались друг другом тьма и свет; и этот рекою текущий, солнечно пронзающий Время свет свободно, крылато переселялся в стихи и прозу, заставляя Автора Пишущего обретать новую силу вездесущего изображения»*. Слово стало считать себя всемогущим из-за доминирования рационального способа освоения мира, хотя теперь очевидно, что эта монополия не абсолютная и ко всему содержит экзистенциальные угрозы существованию человечества. Так сложилось, и надо с этой экспансией человека в природе что-то делать... Однако мы о другом. Слово, цифры и буквы вытеснили живопись на периферию, изображение мира посредством текста стало доминировать. Более того, абстрактные реконструкции мира, которые являются прерогативой науки и философии, в искусстве зачастую не воспринимаются адекватно. И вот тут на помощь приходит слияние искусств. *«Так стали сливаться в крепком объятии живопись и литература, и в Миръ явился ещё один феномен – параллельной жизни: литература, писательство, поэтическое искусство стали сопоставимы с искусством живописи, а живопись, в особенности в 19-м и 20-м веках, стала диктовать поэзии и прозе условия существования, хотя часто сами писатели не догадывались об этой плотной, почти мифологической культурной связке»*. Поскольку я не профессиональный искусствовед, дадим слово автору критики. Елена Крюкова пишет: *«И в прозе стали появляться персонажи, что напоминали дрожащего, потрясённого свиданием с давно пропавшим ребёнком старика в “Возвращении блудного сына” Рембрандта ван Рейна, Леонардову Джоконду, ослепительный крапак красного знамени на военных полотнах Виктора Сафронова, нежный лик Марии Стюарт на знаменитом карандашном портрете Франсуа Клуэ. Писатели учились, пусть бессознательно, пользоваться приёмами сфумато, обратной перспективы, победного локального цвета, изошённых лессировок. Живопись стала идти одной дорогой с текстом, и этот невидимый симбиоз породил на свет ещё одну стилевую и жанровую уникальность – реализм»*.

Интересно обоснование автором реализма как классической философско-методологической парадигмы решения проблемы существования мира и его основного принципа объективности истины. Как известно, в неклассической и, в особенности, постнеклассической науке существует противоположная парадигма радикального конструктивизма и релятивизма. При всей привлекательности релятивистских принципов (кто не восхищается удивительным миром теории относительности А. Эйнштейна и квантовой механики Н. Бора, В. Гейзенберга и других создателей новой физической и философской картины Вселенной...) экстраполяция принципов релятивизма на всю культуру в целом чревата релятивизацией общечеловеческих ценностей, как то: Родины, патриотизма (родина там, где нам лучше), мужчины, женщины (нетрадиционные гендерные ориентации); в этот архетипический ряд

встают отец, мать (отчуждение между поколениями), международное право (заменяется на правила, основанные на праве силы), справедливость (у каждого своя правда) и прочее, прочее. Автор пишет об этом: *«Реализм... как вера: верую, ибо истинно»*. Между тем стоит напомнить, что классическая рациональность и весь фундамент классической науки основываются на утверждении существования объективного мира. И этот тезис нельзя доказать средствами науки. Он является презумпцией классической научной картины мира и функционирует в качестве аксиомы. Другими словами, принимается на *Веру*. Современный постмодернизм, во многом впитавший в себя постнеклассическую рациональность, игнорирующий реализм, здравый смысл и благоразумие, делает человечество *«изголодавшимся по истине, по вере, по любви, по правде»*.

Как же авторы журнала «Берега» № 2 за 2023 год, по мнению Е. Крюковой, врачуют сознание человека, изголодавшегося по общечеловеческим ценностям? Предлагаются два вида снадобья, одно для изображения социально-политических проблем, другое для социокультурных, природо- и человекоцентрированных, а если короче, антропоморфных. По мнению Елены Крюковой, отдельного внимания заслуживает поэзия.

Эпическая панорама – образ геополитической картины мира, созданной Сергеем Глазьевым, включает в себя не только изображение нынешнего состояния человечества с его фундаментальными конфликтами как высшей формой развития противоречий. Эта монументальная роспись ближайшего будущего содержит весьма обоснованный оптимистический прогноз для нашего Отечества, который пропитан верой в наши идеалы, надеждой на победу, любовью к Родине. В отличие от политико-социальной живописи Глазьева, выполненной в строгих канонах логики и научной аргументации, рисунок Хэндус более живой, трагичный и философски ангажированный экзистенциальными проблемами и применением концентрированного оружия, меняющего систему ценностей в измерениях «свой – чужой», «правда – ложь» и т. п., поражающего сознание прежде всего молодого поколения.

Вызывают восхищение у Елены Крюковой вербально-живописные фрески Сухейля Фараха, который, подобно художнику – реставратору старинных икон, реконструирует, вызывает к жизни гениальные фрески духовности, поражающие своей бездонной глубиной тексты-фрески Фёдора Достоевского, глядит на мир через призму судеб его героев, которые транслируют через поколения и Время глубины падения и вершины взлёта человеческого духа.

Слово, язык – главная духовная сокровищница человечества, одновременно это идентификатор любого этноса и нации, дом бытия, по Хайдеггеру. Вадим Рыбин поднимает вопрос о проблемах языковой политики, создающих вызовы и угрозы не только русской культуре, но и национальной безопасности, государственности в целом. Кроме изображений, сигнализирующих красными вспышками, лингвистических барьеров предлагаются спасительные меры их преодоления, которые внушают оптимизм, зажигают ослепительно яркие маяки надежды.

Изображения-картины Анатолия Байбородина относятся к категории антропо- и природоцентричных и, по мнению Елены Крюковой, потрясающе живописны; они создаются посредством красочного, щедрого на эпитеты, на алмазные россыпи наблюдений великорусского языка, и эти великие языковые реконструкции являются продолжением традиций великих русских и советских писателей. *«И слова у Анатолия Байбородина складываются не просто в прозу, это не просто лодка описания, плывущая по реке смыслов: здесь каждая изобразительная детализация – нравственный маяк, каждый точно найденный эпитет – стон, улыбка, надежда, слеза»*.

В журнале сверкает звёздная живопись, представленная в рассказе Сергея Пылёва «Мой Космос»! Елена Крюкова изображает это произведение как словесную живопись далёкого Времени, характеризуемого удивительным психологизмом. «Кремень» Натальи Советной – панорама наших дней. Изображение бытия в прозе настолько реалистично, подобно искусству живописи! Критик отмечает возможность отождествления способов восприятия. *«Вчитайтесь, а хочется сказать – всмотритесь»*. Сакральность и эзотерика – методы живописания человека у Сергея Собакина. Павел Лаптев написал трагический холст, полный драматического реализма и экзистенциализма.

Что касается Поэзии... Это заключительный и наиболее мощный аккорд в исследовании Елены Крюковой, в котором анализируется талант авторов по имплантации живописи в поэзию, рассматривается, каким образом поэтическая ткань начинает визуализироваться и, подобно звёздному небу, сверкать россыпью алмазов и отзываться в душе священным трепетом от переживания бесконечных тайн Вселенной и творчества человеческого духа.

Берега прочтения

Людмила Воробьёва

Людмила Воробьёва – литературный критик, член Союза писателей Беларуси, лауреат Международной премии им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (Минск).

ПОСЛЕДНИЙ ЭТОГО ВЕКА...

Народное слово в поэзии Владимира Кострова

Он ушёл от родимого крова.
Гаснет день, остывает строка...
Помяните поэта Кострова,
Поле русское, роща, река!
.....
Не кумир, не записан в святые,
Но великую тайну словес
Знал, как знают шмели золотые
Да наполненный звуками лес.

Виктор Кирюшин. Сороковой день

Сорок дней на душе вологодская стынь,
И я плачу навзрыд бесконечные сутки.
Небосвод на мгновенье, Спаситель, раздвинь,
Дай услышать в раю мне костровские шутки.
Я приветствую вас, храбрый ангельский чин,
И смотрю в облака сквозь рассветный румянец,
Знаю: там, посреди святогорских вершин,
В ваших славных рядах костромской новобранец.

Александр Орлов. Владимиру Андреевичу Кострову

Поэты большого стиля и глобальных тем, равные личности Владимира Кострова, не уходят. Они остаются, свет их не только согревает, но и бросает лучи на тот особый мир, в котором обнажённой человеческой душе слишком горячо – изнутри. Владимир Костров – поэт-шестидесятник, но не «громкой», а «тихой» лирики. Это – один их самых признанных и значительных поэтов России. Человек-легенда, стоявший у истоков нашей поэзии и, когда поэты собирали стадионы, выступавший вместе с Симоновым, Вознесенским, Евтушенко, Ахмадулиной. На нём была славная печать «шестидесятичества». Всегда при любых обстоятельствах он сохранял гуманизм и доброту. Поколение Владимира Кострова, Николая Рубцова, Алексея Прасолова, Юрия Кузнецова, Владимира Соколова, Глеба Горбовского, Станислава Куняева, Ларисы Васильевой, Новеллы Матвеевой отличало общее стремление к высшей правде. По словам критика Льва Аннинского, то «поколение создавало само себя».

Мир поэзии Владимира Кострова широк и многообразен. Целая советская эпоха – зримо и достоверно – предстаёт в его произведениях. Величие образов, классическая поступь традиции отражаются в судьбе художника и в судьбе страны. Почва костровской поэзии вобрала в себя приметы исторические, бытовые, психологические, которые отличает своя собственная интонация и нравственная оценка событий. Но традиция не есть нечто однозначное и застывшее, как явление, она развивается во времени и пространстве.

Детство его прошло в деревне Власиха, что в Костромской области. «Я родился в 1935 году, в крестьянской семье, в глухой, совершенно затерянной деревне... в болотах, мхах, реках... Первое стихотворение сочинил в четвертом классе», – вспоминал он. Благодаря прекрасной школьной библиотеке уже в юном возрасте будущий поэт хорошо знал русскую классику. Затем учился на химическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, работал инженером-изобретателем на Загорском оптико-механическом заводе. Впервые его стихотворение было опубликовано в 1957 году в журнале «Юность». С 1964 года Владимир Костров – член Союза писателей СССР. Что примечательно: вопреки правилам был принят в творческий союз по вёрстке ещё готовящейся к изданию книги. На тот момент он являлся автором нескольких перспективных изобретений, имевших немаловажную научную ценность. Причём сам же Владимир Костров вывел остроумную химико-эстетическую формулу стиха: *«Что-то физики в почёте. // Что-то лирики в загоне. // Дело не в сухом расчёте, // дело в мировом законе»*. И предпочёл науке – поэзию! Но, как известно, наука и поэзия не противоречат друг другу. Поэзия науки и наука поэзии – своего рода синтез искусств и явлений жизни. Ведь в основе всего лежит Образ – и не обязательно художественный – просто образ, метафора. Поэзия присутствует повсюду, в любом виде творчества и в любом деле. В мире всё насквозь пронизано звуком и ритмом.

Стоит сказать, что Владимир Костров – автор более 30 поэтических сборников, мастер блестящего перевода, драматург. Вот далеко не полный перечень его книг: «Первый снег» (1963), «Избранная лирика» (1964), «Кострома – Россия» (1967), «Вёсны и осени» (1968), «Утро в Останкине» (1972), «Металл и нежность» (1974), «Я вас люблю» (1974), «Московские рассветы» (1977), «Товарищества светлый час» (1977), «Солнце во дворе» (1978), «Избранное» (1980), «Открылось взору...» (1984), «Свет насущный» (1984), «Стратостат» (1987), «Стихотворения и поэмы» (1989), «Песня, женщина и река» (2001), «Если любишь. Стихи, поэмы, переводы» (2006)... Владимир Андреевич является лауреатом Государственной премии имени М. Горького и Правительства РФ в области культуры, «Большой литературной премии России», неоднократным лауреатом телевизионного конкурса «Песня года», обладателем Государственной медали им. А. С. Пушкина и золотой пушкинской медали XI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Поэт показал величие русского языка во всей его разносторонней сложности и красоте. Он был председателем Пушкинского комитета по проведению праздников поэзии. Работал заведующим отделом в журнале «Техника – молодёжи», в журнале «Смена», заместителем главного редактора в журнале «Новый мир», тираж которого тогда – период расцвета – составлял три миллиона экземпляров.

Владимир Костров – поэт Божьей милостью. Сердечный стих России этого художника слова – во истину как дар Божий. И писатель Василий Воронов, отмечая реализм его пронзительной лирики, убедительно подчеркнёт: «Божий промысел открылся на Кострове. Такое случается очень редко, может быть, раз или два в столетие. Открылась душа, переполненная земными откровениями и уязвлённая страданиями человечества. Всё подмечено, всё увидено, облюбовано и омыто слезами радости и печали. И обозначено Словом. Он оттуда, из стаи славной, от Пушкина и Некрасова... Поэт огромной духовной мощи, может быть, последний на нашем коротком веку». В нём одном – голос народа, зов самого поэта, наполненный болью, горечью и надеждой. Ему близко понятие народности – то, что русский по судьбе – это и награда, и цель, и большая ответственность художника. Быть выразителем исторического духа народа – значит быть кристально честным. Тихая лирика, проникнутая исповедальностью русской судьбы, не терпит фальши.

Поэзия тем и прекрасна, что каждый раз рождается заново, представляя современникам своеобразный документ эпохи. Неповторима колоссальная плотность костровской строки. Плотность и плоть слова – поэтическое совершенство, которое, прежде всего, отличает предельная насыщенность образов и смыслов.

Мы – последние этого века,
Мы великой надеждой больны.
Мы – подснежники. Мы из-под снега,
Сумасшедшего снега войны.

Доверяя словам и молитвам
И не требуя блага взамен,
Мы по битвам прошли, как по бритвам,
Так, что ноги в рубцах до колен.
И в конце прохрипим не проклятья –
О любви разговор поведём.
Мы последние века. Мы братья
По ладони, пробитой гвоздём.

Величественная трагичность и неизбежная надежда – творящие и борющиеся между собой силы. Нежное сквозь острое. Острое сквозь нежное. Противостояние, контрастное и двойное – философская диалектика противоположностей. Уникальное человеческое единство, каким были согреты послевоенные годы, оставило в душе поэта неизгладимый след ушедшей эпохи и вместе с ней след целого поколения.

*Так обнимемся. Путь наш недолог.
На виду у судьбы и страны.
Мы – подснежники. Мы из-под ёлок,
Мы – последняя нежность войны.*

«Как тяжело дышит русское пространство...»

О, Россия! Где зло, как и, впрочем, добро –
Безвозмездны, где основа основ –
Потрясение оных основ.
Где как данность – порыв,
И слепое сияние бездны,
Где нас встретит Господь
И обнимет, как близких сынов.

Владимир Фролов

Во все времена важным условием творчества, прежде всего, было знание жизни своего народа, по главной сути, без этого не может состояться ни один художник. «Не зря говорят: спасётся Россия – спасётся мир...» – свято верил в такое пророчество Владимир Костров. У него было исконно русское ощущение мира как Божьего творения. Естественное выражение фантазии поэта являло нам живые эпические образы народного мирозерцания:

*Две берёзы над жёлтой нивой,
Три иконы на чёрной стене.
Я родился в земле несчастливой,
В заветлужской лесной стороне.
Деревянная зыбка скрипела,
Кот зелёно сверкал со скамьи,
Белой вьюгою бабушка пела
Журавлиные песни свои.
Отгорит золотая полова,
Дни растают в полуночной мгле.
Ничего слаще хлеба ржаного
Не едал я потом на земле.*

Он и был сыном своей многострадальной земли, неразрывной частицей её «русского горького счастья». Подобная поэтическая олицетворённость сродни христианскому мирозерцанию, ищущему традиционные смыслы, насущные, как хлеб. Почему поэзия, искусство потеряли тайну? Но настоящий художник всегда и во всём находит таинственный смысл. Первые уроки нравственности маленькому Володе когда-то преподавала его бабушка, а дальше жизнь вела сама, подчас преподнося

уже более суровые уроки. Родная деревня, немудрёная философия «людей от земли», пожалуй, являлись самыми лучшими советчиками и учителями. Поэт дорожил кровной землёй, знал российскую глубинку, хранил в себе сокровенную чистоту души. Проникновенный голос тишины, обращённый к родным истокам, звучит и в стихах «Возвращение»:

*Как вступление к «Хаджи-Мурату»,
сторона моя репъём богата
(стойкий, чёрт, – попробуй, оторви!).
Да ещё грачами, да ручьями,
круглыми, протяжными речами,
как ручьи, журчащими в крови ...
<...>*

*вот она – стоит у огорода
маленькая седенькая мать.
Рядом папа крутит папиросу.*

*Век тебя согнул, как знак вопроса,
и уже не разогнуть спины.
Здравствуй, тётка, божий одуванчик,
это я – ваш белобрысый мальчик.
Слава богу, слёзы солонны.
Вашими трудами, вашим хлебом
я живу между землёй и небом.
Мамочка, ты узнаёшь меня?
Я твой сын! Я овощ с этой грядки.
Видишь – плачу, значит, всё в порядке:
если плачу, значит, это я.*

Исповедальность – сильная черта лирики Владимира Кострова. Дом, малая родина, мать – близкие, иконописно пересекающиеся в творчестве русских художников темы. Известный есеновед Юрий Прокушев писал: «...да, Россия стоит на деревне, на земле!» Образ этот приобрёл в стихах Владимира Кострова глубинный метафорический смысл, восходящий к образу самой России. Поэзия Николая Рубцова, Евдокима Русакова, их крестьянская судьба органично отзываются и в его произведениях. Не угасает свет рубцовой «Горницы»: «С каждой избою и тучею, // С громом, готовым упасть, // Чувствую самую жгучую, // Самую смертную связь». Концовка – как обжигающая молния. Сберегающая любовь и память к своим изначальным корням, к единственной деревеньке, речке детства, быть может, маленькому городку, тем самым мы сберегаем любовь к Отчизне и даже больше – ко всему живому на земле. Мощный духовный заряд несёт нам творчество Владимира Кострова. И поэзия эта не «деревенская», а просто – поэзия, которая, по мысли Вадима Кожинова, «рождается из всей целостности жизни её творца».

Иногда жизнь, смерть и бессмертие гениально вмещаются в одном стихотворении. Когда поэзия может сказать гораздо ярче и убедительнее, нежели проза. Наглядный пример – красочное, метафоричное произведение Кострова:

*Я выхожу из леса и... ни с места.
И страх и боль не бережат меня.
В черёмуховом платье, как невеста,
Стоит деревня в жарком свете дня.
Так много света, радости и воли,
Так бьётся сердца перепел рябой,
Овсяное передо мною поле
Над песенкою речки голубой.
.....
Не осуждайте бедного поэта,
Что он остановился на пути.
Жизнь прожита.
Горит Господне лето.
Осталось только поле перейти.*

Какая лирическая напряжённость и одновременно чёткая завершённая поэтической формы! Совершенное полотно привычного мира и собственного пути. Художник тем и велик, что талантливее и острее иных чувствует непостижимую закономерность конечности и бесконечности жизни. Простота и глубина, реалистичность прошлого и настоящего. «Путник на краю поля» – в этом названии повести писателя Николая Коняева, посвящённой творчеству поэта Николая Рубцова, пожалуй, и есть вся суть заключительных строк и всего стихотворения Владимира Кострова. Нет тяжести бытия – впереди вечность... Такое под силу лишь редкому мастеру пера, виртуозно сочетающему феномен философской парадоксальности и совмещающему его с чем-то непреходящим. «Осталось только

поле перейти» – эта афористично-метафоричная строка перекликается ещё с другой, принадлежащей поэту Игорю Шкляревскому: «Не умереть боюсь – боюсь не быть».

Произведения Кострова лишены какой-либо претенциозности на славу, на личную значительность. Автор чувствует, что каждый раз необходимо писать так, словно впервые взял перо и коснулся белого листа. И ты ясно понимаешь, что мера художественности есть степень народности. С некоей лёгкой самоиронией он рассказывает о своих далёких предках:

*Выходец из волости лесистой,
бражник, сочинитель, остролов,
в глубине истории российской
жил Ермил Иванович Костров.
В переводах был весьма исправен,
пил вино, работал не спеша.
О Кострове Пушкин и Державин
говорили: «Добрая душа».*

.....
*Буду жить с такой фамилией древней,
не употреблю её во зло.
Классиков высокое доверье
на мою фамилию снизошло.*

Вероятно, поэтому исключительно хороши его скромные деревенские пасторали. «*Да, можно увезти парнишку из деревни, // Но вытащить нельзя деревни из него*», – нечто древнее, посконное веет от этого прямого, простосердечного афоризма поэта. Как и художник кисти, он подбирает прозрачные акварельные краски, вкладывая в картины природы собственные мысли, тревогу, боль за утраченную и поруганную крестьянскую жизнь, что актуально и сегодня, о чём когда-то сокрушались наши писатели Можаяев, Распутин, Белов... Пейзажная лирика Кострова возрождает забытые моменты милого деревенского бытования: «*Проложи по траве чуть дымящийся след // и хрустящий сенник положи в изголовье... // Этот близкой луны ненавязчивый свет // добр и жёлт, как топлёное масло коровье*». Нашему взору открываются русские пейзажи – широта и простор вызревшей мысли тончённого мастера художественного пера:

В своём поэтическом пространстве он соединяет земное и небесное: Мать – сыру землю и Солнце веры – и в этом как художник видит собственную ценность. Небесное – Храм. Земное – погост, конец человеческого пути. Мать – сыра земля символизирует в фольклорной традиции славянскую богиню-мать. В былинах и молитвах её называют Мать сыра земля, Богородица. Словно целительное молитвенное заклинание – пронзительное прощение и прощание – звучат наполненные надеждой завершающие строки:

*Глубину земли нельзя измерить,
На свечах сердечки из огня.
Я пришёл надеяться и верить.
Родина моя, прости меня!*

Спасибо поэту за глубокую преданность родной культуре, за красоту и пронзительность его поэзии, за великую человеческую веру и любовь... «Стихи пишутся, и это удивительно. Самый большой страх для меня, когда перестанут писаться стихи, что-то оборвётся...» – искренне делился с нами сокровенным Владимир Костров. Но не обрывается нить... Народной памятью и вечностью хранимы и великая поэзия, и её гениальные творцы.

«Я СЫН – НЕБЕСНОГО НАРОДА»

Русь языческая и Русь христианская в поэзии Александра Орлова

Молитесь все, особенно враги,
Молитесь все, но истинному Богу!
Померкло солнце, не видать ни зги...
Тамбовский волк выходит на дорогу.

Ю. Кузнецов. Тамбовский волк

Эти ослепительно яркие и метафорически сильные стихи русского поэта совершенно не случайно определились в качестве эпиграфа к размышлениям о новой книге Александра Орлова «Ожившее солнце» (Воронеж, 2022). Если провести литературные параллели, то не менее впечатляет и его стихотворение «Волкодлак», аналогично поражающее своеобразным звуко-смысловым орнаментом:

*И я своим считался в стае,
Подвластен был мне молодняк,
И в молчаливом белом крае
Я долю заносил в общак.
И с вожжаком двойное соло
Мы превращали в волчий хор,
И в стае не было раскола,
Я был задирист и матёр.
И обходил силки лесничьи,
Меня убить пытались зря.
Я не скрывал любовь к добыче,
Хоть в спину били егеря.*

*В кругу волчиц во время гона
Я был, как раньше, одинок,
Но чувствовал, что обречённо
Земля уходит из-под ног.
И вылез я из бурой шкуры,
И притупил свои клыки.
Но вижу я вослед прищуря –
И сводит ночью желваки.
В письме к тебе, далёкий схимник,
Я написал, как на духу,
И жду ответ. Прошёл зазимник,
Следы оставив на снегу...*

Вот она – мощь и переключка образов, вызывающих закономерный интерес к русской культуре древности, и не только. Ведь без прошлого нет современности. Но что это за волк, уже появившийся у Александра Орлова и тоже заставляющий трепетать от дикого страха, пробуждая первородный инстинкт самосохранения? Да, вы не ошиблись, перед нами – человек-оборотень, принимающий волчий облик, сопряжённый со странным раздвоением-разделением. Почему такое же тревожное чувство вызывает и произведение «Волкодлак»? Мы не просто видим поэтический образ-аллеорию: мы слышим само дыхание древнеславянского зверя, наглядно воплощающего языческие символы. Имя этому зверю – наше трагическое время, что длится давно, с конца девятнадцатого столетия, весь трагизм которого наиболее остро ощущается теперь, в начале третьего тысячелетия. Что делать нам, потерявшимся во времени? Мы принимаем исповедь автора-героя, которая, что поразительно, говорит не о его ликующих победах, а о страшных смертных грехах. Кроме того, испытываем невероятный эмоциональный накал, проникаемся уверенностью каждого изречённого слова, определяющего качество любого поэтического творчества. Сейчас, в эпоху скоротечных массовых коммуникаций, эпоху круто изменившихся нравственных и духовных ориентиров, всё не так: пишу стихи – значит, поэт, значит, участвую, выступаю, транслирую, публикую. Принято считать, что этого вполне достаточно. Учитывая нынешний упадок мифологической традиции, Александр Владимирович Орлов как профессиональный поэт-историк доказывает обратное – новаторство в искусстве должно иметь своим фоном старину. Он является автором семи стихотворных книг и трёх книг малой прозы, лауреатом многочисленных всероссийских и международных литературных премий, обладателем почётных наград – «Золотого Витязя» (2019), «Бронзового Витязя» (2017).

Как известно, бытие ощущается в разных формах, усложнённых и упрощённых, причём в литературе оно отражается от экспериментальных до традиционных, стилистически выверенных подходах, методах подачи материала. И здесь важно отыскать свой способ передать поэтические образы миру, иметь свой особый, отличный от других голос. Литературно-художественное, духовно-нравственное, историко-культурное измерение поэзии Александра Орлова безгранично. Он искусно балансирует на

тонкой грани – между мифом, легендой и правдой истории, – обладая при этом острым публицистическим взглядом на мир. Будучи выразителем подлинного народного духа, поэт и прозаик черпает вдохновение отовсюду, испытывая тягу к самобытной и независимой жизни, к древнему русскому колориту.

Масштабность авторского мышления в новой поэтической книге проявляется выразительно и красноречиво: буквально в первом разделе «В местах небылиц» читательскому взору открывается историческая ретроспектива – поэтический космос народного бытования. Философский поиск всегда связан с внутренним преодолением: автор осмысливает национальные корни, чтобы помочь каждому из нас найти себя забытых. Его влечёт неведомый мир, который он непрерывно открывает в своей душе и в метафоричных, насыщенных красках переносит на историческую палитру, тем самым воссоздавая собственную реальность: «Я говорил в тиши с пустой дорогой, // Что есть во мне, и в ней, и в нас двоих. // Она казалась мне вдовой убогой, // Делившей всех на мёртвых и живых». В глобальной обозреваемой картине мира дорога – объёмный философско-эпический архетип направления движения и следования. Традиция благочестивых хождений зачиналась в стародавние времена. Классический канон русской литературы – пускаться герою, подобно Одиссею, в далёкие путешествия, обретая мудрость. Поэзия, как и жизнь, находится в бесконечном движении, в вечном странствии. Путь – важный пространственный образ, присущий народному духу достижения цели, когда вершится движение, развитие жизни, вершится человеческая судьба. Хотя нечто загадочное стоит искать у себя дома и не предавать забвению истоки прошлого:

*Но кто она? Истоптанная нажить?
Иссохшая от старости тропы?
Она покой готова взбудоражить,
На ней коряги, ямы, черепа...
Она ведёт куда? Кто дал ей право
В крутых извилах за собой вести?
Она щедра, немыта и лукава,
На ней исчезли воины и вожди.*

Александр Орлов опирается на прочную национально-историческую почву и ставит такую же основательную задачу – поднять родовую генетическую память, стремится, как это делали древние философы и мудрецы, «очертить настоящее во времени». Огромная панорама Вселенной – бесконечная дорога жизни простирается перед ним, уходя далеко за горизонт:

*И я по ней иду – и шаг за шагом
Растрчиваю время, а потом
За лесом, за полями, за оврагом
Исчезну на рассвете вековом.*

Лишь три вещи не исчезают на свете: любовь, искусство и память, которая вопреки Экклесиасту не проходит и противостоит уничтожающей силе времени. Русская духовность – это память русского народа, переходящая в историческую, культурную память человека как сущности. Как тут не вспомнить знаменитые строки «солнца русской поэзии» Александра Сергеевича Пушкина: «Два чувства дивно близки нам – // В них обретает сердце пищу – // Любовь к родному пепелищу, // Любовь к отеческим гробам, // Животворящая святыня! // Земля была б без них мертва». Уместно приложить к ним – этим пушкинским строкам – комментарий Дмитрия Сергеевича Лихачёва: «Подобно тому как личная память человека формирует его совесть, его совестливое отношение к его личным предкам и близким – родным и друзьям, старым друзьям, то есть наиболее верным, с которыми его связывают общие воспоминания, – так историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живёт народ».

Прежде всего, история побуждает в нас моральную ответственность за свою Родину. Александр Орлов обладает ярко выраженным нравственным взглядом на историю. В его стихах прочитывается глубокий философско-эпический подтекст, видится чёткий графический контур строки, слышится чёткая интонация:

*Мне хлестали дожди правду жизни не раз
Сквозь туманы, чей запах был горек,
Но не верил я в неба унылый показ –
Шёл на свет, как за правдой историк.
И слезливые тайны некошенных трав,
Что изрезаны вдоль редколесьем,
Мне шептали о том, что искатель был прав
И что все мы с рождения грезим.*

Исторический код русского народа – это славянские корни. Только погружаясь в седую древность, можно найти ответы и в дне сегодняшнем. Главным средоточием книги «Ожившее солнце» стала Русь: культурное поле, находящееся в ней, – исконное поле Русской земли. Что есть история? Где её истоки? Как зарождалась старозаветная Русь? И тут, пожалуй, художнику-историку, полностью проникнутому этим «языческим духом колдовским», нет равных. Настоящая поэтическая мозаика бытописных сюжетов и явлений ещё не раз и удивит читателя, и отзовётся в нём восторженным приливом эмоций! Мы словно погружаемся в царство гармонии и свободы, коему предшествовала та длинная интонация, что необходима как в творчестве, так и в предыстории начала языческой мощи той неведомой Руси:

*Я пробуждался, понимая: мир – ничей.
И солнце в чудотворном карауле
Ко мне прислало тысячу лучей...
<...>
И от стогов, неубранного жита
На небо возносился русский дух,
Освобождённый от назойливого быта.*

Какая-то чудовищная сила всплывает из глубины, и со дна памяти поднимаются образы и картины, обращённые к языческим сказаниям и древним легендам, – те стержневые архетипы, что ошеломляют своеобразием творчества, сугубо индивидуальным оригинальным стилем. Лирический герой путешествует среди двух миров, легко перемещаясь от прошлого к настоящему, словно освобождаясь от давнего заклятья. «Древности вечной священные пни», «тайна, былина, загадка» – длинная цепь ассоциаций – путеводная нить воображения. Стихотворение призвано быть проводником, и оно у Александра Орлова является таковым. «Полудница» – «грудастая ржица», «Житник» – «рогатый полевик», «Жихарь» – «потусторонник», «Хозяин вод» – «повелитель рыб и водяниц», «Хранитель чащоб» – «мрачный лесовик» – это ещё с незапамятных времён персонажи мистические, крепко цепляющие наш взгляд, не исключено, некоторые из них являются вестниками несчастья, коим в той или иной степени присуща непреклонная мысль о жертве. Автор, вне сомнения, привлекает наше внимание своим литературно-мифологическим уровнем мышления, вызывает неодолимое желание преодолеть внутренний страх:

*Вы мне годы не срежете,
Убирайтесь скорей,
Вы, кудлатые нежити,
Духи мрачных полей!
.....
Ваши вежды навывкате
Пожирают меня.
Перестаньте, не кликайте
У свечного огня.*

Получается странная и весьма соблазнительная картина, некий жуткий гоголевский эффект стекается тяжестью нехорошего предчувствия. Тёмная радость исходит из низших миров земли, ты ощущаешь своё собственное метафизическое присутствие внутри этого колдовского пейзажа. Неповторимое и уникальное величие каждого топоса – тайна места. Духовные сущности, какими считаются

духи, боги, демоны, ангелы и другие аналогичные им персонажи, – существа земные, практически бессмертные. В стихах даётся многоликий срез глубинно-сущностных пластов национального мира. Миф и гротеск, система контрастов, гоголевская фантазмагория в русской средневековой мистике Орлова, искусно преобразовавшего художественные открытия признанного классика русской и мировой литературы, приобретают совершенно новое звучание. Синтез фантастического, эпического, сказового, реального, романтического создаёт в книге тот художественный магнетизм текстов, без чего любая поэзия утомительна и уныла. Что примечательно: художник выбирает одно наиболее яркое и чёткое изображение, с помощью которого выстраивает всё стихотворение, – свой эйдос, первообраз. Его страстно влекут и захватывают мистические иллюзии. Но именно они скрашивают нашу жизнь, и тогда, быть может: *«Ночь рассветом разгадана, // Солнце – мой золотник. // Веет запахом ладана // Алой осени лик».*

Александр Орлов уверен, что настоящая эпоха является колоссальной возможностью слияния Средневековья и Нового времени. В Средневековье не было будущего, праистория человечества явственно напоминала глубокую вечность. Плавно текло земное, невесомо струящееся время, медленно разворачивался свиток, на котором проступали очертания ползущих столетий, вбирающих в себя это царство времени, как в стихах «Тьма»:

*Неба погасшего полуоттенки
Ночь измельчила до полутонов.
Я был прижаться к тебе не готов,
Ты опустилась ко мне на коленки.
Время текло безвозвратно и снуло,
Ты, как и прежде, горька, холодна,
Тяжкой печалью меня обтянула...
В мрачной глуши тарабанил желна...*

Враждебность этой ночи, как тать, что сродни чёрной птице желне, конкретно отвечает сухому тревожному и графическому рисунку художника, характерному плоской иконописи Средневековья. Здесь всё символично: зажжённые «пасхальные свечи» и тьма на «выжженном пне». Возникает невольная параллель с точными, выверенными образами Алексея Прасолова: *«Одарив // Пронзительным простором, // Ночь встаёт, // Глазаста и нага. / И не спит живое – // То, в котором // Звери чуют брата и врага»* (1967).

Пытаясь прикоснуться к великой Книге бытия, Александру Орлову удаётся запечатлеть момент Руси изначальной и уходящей, – её тернистый путь от язычества к христианским святыням: от пантеона славянских богов до крушения кумиров. Путь к единению Руси был труден, мучителен был и переход в подлинной вере, не отпускали идолы и жрецы, карая за отречение. Однако необъяснимых вещей на свете нет, иначе зачем писать книги. Типологические пересечения строк, пересечения эпох и судеб – две Руси встречаются у поэта в одном сакральном месте, пронизанном бессмертием:

*Дожди смывают слезы,
Шумят наперебой,
И слушаем рассказы
Под утро мы с тобой.
.....
Объяты бездорожьем
В заснеженной грязи
На капище Сварожьем
Две веры, две Руси.*

Крепкие словесные мазки подчёркивают быстротечность ускользающей реальности. И на великом творческом древе дрожат, но держатся в этот осенний «листобой» последние живые листья, олицетворяя собой вечное таинство жизни, раскрывающееся нам в волшебных причудах словесности. Необычный образ Руси – торжество её природы, путей и дорог, богатство фольклорно-мифологических явлений и персонажей – то, что всегда останется стариной древней народной мудрости и памяти, мироощущения и самопознания, – бесценные сокровища русской культуры

заключает в себе книга «Ожившее солнце». Сквозь исторические эпохи доносится эхо древних традиций, замедленное эхо во времени и пространстве. Слишком давние события – мифологические времена, – неспешно, тягостно, будто песочные часы, перетекающие из прошлого в настоящее и в будущее. У автора проявляется очевидный метафизический феномен к постижению национальных проблем и особенностей русского народа. Не случайно к нему приходит осознание себя как части целого, православного мира:

*Святой мужик, пасущий вечно скот,
Скажи мне, что в тебе судьбой сокрыто?
Вокруг тебя всегда животных свита,
И каждый двор тебя в деревне ждёт.
<...>
И кажется, что жизнь моя – на две
Разделена, и не стихают встряски.*

*Подай мне наставления, подсказки:
Мне верится, что мы с тобой в родстве.
Взор пастуха зажжётся – и потух,
И мне раскрылась вереница связей.
Ушли по звёздам стадо и пастух.
Как звали его – Велес или Власий?*

Двоичность мира, философская двойственность души – две неразделённые Руси, преодолевая сменяющиеся века и эпохи, идут рядом. Донное чувство, глубинное чувство родства – главная сближающая сила жизни и поэзии. Христианство открыло канал для творческой энергии древнерусских людей, тогда как в Средневековье путь был замкнут. Корневая русская традиция прежде всего связана с природой. В поэзии Александра Орлова ничего не происходит без природы, которая несёт нам органическое сочетание былого и современности. К примеру, в стихах «Травница» мы проникаемся секретами средневекового целительства, где ведущая роль всегда принадлежала лекарю и его врачующей силе:

*С лесов, полей, болот, долин и роц,
Которым виден в небе беспилотник,
Ей собирает криворотый скотник
Бадан, бессмертник, медуницу, хвоиц.*

.....
*Ей отдыхать давно уж недосуг,
И травным сбором выдыхает чарка.
И приговор, и порчу, и присух
Изводит из просителя знахарка.*

В течение всей своей земной жизни травница бескорыстно помогала людям, но близится час окончательного ответа. Хотя Господь милостив и даёт время, и пока ещё срок не пробил, в краткие минуты отдохновения спешит она прошептать сокровенное молитвенное слово: «*И плачет в одиночестве навзрыд, // И кается впотьмах под образами. // И верит, что Христос её простит // И примет с искуплёнными грехами.*»

Как видим, не отпускает человека архаичная Русь, генетически впитавшая память народа, и в то же время зовёт новая – та, что полнится верой, молитвой, покаянием. Автор придаёт своим пейзажам черты безусловной естественности. Они зримы, графичны, они будто пришли из той забытой жизни, из вечных снов нашей земли:

*Прощальный снег во время зимобора
Уходит осмотрительно и скоро
И забывает мне сказать о том,
Что прошлое в сознание ледяном.
Нагонит в полнолуние злобных стуж,
И я увижу сотни русских душ,
И каждая покажется близка...*

Было в этом пейзаже что-то сказочно-древнее, стихийное, как ветер и солнце. Зима для поэта, вне всякого сомнения, – самое любимое время года. Действительно, зимних стихов в книге столько, что художник словно нанизывает их на холодный стержень. Невероятно много снега, стужи, льда, воды, вьюг, метелей, холодных дождей... Трудно переоценить сакральное зна-

чение водного пространства у восточных славян. «В дождях и вьюгах – всепрощенья знаки // Им посылает Тот, Кто был распят», – лаконично напишет поэт в произведении «Параклит», воистину утешающим страждущих и заблудших. «В очертаниях зимней строфы» появляются покрытые чем-то доселе неведомым стихи: «Последний Зимогор», «Разнозимье», «Перволёдые», «Сугробы в полночь...». Зима приносит человеку скованность чувств и мыслей, застывает всё вокруг, и природа погружается в спячку. Пожалуй, на тему зимы можно было бы составить словарь неординарных эпитетов, выражений, сравнений и цитат, так блестяще используемых в поэзии Александра Орлова. Однако подобное занятие требует весьма немалой скрупулёзной филологической работы. А по сему ограничимся лишь некоторыми литературными образцами, которые характеризуют эту окутанную тайной природную стихию: «снежная кабала», «льди-стая челобитная», «снеговина», «вселенские снега», «снежные катера», «сезон глухозимий», «день водяных коляд», «волком воют ветра», «ледяной серп», «хладнолицая зима». Безмолвно и торжественно берёт нас в свои тиски мистически-загадочная зима, немилосердный холод «пробирается к сердцу», очень похожий на холод Космоса. Кажется, что зимним строкам Александра Орлова отзывается и поэтический «ледяной дождь» нашего современника Николая Перяслова, поразительно точно передавшего состояние природы, настоящего момента и человека во времени: «Стынет сердце ледышкой в груди. // Новый век, как метель, сатанеет. // Мрак и холод лежат впереди, // И душа от тоски леденеет». Вот и в книге Александра Орлова даже любовь – это дыхание зимы и дыхание острой боли. Вполне понятны и близки авторские ассоциативные движения души, вызванные взаимопроникновением эпох, историческим опытом народа, духовной традицией, очарованием далёкой старины, первозданной красотой природы, сочетанием её магических красок. Русский человек испокон веков жаждал сильных ощущений. Три основных круга, три цикла природы, замыкающие ход бытия, поочерёдно сменяя друг друга, создают в представлении художника слова образную широту художественного изображения мира: зима – сказочно-былинная песнь Руси; весна – «белая прачка», возрождающая ослепительную новизну жизни, осень – внутреннее умирание и начало прозрения. За каждой метафоричной строкой чувствуется огромная земная мощь, связывающая автора с природой Руси и явственно обозначающая в его творчестве народность мирозерцания, истоки отчей памяти, единство всего живого на земле.

Более того, поэтическое живописное слово – это постоянное приближение к некоему идеальному, святящемуся миру, – той реальности, какую мы ищем во снах, озарениях, духовных практиках, мистических состояниях. Быть может, это источник идей, о которых писал Платон и которые существуют в ином, изначально тонком измерении, впоследствии превращаясь в плотную, нам всем знакомую, но исчезающую реальность. Между тем смысл творчества выражается в работе автора над созиданием себя самого, в стремлении к исконной серьёзности, к тому так до конца и непознанному феномену, убедительно свидетельствующему о том, что память превышает время. Через духовный поиск мы вместе с лирическим героем обретаем единство человека и земли, обретаем понимание главных истин бытия. Напряжена поэтическая строка, подчас по-мужски сурова, заключая в себе высоту духа и чекан мысли. Без пафоса и надрыва звучит драматическая исповедь, но есть в книге Александра Орлова и отповедь, и непреклонность суждений. Он и его условный герой живут в двух пространствах, странствуя по этому дивному краю, – это во многом странствия вслед за легендарными русскими богатырями-победителями.

Что интересно: человек со своим выбором пути каждый раз создаёт свою собственную историю и свою собственную вселенную, потому что им управляет мечта, миф, фантазия. Извечная русская проблема выбора путей, которая волнует поэта, заставляет нас почувствовать ритм истории, уловить момент настоящего. Теперь мы знаем: человеческая история имеет начало и устремляется к своему концу. Повествуя о временах отдалённых, история не боится заглянуть и в наше с вами завтра. В Средневековье люди недаром ценили непрерывность. Ведь история – лишь путь, по которому идёт человек. На этом пути можно умножать добро или сеять зло, и это зависит от выбора каждого. «Выбор жизни – не самообман!» – афористично подтверждает Александр Орлов. Вот так же вдруг неожиданно-негаданно приходит к нам извне волевое решение. И по его же мысли: «Всё происходит в жизни неспроста...» Творческой личности сложно избежать проблемы экзистенциального одиночества. «Литература есть дело одинокое», – справедливо считал Юрий Трифонов.

У каждого своё везение, своя звезда: Рубцов воспел немеркнущую «звезду полей», Шукшин – алтайскую звезду, верно подметит Орлов. Если в его стихах и сквозит некая покинутость, затерянность во времени, то это прежде всего – прозрение личного вселенского сиротства, – но не претензия на оно. Он пытается отыскать свою звезду и ведёт свой бесконечный, непрерывный разговор с небом:

*Меня спасал в дорогах только Бог:
Я дом забыл, приметы и поверья.
Чего я жду? От неба звёздных крох.
И годы провожу в земном задверье.*

Путь постижения бытия – реального и метафизического, земного и небесного, исторического и сакрального – сотворяется у нас на глазах: «Во всём исчезнет суета, // Когда, в искании приюта, // Ты познаёшь в себе Христа... // И заполняется пустыня // Разливами великих рек, // И видишь ты: идёт по полю // Рождённый горем человек...» И кажется, что само провидение приходит ему на помощь. Пути Господни неисповедимы, и путь человека начинается на земле, по которой когда-то бродили пророки. Александр Орлов словно поворачивает «магический кристалл» времени, «вникая в таинства историй», он слушает правдивые речи Фёдора Власиничника, внутренне освобождаясь от былых сомнений и страхов. Тут весьма поучительно и стихотворение «Ловцы», где поэт индифферентно излагает библейский сюжет про братьев Андрея и Петра, которые занимались своим обычным ремеслом – ловили рыбу – и которых Господь однажды призвал стать «ловцами человеков» (Ин., 1:41–42). Причём эта история из Евангелия, истолкованная им в таком оригинальном повествовательном ключе, вполне закономерно приобретает основательные жизненно-философские обобщения.

Как неопровержимое заключение, возможно, сделанное в рамках допущенной смелости, звучит его категорический императив, образно обращённый к родовой памяти, к родовым корням, хранящим «сень родовых крестов», и при этом повелевающий: «Слышу, зовёшь – зачем? // Мне не найти слов, // Будто бы глух и нем. // В душу ко мне не лезь, // Что тебе до меня? / Молвь, почему я здесь?» Да, автор подземно связан с Россией и явственно слышит зов прошлого: «Это в золе костра – // Сень родовых крестов». Но где оно, его столь безмятежное счастье, которое даже во снах о прекрасной Руси не может длиться вечно? «Нас поджидает час расплаты», – таков вывод и таково гражданское чувство личной ответственности и личной вины, переживаемое Александром Орловым. Что происходит с народом? Бесконечные войны, душевная усталость, страшное безверие, неоправданные надежды... Откуда и от кого ждать помощи? Одухотворённое слово, мощное, даёт нам поэт, промыслительно видя впереди узкую и трудную, но самую главную дорогу – дорогу к Богу. И пусть:

*Наш век сырыми войнами рождён.
Контуженный, в потёртом камуфляже,
Он выстоял в эпоху распродажи,
Он выжить, как и прошлый, обречён.
Его понять вы не пытайтесь даже.*

Символично, что книга «Ожившее солнце» начинается с дороги и дорогой завершается, значит – будет продолжение... Солнце – врата в грядущее. Начертать новое и небывалое, оживить традицию – эти столь сложные задачи, надо сказать, автором удачно разрешены. Фридрих Шлегель в разговоре о поэтическом творчестве писал в своих «Идеях» о том, что в основе поэзии он видит бесконечное, а «универсальное нельзя ни объяснить, ни постичь, но лишь открыть и созерцать». А ещё, в чём убеждён Александр Орлов, верить небесной силе огня, от которого подобно древней взлетевшей ввысь птице Феникс неоднократно возрождалась и Русь, обречённая выстоять. Ибо иного пути просто нет:

*В объятых многоликих свеч,
Мир предстаёт – широкоплеч...
И слышно, как над всеми нами
Царит Желаящий сберечь.*

Мировое поэтическое движение

Фернандо Рендон

Генеральный координатор Мирового Поэтического Движения

СПЛОЧЁННОСТЬ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ ЗА МИР И СОХРАНЕНИЕ ЖИЗНИ НА ПЛАНЕТЕ

После неудачной попытки Парижской коммуны Россия основала первое государство, которое в течение семи десятилетий строило социалистическую систему, руководимую рабочими и крестьянами, электрифицировало, индустриализировало и грамотизировало страну, защищало рабочих, женщин и детей, развернуло обширные системы образования и здравоохранения без каких-либо затрат для народа. Оно разгромило гитлеровские армии и вывело в космос первого в истории человечества космонавта.

Спустя 34 года после начала социалистического отступления, приведшего к энергичным изменениям в российском обществе и его связях с миром и Латинской Америкой, Россия продолжает удерживать одну из сильнейших экономик мира. Её отношения с Латинской Америкой, начавшиеся почти два столетия назад, укрепились в последние три десятилетия, особенно в энергетическом, сельскохозяйственном, научно-технологическом и оборонном секторах.

Это сотрудничество выгодно обеим сторонам с точки зрения технологического прогресса и научного развития. Тем не менее показатели взаимного культурного сотрудничества могут быть улучшены. Говорят, что продуктивное международное сотрудничество требует от людей лучшего знакомства друг с другом. Именно здесь важнейшей является миссия культуры через растущий обмен писателями, художниками, академиками и учёными.

Такие имена, как Габриэль Гарсиа Маркес, Пабло Неруда, Хуан Рульфо, Хорхе Амаду, Сесар Вальехо, Габриэла Мистраль, Эйтор Вильялобос, Диего Ривера, Елена Понятовская, Николас Гильен и другие, так же дороги русскому народу, как имена Александра Пушкина, Льва Толстого, Фёдора Достоевского, Сергея Эйзенштейна, Владимира Маяковского, Дмитрия Шостаковича, Андрея Тарковского любимы в Латинской Америке. Михаил Шолохов, Анна Павлова и Валентина Терешкова. Они были гуманистическими мостами между нашими народами.

В этот период Латинская Америка диверсифицировала свои международные отношения, выйдя за рамки своих традиционных торговых партнёров – Соединённых Штатов и Европейского союза. Между тем значение Соединённых Штатов уменьшилось в результате сокращения их коммерческого и инвестиционного участия на рынках Латинской Америки.

Установление новых связей с Китаем и Россией расширяет возможности региона и укрепляет его позиции на мировой геополитической арене. Латинская Америка и Россия разделяют общие интересы в отношении многополярности, укрепления международного права, защиты национального суверенитета и противодействия любому военному вмешательству США в поисках большей автономии и влияния для справедливого разрешения нынешнего кризиса человеческого общества.

Растущее сотрудничество между Россией и Латинской Америкой, поддерживаемое Унасуром и Альбой, способствует миру и стабильности на континенте. Оба партнёра способны содействовать мирному урегулированию конфликтов и поддерживать культуру мира. Российские и латиноамериканские парламентарии могут законодательно укреплять новые связи во всех областях, особенно в сфере искусства и образования, где происходит самый конструктивный, глубокий и искренний человеческий диалог. Размышляя о материальной и культурной полезности, необходимо вкладывать цифры в трансформацию сознания о существовании.

После более чем 40 веков пожаров в мире пожары продолжают, а политическая напряжённость по-прежнему широко распространена. Однако со второй половины XX века наблюдается широкая тенденция к уменьшению количества войн. Этой тенденции способствуют активизация дипломатиче-

ских усилий, укрепление международных институтов, способствующих миру, достижения в области технологий и коммуникаций, а также изменения в общественном восприятии и ценностях.

В XX веке Латинская Америка была регионом с наименьшим количеством военных конфликтов на планете, несмотря на острую классовую борьбу. Не участвуя в двух великих войнах, она избежала невосполнимых человеческих и экономических потерь.

Тем не менее во всём мире по-прежнему существуют серьёзные проблемы на пути достижения прочного мира. В различных регионах продолжаются вооружённые конфликты. И в будущем могут возникнуть новые проявления политической напряжённости по разным интересам. Крайне важно продолжать продвигать во всех сферах решительный диалог для прекращения войны на Украине, мирного урегулирования всех конфликтов и ядерного разоружения, чтобы закрепить тенденцию к культуре глобального мира.

Гегемония Запада расширяется через его экономическое, политическое, военное и культурное господство, которое контролирует значительный сектор международной торговли, продвигает негативные культурные стандарты, культуру насилия и смерти, через индустрию развлечений и порождает унианимистский нарратив информации через монополию могущественных СМИ.

Западный гегемонизм грозит эскалацией новых локальных военных столкновений с участием армий других стран при поддержке НАТО, продажей вооружений и захватом сырья и природных ресурсов, которых требуют их аппетиты.

Империализм и неоколониализм душат индивидуальные и коллективные свободы народов и углубляют грабёж и нищету сотен миллионов людей, увеличивая уровень неграмотности, нездоровья и отсутствия социальной защищённости, отравляя воздух, уничтожая всё больше водных источников и видов фауны и флоры, уничтожая примитивные языки и культуры и направляясь к концу пути, чтобы разрушить культуры и жизнь на планете.

Наступление на мир во всём мире, подразумевающее поддержку борьбы народов за их политическое, экономическое, социальное и культурное освобождение, является центральной целью для достижения преобразования истории. Настойчивая деятельность искусства и культуры на планете – это обнадеживающий путь к миру, поскольку она использует универсальный язык как инструмент перемен и глубокого единства в поисках нового человеческого общества.

Однако культура не является статичным элементом, который инициирует пассивный обмен знаниями без горизонтов. Культура – это динамичный и мощный инструмент, преодолевающий языковые и национальные барьеры, позволяющий понять подлинное измерение творчества и борьбы народов. Через поэзию, музыку, танец, пластические искусства, кино и театр мы развиваем общий интеллект, эмоциональность и чувственность, оживляя мирное сосуществование и высший идеал человеческого общества.

Непрекращающееся поэтическое и художественное действие в нашей действительности имеет решающее значение для человечества. Потому что это дает ему энергию, чтобы преодолеть момент крайней усталости от истории. Проявления разнообразия и безграничное культурное сопротивление являются достоянием мира.

Благодаря таким практикам, как всемирные фестивали, международные встречи и форумы – очные и виртуальные – искусства и прогрессивного мышления, кино и аудиовизуальных технологий, концерты, стрит-арт, выставки и академические мероприятия, оживляются пространства для творчества и диалога, которые становятся обновлённой мечтой человечества.

Общины часто участвуют в мобилизационных акциях, чтобы сделать свои требования видимыми и переоценить свои культурные традиции. С помощью активных протестов, акций в общественных местах или социальных сетях, а также массовых художественных мероприятий ассоциации художников и общественные культурные активисты способствуют социальным изменениям в своих странах, мобилизуя молодёжь на борьбу за мир и жизнь.

Мировое культурное движение имеет фундаментальную миссию в повышении осведомлённости народов и в деколонизации образования. Художники и активисты используют свои платформы, чтобы продвигать создание освободительных произведений и мыслей, повышать осведомлённость о негативном влиянии войны на человеческую жизнь и о том, как внести свой вклад в обращение вспять вымирания видов, уничтожения биоразнообразия и хищнического потребительства. Свежий воздух восстановительной культуры может изменить мир!

основанным на отношениях справедливости и солидарности по отношению к планете, потерпел кораблекрушение. Как предсказывал автор *«Туманности Андромеды»* Иван Ефремов, мы сможем вступить в диалог с другой цивилизацией космоса только тогда, когда мечта о единстве человечества будет реализована.

Жизненно важно, чтобы прогрессивные нации и силы рассмотрели вопрос о созыве и организации всемирной конференции, чтобы сформулировать силы культуры, придать им существенные принципы и органичность, преодолеть стихийность. Сумма их организованных и взвешенных действий может оказать сильное политическое влияние на мир в краткосрочной перспективе.

Всемирное поэтическое движение развернуло кампанию *«Свободная Африка»* в 42 странах в знак солидарности с народами, борющимися за своё освобождение от французского колониализма. Чтение стихов состоялось перед французскими военными казармами в Ниамее, столице Нигера, месте, которое за несколько дней до этого было окружено миллионом человек. Это пример того, чего могут достичь поэты и художники, объединившись, чтобы развернуть действия по защите свобод.

Именно через искусство и поэзию человечество может лучше понять и преобразовать свою природу и окружающий мир. Перед искусством, мыслью и наукой стоит трудная задача на пути союзов и совместных действий, чтобы взрастить нынешнее поколение, которому суждено реинтегрировать Землю в её биофизические границы, способствуя изменению неустойчивой и несправедливой социальной системы, построить новую жизнь в по существу процветающем и гармоничном мире для всех живых существ.

Социальный порядок нашего времени, которому суждено смениться новым обществом,

Мировое поэтическое движение

Вадим Терёхин

РОССИЯ – ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Диалог литератур!

В России прошла Первая Международная парламентская конференция «Россия – Латинская Америка», в рамках которой в Союзе писателей России (Комсомольский проспект, 13) состоялась творческая встреча с поэтом, лауреатом Премии «За достойный образ жизни», широко известной как альтернативная Нобелевская Премия, основателем самого крупного в Латинской Америке международного поэтического фестиваля в Медельине (Колумбия), генеральным координатором мирового поэтического движения WPM (World Poetry Movement) Фернандо Рендоном и Рубеном Дарио Флорез Арсила (исп. Rubén Darío Florez Arcila) – министром-советником Посольства Республики Колумбия в Российской Федерации, выпускником Университета дружбы народов им. П. Лумумбы (1973), профессором, доцентом Национального университета Боготы, президентом Института культуры им. Льва Толстого, переводчиком произведений русских поэтов А. С. Пушкина, Б. Л. Пастернака, Арсения Тарковского.

Во время её Фернандо Рендону председателем Правления Союза писателей России Николаем Ивановым была вручена медаль имени А. С. Пушкина, а также директором Международного славянского фестиваля «Золотой Витязь» Александром Орловым одноимённая статуэтка за осуществление издательского проекта между Россией и Колумбией. Были представлены поэтические антологии «Зов Вселенной Слова» (переводы современных российских поэтов, изданных в Колумбии) и «Далёкие песни» (переводы современных колумбийских поэтов, изданных в России)! Рубену Флорезу вручены антологии «Поэмы».

Писатели обсудили сложности, стоящие перед современными переводчиками, и возможности дальнейшего сотрудничества между нашими странами. Почитали стихи на русском и испанском языках, отметили, что настоящая литература объединяет все страны, нации и народности в единую семью и является надёжным способом для установления диалога!

Наши друзья

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»
Журнал «Сибирь», Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздня, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргмак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной
Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении журнала

Поддержка и приобретение журнала «Берега»
осуществляется перечислением на карту Сбербанка по номеру телефона 89118630467.